

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Шикуло Максим Игоревич

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в.**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Научный руководитель –
кандидат исторических наук, доцент
Пименова Людмила Александровна

Москва 2016

Н. де Ламерсен. Королевская аудиенция иностранным нациям, альманах 1669 года

Оглавление

Введение.....	4
Характеристика источников.....	15
Обзор историографии.....	35
Глава 1. «Внутренний» дипломатический церемониал.....	53
1.1. Центральный дипломатический аппарат.....	54
1.2. Организация церемониала.....	59
1.2.1. Обер-церемониймейстер и посольский интродуктор.....	60
1.2.2. Иностранные послы и посланники во Франции.....	67
1.3. Дипломатические церемонии.....	71
1.3.1. Прибытие иностранных послов во Францию. Торжественный въезд в Париж.....	72
1.3.2. Церемония публичной аудиенции послам.....	85
1.3.3. Исключительные приемы.....	92
Глава 2. Церемониал французской дипломатии за рубежом.....	110
2.1. Назначение послов.....	111
2.2. Послы – представители короля за границей: репрезентация королевской власти.....	132
2.2.1. Посольский въезд и аудиенции послам.....	132
2.2.2. Организация жизни послов при иностранных дворах.....	144
2.3. Дом посла неприкосновенен: право экстерриториальности и вольность посольского квартала.....	151
Глава 3. Символический язык дипломатии.....	167
3.1. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов: вопросы титулов и старшинства.....	172
3.2. Иностранные дипломаты в системе французского двора: споры о статусе посла и посольского интродуктора.....	187
3.3. Дворцовое пространство как часть церемониального языка.....	201
Заключение.....	217
Приложения.....	225
Библиография.....	263

Введение

... Нет такой профессии,
где было бы так мало твердых правил
и так много основанного на традиции...

*Ж. Камбон «Дипломат»*¹

Вторая половина XVII – начало XVIII в. во Франции – время одного из наиболее долгих правлений в мировой истории и одного из самых известных королей – Людовика XIV. О его личности и политике, войнах и дипломатии, министрах и фаворитках написано множество книг. Широкая публика знакома с эпохой Людовика XIV во многом благодаря блестящим сочинениям А. Дюма-отца, а также художественным фильмам, в которых жизнь, полная интриг и соблазнов, наводнённая отчаянными авантюристами и захватывающими приключениями, овеяна ореолом таинственности и загадочности, а всё происходящее в этом сумбуре, втиснутом в рамки придворного этикета, кажется вечным торжеством, царством праздности и изобилия. В сознании многих имя Короля-Солнца, исполненного страстью славы, прочно ассоциируется с грандиозным дворцом, выстроенным на удивление всей Европе в Версале, куда он перевез свой двор, превратив его жизнь в непрерывное театральное представление.

Актуальность и научная значимость темы. Историки, занимающиеся изучением правления Людовика XIV, долгое время скептически относились к придворному образу жизни и пышным церемониям, находя их совершенно бесполезной и к тому же крайне затратной роскошью. В связи с этим исследованию церемониала и королевского двора в целом не уделялось должного внимания. Тема дипломатического церемониала также рассматривалась лишь как дополнение к истории дипломатии раннего Нового времени. Ученые делали акцент на фактологическом материале, сосредотачиваясь главным образом на анализе процесса переговоров, различных международных актов (мирных договоров и т.п.), считая церемонии не более, чем формой, вычурным обрамлением «реальной» дипломатии, лишенным самостоятельного смысла. Такое отношение сохранялось практически до последних десятилетий XX в., когда с развитием новых подходов и направлений в историографии (история ментальностей, история репрезентации, культурная

¹ Камбон Ж. Дипломат. М., 1946. С. 11.

история) была признана самоценность проблемы церемониала как особого языка придворного общества Средневековья и раннего Нового времени.

В придворном обществе, каждодневная жизнь которого представляет «спектакль», состоящий из церемоний, начиная от церемонии утреннего выхода короля (*lever*) и заканчивая церемонией королевского отхода ко сну (*coucher*), образ поведения является механизмом, служащим поддержанию социального статуса и политического порядка. Именно поэтому, как пишет Р. Гизи, рассуждая о символической роли придворного церемониала, самые, казалось бы, мелкие детали этикета, соблюдаемые в присутствии короля, становятся частью системы контроля за элитой². В этом отношении представляется не менее значимой роль дипломатического церемониала.

Что такое дипломатический церемониал?

В самом широком смысле под церемониалом понимают «строгое соблюдение определенных формальностей»³. В более узком – «лишь порядок совершения церемоний, установленных для того или другого торжественного случая, например, церемонии коронования, погребения, венчания царственных особ и т.п.»⁴. Особенность периода раннего Нового времени заключается в крайней сложности вычленения собственно церемониала из всей придворной жизни. Церемониал фактически становится образом жизни двора. «Вслед за королем, ставшим публичной персоной, становится публичным внутреннее пространство его дома: дворцовые порядки смешиваются с устройством всего королевства, поскольку именно присутствие короля определяет наличие церемониала <...> Все, что касается короля, это церемониал. И для всего этого нужны правила – от предписаний, как сервировать стол, до распоряжений как вести себя в королевских покоях»⁵.

Специфика *дипломатического* церемониала состоит в том, что он, будучи органической составляющей придворного церемониала, в то же время играет роль связующего звена в отношениях французского двора с другими дворами Европы и даже более далеких восточных стран. Понятие «дипломатический церемониал», подразумевающее отношения между различными странами, охватывает, как минимум, два аспекта. Во-первых, дипломатический церемониал регулирует систему иерархических связей, касающихся вопросов старшинства, статусов правителей

² Giesey R.E. *Cérémonial et puissance souveraine: France, XVe – XVIIe siècles*. Paris, 1987. P. 77.

³ Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. М., 1976. С. 17.

⁴ Штернберг Л. Церемониал // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. 75. СПб., 1903. С. 53.

⁵ Козандей Ф. Церемониальная политика во Франции XVI – XVII вв. // Французский ежегодник. 2014. Т.1. С. 247.

государств и рангов дипломатов. Во-вторых, он означает порядок проведения церемоний, связанных с приемом иностранных послов. В настоящей работе *под дипломатическим церемониалом понимается совокупность норм дипломатического этикета, а также их исполнение во время каких бы то ни было дипломатических контактов, будь то официальные церемонии или частные / служебные встречи.*⁶

Определенную трудность представляет то, что в XVII – XVIII вв. отсутствовали какие-либо официальные писанные кодексы правил, т.е. то, что сейчас называется дипломатическим протоколом⁷. Поэтому для решения регулярно возникавших споров по поводу старшинства и причитающихся почестей спорящие стороны апеллировали к традиции. Как отмечает составитель одного из сборников «церемониалов» XVIII в. Руссе-де-Мисси, «церемониал берет пример из прошлого»⁸. Очевидно, что представления сторон о нормах церемониала не могли быть объективными, поскольку каждый участник спора стремился подобрать такие аргументы, которые были выгодны именно ему.

Объект и предмет исследования. *Объектом* исследования является дипломатический церемониал Франции второй половины XVII – начала XVIII в., выступающий в роли символического языка репрезентации королевской власти. *Предмет* исследования – репрезентация власти в монархии Людовика XIV, осуществляемая посредством официальных дипломатических церемоний, а также прочих дипломатических контактов, требовавших соблюдения церемониала.

По определению исследователя М.А. Сидоренко, репрезентация королевской власти – это публичный имидж монархии, коллективное представление о ней⁹. Власть заинтересована в том, чтобы в общественном сознании сложился такой образ, который подчеркивал бы ее верховный характер, и поэтому она принимает активное участие в формировании и промотировании этого образа. Инструментами репрезентации могут выступать публичные церемонии, торжества, театральные представления, художественные изображения и т.д. Особенность дипломатической

⁶ Граница между понятиями *дипломатический церемониал* и *дипломатический этикет* крайне тонка. Определение этикета более узкое. «Дипломатический этикет – совокупность общепринятых в международной практике правил почтительности и уважения, соблюдаемых в дипломатических, служебных и межличностных отношениях» (см.: Квасов О.Е. Протокол и этикет: дипломатический, деловой, общегражданский. Учебное пособие. М., 2011. С. 8.) Определение церемониала помимо совокупности таких правил (норм этикета) подразумевает еще и их исполнение в соответствии с распорядком, установленным для какой-либо церемонии или прочих дипломатических контактов.

⁷ Порядок старшинства послов окончательно был установлен только Венским регламентом (приложение № 17 к генеральному акту Венского конгресса), подписанным 19 марта 1815 г.

⁸ Dumont J., Rousset de Missy J. Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam – La Haye, 1739. Т. 4. Р. I.

⁹ Сидоренко М.А. Эволюция форм репрезентации королевской власти во Франции (на материале придворного балета Людовика XIV): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 3.

репрезентации состоит в том, что она нацелена на создание и укрепление образа королевской власти не только внутри страны, но в первую очередь за рубежом. Это значительно расширяет границы «зоны распространения» репрезентации. В условиях постепенного складывания национальных государств в Европе во второй половине XVII – начале XVIII в. репрезентация становится важным элементом политической деятельности, посредством которого выстраиваются отношения между суверенными участниками международных отношений. Употребление дипломатического церемониала в качестве средства репрезентации королевской власти в период от Вестфальского (1648 г.) до Утрехтского (1713 г.) мира, который во Франции хронологически соотносится с царствованием Людовика XIV (1643 – 1715 гг.), обусловлено сочетанием субъективных и объективных факторов. Людовик XIV, подчинивший жизнь своего двора строгому порядку, рассматривал этикет и церемониал как мощный рычаг управления. Богатый потенциал дипломатического церемониала также был увиден королем и использован для решения задач французской дипломатии. Можно говорить о том, что в конкретных исторических условиях, когда королевская власть во Франции была центром, вокруг которого происходила консолидация французской нации, а король (как в глазах своих подданных, так и в представлении иностранцев) являлся олицетворением всего государства, поддержание публичного имиджа монарха – это не только цель, но и средство, благодаря которому происходит утверждение символического престижного статуса, коррелируемого с реальным положением страны в системе международных отношений.

Цель и задачи исследования. Исследование дипломатического церемониала с точки зрения репрезентации королевской власти во Франции во второй половине XVII – начале XVIII в. имеет целью *расшифровать символический язык французской дипломатии, находивший выражение в дипломатических церемониях, и наиболее выпукло представить тот образ, который конструировала сама власть при помощи целого набора церемониальных символов и знаков.* Для этого необходимо решить следующие задачи:

- изучить вопросы организации и функционирования дипломатического церемониала;
- проследить формирование и трансформацию дипломатической церемониальной традиции во Франции (для этого потребуется выйти за обозначенные хронологические рамки и обратиться к более раннему периоду – с конца XVI в., когда появляются первые регламенты, упорядочивавшие

придворную жизнь, а также интенсифицируется процесс создания постоянных дипломатических представительств);

- выяснить, каким было французское представление о европейской дипломатической иерархии и как вырабатывались нормы дипломатического церемониала (что было «источником права»);
- наконец, исходя из понимания дипломатического церемониала как средства символической коммуникации французского короля с иностранными государями (посредством послов и посланников), определить, какие идеи монархии выражались при помощи этого средства.

Дипломатический церемониал можно разделить на «внутренний» и «внешний» (или заграничный). Эти определения достаточно условны и требуют пояснения. Дипломатическая практика и сама структура дипломатического аппарата делают неизбежным подобное деление, критерием которого является «территориальный» принцип. Со времени Ришелье французская дипломатическая служба приобретает стройную систему, состоящую из двух основных компонентов – *центрального и заграничного аппарата*. Обе части дипломатического аппарата были подчинены королю, который, будучи единственным источником власти в государстве, как бы возвышался над этой двойной структурой и объединял ее в единое целое. Деятельность центрального аппарата, получившего институциональное оформление в виде государственного секретариата иностранных дел, подразумевала дипломатическую практику собственно на территории Франции. Одной из его главных задач было обеспечение взаимодействия французского двора с корпусом иностранных послов. Это взаимодействие происходило по определенным правилам, которые формировали «внутренний» дипломатический церемониал, близкий, по сути, к церемониалу двора, однако не ограничивающийся его рамками, но в то же время не выходящий за пределы королевства. Функционирование заграничного аппарата, состоявшего из послов и посланников, отправленных королем к иностранным дворам представлять его интересы, в том числе выполнять репрезентативную функцию, также регулировалось целым рядом норм и установлений, которые в свою очередь складывались в *церемониал французской дипломатии за рубежом*.

Научная новизна исследования. Стоит отметить, что историки уделяют внимание в основном «внутреннему» дипломатическому церемониалу, в то время как «внешняя» составляющая церемониала до сих пор не рассматривалась в историографии как целостная система. Изучались лишь отдельные церемонии

(например, посольские въезды в иностранные столицы). Это можно объяснить некоторой размытостью самого понятия «*внешний дипломатический церемониал*», т.к. послы и посланники, находящиеся на службе за границей, участвуют в церемониях, организованных принимающей стороной, т.е. по сути речь идет о церемониях иностранных дворов. Однако, учитывая сложность дипломатической репрезентации по причине ее структуры и двусторонней обращенности (внутри и вовне), а также то, что в ней сосуществуют такие принципы политической культуры, как «*национальное*» и «*чужое*» (иностранное), которые в определенной обстановке должны быть приведены в соответствие для успешного ведения международного диалога, представляется целесообразным говорить о наличии особого «внешнего» дипломатического церемониала.

Изучение «внешнего» дипломатического церемониала сопряжено с рядом методологических трудностей, таких как, например, его отделение от церемониальной практики иностранных дворов. Крайне сложно провести грань между тем, что относится к «внутреннему» церемониалу иностранного двора, и тем, что можно рассматривать в качестве французского церемониала за рубежом, поскольку последний тесно переплетен с первым. *Научная новизна* работы состоит в том, что в ней предпринята попытка преодолеть этот методологический барьер и исследовать обе составляющие дипломатического церемониала («внутренний» и «внешний») в их взаимосвязи, как части единого целого. При этом под «внешним» дипломатическим церемониалом в данном случае подразумевается совокупность норм, взглядов и принципов поведения, которыми руководствовалась французская сторона, участвуя в церемониях, проводимых при иностранных дворах.

Методологическая основа исследования. Исследование проводилось при сочетании различных методов. Системный метод и проблемно-хронологический подход позволили изучить «внутренний» и «внешний» церемониалы, а также их отдельные аспекты (официальные церемонии, торжества, иерархические отношения и др.) в развитии и показать, что все составляющие дипломатического церемониала, обладая своими специфическими особенностями, были направлены на достижение общей цели.

Применение принципа историзма позволило проследить эволюцию как самого дипломатического церемониала на протяжении более чем полувекового периода французской истории, так и идей, которые выражались с его помощью. Широкая источниковая база потребовала комплексного анализа различных типов источников (официальных документов, периодической печати, иконографии) и

использования компаративного метода для сопоставления имеющихся в них материалов. Сравнительный анализ источников личного происхождения (мемуаров, дневников, записок) также позволил создать более объективную (в той мере, насколько это возможно) и детальную картину происходившего.

Смысл дипломатического церемониала, рассматриваемого в качестве системы знаков, использующихся в процессе дипломатической коммуникации, не может быть понят без анализа и интерпретации этих знаков. Поэтому для расшифровки условно-знакового языка церемониала потребовалось обратиться к методам семиотики. Исходя из того, что внешняя сторона церемоний сводится по сути к исполнению в определенное время и в установленном месте некоего набора символических действий, можно говорить о существовании кинесического (позы, жесты, мимика) и проксемического (расположение людей в пространстве, дистанция) кодов церемониала. «... В эпоху господства в культуре барокко <...> церемониальные действия и символы воспринимались всерьез, и подчас люди верили в соответствие тех или иных жестов, вещей церемониальной “игры” реальным социальным явлениям и понятиям»¹⁰. Учитывая это, необходимо было перевести символический язык ритуала в плоскость понятного современному читателю языка, – одним словом, произвести дешифровку семиотических кодов.

Практическая значимость работы. Вторая половина XVII в. – эпоха наибольшего могущества Франции, ее политического превосходства на мировой арене и культурного подъема. Французская дипломатическая мысль стала господствующей в Европе, а нормы придворного этикета, переживавшего свою лучшую пору, были образцом для многих европейских дворов. Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что изучение дипломатического церемониала периода расцвета придворного общества не только позволяет ближе подойти к пониманию феномена двора как особого организма в социально-политической системе Франции, но и выводит нас на новый уровень – определения места французского двора в политической системе дворов Европы, а также служит хорошим подспорьем для дальнейшего анализа дипломатических церемоний других европейских стран и определения места и роли церемониала в дипломатии начального периода существования Вестфальской системы международных отношений¹¹.

¹⁰ Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 7.

¹¹ Так называемая Вестфальская система – первая в истории международных отношений система, сложившаяся в Европе после окончания Тридцатилетней войны и заключения в 1648 г. Вестфальского мира. Вестфальская система, просуществовавшая до начала XIX в., характеризовалась секуляризацией

Структура работы. Диссертационная работа состоит из трех глав. В первых двух главах последовательно рассматривается сначала «внутренний» (первая глава), а затем «внешний» (вторая глава) дипломатический церемониал. Отдельная (третья) глава выделена для изучения уже не столько церемоний, сколько особого символического языка церемониала и дипломатии, нашедшего выражение, главным образом, в спорах по поводу титулатуры и статуса, от разрешения которых зависел набор почестей, оказываемых и принимаемых участниками дипломатических церемоний.

В *первой главе*, прежде чем обратиться непосредственно к процессу того, как проходили дипломатические церемонии при французском дворе, необходимо было понять, кто был их основными участниками. Для этого потребовалось рассмотреть структуру центрального дипломатического аппарата, изучить вопросы, связанные с появлением специальных придворных должностей, ответственных за организацию церемониала, а также дать обзор корпуса иностранных послов, находившихся во Франции во второй половине XVII – начале XVIII в. Далее в главе рассмотрены основные дипломатические церемонии – торжественный въезд посла, церемонии аудиенций у короля (публичной, частной и секретной), а также приемы послов другими членами королевской семьи. Отдельный раздел посвящен исключительным приемам, которые выделяются из числа обычных, регулярных посольств (приемы глав государств, восточные посольства). Во *второй главе* освещаются проблемы, связанные с церемониалом французской дипломатии за рубежом: подбор подходящей кандидатуры посла, назначение на пост, прибытие французских послов к иностранным дворам (церемония въезда), их приемы главами государств и прочими лицами (аудиенции), организация жизни французских послов с целью репрезентации королевской власти за границей. Жилище посла рассматривается как центр распространения французского влияния, как некий анклав королевского двора Франции в столице иностранного государства, что неразрывно связано с правом экстерриториальности посольств. Наконец, в *третьей главе* поднимаются такие важные проблемы, как титулатура и система рангов, дипломатическая стратификация и место французских послов в европейской иерархии дипломатов.

международных отношений, монополизацией внешней политики государством и строилась на идее баланса сил (равновесия) суверенных государств. Особенность первого этапа Вестфальской системы (до подписания в 1713 г. по итогам войны за испанское наследство Утрехтского мира) заключалась в наличии большого количества стран, претендовавших на роль сильной (или великой) державы, выступающей в роли самостоятельного игрока на международной арене, тогда как в XVIII в. статус великой державы был прочно закреплен за пятью наиболее мощными государствами (Францией, Австрией, Англией, Россией и Пруссией). Подробнее об этом см.: Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. Учебник для вузов. М., 2007. С. 4 – 7.

Также в главе предпринята попытка выяснить, какое место занимали иностранные дипломаты в системе французского двора. На примере споров, возникавших между послами и посольскими интродукторами – королевскими оффисье¹², наиболее близкими к организации дипломатического церемониала, – анализируется, в каком отношении друг к другу находились названные должности. Этот анализ проливает свет на то, как соотносились между собой статусы должностных лиц, занимавших различные ниши (с одной стороны, дипломатический представитель иностранного государя, с другой – придворный служащий), позволяет уяснить, в чем состояла разница между понятиями «служить» королю и «представлять» его, а также увидеть, каким образом продолжал соблюдаться церемониал уже вне официальных церемоний. В заключительном разделе внимание сосредоточено на изучении пространственно-визуального аспекта церемониала; внутреннее и внешнее пространство королевского дворца и посольской резиденции представлено в качестве одного из элементов символического языка церемоний.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Основные положения диссертационного исследования представлены в ряде научных публикаций, в том числе в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ («Внутренний» дипломатический церемониал Франции во второй половине XVII – начале XVIII в.: церемонии торжественного въезда посла в Париж и публичной королевской аудиенции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2015. – №4. С. 11 – 26 [0,8 п.л.]; Споры о статусе: посольский интродуктор и иностранные послы во Франции XVII в. // Новая и Новейшая история. – 2016. – №2. С. 224 – 231 [0,6 п.л.]; Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов во второй половине XVI – XVII вв. // Вестник Брянского государственного университета. – 2016 – №1 (27). С. 139 – 146) [1 п.л.]) Материалы диссертации были использованы в лекции по истории французской дипломатии XVII – начала XVIII в., прочитанной автором в ноябре 2014 г. в рамках спецкурса Л.А. Пименовой «Французская монархия Старого порядка: люди, идеи, институты» студентам исторического факультета МГУ.

¹² Оффисье (фр. *officiers*) – должностные лица во Франции, которые покупали свои должности у государства и поэтому могли ими распоряжаться (переуступать другому лицу, передавать по наследству). Оффисье на постоянной основе исполняли обязанности, делегированные им королем, что давало основания рассматривать их как «людей короля».

Положения, выносимые на защиту:

1. К середине XVII в. дипломатические церемонии французского двора приобрели довольно устойчивую форму. Образцами при организации новых церемоний служили, как правило, прецеденты, имевшие место в прошлом. Изменение любой детали «внутреннего» церемониала зависело исключительно от воли монарха, который использовал церемониал как средство символической коммуникации с иностранными дворами (через оказание почестей послам или отказ их даровать).
2. Во второй половине XVII – начале XVIII в. обращение к традиции как «источнику права» было характерно и для «внешнего» дипломатического церемониала. С развитием в это время идеи о «праве народов», согласно которой в международной политике государи должны руководствоваться принципом уважения закона, заметно стремление французского короля подчеркнуть легитимность своих действий: не требовать ничего нового, но брать то, что причитается по праву. Риторика по поводу традиционного права называться первым христианским королем оставалась неотъемлемым элементом дипломатической аргументации Людовика XIV. Хотя практическое удовлетворение его претензий зависело во многом от реальных сил (военная мощь, политическое влияние и т.д.)
3. Особенность любой политической репрезентации состоит в ее публичной природе. Создание «образа» подразумевает наличие зрителя, на которого направлен его эффект. Репрезентативная функция дипломатического церемониала также проявляется в его публичности. Во время официальных церемоний в качестве зрителя выступает массовая публика – уличная толпа, придворное общество. Во время «внецеремониальных» (частных или служебных) дипломатических контактов исполнение протокольных нюансов становится обязательным лишь в присутствии третьего лица.
4. Людовик XIV активно использовал дипломатические церемонии как средство символического выражения идеи превосходства короля Франции. Так, церемонии публичных аудиенций зачастую становились удобным способом демонстрации успехов французской дипломатии и местом совершения дипломатического триумфа. Гибкость и многофункциональность церемониала в конкретных обстоятельствах

позволяла использовать его в качестве способа политической провокации или заявки о своих претензиях на международной арене.

5. Однако к концу XVII в. выявилась ограниченность возможностей церемониала как орудия политики. В контексте затруднительного международного положения Франции на рубеже XVII – XVIII вв. потенциал дипломатического церемониала оказался не достаточен для решения политических задач, в связи с чем прослеживается тенденция к снижению его роли. С 1690-х гг. во «внутреннем» дипломатическом церемониале теряют свою прежнюю значимость публичные аудиенции европейским послам, ставшие исключительно протокольным мероприятием; во «внешнем» церемониале фактически сходит на нет практика символических манифестаций при помощи арсенала церемониальных средств.
6. В то же время проявилась компенсаторная функция дипломатического церемониала, когда с помощью символического действия предпринимается попытка восполнить утрату реального политического могущества и создать иллюзию благополучия. Так было в случае с приемом персидского посла в 1715 г., который, не имея, по сути, никакой практической значимости, стал прекрасным поводом для короля еще раз на склоне лет напомнить о славе своего двора.

Характеристика источников

Изучение истории дипломатического церемониала, рассматриваемого в качестве одной из форм символического языка власти, принадлежит к такому типу исследований, для которого характерно сочетание различных видов знания: от научно-рационалистического до художественного. Метафоричность языка церемониала подразумевает взаимодействие и взаимопроникновение политического и символического, когда грань между условностью и практическим смыслом делается крайне зыбкой и, на первый взгляд, трафаретная форма наполняется содержанием, становясь транслятором тех или иных идей.

Полноценное изучение различных форм репрезентации королевской власти, в том числе дипломатического церемониала, требует привлечения широкого круга источников, не только письменных, но и иконографических – художественных изображений церемоний, медалей, оформления интерьеров, карт городов, схем дворцов. Письменные источники можно разделить на несколько категорий: 1) дипломатические трактаты; 2) дипломатические «церемониалы» и записки; 3) источники официального происхождения (королевские инструкции послам, папские буллы); 4) дипломатическая корреспонденция; 5) периодическая печать; 6) мемуарная литература.

Дипломатия имеет две составляющие – теорию и практику. Задача теоретиков дипломатии заключается в разработке возможных направлений внешней политики. Как правило, они выступают в качестве советников глав государств и правительств, которые, прислушиваясь или не прислушиваясь к их советам, формируют внешнеполитический курс. Если теоретики консультируют правительства, то практики должны следовать избранному правительством направлению и исполнять его приказы. Цель у тех и других одна – успех страны на международной арене, но методы и условия работы различаются. У теоретиков, работающих в кабинетах, есть время на размышление, они имеют возможность долго корпеть над бумагами, правовыми актами, договорами и прочими документами, дабы найти юридическое обоснование своих идей и подогнать под них законодательную базу. Практики лишены такой роскоши. Они вынуждены действовать здесь и сейчас, используя весь накопленный багаж знаний и умений. От четкости аргументации и быстроты реагирования зависит исход дела.

Эти очевидные отличия между теорией и практикой дипломатии необходимо учитывать при работе с источниками. Разные источники дают различные картины. В

то время как трактаты или источники официального происхождения предоставляют в основном материал для того, чтобы получить представление о том, как должны были развиваться события, или о том, какой виделась дипломатическая конъюнктура составителям этих документов, дипломатическая переписка, «церемониалы» (т.е. труды, в которых дипломатами или специалистами по церемониалу даны описания имевших место в прошлом церемоний, и которые служили справочными пособиями для организации новых церемоний), а также мемуарная литература при условии их комплексного изучения в совокупности с иконографией и (отчасти) периодическими изданиями позволяют приблизиться к пониманию того, как все происходило на самом деле.

Обратимся сначала к трактатам. Собственно дипломатические трактаты, главным предметом которых стало рассмотрение различных аспектов ремесла дипломатов или, как тогда говорили, негоциаторов¹³, начали появляться ближе к концу XVII в. Тем не менее сюжет, касающийся споров по поводу старшинства европейских государей, в первую очередь королей Франции и Испании, сюжет, без которого впоследствии не обойдется ни один дипломатический трактат, активно обсуждался уже с начала столетия. В задачи настоящей работы не входит сколько-нибудь полный обзор французских политических трактатов, касающихся вопросов старшинства. Поскольку суть подавляющего большинства сочинений такого рода сводится к доказательству превосходства королей Франции по отношению к остальным государям христианского мира, к исследованию были привлечены два трактата (начала и второй половины XVII в.), обозначивших вехи в развитии проблемы: «О превосходстве королей и королевства Франции» Жерома Биньона¹⁴ и «О старшинстве королей Франции по отношению к королям Испании» Шарля Бюльто¹⁵.

Работа Биньона интересна тем, что она стала по сути первым сочинением, в котором последовательно приводятся аргументы в пользу претензии французских монархов на первенство в иерархии европейских государей. Жером Биньон (1589 – 1656), сын адвоката парижского парламента, обладая недюжинными способностями, написал свой трактат, будучи еще совсем молодым человеком, в 1610 г. и посвятил

¹³ Надо иметь в виду, что в XVII в. слово «дипломат» не фигурирует в документах. Для обозначения дипломатов в современном значении использовали слово «*négociateur*» (от фр. «ведущий переговоры»).

¹⁴ *Bignon J. De l'Excellence des Roi et du Royaume de France, traitant de la préséance et des prérogatives des Rois de France par dessus tous les autres, et des causes d'icelles.* Paris, 1610.

¹⁵ *Bulteau Ch. De la préséance des rois de France sur les rois d'Espagne.* Paris, 1674.

его королю Генриху IV¹⁶. Во многом благодаря написанию этого трактата Биньону удалось сделать блестящую карьеру. После смерти Генриха IV он стал наставником юного Людовика XIII, а позднее – государственным советником и генеральным адвокатом парламента Парижа.

Выбор второго трактата – «О старшинстве королей Франции» Шарля Бюльто (1626/1627 – 1710), вышедшего уже в 1674 г., – объясняется тем, что в нем был подведен некий итог дискуссии о старшинстве, спровоцированной публикацией сочинения Биньона и не утихавшей на протяжении всего XVII столетия. Бюльто также происходил из судейской семьи и с 1661 г. до конца жизни занимал должность главного секретаря (*doyen des secrétaires du Roi*) при дворе Людовика XIV. В трактате «О старшинстве королей Франции» он собрал все имевшиеся к тому времени доказательства справедливости суждения, вынесенного в название его труда.

Проблема старшинства играла важнейшую роль при выработке норм дипломатического этикета и организации церемоний. Французские политические трактаты, затрагивающие эту проблему, позволяют понять ход французской правовой мысли (авторами большинства трактатов были легисты), которая служила теоретическим обоснованием притязаний короля на главное место в европейской иерархии.

Во второй половине XVII в., когда дипломатия стала приобретать черты профессионального занятия, появилась потребность в написании специальных дипломатических трактатов, в которых подробно освещались бы особенности и тонкости стези дипломата и которые могли бы служить справочным пособием для негоциаторов. Первым таким трактатом стало сочинение Абрахама Викфора (1606 – 1682) «Посол и его обязанности». Викфор родился в семье голландского торговца. В Лейдене он получил юридическое образование, после чего перебрался во Францию. В разные годы Викфор выполнял функции информатора имперских князей (например, герцога Брауншвейг-Люнебурга, затем – с 1646 г. курфюрста Бранденбурга) при французском дворе, за определенную плату предоставляя им интересующие их сведения. Чтобы обеспечить безопасность своего осведомителя, князья присваивали ему титул официального представителя – резидента или агента. Однако никакие титулы не помогли, когда французские власти посчитали

¹⁶ M. l'Abbé Pérau. Vie de Jérôme Bignon, avocat général et conseiller d'Etat. Paris, 1757.

дальнейшее пребывание Викфора во Франции опасным¹⁷. В 1659 г. он был выслан из страны и вернулся в Голландию. Там Викфор нашел покровителя в лице великого пенсионария Яна де Вита и занял должность секретаря-переводчика в голландских провинциальных штатах, а затем историографа Республики Соединенных провинций. По роду своей деятельности Викфор вращался в дипломатических кругах, в том числе поддерживал тесные связи с французскими послами графом д'Эстрадом и Помпонном и, получая денежное вознаграждение в размере 1000 экю от французского правительства, соглашался информировать их о действиях других иностранных послов в Гааге¹⁸. Кроме этого он состоял в переписке с государственным секретарем иностранных дел Франции Югом де Лионном¹⁹. В 1675 г. Викфор был обвинен в государственной измене за продажу секретной информации английскому послу Вильямсону, и ему едва удалось избежать смертной казни. В тюрьме он написал «Записки, касающиеся послов и публичных посланников»²⁰, где большое внимание уделил вопросу посольской неприкосновенности. В 1679 г. Викфор сумел бежать из тюрьмы и нашел укрытие в Целле, замке герцога Брауншвейг-Люнебурга. Здесь он и написал свой знаменитый трактат «Посол и его обязанности».²¹ Этот объемный трактат (в первом издании порядка 1400 страниц), разделен на 2 книги. В первой (30 глав) – речь идет о качествах, которыми должен обладать посол, а также о теоретических основах дипломатии: рассматриваются вопросы о том, кто из государей имеет право отправлять послов (глава II), к кому их отправляют (глава VI), о различиях между послами и посланниками второго порядка (глава V), о вопросах старшинства между государями и их послами (главы XXIV – XXV). Отдельные главы посвящены церемониям (посольским въездам и аудиенциям – главы XVIII, XIX), а также почестям, которые оказывают и принимают послы (главы XX – XXII). Во второй книге (17 глав) автор касается практических сторон искусства ведения переговоров.

¹⁷ Externbrink S. Abraham de Wicquefort et ses traités sur l'ambassadeur (1676-1682). Bilan et perspectives de recherche // De l'ambassadeur : les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2015 (généré le 24 août 2016) [en ligne]: <http://books.openedition.org/efr/2922>

¹⁸ Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIe siècle. Paris, 2007. P. 313 – 320.

¹⁹ Эта переписка была опубликована: Haje Chr. F. De geheime correspondentie van Abraham de Wicquefort met den Franschen minister de Lionne. Amsterdam, 1901.

²⁰ Первое анонимное издание «Записок» вышло в Кёльне в 1676 г. с указанием инициалов «L. M. P.», что означает *le ministre prisonnier* (т.е. «министр-арестант»). «Записки» сразу же получили популярность, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания, первое из которых имело место уже в 1677 г.: Wicquefort A. Mémoires touchant les ambassadeurs et les ministres publics. La Haye, 1677.

²¹ Wicquefort A. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680 – 1681. В дальнейшем неоднократно переиздавался: La Haye, 1682; Cologne, 1690; Cologne, 1715; Amsterdam, 1730.

Второй крупный дипломатический трактат «О способах ведения переговоров с государями» вышел в 1716 г., в следующем году после смерти Людовика XIV. Этот трактат принадлежит перу Франсуа де Кальера (1645 – 1717)²², происходившего из семьи бригадного генерала Жака де Кальера, губернатора порта Шербур. Франсуа де Кальер начал свою дипломатическую службу в возрасте 25 лет в Польше, куда был отправлен, чтобы содействовать избранию на польский престол герцога де Лонгвиля. Однако после смерти последнего в ходе военной кампании Кальер остался «в Варшаве в качестве “неофициального обозревателя”, направлявшего государственному секретарю Людовика XIV донесения о положении в польском государстве»²³. Впоследствии Кальер неоднократно участвовал в переговорах при различных европейских дворах (в частности, в качестве посланника савойского герцога Карла Эммануила II). Вершиной его дипломатической карьеры стало участие в переговорах с представителями Аугсбургской лиги во время Девятилетней войны, окончившихся подписанием в 1697 г. Рисвикского мира. После этого Кальер оставил дипломатическую службу и был назначен секретарем Кабинета короля. Имея богатый опыт, Кальер прекрасно разбирался во всех тонкостях дипломатического протокола. Трактат «О способах ведения переговоров с государями», являющийся одним из важнейших источников для изучения дипломатии времен Людовика XIV, состоит из 24 глав. В них освещаются различные темы, в которых должен разбираться любой дипломат. Проводя красной нитью через весь текст идею о преимуществе переговоров перед войной, Кальер большое внимание уделяет рассуждениям о том, какими качествами и знаниями должен обладать переговорщик и каких людей следует выбирать для выполнения такого ответственного задания, как переговоры. Две главы (VI и VII) автор посвятил разбору дипломатических рангов, а в IX и X главах речь идет о привилегиях, которыми обладают послы, и о церемониях.

Трактаты Викфора и Кальера представляют собой не просто рассуждения авторов о дипломатическом поприще, но снабжены пространными отсылками к историческим прецедентам, которые приводятся в доказательство высказываемых авторами тезисов. Притом за конкретными примерами, обосновывающими те или иные положения трактатов, авторы обращаются к событиям ближайших двух веков (не раньше второй половины XV в.) Создатели обоих трактатов – практики дипломатии, ставшие на склоне своих дней ее теоретиками, – использовали в своих

²² *Callières, François de. De la manière de négocier avec les soucerains. Amsterdam, 1716.* В работе использовано также издание: *Callières F. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006.* Русский перевод: *Кальер Ф. О способах ведения переговоров с государями. М., 2000.*

²³ *Борисов Ю.В. Ф. Кальер. Каким образом договариваться с государями // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 240.*

сочинениях и собственный богатый дипломатический опыт, имевшийся у них за плечами. Но если Викфор был дипломатом-информатором и практически не участвовал в крупных дипломатических переговорах, то профессиональная судьба Кальера является примером карьеры дипломата-негоциатора. Их трактаты позволяют посмотреть на дипломатию изнутри, глазами ее участников: с одной стороны, «почетного шпиона»²⁴ Викфора, с другой – Кальера, официального дипломатического представителя.

Уже в 1746 г. в качестве дополнения к трактату Викфора вышли «Записки о рангах и старшинстве между европейскими государями» Жана Руссе-де-Мисси²⁵. Это, по сути, первый фундаментальный труд, в котором вопрос иерархии европейских государей и их дипломатических представителей становится главной темой. Хотя «Записки» были опубликованы уже в середине XVIII в., они имеют ценность и для изучения проблемы старшинства правителей начала столетия. В период раннего Нового времени подход к проблеме старшинства был крайне консервативным. Как увидим далее, несмотря на значительные изменения политической конъюнктуры, в вопросах иерархии государи зачастую апеллировали к сложившейся традиции и обосновывали свои претензии древними правами. Труд Руссе-де-Мисси представляет интерес для исследователя дипломатического церемониала прежде всего как одна из первых (вслед за Викфором) попыток систематизации исторических фактов, обосновывающих претензии правителей на старшинство, и позволяет узнать, как на практике разрешались конкретные споры по поводу иерархии.

Жан Руссе-де-Мисси (1686 – 1762) родился, вырос и получил образование во Франции. Однако после семейного конфликта он поступил на службу в голландскую армию и с тех пор проживал в Голландии. По роду своей деятельности Руссе-де-Мисси был профессиональным журналистом. Помимо этого он занимался историческими изысканиями (на его счету несколько работ по истории России и войны за испанское наследство), а также был специалистом в области международного права. В 1739 г. он опубликовал крупный свод правил дипломатического этикета, вышедший под названием «Дипломатический

²⁴ Употребление выражения «почетный шпион» (*espion honorable*) в отношении дипломатов было характерным для дипломатии XVII в. Викфор неоднократно использует это выражение в подтверждение своей мысли о том, что одной из важнейших функций посла является шпионаж. См. например: Wicquefort A. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680. Livre II. P. 207.

²⁵ Rousset de Missy J. Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans suivant leurs différens Caractères. Pour servir de supplément à l'Ambassadeur et ses fonctions de Mr. de Wicquefort. Amsterdam, 1746.

церемониал европейских дворов» и ставший частью более обширного труда – «Приложение к полному дипломатическому своду прав народов» Дюмона²⁶. «Церемониал» Руссе-де-Мисси основан, как отмечает сам автор, на тщательном сборе уже существовавших, но разрозненных материалов, касающихся церемониала европейских дворов. При написании этой работы, а также «Записок», чтобы собрать воедино обширный материал, автор использовал различные источники: как уже имеющиеся работы по дипломатическому церемониалу, так и еще не проработанные депеши и донесения дипломатов. Труд Руссе-де-Мисси четко структурирован. Он состоит из двух томов. Первый том подразделяется на два крупных раздела. В одном описан дипломатический церемониал французского двора, в другом – императорского двора в Вене. Каждый раздел в свою очередь делится на книги. По такому же принципу устроен второй том (здесь речь идет о церемониале дворов Рима, Испании, Англии, России, Турции, Голландии и некоторых др.) Раздел, посвященный церемониалу французского двора, поделен на три книги. В первой – речь идет о том, каким образом во Франции принимали посланников иностранных держав, при этом отдельно рассмотрены случаи принятия послов различного ранга и статуса (чрезвычайные, ординарные послы, посланники второго порядка и т.п.) В специальную главу вынесены церемонии принятия посланников папы римского. Вторая книга посвящена придворным публичным церемониям (рождениям, крестинам, свадьбам, коронациям и т.д.) Наконец, в третьей книге говорится о «домашнем» церемониале (*cérémonial domestique*) французского двора (церемонии королевской спальни – *lever* и *coucher*; застольные церемонии). Во втором разделе первого тома и во втором томе содержатся «церемониалы» остальных европейских дворов, которые представляют интерес для изучения того, каким образом там принимали (в числе прочих) французских послов.

«Церемониал» Руссе-де-Мисси является обобщающей работой, в которой церемонии французского двора представлены в контексте церемониалов других европейских дворов. Однако еще в первой половине XVII в. был составлен специальный французский «церемониал», т.е. труд историографического характера, в котором собраны сведения об имевших место в прошлом церемониях и их описания. Такой «Французский церемониал» был составлен сначала Теодором Годефруа и опубликован в 1619 г., а затем доработан и дополнен его сыном Дени

²⁶ Rousset de Missy J. Le cérémonial diplomatique des cours de l'Europe // Dumont J., Rousset de Missy J. Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam – La Haye, 1739. ТТ. 4 – 5.

Годефруа (издание 1649 г.)²⁷. Теодор Годефруа занялся подбором материалов еще в 1613 г., когда стал официальным историографом Франции. Имея доступ к государственным архивам, он по крупицам собирал рукописи, парламентские регистры, записанные речи и воспоминания церемониймейстеров, сопровождаителей послов, королевских секретарей и прочих лиц, имеющих отношение к придворному церемониалу. Дени Годефруа, вступивший после смерти отца в должность официального историографа, а кроме того бывший советником короля и хранителем королевского архива, также имел доступ к многочисленным неизданным документам. Отец и сын Годефруа работали как с древними (начиная с X в.), так и с современными им бумагами (во втором издании собраны документы до середины XVII в.), касающимися отчасти и дипломатических церемоний. Хотя представленные в «Церемониале» Годефруа материалы выходят за хронологические рамки настоящего исследования, они служат источником информации по более раннему периоду (с конца XVI в.), рассмотрение которого необходимо для понимания исторического контекста и предпосылок к трансформации церемониала в такие формы, какие он приобретет уже во второй половине XVII столетия.

Важнейшим источником по дипломатическому церемониалу непосредственно времени правления Людовика XIV являются многочисленные документы, оставленные Николя де Сенкто (1632 – 1713), который с 1655 по 1691 г. был церемониймейстером французского двора, а затем приобрел должность посольского интродуктора²⁸ и занимал ее до 1709 г. Данных о его семье крайне мало. Известно, что Сенкто происходили из Иль-де-Франса и получили дворянское звание в 1583 г. Дядя и отец Николя де Сенкто также служили церемониймейстерами при королевском дворе. От них эта должность перешла к Николя, который, посвятив практически всю свою жизнь организации придворных церемоний, стал крупнейшим знатоком церемониала того времени. Характеристики личности этого придворного деятеля разнятся. Герцог де Сен-Симон, проявлявший к Сенкто явную неприязнь, отзывался о нем как о человеке слащавом, заносчивом и пристрастном, считающем себя вправе оказывать покровительство только тем, кто ему нравится²⁹. В то же время маркиз де Сурш говорит о нем как о честном человеке и компетентном

²⁷ *Godefroy T. Le Ceremonial de France, ou description des Ceremonies, Rangs, & Seances observées aux Couronnements, Entrées, & Enterremens des Roys & Roynes de France, & autres Actes et Assemblées solemnelles. Paris, 1619. Дополненное издание: Godefroy, Théodore et Denys. Le cérémonial françois, contenant les cérémonies observées en France. Paris, 1649. 2 vol.*

²⁸ Посольский интродуктор – от фр. *introduceur des ambassadeurs* – вводящий послов.

²⁹ *Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon (далее – Saint-Simon). T. 11. Paris, 1829. P. 27.*

специалисте по вопросам церемониала³⁰. За время своей многолетней службы Сенкто сделал огромное количество записей, касающихся церемоний, в организации которых он лично принимал участие. Уже в конце жизни Сенкто систематизировал свои бумаги, где он описывал церемонии, связанные с приемом иностранных послов и посланников, и составил подробные «Записки», которым предшествует краткое посвящение Людовику XIV. В XVIII в. «Записки» и различные не вошедшие в них бумаги были неоднократно копированы, однако ни оригиналы, ни копии не были опубликованы, за исключением некоторых фрагментов, которые использовал в своем «Церемониале» Руссе-де-Мисси.

Объемный массив документов Сенкто разбросан по нескольким французским архивам. Манускрипт «Записок» находится в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции³¹. Он состоит из 4-х томов. В первом томе содержатся детальные описания порядка проведения дипломатических церемоний (торжественных въездов послов, аудиенций у короля и членов королевской семьи). В остальных томах рассматриваются примеры конкретных приемов, устраивавшихся при французском дворе с середины XVII в., а также приводятся некоторые регламенты, регулирующие правила организации церемоний. Совсем недавно, в течение 2014 – 2016 гг. усилиями команды Исследовательского центра Версальского дворца текст «Записок», хранящийся в Национальной библиотеке, был оцифрован. Его электронная версия представлена на сайте центра³². Наиболее полный корпус неопубликованных документов Сенкто вместе с отсканированной копией его «Записок» находится в Архиве министерства иностранных дел Франции (документы доступны в формате микрофильмов)³³. Другие экземпляры «Записок» Сенкто хранятся в библиотеках Института Франции и замка Шантильи³⁴. В библиотеке Института Франции также хранится рукопись «Журнала приемов и аудиенций»³⁵, который вел Сенкто в последнее десятилетие XVII в. В этом «Журнале» объемом в 600 страниц (отсутствуют первые 125) собраны различные документы по

³⁰ *Sourches, marquis de. Mémoires sur le règne de Louis XIV. T. 2. Paris, 1883. P. 29.*

³¹ Bibliothèque nationale de France (далее – BnF). Ms, Fonds Français, vol. 14117 – 14120: «Mémoires de M. de Saintot, introducteur des ambassadeurs».

³² <https://chateauversailles-recherche.fr/francais/ressources-documentaires/corpus-electroniques/corpus-raisonnes/l-etiquette-a-la-cour-de-france/memoires-de-nicolas-de-saintot.html>

³³ Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères (далее – ААЭ). Mémoires et documents, fonds France: Cérémonial: vol. 1817 – 1848 [в т.ч. «Mémoires»; vol. 1827 – 1831, «Mémoires et relations de M. de Saintot sur le cérémonial et les événements de la cour de France»].

³⁴ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms 41 – 43: «Mémoires de M. de Saintot, introducteur des ambassadeurs», 3 vol.; Bibliothèque du château de Chantilly. Ms 1193 – 1201: «Mémoires de Nicolas de Saintot, introducteur des ambassadeurs, écrits de 1705 à 1712», 9 vol.

³⁵ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms 725: «Journal des réceptions, audiences, visites des princes et ambassadeurs étrangers à la cour de France et du cérémonial qui y fut observé».

дипломатическому церемониалу, в том числе приведены копии записок Сенкто и венецианского посла Эриццо, между которыми возник любопытный спор по поводу старшинства.

Еще одни «Записки», ставшие ценным источником для изучения дипломатического церемониала, оставил посольский интродуктор Луи Николя Ле Тоннелье, барон де Бретей (1648 – 1728), занимавший этот пост с 1699 по 1715 г. Отец Ле Тоннелье был интендантом Лангедока и советником парижского парламента. В течение некоторого времени сам Луи Николя выполнял обязанности чтеца короля (*lecteur du roi*), что обеспечивало ему доступ в королевскую спальню на церемонию утреннего пробуждения монарха. В 1683 г. Людовик XIV отправил его в Мантую в ранге чрезвычайного посланника. За два года своей миссии Ле Тоннелье удалось познакомиться со многими тонкостями дипломатического церемониала. Вернувшись во Францию, он продал должность чтеца, но продолжал жить при дворе. После смерти в 1698 г. посольского интродуктора Мишеля Шабена де Боннёйя Бретей занял его место. На момент получения этой должности он еще не имел дворянского звания. Титул барона де Бретейя он получил в 1706 г.

Бретей так же, как и Сенкто, в продолжение всей своей службы по приказу короля ежедневно «с точностью технократа»³⁶ делал записи-отчеты о том, как проходили церемонии, на которых он присутствовал и в которых принимал участие. Из его «Записок» до сих пор были опубликованы лишь выдержки, в то время как оригинал рукописи хранится в частной библиотеке дальнего родственника барона, маркиза де Бретейя, а копия манускрипта (XVIII в.) находится в библиотеке Арсенала в Париже³⁷. Эта копия поделена на 7 томов, в которых в хронологической последовательности даны описания церемоний последних лет царствования Людовика XIV, снабженные комментариями автора.

Общим помощником посольских интродукторов Сенкто и Бретейя, чередовавшихся каждые полгода, был Клод де Вильрас (? – 1709), занимавший с 1699 по 1709 г. должность секретаря сопроводителя послов. Во время своей службы он также вел «Журнал», в котором в хронологической последовательности собраны отчеты о церемониях, проходивших с участием иностранных дипломатов. Вильрас детально описывает расположение участников, маршруты, нормы этикета, соблюдавшиеся во время церемоний, касается вопросов, связанных со спорами по поводу старшинства. К своим описаниям он прилагает некоторые документы

³⁶ Это выражение использует автор предисловия к изданию отрывков «Записок» Бретейя Э. Леве: *Breteuil, baron de. Mémoires*. Paris, 1992. P. 41.

³⁷ Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859 – 3865: «Mémoires du baron de Breteuil».

(королевские регламенты по этикету, списки иностранных послов и их свиты). Неопубликованная рукопись «Журнала» Вильраса, состоящая из 4750 страниц, хранится в Национальной библиотеке Франции, в отделе новых приобретений³⁸.

Для изучения церемоний, связанных с приемом русских посольств, к исследованию привлекались материалы посольских книг, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (фонд 93 – Сношения России с Францией). Посольские книги охватывают период с 1615 по 1688 г.³⁹ и касаются в т.ч. посольств П.И. Потемкина (1668 и 1681 г.), А.А. Виниуса (1673 г.) и Я.Ф. Долгорукова (1687 г.) Из опубликованных источников интерес представляют «Записки» известного русского дипломата Андрея Артамоновича Матвеева⁴⁰. Матвеев был русским послом в Голландии с 1699 по 1712 г., став одним из первых постоянных представителей России за границей. Помимо этого во время своего пребывания на посту посла Матвеев выполнял различные дипломатические поручения Петра I, в том числе и во Франции (в 1705 – 1706 гг.), куда он был отправлен с секретной миссией – найти в лице французского короля посредника для заключения мира между воевавшими тогда Россией и Швецией. Во Францию Матвеев прибыл инкогнито, поскольку, будучи постоянным представителем России в Голландии, воевавшей в это время с Францией, он не мог совершить поездку официально. При французском дворе Матвеев был принят неофициально, но с большим почётом, что неоднократно отмечено в его труде.

Матвеев был человеком большого ума и незаурядных способностей. Он получил блестящее образование, говорил на латыни. Во время заграничных поездок русские дипломаты по долгу службы составляли подробные официальные донесения – статейные списки⁴¹, где они описывали маршрут поездки, дипломатические встречи, переговоры и проч. «Записки» Матвеева тоже имеют форму такого статейного списка, хотя они не были официальным отчетом как таковым. Один из черновых автографов Матвеев подписал так: «Дневник неофициальной миссии к французскому двору». В нем переплетаются элементы официального донесения, личные наблюдения и прочие сведения и материалы, почерпнутые автором из книг. Наиболее ценным для изучения дипломатического церемониала Франции в работе

³⁸ BnF. Ms, Nouvelles acquisitions françaises, vol. 3123 – 3133: «Journal de M. de Villeras, secrétaire ordinaire du Roy à la conduite des ambassadeurs».

³⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 93. ДД. 1 – 15.

⁴⁰ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1972.

⁴¹ Из опубликованных статейных списков стоит упомянуть список П.И. Потемкина, в котором дан отчет о его посольстве во Францию 1668 г.: Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статьиные списки. М. – Л., 1954. С. 227 – 315.

Матвеева является описанием некоторых сторон дипломатических дел, как-то: поездок в Версаль, аудиенций у короля и государственных секретарей, приёмов, бесед. Пробыв во Франции больше года, Матвеев имел достаточно времени для того, чтобы ознакомиться с жизнью страны и королевского двора, описанию которого он уделяет большое внимание, в частности, внешности и манерам короля и его окружения, придворным должностям, а также церемониям, на которых ему удалось присутствовать.

Перейдем теперь к рассмотрению источников официального происхождения. Одним из важнейших источников такого рода являются королевские инструкции послам. Каждый посол, отправлявшийся с дипломатической миссией за границу для представления интересов своего государя и исполнения его поручений, получал множество различных указаний. В письменном виде распоряжения, которые давались послам и посланникам, оформлялись в виде инструкций. Они составлялись штатом служащих государственного секретариата иностранных дел по указанию и от имени короля и под личным руководством государственного секретаря иностранных дел. Письменные инструкции обязательно вручались дипломатам перед их отъездом за границу. В этих документах давался обзор (зачастую довольно пространный) политической обстановки в стране, в которую отправляли посла. Наибольшее внимание уделялось разъяснению текущих дипломатических отношений между правительствами принимающей страны и Франции и курса, которого должен был придерживаться посланник короля. Нередко в инструкциях давались краткие психологические портреты правителя иностранного государства, его министров и фаворитов, известных аристократов, других иностранных послов, подчеркивались их достоинства и слабости, содержались указания на то, с какими людьми следовало поддерживать знакомство. Особое место отводилось роли женщин: королевы, фавориток, придворных дам. Вопросы этикета обычно касались вскользь. Как правило, авторы инструкций полагались на предыдущий опыт дипломата, на его знания и умение действовать по ситуации. Тем не менее в некоторых инструкциях, когда на то были особые причины, послам давались специальные и подробные предписания относительно того, как следует вести себя во время церемоний при иностранном дворе. Это делалось в основном в тех случаях, когда была велика вероятность возникновения затруднений, связанных с решением проблемы старшинства и оказанием почестей. Впоследствии, уже во время службы посол мог получать дополнительные инструкции, например, ввиду необходимости более подробных разъяснений или изменения обстоятельств.

Наиболее полным собранием инструкций является многотомный «Сборник королевских инструкций послам и посланникам Франции в период от Вестфальского мира до Французской революции»⁴² [далее – «Сборник...»]. Издание «Сборника...», состоящего из 31 тома, растянулось на целое столетие (с 1884 по 1983 г.). Как отмечает автор предисловия к первому тому, во Франции уже в этот период существовало два типа дипломатических инструкций: *обычные*, касавшиеся регулярных отношений с тем или иным иностранным двором, и *специальные*, которые составлялись по особым случаям, как, например, заключение мира или перемирия. Специальные инструкции не вошли в состав «Сборника...», составители которого имели целью представить читателю на материалах публикуемых документов наиболее обобщенную картину дипломатических отношений Франции⁴³. Все документы, представленные в «Сборнике...», печатаются в полном объеме и снабжены комментариями издателей. Каждый том представляет собой корпус документов, инструкций послам и посланникам в той или иной стране. В настоящем исследовании использовались следующие тома: Австрия (Т. 1), Швеция (Т. 2), Рим (ТТ. 6, 17), Россия (Т. 8), Испания (Т. 11), Дания (Т. 13), Голландия (Т. 21), Англия (ТТ. 24 - 25), Турция (Т. 29), Швейцария (Т. 30). Такой выбор стран обусловлен, во-первых, интенсивностью их дипломатических отношений с Францией, а во-вторых, обилием сюжетов, связанных с церемониалом. В томах инструкции расположены с учетом хронологии посольских миссий. Текстам инструкций предшествуют краткие обзоры исторического контекста того или иного посольства, составленные издателями.

Помимо королевских инструкций в число источников официального происхождения, привлекавшихся к исследованию, входят королевские регламенты, а также папские буллы. Королевские регламенты касаются вопросов, связанных с организацией придворного церемониала и функционированием церемониальных служб. Так, в работе был использован регламент Генриха III 1585 г., вводивший новую придворную должность обер-церемониймейстера (оригинал этого документа находится в Национальном архиве Франции)⁴⁴, а также два других королевских регламента, копии которых приведены в «Записках» посольских интродукторов Сенкто и Бретея. Они регулируют вопросы разделения компетенций обер-церемониймейстера и посольского интродуктора (регламент 1643 г., приведен в

⁴² Le Recueil des insructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française (1648 – 1789) (далее – Recueil). Paris, 1884 – 1983, 31 vol.

⁴³ Sorel A. Avant-propos // Recueil. Vol. 1. Autriche. Paris, 1884. P. III.

⁴⁴ Archives nationales (далее – AN). O³518. Mémoires sur la charge de grand maître des cérémonies, dans le dossier n°22 : Règlements.

«Записках» Бретейя)⁴⁵, а также определяют порядок следования лиц, сопровождающих послов во время официальных церемоний (регламент от 17 ноября 1670 г., приведен в «Записках» Сенкто)⁴⁶. Для изучения дипломатических отношений Франции с Римом и возникавших церемониальных разногласий между обоими государствами (этот сюжет занимает важное место в работе) потребовалось обратиться к текстам нескольких папских булл второй половины XVI в., к которым апеллировал Людовик XIV, отстаивая свою позицию. Самым полным собранием различных документальных постановлений римских пап с середины V до первой половины XVIII в. является так называемый «Буллариум». Этот сборник еще в конце XVI в. начал составлять римский юрист Лаэртио Керубини (? – 1626), который, доведя «Буллариум» до понтификата Сикста V, впервые опубликовал его в 1586 г. Впоследствии сборник папских булл дополнялся и неоднократно переиздавался. В работе было использовано издание 1655 г., доведенное до понтификата Иннокентия X включительно⁴⁷.

Источники официального происхождения являются документами, которые регулируют дипломатические отношения, «устанавливают правила» того, как должно быть. Например, королевские инструкции позволяют понять цели посольств, отправляемых за рубеж. Однако они не дают никакой информации о том, каким образом дипломаты решали поставленные перед ними задачи. Для того чтобы составить об этом представление, необходимо было, помимо уже упомянутых работ Викфора, Кальера и Руссе-де-Мисси, также изучить (в том объеме, в каком это оказалось возможным) дипломатическую корреспонденцию и, частично, прессу того времени. В работе выборочно использовались материалы переписки французских послов в Риме и (в меньшей степени) Англии⁴⁸, а также некоторые неопубликованные записки (включающие отчеты о соблюдавшемся церемониале),

⁴⁵ Règlement de 1643 // Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859: «Mémoires du baron de Breteuil», f°s 15 – 80.

⁴⁶ Règlement du 17.11.1670 pour la marche du prince ou du maréchal de France avec le capitaine des gardes et l'introducteur à une première et dernière audience d'un nonce et d'un ambassadeur // AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 60. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

⁴⁷ *Cherubini L. Magnum bullarium romanum: ab. Leone Magno usque ad S.D.N. Innocentium X. Lugduni, 1655.* Первое издание: *Bullarium, sive collectio diversarum constitutionum multorum Pontificum à Gregorio VII. usque ad Sixtum V. cum rubricis, summariis & lucubrationibus Laertii Cherubini de Nursia, Jurisconsulti. Romæ, 1586.* Издание XVIII в. (дополнение к предыдущим, доведенное до понтификата Климента XII): *Magnum bullarium romanorum, seu ejusdem continatio à Clemente X. ad annum x. Clementis XII. accedunt Pontificum vitæ. Luxemburgi, 1739 – 1740.*

⁴⁸ AAÉ. Correspondance politique (origines – 1896): Rome, vol. 149 – 153, 181, 192, 314 – 325; Angleterre, vol. 92 – 95.

составлявшиеся персоналом французских посольств в Англии, Голландии, Риме, Швеции и Венеции⁴⁹.

Из периодических изданий более всего использовались материалы французской «Газетт». Созданная еще в 1631 г. Теофрастом Ренодо при поддержке и покровительстве кардинала Ришельё, эта газета во время правления Людовика XIV издавалась еженедельно (по субботам) в Париже. Вышедшие за год номера собирались затем вместе и публиковались в виде «Сборника газет и новостей»⁵⁰. «Газетт» освещала главным образом политические и дипломатические события, происходившие во Франции и за рубежом. Внутри номера сначала давались новости, пришедшие из наиболее удаленных стран (Турции, Польши), а в конце – самые свежие сводки новостей Парижа и Версаля. При работе с номерами «Газетт» необходимо учитывать, что она выпускалась «с королевской привилегией» (*avec privilège*), т.е. перед публикацией все номера проходили через цензуру. К печати допускались только те материалы, которые устраивали официальную власть. Сделав эту оговорку, нужно признать, что в плане фактических данных «Газетт» подчас оказывается уникальным источником информации, в первую очередь по части дипломатических новостей, приходивших из-за границы и связанных с деятельностью французских посольств. Помимо «Газетт» в работе также были использованы номера французского ежемесячного журнала «Меркюр галан»⁵¹ и августовский номер английской газеты «Леттер оф ньюс» 1668 г.⁵²

Еще один использованный в работе источник, близкий по своему жанру к публицистике, – «Заметки на французский манифест» Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 – 1716), которые так и не были опубликованы при жизни автора. «Заметки» были написаны в 1688 г. как реакция на составленную по приказу Людовика XIV в Версале 24 сентября того же года «Записку о причинах, которые заставили короля [Франции – *М.Ш.*] взяться за оружие и которые должны убедить христианский мир в искренних намерениях Его Величества укрепить общественное спокойствие»⁵³. В «Заметках» Лейбниц высказывает свою позицию по поводу действий французского короля, начавшего войну за Пфальцское наследство. Среди

⁴⁹ ААЭ. Mémoires et documents, fonds Angleterre : vol. 62; fonds Hollande : vol. 62 – 64; fonds Rome : vol. 70, 91; fonds Suède : vol. 5; fonds Venise, vol. 35.

⁵⁰ В настоящей работе были использованы следующие номера: Gazette, 1666, №119; 1687, №№ 11, 13, 39, 40; 1688, №3.

⁵¹ Mercure galant. Novembre 1686, II; Mars 1701.

⁵² Letter of news, 18.08.1668 // Calendar of State Papers Domestic: Charles II: August 1668. London, 1893. P. 516 – 565.

⁵³ Mémoire des raisons qui ont obligé de Roy à reprendre les Armes, et qui doivent persuader toute la Chrétienté des sinceres intentions de Sa Majesté, pour l'affermissement de la tranquillité publique. Lyon, 1688.

рассуждений Лейбница имеются некоторые замечания, имеющие отношение к вопросам дипломатического протокола (например, мысли по поводу права экстерриториальности посольств и возникшего из-за него конфликта между Людовиком XIV и папой Иннокентием XI). Рукопись «Заметок» была впервые опубликована только в 1861 г.⁵⁴ в 7-томном собрании неизданных трудов Лейбница, выходившем в течение 1859 – 1875 гг.

Наряду с прессой и публицистикой к исследованию активно привлекались дневниковые и мемуарные источники. При отборе существующей многочисленной мемуарной литературы предпочтение отдавалось авторам, наиболее осведомленным в вопросах придворного церемониала, тем, кто мог бы из первых уст поведать о том, что видел своими глазами. Наибольшую ценность для изучения дипломатического церемониала представляют «Дневник» маркиза де Данжо, «Мемуары» маркиза де Сурша и герцога де Сен-Симона, на рассмотрении которых стоит остановиться подробнее.

Филипп де Курсийон, маркиз де Данжо (1638 – 1720) был одним из приближенных короля, пользовался его особым расположением и входил в интимный круг лиц, составлявших постоянное общество Людовика XIV. Король часто доверял ему ответственные дипломатические миссии, отправляя его с временными поручениями в основном в немецкие княжества (Трир, Майнц). В 1673 г. он был назначен чрезвычайным посланником в Пфальц. Большую известность Данжо принес его «Дневник двора Людовика XIV», который он вел ежедневно в течение 36 лет (с 1684 г. до конца жизни). Особенность «Дневника» состоит в том, что в нем совершенно отсутствуют записи о личной жизни автора, который сосредоточил внимание главным образом на детальном изображении придворного быта и с протокольной точностью сообщает о событиях, происходивших при дворе. В том числе Данжо оставил яркие описания торжественных празднеств, приемов европейских и восточных послов и прочих церемоний. Вольтер, пожалуй, заблуждался, когда писал в одном из своих писем в 1756 г.: «Бедняга [Данжо – *М.Ш.*] был так опьянен двором, что думал, будто для потомства необходимо отмечать, в котором часу министр входил в комнату короля. Четырнадцать томов наполнены такими подробностями. Привратник найдет там много поучительного, а историк – почти ничего»⁵⁵. Изобилие деталей наоборот

⁵⁴ *Leibniz G.W. Remarques sur un manifeste français, lettres et avertissements // Œuvres de Leibniz. T. 3. Paris, 1861. P. 75 – 203.*

⁵⁵ Цит. по: *Крестова Л.В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? (К вопросу об истолковании «Дневника») // Пушкин: Исследования и материалы. М.-Л., 1962. Т. 4. С. 270.*

играет на руку историкам, занимающимся изучением двора и придворного церемониала, для которых каждая деталь становится важным элементом познания и позволяет составить наиболее полную картину того, как все происходило на самом деле. В работе было использовано 19-томное издание «Дневника» Данжо, вышедшее в 1854 – 1860 гг.⁵⁶

Другой крупный мемуарист времени правления Людовика XIV Луи-Франсуа дю Буше, маркиз де Сурш (1639 – 1716) был высокопоставленным сановником при французском дворе и с 1664 по 1714 г. занимал должность старшего прево Франции⁵⁷, которую он получил от своего отца. По роду службы Сурш был не просто зрителем, но одним из главных действующих лиц придворных церемоний. Согласно протоколу во время приемов, проходивших с участием военного дома короля, гвардейцы прево во главе со своим начальником должны были в составе «внутренней» гвардии дворца встречать прибывавших ко двору послов. В «Мемуарах о правлении Людовика XIV» маркиза де Сурша, охватывающих период с 1681 по 1712 г. (за исключением 1683 – 1684 гг.: рукописи с записями этих лет были утеряны), содержится большое количество детальных описаний таких приемов.

О существовании «Мемуаров» Сурша широкой публике долгое время не было ничего известно. Первая частичная публикация была осуществлена в 1836 г.: тогда был напечатан только третий том. Полностью (13 томов) «Мемуары» были опубликованы уже в 1882 – 1893 гг.⁵⁸ В результате проведённого исследования издатели пришли к выводу о том, что текст был записан на бумагу несколькими секретарями старшего прево. Редакционная комиссия сравнила почерки рукописи «Мемуаров» и писем, написанных рукой Сурша, и установила, что почерки отличаются. По-видимому, сам Сурш на протяжении многих лет делал заметки, на основе которых его секретари позже составили текст того, что получило название «Мемуаров»⁵⁹, хотя, по сути, почти ежедневные записи Сурша представляют собой дневник.

⁵⁶ Dangeau, Philippe de Courcillon, marquis de (далее – Dangeau). Journal de la Cour de Louis XIV. Paris, 1854 – 1860, 19 vol.

⁵⁷ Старший прево Франции (*grand prévôt de France*) – одна из должностей дома короля. Основной обязанностью старшего прево Франции было обеспечение охраны двора, для чего в его распоряжении находились войска военного дома короля – гвардейцы прево, которые составляли часть «внутренней» гвардии дворца (*garde du dedans*).

⁵⁸ Sourches, Louis-François, marquis de (далее – Sourches). Mémoires sur le règne de Louis XIV. Paris, 1882 – 1893, 13 vol.

⁵⁹ Cosnac G.-J. Introduction aux Mémoires du marquis de Sourches // Sourches. Op. cit. T.1. Paris, 1882. P. V – VI.

Уникальным источником сведений о конце царствования Людовика XIV являются знаменитые «Мемуары»⁶⁰ Луи де Рувруа, герцога де Сен-Симона (1675 – 1755), без которых невозможно обойтись, занимаясь изучением этого периода. Сен-Симон происходил из знатной семьи. Титул герцога и пэра Франции его отец получил еще в 1635 г. Получив домашнее образование, Сен-Симон в 1691 г. был определен в королевские мушкетёры, но после заключения Рисвикского мира в 1697 г. он оставил армию. Это был не вполне добровольный шаг. Юный герцог был явно обижен королем: после труднейшей кампании он не получил ни повышения, ни наград. Но и король счел обиду Сен-Симона оскорбляющей его достоинство: подданный не смеет высказывать свое недовольство монарху. Так начинается история вражды Сен-Симона и Людовика XIV, который отныне не скрывает своей неприязни к герцогу⁶¹. С тех пор существование Сен-Симона было весьма двусмысленным: он всегда находился при дворе, но при этом не имел придворного звания и конкретных обязанностей. Сен-Симон становится внимательным наблюдателем придворной жизни. Его наблюдения лягут впоследствии в основу «Мемуаров».

Положение Сен-Симона при дворе, его непростые отношения с монархом не могли не оставить отпечатка на созданном им труде. Сен-Симон зачастую тенденциозен как в своем отношении к Людовику XIV, так и ко многим событиям, о которых он рассуждает. Тем не менее в «Мемуарах» можно найти описания многочисленных придворных церемоний (реже – дипломатических) и, что самое любопытное, красочные характеристики жителей и гостей Версаля, которые в сочетании с материалами других источников создают палитру мнений и позволяют с разных сторон посмотреть на персонажей французского королевского двора и его визитеров.

Для более ясного понимания дипломатических взглядов Людовика XIV нельзя обойти стороной собственные «Мемуары» короля, составленные им в поучение своему сыну, наследнику престола. Эти «Мемуары» посвящены 1661 – 1662 и 1666 – 1668 годам. В них Людовик XIV рассуждает о королевской власти, формулирует свои представления о ней, сопровождая рассуждения воспоминаниями о событиях, произошедших в его правление. «Мемуары» для наследника составлялись в конце 1660-х гг. лично королем при участии воспитателя дофина президента Периньи и члена Французской Академии Поля Пелиссона. Рукопись была опубликована в

⁶⁰ Имеются многочисленные издания «Мемуаров» Сен-Симона. В работе было использовано: *Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et le Régence* (далее – *Saint-Simon*). Paris, 1829 – 1830, 21 vol.

⁶¹ Михайлов А.Д. Поэзия и правда истории («Мемуары» Сен-Симона) // *Сен-Симон. Мемуары. Избранные главы*. Кн. 1. М., 1991. С. 12 – 13.

1806 г. в 6-томном собрании трудов Людовика XIV. «Мемуары» в поучение дофину занимают 1-й и 2-й тома⁶².

Помимо рассмотренных выше мемуаров в исследовании также частично использовались «Мемуары» маршала де Грамона (1604 – 1678)⁶³, который в 1659 г. в качестве посла Людовика XIV побывал с чрезвычайной дипломатической миссией в Мадриде; выдержки из «Мемуаров» мадам де Лафайет (1634 – 1693)⁶⁴, одной из наиболее ярких писательниц Франции того времени, часто бывавшей при дворе и оставившей некоторые интересные замечания по поводу придворных приемов, на которых она присутствовала, в частности, она описывает прием, оказанный Людовиком XIV английскому королю Якову II в Сен-Жермене; «Описание французского двора в 1690 году» Езекиеля Спангейма (1629 – 1710)⁶⁵, немецкого дипломата, посланника курфюрста Бранденбурга во Франции с 1680 по 1689 г. Также к исследованию были привлечены «Мемуары» шевалье д'Арвье (1635 – 1702)⁶⁶ – путешественника, знатока восточных языков, некоторое время служившего при французском дворе в качестве королевского переводчика (в этой роли д'Арвье выступил, например, во время приема турецкого посольства в 1669 г., подробное описание которого он дает в «Мемуарах») и «Мемуары» маркиза де Куланжа (1633 – 1716)⁶⁷, двоюродного брата мадам де Севинье, который, отказавшись от политической карьеры (некоторое время он был членом парламентов Меца и Парижа), тоже посвятил свою жизнь путешествиям. Однако в отличие от д'Арвье де Куланж практически не бывал при дворе. Близкий друг герцога де Шона, назначенного в 1689 г. послом французского короля при папском престоле, де Куланж отправился в составе его посольства в Рим. В своих «Мемуарах», написанных в начале 1690-х гг. по возвращении в Париж, он подробно рассказывает об этой поездке и проливает свет на некоторые детали посольства герцога де Шона.

Для наиболее ясного понимания идей французской монархии, выражаемых посредством дипломатического церемониала, важную роль наряду с письменными источниками играют иконографические материалы. Картины и гобелены, на которых запечатлены торжественные аудиенции короля иностранным послам; ежегодные королевские альманахи, богато иллюстрированные и содержащие сведения о самых

⁶² Œuvres de Louis XIV. Paris, 1806. TT. 1 – 2. Также использовалось издание: *Louis XIV. Mémoires pour l'instruction du dauphin*. Paris, 1992.

⁶³ *Gramont, A. de. Mémoires du maréchal de Gramont, duc et pair de France*. Amsterdam, 1717.

⁶⁴ *La Fayette, Madame de. Mémoires sur le règne de Louis XIV / texte établi par C. Muller*. Paris, 2003.

⁶⁵ *Spanheim E. Relation de la cour de France en 1690*. Paris, 1900.

⁶⁶ *Arvieux, chevalier de. Mémoires*. Paris, 1735. T. 4.

⁶⁷ *Coulanges, Philippe-Emmanuel, marquis de. Mémoires*. Paris, 1820.

ярких событиях истекшего года (в т.ч. дипломатических церемониях – въездах, аудиенциях); медали с изображением дипломатических триумфов короля; оформление внутреннего и внешнего пространства королевских дворцов и посольских резиденций – все это при изучении политического символизма имеет значение не только и не столько с точки зрения художественной ценности (которой, кстати говоря, может и не быть), но приобретает иной, символично-политический смысл и становится одним из неотъемлемых элементов изучения репрезентации власти. Например, серия королевских гобеленов под названием «История короля», создававшаяся с 1665 г. на протяжении всего царствования Людовика XIV (а затем и Людовика XV, до 1741 г.), была призвана запечатлеть самые выдающиеся события, в том числе такие, как приемы испанского посла в 1662 г. и папского легата в 1664 г. (*подробнее об этих приемах – в главе 3*), и служила эффективным средством королевской пропаганды, одним из инструментов создания и прославления «образа» монарха. Анализ широкого спектра изобразительных источников позволяет изрядно обогатить наши знания о невербальных, условно-знаковых формах коммуникации власти.

Картографические материалы (карты европейских столиц – Парижа, Мадрида, Рима, Лондона), а также схемы королевской резиденции в Версале, отображающие пространственное расположение парадных и жилых покоев дворца, активно использовались при изучении маршрутов следования послов во время дипломатических церемоний (эти материалы представлены в приложении к работе). Соотнесение картографических материалов с текстами письменных источников позволяет локализовать в пространстве города или дворца маршруты, по которым двигались участники дипломатических церемоний (посольских въездов, королевских аудиенций и проч.), дает возможность визуально оценить особенности этих маршрутов: удаленность пункта отправления от пункта назначения; городские объекты, мимо которых проезжает кортеж посла; расположение посольского квартала в черте города и т.д.

Из вышесказанного видно, что к исследованию был привлечен большой круг источников. Записки и мемуары придворных, как организаторов церемоний, так и зрителей (Сенкто, Бретейя, Сурша, Сен-Симона и др.), являются незаменимым источником информации для изучения «внутреннего» дипломатического церемониала французского двора. Королевские инструкции послам, а также

политические и дипломатические трактаты, составленные французскими легистами и дипломатами, выражают официальную позицию Франции по поводу иерархии и системы рангов в Европе, концепцию, которую вырабатывал король и его служащие в отношении церемониала французской дипломатии за рубежом. О том, насколько удавалось реализовывать эту концепцию на практике, можно в определенной мере судить по сборникам европейских «церемониалов» (напр., Руссе-де-Мисси) и донесениям французских дипломатов, являвшихся проводниками политики Людовика XIV при европейских дворах. Использование письменных документов различного характера в сочетании с иконографическим материалом позволяет, таким образом, приблизиться к пониманию сути символического языка власти, выражавшегося посредством дипломатического церемониала.

Обзор историографии

К пониманию дипломатического церемониала как одного из важнейших инструментов монархии Старого порядка и осознанию его репрезентативной функции историки пришли не сразу. Долгое время дипломатическому церемониалу не придавалось самостоятельного значения. Историю церемониала рассматривали как приложение к более широким темам: истории международных отношений, монархических институтов, двора и придворной жизни. Именно эти темы волновали специалистов в первую очередь, в то время как дипломатический церемониал оставался лишь фоном, на котором разворачивались «по-настоящему значимые» события, и служил предметом ярких описаний и пересказов, но не подробного анализа. Делая историографический обзор, представляется логичным показать ретроспективу того, каким образом профессиональные историки все-таки сумели разглядеть потенциал изучения проблемы дипломатического церемониала.

Период французской истории с конца XVI по начало XVIII в. получил в историографии наименование Великого века (*Grand siècle*). Правление Людовика XIV, растянувшееся более чем на полстолетия, стало одновременно его апогеем и закатом, подготовившим переход Франции к веку Просвещения. Огромное количество литературы посвящено этой самобытной эпохе, находившейся на стыке времен и органично сочетавшей в себе признаки уходящего в прошлое старого, еще по сути средневекового сознания и стремительно шедшего ему на смену мировосприятия Нового времени. Интерес к изучению многолетнего царствования

Короля-Солнца возник практически сразу же после его окончания и не исчезает до сих пор.

В 1751 г. выходит первая редакция «Века Людовика XIV» Вольтера⁶⁸, где автор с позиций историка-просветителя, не вдаваясь в детали, анализирует различные аспекты деятельности короля, его успехи и неудачи. Эта работа и написанный немного позднее «Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII» отвечали задачам Вольтера, который, во-первых, искал в исторических персонажах черты, присущие идеальному («просвещенному») правителю, а во-вторых, стремился противостоять в своем исследовании господствовавшей в то время «эрудитской» историографии, в основе которой лежала богословская доктрина.

В начале XIX в. с переходом от универсалистских идеалов Просвещения к романтической традиции в историографии, когда возрос интерес к истории отдельных народов и стран, появляется множество общих трудов по истории Франции, в которых в том числе рассматривается и время правления Людовика XIV. Одной из первых крупных работ, посвященных истории французской дипломатии, стало многотомное исследование дипломата и историка Г. Флассана. Вышедшая в 1811 г. «Общая и систематическая история французской дипломатии» Флассана⁶⁹ представляет собой некую «хронику» внешнеполитических акций французских королей, начиная с Хлодвига и заканчивая Людовиком XVI. Автор рассматривает все основные заключенные договоры, делает обзор наиболее значимых посольств, прибывавших во Францию и отправляемых за границу, проводит анализ политического поведения дипломатов, послов и посланников, ведших переговоры. Весь материал разделен на семь периодов. 3-й и 4-й тома издания посвящены времени правления Людовика XIV.

Несмотря на то что в первой половине XIX в. сохраняется тенденция к написанию всеобъемлющих трудов, охватывающих огромный временной период от основания монархии до современности, уже тогда проявляется интерес и к отдельным правлениям. В 1830 – 40-е гг. выходят работы, в которых

⁶⁸ Первые две главы будущего «Века Людовика XIV» были напечатаны еще осенью 1739 г. в Амстердаме в изд-ве Дю Соze под названием «*Essai sur l'histoire du siècle de Louis XIV*». На следующий, 1740 г. был запланирован выход этого же текста в парижском изд-ве Про в сборнике «*Recueil de pièces fugitives en prose et en vers*». Однако этот сборник был запрещен к напечатанию властями (Arrêt du Conseil d'État du roi qui ordonne la suppression de feuilles imprimées sous le titre de *Recueil de pièces fugitives en prose et en vers*, Paris, 1739). В итоге впервые «Век Людовика XIV» увидел свет в 1751 г. в Берлине: *Voltaire. Le Siècle de Louis XIV*. 2 vol. Berlin, 1751. Вторая, переработанная и расширенная редакция вышла спустя два года: *Voltaire. Le Siècle de Louis XIV*. 3 vol. Francfort, 1753.

⁶⁹ *Flassan G. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française*. Paris, 1811.

рассматривается именно царствование Людовика XIV и его дипломатия⁷⁰. Во всех этих трудах акцент сделан на событийной стороне вопроса. Такой подход будет характерен для французской историографии фактически до последней трети XIX в.

В последние десятилетия XIX – начале XX в. историки начинают обращаться также к вопросам возникновения и дальнейшего функционирования министерской власти во Франции, в том числе государственного секретариата иностранных дел (Э. де Люсэ, Ф. Массон, К. Пиччиони), а кроме этого изучается сама профессия дипломата (Ф. Вендри, Л. Батиффоль, К. Пиччиони)⁷¹. Одновременно наблюдается расширение спектра сюжетов, вызывающих научный интерес, и переход от «глобальных» историй дипломатии к более мелким, конкретным темам, происходит погружение в детали, что вполне отвечает позитивистскому подходу к изучению истории. В конце XIX в. активно идет процесс кооперации историков, занимающихся историей дипломатии. В 1886 г. было создано «Общество дипломатической истории», которое уже в следующем году начало выпуск «Журнала дипломатической истории». В 1888 г. по инициативе «Общества» в Гааге прошел международный конгресс дипломатической истории. Все это способствовало интенсификации научных изысканий и обращению ученых к новым темам. Хотя дипломатия продолжала рассматриваться исключительно как часть внешней политики государства, теперь все большее внимание стало уделяться конкретно-дипломатическим вопросам, например, двусторонним отношениям Франции с другими странами (Э. Мишо, Ш. Жерен, Ж. Пажес, П. Лезур и др.)⁷². Также появилось несколько статей по дипломатическому церемониалу (Ж. Дуанель, А. Жубер и др.)⁷³, в которых однако акцент сделан скорее на тщательном подборе

⁷⁰ *Capefigue J.-B.* Louis XIV, son gouvernement et ses relations diplomatiques avec l'Europe. Paris, 1837 – 1838; *Filon Ch. A.* De la Diplomatie française sous Louis XIV. Paris, 1843.

⁷¹ *Masson F.* Le département des Affaires étrangères pendant la Révolution, 1787 – 1804. Paris, 1877; *Luçay H. de.* Les origines du pouvoir ministériel en France : les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. Paris, 1881; *Vindry F.* Les Ambassadeurs français permanents au XVI siècle. Paris, 1903; *Batiffol L.* La charge d'ambassadeur au XVII siècle // *Revue d'histoire diplomatique*, 25, 1911. P. 339 – 355; *Picavet C.-G.* La carrière diplomatique en France au temps de Louis XIV (1661 – 1715) // *Revue d'histoire économique et sociale*, 1923. P. 389 – 396; *Piccioni C.* Les premiers commis des Affaires étrangères aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1928.

⁷² *Michaud E.* Louis XIV et Innocent XI d'après les correspondances diplomatiques inédites du ministère des affaires étrangères de France. Paris, 1882 – 1883. 4 vol.; *Reynald H.* Louis XIV et Guillaume III. Paris, 1883; *Gérin Ch.* Louis XIV et Saint-Siège. Paris, 1894. 2 t.; *Pagès G.* Le grand électeur et Louis XIV, 1660 – 1680. Paris, 1905; *Lesourd P.* Ambassade de France près de Saint-Siège sous l'ancien régime. Paris, 1924; *Rott E.* Histoire de la représentation diplomatique de la France auprès des cantons suisses. Berne, 1926.

⁷³ *Doinel J.* Réception d'ambassadeurs à Orléans au Moyen Age // *Revue d'histoire diplomatique*, 5, 1892. P. 98 – 102; *Joubert A.* Passage d'ambassadeurs et de princes étrangers à Angers du XV au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire diplomatique*, 6, 1892. P. 192 – 214; *Marsy, comte de.* Réception d'ambassadeurs à Compiègne (XVe – XVIIIe siècle) // *Revue d'histoire diplomatique*, 13, 1899 (1). P. 512 – 520; *Lesourd P.* Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint-Siège // *Revue d'histoire diplomatique*, 38, 1924. P. 75 – 97.

фактов, нежели на их анализе. Ценность этих статей в том, что в них дипломатические церемонии (в частности, посольские въезды) впервые выступают как заслуживающие особого внимания сюжеты.

Появление всех этих специальных работ подготовило выход в свет уже в 1930 г. книги французского историка К. Пикаве «Французская дипломатия в эпоху Людовика XIV»⁷⁴, которая стала по сути первым в XX в. крупным трудом по истории дипломатии. В отличие от Флассана Пикаве, ограничившись более коротким периодом, наряду с событийной историей рассматривает структуру дипломатического аппарата, обязанности дипломатов разного уровня, а также анализирует процедуру ведения переговоров. В основу своей работы Пикаве ставит изучение не столько внешней политики, сколько институтов дипломатии. Автор исследует устройство и функционирование центрального аппарата дипломатии, государственного секретариата иностранных дел; проводит анализ компетенции государственного совета в вопросах внешней политики.

В первой половине XX в., особенно в межвоенный период, когда остро проявился кризис позитивистского подхода к изучению истории, заключавшегося в накоплении конкретно-исторического материала на основе скрупулезной работы с письменными источниками, и обозначились новые направления исследований, связанные в первую очередь с социально-экономической проблематикой, интерес к дипломатической (или, как ее критически называли представители новых школ, событийной) истории несколько спал. Потенциал истории дипломатии, по мнению многих историков того времени, был исчерпан, хотя работы, написанные в позитивистском ключе, продолжали выходить (Э. Лависс, Ш. Сеньобос)⁷⁵. Дипломатия, рассматривавшаяся исключительно как история фактов, казалась изученной вдоль и поперек и не отвечала новой концепции истории ментальностей, которая была выдвинута возникшей в 1930-е гг. во Франции школой «Анналов». Можно сказать, что публикация книги Пикаве подвела некую черту в изучении истории дипломатии. И хотя в это время появился ряд работ по дипломатии, в целом историки переключились на более «актуальные» и «перспективные», по их мнению, сюжеты социально-экономической истории.

Возвращение к изучению истории дипломатии уже в новом ключе произойдет во второй половине XX столетия. Оно связано с именем французского историка

⁷⁴ Picavet C. La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661 – 1715). Institutions, mœurs et coutumes. Paris, 1930.

⁷⁵ Histoire de la France depuis les origines jusqu'à la Révolution / dir. E. Lavisse. Paris, 1901 – 1911, 9 vol. (времени правления Людовика XIV посвящены тома 7 – 8); Seignobos Ch. Histoire sincère de la Nation française. Paris, 1933.

П. Ренувена. Издание в 1953 – 1958 гг. под его редакцией восьмитомной «Истории международных отношений»⁷⁶ определило новую тенденцию в изучении истории дипломатии, которая сохраняется до сих пор. От традиционного понимания дипломатии как способа ведения внешней политики авторы перешли к более обширной проблеме международных отношений, подразумевающей изучение не только внешнеполитической деятельности правительств, но и иных факторов (социально-экономических, культурных, психологических), оказывающих серьезное влияние на развитие отношений между народами и государствами. После выхода «Истории» Ренувена начался рост числа историко-дипломатических исследований, строящихся отныне на этом новом принципе. В 1960 – 1970-е гг. эпоха Возрождения и раннего Нового времени, т.е. эпоха, когда происходило зарождение и развитие институтов и методов современной дипломатии, стала объектом исследования некоторых американских ученых (Г. Мэттинли, У.Дж. Рузен)⁷⁷. Наивысшего подъема изучение дипломатии в контексте международных отношений раннего Нового времени достигло в 1990 – 2000-е гг. под влиянием деятельности крупного французского историка-международника Л. Бели. Можно справедливо сказать, что вокруг него сложилась целая школа истории международных отношений XVI – XVIII вв. Первым наиболее значительным произведением Бели стала книга «Шпионы и послы во времена Людовика XIV»⁷⁸. В этом солидном по своему объему и содержанию труде автор проводит глубокий анализ существовавших в ту эпоху путей ведения переговоров (как официальных – посольства, зарубежные миссии и т.п.; так и неофициальных – шпионаж и проч.) Бели опирается на широкий круг источников, среди которых мемуары очевидцев, переписка непосредственных участников переговорных процессов, королевские инструкции послам и посланникам в зарубежные государства. Рассматривая время правления Людовика XIV, автор проводит идею о том, что целью французской дипломатии было не равновесие в Европе, как это декларировалось королевской властью, но доминирование Франции на континенте. Развитие дипломатии и международных отношений в исследованиях Бели представлено как неотъемлемая часть истории

⁷⁶ Histoire des relations internationales / P. Renouvin (dir.). Paris, 1953 – 1958, 8 vol.

⁷⁷ Mattingly G. Renaissance Diplomacy. Baltimore, 1964; Roosen W.J. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge, 1976.

⁷⁸ Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990. Наряду с Л. Бели в области истории дипломатии и международных отношений раннего Нового времени работают многие другие как французские исследователи, так и специалисты из других стран, напр.: Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450 – 1919. London, New York, 1993; Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450 – 1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000; Diplomacy and Early Modern Culture / R. Adams, R. Cox (ed.) New York, 2011.

европейского общества. Дипломатия государств Европы, формировавших «христианскую республику» (*respublica christiana*), строилась на идеале единого христианского мира⁷⁹, а европейские государи, связанные тесными династическими узами, представляли собой одну большую семью – «общество принцев»⁸⁰.

Европейская «семья принцев», о которой говорит Бели, жила по определенным законам и правилам и имела как общие задачи, так и множество противоречий. Коммуникация внутри этой семьи осуществлялась в том числе посредством дипломатии. Смысл дипломатии заключается в ведении переговоров с целью достижения договоренностей, удовлетворяющих переговорщиков. Однако переговорный процесс, в котором участвуют как минимум две стороны (а на практике гораздо больше), строго регламентирован дипломатическим протоколом, что характерно для дипломатии вплоть до наших дней. Главная задача протокола состоит в том, чтобы упорядочить процесс ведения переговоров, выстроить модель, которая позволила бы урегулировать отношения между сторонами, учитывая их статус. Особенностью дипломатии раннего Нового времени было то, что дипломатический протокол еще не был оформлен документально и, как увидим далее, из-за разногласий в представлениях об иерархии между государями и их послами возникало множество конфликтных ситуаций, приводивших к серьезным последствиям и мешавших продолжению конструктивного диалога. Таким образом, дипломатия не ограничивается только переговорами. Одним из ее важнейших элементов является этикет и церемониал. Именно он и служит той моделью, которая задает ход и устанавливает порядок межгосударственного диалога. В этом отношении дипломатический церемониал выполняет ту же самую функцию, что и придворный церемониал, направленный на то, чтобы упорядочить жизнь двора.

Однако до последнего времени вопросы формирования и трансформации дипломатического церемониала, его идеологического смысла рассматривались учеными лишь спорадически и, как правило, в контексте работ, посвященных истории дипломатии и придворного общества. Во второй половине XX в. историки, занимавшиеся Старым порядком (*Ancien régime*), отдавали предпочтение в основном изучению государственных институтов монархии. В 1974 г. вышла книга французского историка Р. Мунье «Институциональное устройство Франции во времена абсолютной монархии»⁸¹, в которой автор показывает, что монархические

⁷⁹ Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIe siècle. Paris, 2007. P. 21.

⁸⁰ Bély L. La société des princes. Paris, 1999.

⁸¹ Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. Paris, 1974.

институты, являющиеся отнюдь не пустыми абстракциями, но состоящие из конкретных людей, были одним из главных факторов жизнедеятельности общества. После публикации этого знакового для историографии Старого порядка труда интерес к институциональному устройству монархии возрастает. Ученые уделяют все большее внимание методическому исследованию центральных и провинциальных институтов абсолютизма, пытаются выяснить, что представляла собой монархическая власть во Франции, подвергая анализу ее структуры и методы функционирования. Тенденция к такому анализу проявилась не только среди французских историков-модернистов. Иностранные и в первую очередь американские ученые внесли серьезный вклад в разработку этой проблемы⁸². Основной подход заключался теперь в рассмотрении монархических институтов в их связи с общественным устройством и развитием. В 1976 г. под редакцией профессора Лондонской школы экономики Р. Хэттона вышел сборник статей «Людовик XIV и абсолютизм»⁸³, первая часть которого именно так и была озаглавлена: «Абсолютизм и общество». В сборнике представлены работы целого ряда авторов, специалистов по истории французского абсолютизма (Э. Коссманн, Ж. Дюран, Р. Мунье, Ф. Дюмон, Ф. Блюш).

Проблемы абсолютизма и институтов монархии продолжают исследоваться и в современной историографии. В 2001 г. вышла книга Б. Барбиша «Институты французской монархии нового времени»⁸⁴, а уже в следующем году французские исследователи Ф. Козанде и Р. Десимон опубликовали работу под названием «Абсолютизм во Франции: история и историография»⁸⁵. В этом совместном труде авторами была сделана попытка синтезировать уже имеющиеся знания об абсолютной монархии: разобраться в том, что же все-таки следует понимать под этим термином, и выяснить, существовал ли абсолютизм во Франции или нет. В результате рассмотрения авторами широкого спектра мнений касательно институциональной и политической истории Франции на протяжении XVI – XVIII вв. получился критический синтез различных подходов к решению этого вопроса.

В общих работах, посвященных исследованию институтов монархии, история дипломатического ведомства затрагивается в контексте изучения государственного аппарата в целом, а иногда вообще обходится стороной. Однако имеется достаточное

⁸² См. например: *Beik W. Absolutism and Society in Seventeenth-Century France: State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc*. Cambridge, 1985.

⁸³ *Louis XIV and Absolutism / Hatton R.M. (ed.)* London; Columbus, 1976.

⁸⁴ *Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne*. Paris, 2001.

⁸⁵ *Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France: histoire et historiographie*. Paris, 2002.

количество специальных трудов, в которых объектом внимания стали именно дипломатические структуры. В 1953 г. во «Французском журнале политической науки» была опубликована статья дипломата и историка А. Утрея «История и принципы французской администрации иностранных дел», выходявшая частями в трех номерах⁸⁶. Первая часть статьи посвящена периоду с 1589 по 1789 г. Разделяя понятия «*политические отношения*» между государствами, которые имели место в истории всегда, начиная с глубокой древности, и «*дипломатия*», подразумевающее более развитую форму таких отношений, автор обращается к истокам формирования государственных дипломатических структур во Франции, к тому времени (конец XVI – первая четверть XVII в.), когда политические отношения между странами приобретают характер дипломатических (в современном понимании), т.е. становятся регулярными и специализированными, что находит отражение в появлении дипломатического аппарата. Статья Утрея стала, по сути, первым исследованием истоков именно дипломатического ведомства (раньше возникновение департамента иностранных дел изучалось лишь как часть процесса зарождения в целом министерской власти во Франции). Тема институализации и последующего развития институтов дипломатии была в дальнейшем развита. В 1971 г. появилась работа Ж.-П. Самуайо, посвященная дипломатическому аппарату времени правления Людовика XV⁸⁷. Уже относительно недавно современная французская исследовательница М. Эль вновь вернулась к истокам дипломатического ведомства в работе «Иностранные дела во времена Ришелье: государственный секретариат, дипломатические агенты (1624–1642)»⁸⁸. Если добавить к этому уже упомянутую монографию Пикаве «Французская дипломатия в эпоху Людовика XIV», то можно сказать, что во французской историографии довольно хорошо представлены все периоды существования государственного аппарата иностранных дел при Старом порядке: его возникновение на рубеже XVI – XVII вв. и дальнейшая трансформация.

Наряду с изучением государственных институтов Франции раннего Нового времени во второй половине XX в. историки постепенно начинают обращать внимание на еще один немаловажный монархический институт – королевский двор. До этого история королевского двора была фактически маргинальной темой и не вызывала одобрения научного сообщества, она ассоциировалась в первую очередь с

⁸⁶ Outrey A. Histoire et principes de l'administration française des Affaires Etrangères // Revue française de science politique, vol. 3, 1953, n° 2. P. 298 – 318; n° 3. P. 491 – 510; n° 4. P. 714 – 738.

⁸⁷ Samoyault J.-P. Les bureaux du secrétariat d'État des affaires étrangères sous Louis XV: administration, personnel. Paris, 1971.

⁸⁸ Haehl M. Les affaires étrangères au temps de Richelieu: Le secrétariat d'Etat, les agents diplomatiques (1624-1642). Paris, 2006.

придворными интригами и развлечениями и поэтому долгое время оставалась вне сферы внимания ученых. Несколько работ о дворе и придворном церемониале, вышедших в 1930-е гг.⁸⁹, не изменили кардинально отношения к нему как к паразитическому институту, не имеющему никаких позитивных сторон. Такое отношение к истории двора в европейской историографии, как объясняет это известный немецкий социолог Н. Элиас, было связано с предубеждением буржуазии к королевскому двору и к людям, сформированным придворной жизнью⁹⁰.

С именем Элиаса связан поворотный момент в отношении ученых к истории двора. Еще в 1930-е гг. он написал ставшую впоследствии знаменитой работу «Придворное общество» (впервые она вышла в печати в Германии только в 1969 г.)⁹¹, где попытался преодолеть негативное отношение к этому институту как месту чрезмерной роскоши и порока, сложившееся в историографии, и, исследовав сознание и самосознание человека придворного общества, вывел на первый план репрезентативное значение феномена двора. Элиасу удалось показать, что изучение двора не в меньшей степени, чем других фигураций людей (города, деревни, фабрики и т.д.), имеет перспективы⁹². Перспективность этого направления была подтверждена рядом вышедших в последующие годы книг и статей не только о дворе Людовика XIV, но также о других европейских дворах, в частности английском⁹³. В опубликованной в 1987 г. книге французского историка Ж.-Ф. Сольнона «Двор Франции»⁹⁴ история королевского двора представлена в развитии. Автор прослеживает постепенный переход от «кочующего» вслед за монархом двора последних Валуа ко двору Людовика XIV, обосновавшегося в Версале. Вторая половина XVII – начало XVIII в. – период расцвета двора, в это время он приобретает классические формы. При следующих правителях проявится уже кризис этого института, наступит «осень» Версаля. Двор Людовика XIV – это один из важнейших инструментов управления монархии: посредством этикета и

⁸⁹ См., напр.: Brocher H. A la cour de Louis XIV. Le rang et l'étiquette sous l'ancien regime. Paris, 1934; Duffo F.-A. Le cérémonial de France à la cour de Louis XIV. Paris, 1936.

⁹⁰ Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. С. 52. См. также: Цатурова С.К. Долгий путь к Версалию. Трансформации французского двора в XIII - XV веках // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 63.

⁹¹ Elias N. Die höfische Gesellschaft. Darmstadt; Neuwied, 1969. На французский язык книга была переведена уже в 1974 г.: Elias N. La société de cour. Paris, 1974. Русский перевод «Придворного общества» Н. Элиаса появился в 2002 г.

⁹² Элиас Н. Указ. соч. С. 52.

⁹³ Strong R.C. Splendor at Court: Renaissance Spectacle and the Theater of Power. Boston, 1973; Starkey D. The English Court from the Wars of Roses to the Civil War. London, 1987. О дворе Людовика XIV см. например: Hatton R.M. Louis XIV: at the court of the Sun King // The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty. 1400 - 1800 / Ed. A.G. Dickens. New York, 1977. P. 121 – 146; Le Roy Ladurie E. Au près du roi, la cour // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations, 38e année, 1983 (1). P. 21 – 41.

⁹⁴ Solnon J.-F. La cour de France. Paris, 1987.

строгой иерархии выстраивается пирамида социальных связей, на вершине которой находится король. Все остальные члены придворного общества оказываются в непосредственной зависимости от воли монарха, добиваясь его расположения или попадая к нему в немилость. После длительного периода внутренних смут и попыток знати вплоть до середины XVII в. вернуть себе прежнее политическое влияние Людовик XIV ставит своей целью усмирение дворянства через создание новой системы рангов и придворной иерархии (между легитимными и внебрачными детьми монарха, между дворянством шпаги и дворянством мантии и т.п.) Изучение этой системы, которая является ключом к пониманию механизма функционирования жизни двора, легло в основу вышедшей в 1997 г. книги французского историка, представителя нового поколения школы «Анналов» Э. Ле Руа Ладюри «Сен-Симон. Система королевского двора»⁹⁵.

На сегодняшний день тема королевского двора стала общепризнанной и популярной и активно разрабатывается. Проводятся сравнительные исследования различных европейских дворов, их устройства и места в политической и культурной жизни общества раннего Нового времени⁹⁶. Все большее внимание уделяется истории придворного церемониала как неотъемлемой основополагающей части жизни двора.

Переосмысление роли духовного фактора философией истории, начавшееся еще в первой половине XX в., к середине столетия дало плоды. Произошло «преодоление антиномии материи и духа», которая была свойственна позитивистской и марксистской философии, видевшей основу жизни в материальной и социально-экономической составляющей и заявлявшей о «вторичности» сознания⁹⁷. В то же время осознание места двора как института, причастного к властным структурам, с одной стороны, и как особого культурно-психологического феномена – с другой, способствовало включению темы придворной жизни в орбиту концепции истории ментальностей, выдвинутой еще первым поколением историков школы «Анналов». Но если раньше отношение к двору сводилось к одностороннему пониманию его как элитарно-консервативного института, не представляющего

⁹⁵ *Le Roy Ladurie E.* Saint-Simon ou le système de la Cour. Paris, 1997.

⁹⁶ *Duindam J.* Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1995; *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500 – 1750 / Adamson J.* (dir.) London, New York, 1999; *Duindam J.* Vienna and Versailles: the courts of Europe's dynastic rivals, 1550 – 1780. Cambridge, 2003; *Leferme-Falguières F.* Les courtisans: une société de spectacle sous l'Ancien Régime, Paris, 2007; *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / Grell Ch., Pellistrandi B.* (dir.) Madrid, 2007; *Le Roux N.* Le roi, la cour, l'État: de la Renaissance à l'absolutisme. Seyssel, 2013.

⁹⁷ *Хачатурян Н.А.* Тема королевского двора в российской медиевистике // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 9 – 10.

интереса для научного исследования, то теперь такой взгляд кажется, как минимум, несправедливым. Ученые возвращаются к теме двора уже с других позиций. Двор и важнейший элемент его функционирования – придворный церемониал рассматриваются теперь с точки зрения истории репрезентации. Изучение жизни двора как особой социальной группы со своим мышлением, поведением и языком приобрело в последнее время новое культурологическое значение, характерное для современной философско-исторической парадигмы, заключающейся в сочетании различных подходов, необходимом для ясного понимания сложной структуры человеческого сознания и формирования наиболее целостной картины мира. По выражению Н.А. Хачатурян, во второй половине XX в. «культурно-психологическое измерение политической истории выдвинуло, в частности, на первый план в качестве средств и условий ее реализации не институты и учреждения: суд, армию, налоговую систему или исполнительный аппарат, – но проблему репрезентации власти, т.е. демонстрации ее силы и могущества, величия и исключительности»⁹⁸. Отсюда интерес к образам королевской власти (Л. Марен, Ж.-М. Апостолидес, Ж.-П. Неродо, П. Бёрк, Ж. Сабатье)⁹⁹, придворным празднествам (А. Аршембо, М.-Ш. Муан и др.)¹⁰⁰ и церемониалу, рассматривающимся в качестве символического языка власти. Это направление исследований в современной исторической науке, предметом которого стало изучение образов власти, выражающихся с помощью символических средств (ритуалов, церемоний, изображений, речей и т.п.), получило условное название потестарной имагологии¹⁰¹.

Тенденция к изучению символического языка власти как вполне самостоятельной и заслуживающей тщательного разбора проблемы все более отчетливо проявляется в современной зарубежной, как впрочем, и отечественной историографии. Исследование церемониала в качестве неотъемлемой компоненты социально-политической жизни придворного общества Средневековья и Нового времени стало одним из приоритетных направлений последних лет. Если раньше

⁹⁸ Она же. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / ред. Н.А.Хачатурян. М., 2006. С. 6.

⁹⁹ Marin L. Le portrait du roi. Paris, 1981; Apostolidès J.-M. Le Roi-machine, spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 1981; Néraudau J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. Paris, 1986; Burke P. The Fabrication of Louis XIV. Yale, 1992 (фр. перевод: Louis XIV. Les stratégies de la gloire. Paris, 1995); Sabatier G. Versailles ou la figure du roi. Paris, 1999; Sabatier G. Le prince et les art: stratégies figuratives de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Lonrai, 2010.

¹⁰⁰ Archimbaud A. Les fêtes de cour sous Louis XIV de 1682 à 1715, mémoire de maîtrise, dir. J. Meyer. Paris – Sorbonne, 1983; Moine M.-Ch. Les fêtes à la cour du Roi Soleil, 1653 – 1715. Paris, 1984; Castelluccio S. Les fastes de la galeries des Glaces. Paris, 2007.

¹⁰¹ Подробнее о направлении потестарной имагологии (от лат. *potestas* – сила, власть и *imago* – образ) см.: Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 5 – 37.

церемониал воспринимался лишь как внешний декор монархии, не представляющий научного интереса и могущий служить лишь предметом ярких описаний, то к настоящему времени ситуация кардинально изменилась. Исследования специалистов показали, что монархический церемониал выполнял важные политические функции, выступая в роли символического языка государства. Благодаря работам Р. Гизи и историков так называемой «церемониальной школы»¹⁰² стало очевидным, что феномен двора, который является на сегодняшний день одним из важнейших объектов изучения властных структур Старого порядка, не может быть понят без анализа церемониала как стержневого элемента его функционирования. Для придворного сознания того времени было характерно восприятие мира через символическое выражение идей¹⁰³. В церемониале, как и в произведениях искусства, архитектуре, придворных празднествах, отражалось особое мировоззрение короля и его ближайшего окружения, посредством этих символических механизмов конструировался «образ власти» и выстраивались линии отношений короля и его подданных.

Все более частое обращение историков к темам королевского двора и «образов власти» нашло выражение в процессе кооперации специалистов по интересам. Так, при университетах стали появляться различные научные сообщества, в том числе два крупных междисциплинарных сектора «Динамика ритуала» при Гейдельбергском университете и «Символическая коммуникация» при университете в Мюнстере. Более узкоспециализированные объединения имеются при Австрийской академии наук – «Дворы дома Габсбургов», «Общество изучения дворов» в Великобритании и «Европа дворов» в Ферраре¹⁰⁴. В 1992 г. подобное сообщество ученых возникло и в России. Эта научная группа «Власть и общество», созданная под руководством специалиста по Средневековью Н.А. Хачатурян, объединила не только исследователей-медиевистов, но и историков, занимающихся ранним Новым временем. Во многом благодаря работе этой группы в отечественной историографии за последние десятилетия так же, как и на Западе, пусть и с небольшим отставанием,

¹⁰² Giesey R.E. *Cérémonial et puissance souveraine*. Paris, 1987; Boureau A. *Les cérémonies royales françaises entre performance juridique et compétence liturgique* // *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. 1991. №6. P. 1253 – 1264; Guarino G. *Representing the king's splendor: communication and reception of symbolic forms of power in Viceregal Naples*. Manchester, 2011.

¹⁰³ Ковалев В.А. Королевский церемониал ранних Стюартов: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 9.

¹⁰⁴ Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? С. 8.

возрос интерес к изучению истории королевского двора и церемониала, которая долгое время, по сути, была «запретной» темой¹⁰⁵.

Возвращаясь к обзору исследований церемониала в западной литературе, стоит отметить, что наиболее обстоятельно изучены публичные торжественные манифестации королевской власти. Современные исследователи акцентируют внимание в основном на четырех крупных придворных церемониях: коронации/помазании на царство (*sacre-couronnement*) (Р.А. Джексон, Ж. Ле Гофф), королевских похоронах (*funérailles*) (Р. Гизи), церемонии въезда государя (*entrée*) (Б. Гене, Ф. Леу, Л. Брайант) и ложе правосудия (*lit de justice*¹⁰⁶) (С. Хенли)¹⁰⁷. Однако помимо перечисленных существовали еще и другие, не столь подробно изученные, но от этого не менее значимые, церемонии (процессии, выезды, королевская месса, прием послов), которые предоставляют новый обширный материал для дальнейшего изучения церемониала как одного из важнейших элементов придворной жизни. В то время как коронация, похороны, королевские выезды и ложе правосудия были делом скорее исключительным и устраивались весьма редко (коронация и похороны единожды за все царствование одного монарха; выезды и ложе правосудия чаще, но все же не систематически, а по особому случаю), то, например, месса или прием послов наоборот проводились регулярно, и поэтому они в большей степени отражают повседневную жизнь двора. К этим церемониям можно отнести, в частности, церемонии утреннего выхода короля и его отхода ко сну, также уже достаточно хорошо изученные в литературе. Более неоднозначно дело обстоит с дипломатическими церемониями. Как уже было отмечено, в основном эти церемонии рассматриваются в контексте изучения других церемоний, дипломатии или жизни двора в целом (М.-Л. Нгиен, А. Камюс)¹⁰⁸. Хотя в последние

¹⁰⁵ Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001.

¹⁰⁶ Ложе правосудия (*lit de justice*) – торжественное заседание Парижского парламента в присутствии короля и пэров.

¹⁰⁷ Jackson R.A. Vivat rex. Histoire des sacres et couronnements en France, 1364 – 1825. Strasbourg, 1984; Le Goff J. Reims, ville du sacre // Nora P. (dir.) Les lieux de mémoire, II, La nation. Paris, 1986. P. 89 – 114; Giesey R.E. Le roi ne meurt jamais. Les obsèques royales dans la France de la Renaissance. Paris, 1987; Guenée B. et Lehoux F. Les entrées royales françaises, 1328 – 1515. Paris, 1968; Bryant L. The king and the city in the Parisian royal entry ceremony. Politics, ritual and art in the Renaissance. Geneva, 1986; Les entrées: gloire et déclin d'un cérémonial // Actes du colloque tenu au château de Pau les 10 et 11 mai 1996 / Guenée B., Desplat Ch., Mironneau P. Biarritz, 1997; Hanley S. Le lit de justice des rois de France: l'idéologie constitutionnelle dans la légende, le rituel et le discours. Paris, 1991.

¹⁰⁸ Nguyen M.-L. Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque moderne. 1585 – 1792. Paris, 1999; Nguyen M.-L. Les officiers de la Maison du Roi et le cérémonial public de Henri III à Louis XVI, mémoire de D.E.A., dir. L. Bély. Paris – Sorbonne, 1999 – 2000; Camus A. Être reçu en audience chez le roi // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles [en ligne], Articles et études mis en ligne le 10 juillet 2013. URL: <http://crcv.revues.org/12206>

годы все же появился ряд статей, в которых некоторые проблемы дипломатического церемониала стали основным предметом исследования (С. Бруйе, С. Кастеллуччо, Ж. Сабатье)¹⁰⁹, проблема *дипломатической* репрезентации остается по-прежнему мало освещенной в исторической литературе. Дело в том, что дипломатический церемониал находится фактически на стыке нескольких сегментов исторических знаний. С одной стороны, он неотделим от дипломатии (как и сама дипломатия неотделима от церемониала), и поэтому авторы более общих трудов по международным отношениям неизбежно касаются в своих работах вопросов дипломатического церемониала. С другой стороны, он пересекается с придворным церемониалом, а это вводит его в круг интересов ученых, занимающихся историей двора и придворного общества. Как ни странно, но такой обширной теме как дипломатический церемониал периода правления Людовика XIV, правления, которое не только богато дипломатическими событиями, но и стало временем расцвета придворной жизни, до сих пор не было посвящено специального труда. Имеется ряд работ, в которых изучены отдельные аспекты дипломатического церемониала. Так, например, в 2011 г. появилась солидная работа французской исследовательницы Э. Рабен о публичных въездах французских послов в иностранные столицы при Людовике XIV и Людовике XV¹¹⁰. Однако по-прежнему неизученными остались, например, въезды, которые совершали иностранные послы в Париж. Что касается придворных дипломатических церемоний (аудиенций короля и членов королевской семьи послам), то они рассматриваются, как правило, в ряду прочих аудиенций, которые давал король придворным¹¹¹.

Еще одно серьезное исследование дипломатического церемониала времени Людовика XIV – труд С. Вассера «Демонстрация могущества: изучение дипломатического церемониала во времена Людовика XIV по “Мемуарам” барона де Бретейя (1699 – 1715)»¹¹². Эта, пожалуй, одна из наиболее полных работ, посвященных «внутреннему» дипломатическому церемониалу французского двора,

¹⁰⁹ Brouillet S. De Versailles à Paris: Nicolas de Saintot, choréographe de la monarchie en représentation, 1711 – 1716 // *Auzépy M.-Fr., Cornette J.* (dir.) *Palais et pouvoir: de Constantinople à Versailles...* Saint-Denis, 2003. P. 269 – 292; *Castelluccio S.* Les réceptions d'ambassadeurs dans la galerie des glaces // *Versalia*. 2006/9. P. 24 – 52; *Sabatier G.* Les itinéraires des ambassadeurs pour les audiences à Versailles au temps de Louis XIV // *Kauz R., Rota G. et Niederkorn J.P.* (dir.) *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Vienne, 2009. P. 187 – 211.

¹¹⁰ *Rabin E.* Les entrées publiques des ambassadeurs de France à l'étranger sous les règnes de Louis XIV et Louis XV: éléments symboliques de la représentation diplomatique, mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2010 – 2011.

¹¹¹ См., напр.: *Camus A.* S'entretenir avec le roi: les audiences de Louis XIV, mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2011 – 2012.

¹¹² *Vasseur S.* La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les *Mémoires* du baron de Breteuil (1699–1715), mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2011–2012.

тоже требует нескольких оговорок. Во-первых, как следует уже из названия, основным источником для исследования послужили мемуары посольского интродуктора де Бретейя. И хотя автор пользуется материалами других источников (стоит обратить внимание на то, что это исключительно мемуары современников, например, Сен-Симона, Данжо, Сурша; официальные источники и переписка, а также материалы газет к исследованию не привлекались), история дипломатического церемониала представлена в работе все же именно в преломлении воспоминаний Бретейя. Во-вторых, несмотря на разбор некоторых церемоний, имевших место до 1699 г., о которых упоминается в «Мемуарах», акцент в работе Вассера сделан именно на последних годах правления Людовика XIV, на времени, когда Бретейя занимал должность посольского интродуктора, в то время как длившаяся больше полувека первая часть царствования остается мало освещенной. И наконец, за пределами исследовательских задач автора остался французский дипломатический церемониал за рубежом. Эта важнейшая функция дипломатического церемониала – репрезентация королевской власти за границей через послов и посольства – в принципе весьма слабо разработана в историографии. Например, одна из ключевых проблем репрезентации, связанная с местом французских послов в системе дипломатической иерархии европейских дворов, а также с титулатурой послов, до настоящего времени так и не нашла достаточно ясного отражения в исторической литературе. А вместе с тем, постановка и решение этой проблемы имеет большое значение для понимания особенностей дипломатических отношений того времени и целей, которые преследовали король и его дипломаты.

Переходя к рассмотрению положения дел в отечественной исторической науке, нужно сказать, что в целом время правления Людовика XIV крайне мало представлено в исследованиях российских и советских ученых, а имеющиеся (в небольшом количестве) основные работы по этому периоду выходили со значительным временным разрывом. Так, после статьи А.С. Трачевского «Международная политика в эпоху Людовика XIV»¹¹³, написанной еще в конце XIX в., следующая отечественная работа по истории дипломатии Франции этого времени – книга дипломата и историка Ю.В. Борисова «Дипломатия Людовика XIV»¹¹⁴ – появится только спустя столетие. Стоит отметить, что эта книга, нацеленная на широкую читательскую аудиторию, при всех ее достоинствах имеет скорее характер научно-популярной монографии. Борисов выстраивает повествование, следуя

¹¹³ Трачевский А.С. Международная политика в эпоху Людовика XIV // Журнал министерства народного просвещения. 1888. №№ 1 – 2.

¹¹⁴ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

принципу хронологии, и в доступной форме освещает ключевые вопросы дипломатической политики короля на протяжении его долгого правления, говоря о целях этой политики (величие и могущество Франции), об устройстве дипломатического аппарата, о роли личности короля в принятии решений. Можно сказать, что это монография в целом по политической истории Франции во второй половине XVII – начале XVIII в., в которой упор сделан на внешнюю политику и дипломатию.

Книга Борисова, – по сути, единственный в советской историографии специальный труд, посвященный дипломатии Людовика XIV. Однако в середине XX в. коллективом советских историков была написана многотомная «История дипломатии», вышедшая под редакцией В.П. Потемкина¹¹⁵. В отличие от подхода западноевропейских ученых, которые в это время уже стали разделять политические и дипломатические отношения между государствами и считали временем зарождения современной дипломатии конец XVI – начало XVII в., в потемкинской «Истории» эти понятия по-прежнему отождествляются, а под дипломатическими отношениями понимаются любые межгосударственные контакты, имевшие место со времен самой глубокой древности. Начальному периоду Нового времени (XVI – XVII вв.) посвящен третий раздел первого тома, написанный С.Д. Сказкиным и С.В. Бахрушиным. Дипломатия «эпохи раннего капитализма» рассматривается в работе с точки зрения формационного подхода к истории. Главной целью дипломатии европейских государей (в том числе Людовика XIV, правлению которого посвящен отдельный параграф) авторы называют удовлетворение интересов династического порядка, «хищнических стремлений» феодального дворянства, а также экономических потребностей растущей буржуазии¹¹⁶. Во многом именно этим обусловлен подбор фактического материала. Признавая важность дипломатического церемониала для международных отношений, авторы ограничиваются лишь краткими замечаниями на этот счет.

В посмертно изданном в 1930 г. труде А.Н. Савина «Век Людовика XIV»¹¹⁷, в основе которого лежит курс прочитанных еще в 1912 – 1913 гг. лекций, королевскому двору посвящены 4-я и 5-я лекции. В целом отношение Савина к этому институту соответствует характерному для того времени (начало XX в.) негативному восприятию королевского двора, прослеживается тенденция к «обличению»

¹¹⁵ История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. М., 1941 – 1945, 3 тт. Второе издание «Истории», переработанное и дополненное, вышло в 1959 – 1979 гг. в 5 тт.

¹¹⁶ История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. М., 1941. Т. 1. С. 167.

¹¹⁷ Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930.

придворных нравов, например, он осуждал излишнюю публичность церемоний¹¹⁸. Если Савин критиковал двор и в целом правление Людовика XIV с позиций либерального ученого времен кризиса самодержавного строя в России, то уже в советские годы тема двора вовсе исчезает со страниц научных изданий (публикация работы Савина в этом отношении является исключением и оказалась возможной именно благодаря отрицательной оценке правления Людовика XIV).

Ситуация изменилась уже в постсоветский период, когда российские историки стали все чаще посвящать свои научные изыскания истории двора и придворной жизни. Этот интерес возник в контексте обращения отечественных ученых к такому направлению исторических исследований, как история репрезентации. В основном внимание специалистов, работающих в этом ключе, сосредоточено на более раннем периоде. Так, участники уже упомянутой выше научной группы «Власть и общество» по большей части делают акцент на изучении средневековых европейских дворов¹¹⁹. В 2004 г. появилась работа В.В. Шишкина по истории французского двора XVI – первой половины XVII в.¹²⁰ Историей репрезентации Людовика XIV занимается М.А. Сидоренко. В своей кандидатской диссертации, защищенной в 2013 г., он проследил эволюцию репрезентации королевской власти во Франции на материалах придворного балета Людовика XIV¹²¹. Однако в целом история французского королевского двора второй половины XVII – начала XVIII в. остается слабо освещенной в отечественной исторической науке. В связи с этим обращение к истории дипломатического церемониала как одному из средств репрезентации Людовика XIV представляется весьма своевременным и перспективным.

Подводя итог вышесказанному, стоит еще раз подчеркнуть, что время правления Людовика XIV весьма всесторонне представлено во франко- и англоязычной литературе (чего нельзя однако сказать о российских исследованиях). Профессиональные историки и вообще люди, интересующиеся историей, часто

¹¹⁸ Соколов А.Б. Культура придворного общества при Людовике XIV: точка зрения А.Н. Савина // Ярославский педагогический вестник, 2015, №3. С. 287.

¹¹⁹ См. напр.: Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004.

¹²⁰ Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI – XVII вв. СПб., 2004.

¹²¹ Сидоренко М.А. Эволюция форм репрезентации королевской власти во Франции: на материале придворного балета Людовика XIV: дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Томск, 2013. См. также: *Он же*. Опала Николя Фуке как акт репрезентативной политики Людовика XIV // Вестник Томского государственного университета. 2013. №336. С. 87 – 90; *Он же*. Репрезентативный образ Людовика XIV в творчестве Мольера // Идеи и идеалы. 2013. №2 (16). Т. 2. С. 86 – 94.

расходятся в оценках личности Короля-Солнца и его деяний. Некоторые с заметной осторожностью говорят о достоинствах короля и успехах его политики и тотчас противопоставляют им множественные недостатки и просчеты, в итоге приведшие страну к разорению (Ж.-К. Птифис¹²²); другие – наоборот видят в Людовике XIV мудрого политика, при котором Франция стала гегемоном европейского мира, находилась на вершине своего военного могущества и переживала культурный расцвет (Ф. Блюш¹²³).

Современным историкам удалось в той или иной степени затронуть почти все аспекты царствования Людовика XIV. Тем не менее проблема дипломатического церемониала, как это ни странно, до сих пор оставалась по большому счету «проходным» сюжетом. Как было показано выше, существуют отдельные работы по дипломатии, в которых, с одной стороны, большое внимание уделено событийной истории (исследованы процессы ведения переговоров, подготовки и обсуждения международных договоров, закулисные дипломатические интриги и т.п.), с другой – тщательно рассмотрены структура дипломатического аппарата, его функционирование и место в ряду других институтов монархии. В этих работах вопросы дипломатического церемониала так или иначе затрагиваются, но остаются все же второстепенными, являются частью повествования, а не предметом исследования.

Другой обширный корпус литературы посвящен истории двора, придворного этикета и церемониала. Однако в работах по этой проблематике вопросы дипломатического церемониала зачастую затрагиваются лишь косвенно. Дипломатический церемониал Франции второй половины XVII – начала XVIII в. незаслуженно оставался вне поля зрения историков, занимающихся изучением политического символизма. В настоящем исследовании предпринята попытка восполнить этот пробел, возникший в историографии, и попробовать рассмотреть дипломатический церемониал не просто как часть дипломатии, но как политико-культурный феномен, отвечающий задачам репрезентации королевской власти.

¹²² *Petitfils J.-C.* Louis XIV. Paris, 1995. Рус. перевод: *Птифис Ж.-К.* Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008.

¹²³ *Bluche F.* Louis XIV. Paris, 1986. Рус. перевод: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998.

Глава I. «Внутренний» дипломатический церемониал

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что церемонии, составлявшие неотъемлемую часть жизни придворного общества, отнюдь не были, как считалось ранее, бесполезной прихотью государей, склонных к безудержному расточительству и помпезности, но имели под собой определенное целеполагание, являясь выражением особого сознания человека раннего Нового времени, наследника Средневековья, склонного, сознательно или бессознательно, использовать символ для выражения своих идей. Поэтому справедливо рассматривать церемониал, плотно вплетенный в систему придворной жизни, в качестве символического языка общения придворных. В дипломатических церемониях участвовали не только дипломаты, но и весь двор. Иностранные посланники были прочно инкорпорированы в систему двора. Помимо собственно дипломатических церемоний (торжественный въезд посла в город, королевские аудиенции послам) они могли иногда присутствовать на некоторых придворных церемониях (королевской мессе, обедах, празднествах и др.), на которых им в соответствии с нормами этикета отводилось свое место.

Было бы ошибкой ограничивать функцию церемониала исключительно рамками одного отдельно взятого придворного общества, будь то французского, испанского или какого-либо другого. Если обратиться к области международных (или для XVII в. точнее – межгосударственных) отношений и допустить, что ключевые игроки на этой арене, т.е. государи вместе со своими министрами и дипломатами, формировали условный «общеевропейский двор», то и здесь мы увидим, что многочисленные церемонии, столь характерные для дипломатии вплоть до наших дней, в XVII в. играли более важную роль, нежели та, которую им долгое время отводили историки, а именно роль пышной и при этом весьма дорогостоящей декорации. Преуменьшение значимости церемониала в межгосударственном диалоге периода раннего Нового времени фактически оставляет в стороне такой обширный и свойственный эпохе материал, как дипломатические церемонии, необходимый для понимания целей этого диалога и определения позиций коммуницирующих сторон. Крупный специалист по истории международных отношений XVI – XVIII вв. Л. Бели отмечал, что международная политика того времени определялась именно личными взаимоотношениями царственных особ¹²⁴, которые все в той или иной степени были связаны между собой родственными узами и составляли фактически одну

¹²⁴ Bély L. La société des princes. Paris, 1999.

общеевропейскую семью. При этом монархи вступали друг с другом в диалог (дипломатический или военный), не только отстаивая государственный интерес (*raison d'Etat*, который формируется как идея в XVII в.), будь то территориальные приобретения или попытки добиться политической гегемонии, но и вели дискуссии на уровне символического языка, используя символ как один из механизмов утверждения своего престижного статуса.

Двойная функция дипломатического церемониала как символического языка придворного общения, с одной стороны, и важного средства ведения международного диалога, с другой, находит выражение в его разделении на «внутренний» и «внешний». Являясь частями одного целого, эти две компоненты церемониала были тесно взаимосвязаны, но все же имели свои специфические особенности и свои задачи.

1.1. Центральный дипломатический аппарат

Регулярные контакты французского двора с иностранными послами, несшими службу во Франции, могли принимать различные формы (аудиенции короля или государственного секретаря иностранных дел послам, официальные и частные встречи послов с приближенными короля, переписка и т.д.), но при этом они происходили по определенным правилам. Дипломатический церемониал не ограничивался стенами королевского дворца, и в этом его отличие от собственно придворного церемониала, который неотделим от места пребывания короля. К «внедворцовым» дипломатическим церемониям можно отнести, например, церемонию торжественного въезда послов (*entrée solennelle*).

К середине XVII в. уже выработался определенный механизм проведения придворных церемоний, был накоплен целый комплекс норм, доставшихся в основном от предыдущей эпохи и позволяющих говорить о церемониале раннего Нового времени как о вполне сложившейся системе. В то же время церемониал продолжал подвергаться постоянным корректировкам. И здесь роль монарха, безусловно, была определяющей. Конечно, Людовик XIV не занимался непосредственно устройством церемоний: для этого имелись специальные должности. Однако любые детали церемоний, начиная от выбора даты и времени их проведения и заканчивая тончайшими нюансами оказания почестей согласно статусу участников, а соответственно зачастую и сам этот статус, зависели от воли государя.

Людовик XIV, весьма неплохо разбиравшийся в вопросах церемониала и придававший ему отнюдь не поверхностное значение, всегда стремился, принимая решения об изменении порядка той или иной церемонии, опираться на традицию, т.е. на уже имевшие место в прошлом прецеденты. Однако многие из таких решений, как увидим далее, оказывались притянутыми за уши, подогнанными под конкретные цели, которые преследовал монарх.

Единолично принимавший все решения, король все же нуждался в советниках. Собственно для этого и создавался центральный дипломатический аппарат, который помогал государю в выработке политического курса. При этом король мог прислушиваться к мнению своих министров, но мог и не соглашаться с ними: последнее слово всегда оставалось за государем. Особенно это было характерно для международной политики, которая была исключительной прерогативой монарха. Министрам было позволено советовать, но они не имели права брать на себя в какой бы то ни было мере ответственность за принятие политических решений: они лишь исполняли приказания короны, находясь в ее тени¹²⁵.

Складывание дипломатического церемониала во Франции шло параллельно с развитием политической вертикали власти. Постепенное расширение и усложнение международных контактов в XVI – XVII вв. требовало создания специальных институтов, которые занимались бы вопросами внешней политики и дипломатии и помогали бы королю в принятии политических решений. Возникновение новых и трансформация уже существующих бюрократических институтов, превращавшихся в важный механизм функционирования абсолютной монархии и опору королевской власти, не обошли стороной и область дипломатии.

Дипломатическое ведомство второй половины XVII в., возглавляемое государственным секретарем иностранных дел, – это уже вполне оформившаяся структура. Впервые должность, развившаяся впоследствии в должность государственного секретаря, появилась в 1547 г. Тогда регламентом Генриха II вопросы административной и дипломатической переписки были переданы в ведение четырех лиц, которые первоначально выполняли роль экспедиторов и именовались секретарями-советниками Его Величества (*conseiller secrétaire des commandements et*

¹²⁵ Haehl M. Les affaires étrangères au temps de Richelieu: Le secrétariat d'Etat, les agents diplomatiques (1624-1642). Paris, 2006. P. 19.

des finances de Sa Majesté)¹²⁶. Сфера их полномочий была определена по территориальному принципу: территория королевства была поделена на четыре части, и дела каждой из этих частей были поручены одному должностному лицу. Кроме вопросов внутренней политики им было поручено вести сношения с иностранными государствами, территориально расположенными в том же направлении, что и французские земли, входящие в область их компетенции. Так, Гийом Боштель занимался связями с Фландрией, Шотландией и Англией, Ком Клосс – с Испанией и Португалией, Клод де Лобеспин – с Савойей, Германией и Швейцарией, и наконец, Жану дю Тьеру были поручены связи с Пьемонтом, Римом, Венецией и странами Леванта. Выделение этих четырех секретарей среди прочих нашло материальное выражение в существенном увеличении их жалованья¹²⁷, а в дальнейшем именно эти должности развились в должности государственных секретарей (*secrétaire d'Etat*).

В 1589 г. все дипломатические вопросы были выведены из компетенции трех других секретарей и переданы одному секретарю, который стал заниматься исключительно иностранными делами¹²⁸. С этого времени можно вести отсчет существования должности государственного секретаря иностранных дел (*secrétaire d'Etat des Affaires étrangères*) и департамента, ответственного за иностранную политику королевства. Персонал этого департамента также был четко определен регламентом и включал, помимо государственного секретаря, несколько канцелярских служащих и писцов.

В течение столетия, с середины XVI до середины XVII в., место государственных секретарей в политической системе двора заметно упрочилось. Из обычных секретарей-письмоводителей они превратились в руководителей крупных секторов публичной администрации, имевших право принимать участие в заседаниях Королевского совета (*Conseil d'Etat*)¹²⁹. Но несмотря на то что роль государственных секретарей в политической жизни постоянно росла, она все же оставалась второстепенной до тех пор, пока власть во Франции фактически находилась в руках первых министров – Ришелье и Мазарини. Однако со смертью кардинала Мазарини в 1661 г. именно государственные секретари, остававшиеся долгие годы в тени

¹²⁶ Règlement du 1er avril 1547. Текст регламента приведен в: *Luçay H. de. Les origines du pouvoir ministériel en France : les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. Paris, 1881. P. 14.*

¹²⁷ *Antoine M. La chancellerie de France au XVIe siècle // Journal des savants. 1969. Vol. 3. №3. P. 150. См. также: Michaud H. La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle (1513 – 1589). Paris, 1967.*

¹²⁸ Règlement du 1er janvier 1589. Текст регламента приведен в: *Luçay H. de. Op. cit. P. 31 – 32.*

¹²⁹ *Luçay H. de. Op. cit. P. 52.*

кардинальской мантии, станут надежной опорой Людовика XIV, отказавшегося назначать нового первого министра и решившего самолично править своим королевством.

Государственный секретарь иностранных дел был фактическим главой дипломатического ведомства при Людовике XIV. Он являлся постоянным членом Королевского совета и назначался королем обычно с учетом его опыта дипломатической работы. Занимал свою должность государственный секретарь также до тех пор, пока это было угодно королю.

Людовик XIV, для которого дипломатия была одним из главных интересов, умел окружить себя талантливыми деятелями с абсолютно разными характерами: это Юг де Лионн, Симон Арно де Помпонн, Шарль Кольбер де Круасси (младший брат генерального контролера финансов)¹³⁰. На должность государственного секретаря иностранных дел король назначал, как правило, человека с дипломатическим опытом. Так, Юг де Лионн, занимавший этот пост с 1662 по 1671 г., был опытным дипломатом, поработавшим к этому времени в Италии, Германии, Испании, в северных странах. Маркиз де Помпонн, сменивший Лионна на посту государственного секретаря (1672 – 1679), успел до этого побывать послом в Дании, Голландии, Швеции. Кольбер де Круасси до назначения государственным секретарем был послом при императоре, папе и английском короле, а уже в 1679 г. он получил должность государственного секретаря, на которой оставался до конца жизни. По своему происхождению все это были люди из разных социальных слоёв. Юг де Лионн – выходец из знатной дворянской семьи. Помпонн происходил из семьи, которой дворянство было пожаловано только в 1567 г. Кольбер де Круасси вовсе был сыном торговца сукном, но уже его сын Жан-Батист Кольбер де Торси станет в конце правления Людовика XIV одним из лучших государственных секретарей иностранных дел (1696 – 1715) Старого порядка. Прежде чем получить разрешение короля наследовать пост государственного секретаря, Торси тоже успел накопить большой опыт, сопровождая своего отца во многих дипломатических миссиях¹³¹.

Государственный секретарь иностранных дел имел несколько основных обязанностей. Являясь фактическим главой дипломатического корпуса, он, с одной стороны, обеспечивал в определенной степени коммуникацию иностранных послов с

¹³⁰ *Petitfils J.-C.* Louis XIV. Paris, 2008. P. 144.

¹³¹ *Dictionnaire des ministres des Affaires étrangères.* Paris, 2005.

королевским двором, а с другой – руководил французскими послами за границей¹³². Государственный секретарь должен был давать аудиенции иностранным послам и подготавливать их к аудиенции монарха. Он присутствовал практически на всех встречах короля с иностранными дипломатами. Государственный секретарь был правой рукой короля в его переписке с иностранными правительствами и послами, он должен был тщательно контролировать все информацию, поступающую из-за границы, и передавать ее королю и министрам¹³³. Помимо ведения корреспонденции в обязанности государственного секретаря иностранных дел входило составление дипломатических документов, в числе которых договоры и соглашения, депеши и инструкции послам. Конечно, государственный секретарь не составлял собственноручно депеши и инструкции, в этом ему помогали служащие дипломатического «бюро». Однако они выполняли эту работу под пристальным надзором государственного секретаря и были подотчетны ему¹³⁴.

Государственный секретарь вместе со своими помощниками подготавливал сотни депеш, которые отправлялись монархам и правительствам, с которыми король имел дипломатические отношения. Эти депеши представляли собой королевские письма, подписанные королем, контрассигнованные государственным секретарем и скрепленные простой красной печатью с изображением французской лилии.

Служащие государственного секретариата иностранных дел.

Государственный секретарь возглавлял ведомство, штат которого состоял из совсем небольшого числа служащих: нескольких клерков, переводчиков и шифровальщиков. Они назначались лично государственным секретарем и освобождались со своих постов, когда их покровитель умирал или терял благосклонность короля¹³⁵. Стоит отметить, что в XVII в. еще не существовало строгой специализации в среде дипломатических служащих: переводчики могли одновременно заниматься дешифровкой корреспонденции, дешифровщики – выполнять работу редакторов депеш, выступать в качестве «курьеров» и т.п.

Штат государственного секретариата иностранных дел подразделялся на первых и обычных коммй¹³⁶, которые формировали так называемый политический департамент. За этими скромными должностями скрывались важные обязанности. Они были, по образному выражению Ф. Массона, «диспетчерами» всей европейской

¹³² Никольсон Г. Дипломатическое искусство. М., 1962. С. 74.

¹³³ Nguyen M.-L. Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque moderne. 1585 – 1792. Paris, 1999. P. 44.

¹³⁴ Haehl M. Op. cit. P. 45 – 46.

¹³⁵ Никольсон Г. Дипломатическое искусство. С. 75.

¹³⁶ Коммй – от фр. *commis* – служащий.

политики. Составляя депеши, не имея права подписать их, они фактически обеспечивали коммуникацию европейских монархов¹³⁷.

По выполняемым функциям бóльшее значение имели первые комми (*premier commis*). Они занимались не просто редактированием дипломатической документации, но были фактически «правой рукой» государственного секретаря иностранных дел. Поскольку основная задача первых комми заключалась в правильной организации работы государственного секретариата (составление пояснительных записок и инструкций послам, депеш и т.д.), они были информированы о внешнеполитическом курсе, выработанном на заседаниях Королевского совета. Первые комми имели право заменять государственного секретаря в случае, если тот не мог принять какого-либо посла по состоянию здоровья или по другой серьезной причине¹³⁸. Простые комми (*commis ordinaire*) выполняли вспомогательную работу: главным образом занимались копированием документов и их рассылкой¹³⁹.

Как первые, так и обычные комми входили в число так называемых «сотрапезников» (*commensaux*) короля, т.е. обладали привилегией постоянного доступа к королю. Во всех поездках монарха штат служащих государственного секретариата иностранных дел сопровождал его¹⁴⁰.

1.2. Организация церемониала

Основные должности и институты, которые будут играть ключевую роль в дипломатической жизни Франции и организации дипломатического церемониала при Людовике XIV, возникли примерно в одно и то же время – во второй половине XVI века. Помимо собственно дипломатического ведомства примерно тогда же при дворе появляются две новые должности, занявшие важное место в организации придворного дипломатического церемониала. Это должности *обер-церемониймейстера* и *посольского интродуктора*.

¹³⁷ Masson F. Le département des Affaires étrangères pendant la Révolution, 1787 – 1804. Paris, 1877. P. 40.

¹³⁸ Piccioni C. Les premiers commis des Affaires étrangères aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1928. P. 52.

¹³⁹ Outrey A. L'administration française des Affaires étrangères. Paris, 1954. P. 215.

¹⁴⁰ Masson F. Op. cit. P. 49.

1.2.1. Обер-церемониймейстер и посольский интродуктор

Появление этих должностей связано с первой попыткой французского короля Генриха III упорядочить придворный, в том числе дипломатический церемониал. Все короли были хорошо осведомлены в вопросах придворного церемониала, имели представление о нормах этикета. Однако раньше церемониал не рассматривался монархами как мощный механизм управления. Ситуация меняется в конце XVI в., когда в период Религиозных войн возникла необходимость урегулировать придворную жизнь, и именно регламентация церемониала отвечала этой цели. Поэтому особое внимание, которое уделяли церемониалу Генрих III, а спустя полстолетия Людовик XIV, объясняется не только личными предпочтениями этих двух монархов и их увлеченностью пышными и роскошными церемониями, но и тем, что они целенаправленно проводили политику упорядочения придворной жизни, пришедшей в разлад в ходе Религиозных войн (в случае с Генрихом III) и вследствие Фронды (в случае с Людовиком XIV).

Регламентация придворного церемониала началась с издания нескольких эдиктов – 1578, 1582 и 1585 г.¹⁴¹ Одним из важных шагов в этой сфере стало появление должности обер-церемониймейстера (*grand-maître des cérémonies de France*). Она была создана в 1585 г. по указу Генриха III¹⁴². В обязанности обер-церемониймейстера входила организация всех публичных церемоний французского двора, как-то: крестины, свадьбы членов королевской семьи, коронации, торжественные обеды, торжественные приёмы иностранных послов¹⁴³. Он должен был заботиться о том, чтобы каждый из участников торжественной церемонии появлялся в свое время и находился на своем месте. До этого устройством публичных церемоний занимался главный распорядитель французского двора (*grand-maître de France*), руководивший всем придворным штатом. Однако уже при Генрихе III этот первый придворный пост был превращен в почетное, но декоративное образование и помещен в один ряд главных коронных чинов (*grands offices*)¹⁴⁴. Это было связано с тем, что в середине XVI в. пост главного

¹⁴¹ Nguyen M.-L. Les grands maîtres... P. 10. См. также: Chatenet M. Henri III et "l'ordre de la cour". Évolution de l'étiquette à travers les règlements généraux de 1578 et 1575 // Henri III et son temps: actes du colloque international du Centre de la Renaissance de Tours. Paris, 1992. P. 133 - 139; Le Roux N. La cour dans l'espace du palais: l'exemple de Henri III // Palais et pouvoir de Constantinople à Versailles / M.-F. Auzepy, J. Cornette (dir.). Saint-Denis, 2003. P. 229 – 267; Козандей Ф. Церемониальная политика во Франции XVI – XVII вв. // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 239 – 251.

¹⁴² A.N. O³518. Mémoires sur la charge de grand maître des cérémonies, dans le dossier n°22 : Règlements.

¹⁴³ Nguyen M.-L. Les grands maîtres... P. 47.

¹⁴⁴ Главные коронные чины – главные должности при французском дворе с правом заседать в Королевском совете. Помимо главного распорядителя двора к ним относились, например, главный

распорядителя двора находился в руках могущественного лотарингского рода Гизов, влияние которого стремился уменьшить Генрих III. К середине XVII в. пост главного распорядителя двора вовсе потеряет свое политическое значение и превратится в номинальную должность, держателями которой станут принцы крови. Созданная должность обер-церемониймейстера не входила в состав *grands offices*, т.е. занимавший ее не допускался на заседания Королевского совета. Однако смысл ее появления состоял в том, чтобы сосредоточить в руках одного лица все функции, связанные с организацией публичных церемоний. Согласно регламенту 1585 г. обер-церемониймейстер должен был следить за тем, чтобы во всех публичных мероприятиях при дворе соблюдался установленный порядок. Также в регламенте отмечено, что в случае, если обер-церемониймейстер, исполняя свои обязанности, вынужден будет применить силу, он может обратиться к гвардейцам, состоящим под руководством капитана королевской гвардии (*capitaine des gardes*)¹⁴⁵. Во время правления Людовика XIV должность обер-церемониймейстера занимали: Анри По (1642 – 1666); Шарль По (1666 – 1684); Жюль-Арман Кольбер, маркиз де Бленвилль (1684 – 1701) и Тома де Дрё-Брезе (1701 – 1749)¹⁴⁶.

В соответствии с регламентом 1585 г. в случае отсутствия при дворе обер-церемониймейстера для исполнения его обязанностей временно назначался заместитель. Впоследствии эта временная комиссия превратилась в постоянную должность церемониймейстера (*maître des cérémonies*). Но поскольку его статус и сфера компетенции не были ясно прописаны ни в одном документе, между церемониймейстером и обер-церемониймейстером часто возникали конфликты по вопросам старшинства (*préséance*). Так, обер-церемониймейстер Бленвилль не соглашался с тем, что церемониймейстер Сенкто во время церемоний шел с ним в одном ряду, и требовал, чтобы тот находился позади него. Сенкто в свою очередь упорно защищал свою позицию, настаивая на равенстве статусов должностей. В 1690 г. Людовик XIV, желая покончить со спором Бленвилля и Сенкто, довольно двусмысленно заявил, что, хотя о равенстве между должностями речи не идет, поскольку должность обер-церемониймейстера более значительна, тем не менее должность церемониймейстера не отличается от обер-церемониймейстера¹⁴⁷. Современники по-разному трактовали это решение короля. Маркиз де Сурш увидел в

раздатчик милостыни, обер-камергер, обер-шталмейстер. Подробнее см.: Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI – XVII вв. СПб, 2004. С. 125.

¹⁴⁵ A.N. O³518. Mémoires sur la charge de grand maître des cérémonies, dans le dossier n°22 : Règlements.

¹⁴⁶ См.: Nguyen M.-L. Les grands maîtres... P. 45 – 54.

¹⁴⁷ Règlement de 1690. Текст регламента приведен в: Nguyen M.-L. Op. cit. P. 25.

нем победу Бленвилля, поскольку именно его пост король назвал более почетным¹⁴⁸. В то же время маркиз де Данжо наоборот считал победителем Сенкто, пост которого король признал ничем не отличающимся от поста обер-церемониймейстера¹⁴⁹. Как отмечает М.-Л. Нгиен, занимавшаяся исследованием церемониальной службы во Франции, говорить о четкой внутренней иерархии между этими должностями в XVII в. действительно вряд ли возможно.

В тесной связи с обер-церемониймейстером находилась должность посольского интродуктора. Как отмечает в своих «Записках» Сенкто должность посольского интродуктора была введена для того, чтобы он сопровождал приезжавших во Францию королей, королев, принцев, принцесс и иностранных посланников и посвящал их во все детали церемониала¹⁵⁰. В обязанности интродуктора входило в назначенные дни вводить в апартаменты короля на королевские аудиенции кардиналов, нунциев, чрезвычайных и ординарных послов. Кроме королевских аудиенций он должен был вводить послов на аудиенции к королеве, дофину, принцам и принцессам крови, а также сопровождать их во время придворных церемоний. Интродукторы отвечали за все контакты короля с иностранными посланниками, находившимися при французском дворе¹⁵¹.

Впервые специальная должность, в обязанности которой входили контакты с иностранными послами, появилась в 1585 г. В регламенте от 1 января отмечалось, что порядок, который хочет установить король в отношении иностранных дипломатов, будет поддерживаться отныне «тем, кто сопровождает послов» (*par celui qui conduit les Ambassadeurs*)¹⁵². До этого король каждый раз выбирал нового человека на роль сопроводителя, т.е., как и в случае с церемониймейстером, это была лишь временная комиссия. Часто сопровождение послов поручалось королевскому гофмейстеру (*maître d'hôtel du Roi*), при этом с ними могли идти и принцы и другие вельможи. Так, в 1457 г. сопровождать польских послов было поручено принцу крови графу д'Э. С ним же послов сопровождали архиепископ нарбоннский, семь епископов, граф д'Арманьяк, парижский прево, первый президент парламента, члены Счетной палаты и др.¹⁵³

¹⁴⁸ Sourches. Mémoires sur le règne de Louis XIV. T. 3. Paris, 1884. P. 349.

¹⁴⁹ Dangeau. Journal de la Cour de Louis XIV. T. 3. Paris, 1854. P. 278 – 279.

¹⁵⁰ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 25, «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

¹⁵¹ Boppe A. Les Introduteurs des Ambassadeurs. Paris, 1901. P. 48.

¹⁵² BnF. Fonds Français, vol. 15870, f°s 596 – 598 ; AAÉ. Mémoires et document, fonds France, vol. 1835, f°s 145 – 146.

¹⁵³ Wicquefort A. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1682. Livre 1. P. 300.

С 1585 г. именно посольский кондуктор (*conducteur des ambassadeurs* – сопроводитель послов) должен был принимать дипломатов, размещать их и достойно с ними обращаться, для чего кондуктор получил право непосредственного доступа к королю¹⁵⁴. Кондуктор отвечал за коммуникацию короля и иностранных дипломатов, он информировал государя о целях той или иной аудиенции, справлялся о времени, которое король желал установить для проведения церемонии, и сообщал королевское решение послам.

Первым посольским кондуктором был назначен Жером де Гонди, занимавший этот пост с 1585 по 1605 г. После Жерома де Гонди должность была поделена между двумя лицами, которые несли службу попеременно в течение полугода. Однако еще в царствование Людовика XIII имели место инциденты, когда в особых случаях назначались временные сопроводители послов вместо официально имевшихся. Например, в 1625 г. во время церемонии брака сестры Людовика XIII Генриетты-Марии с английским королем Карлом I, вместо которого в соборе Парижской Богоматери присутствовал его приближенный, сопровождать последнего вместо посольского кондуктора Боннёйя был назначен г-н дю Амель, губернатор Сен-Дизье, занимавший также пост секретаря королевских покоев (*secrétaire de la Chambre du Roi*)¹⁵⁵.

Уже в период правления Людовика XIV, когда контакты с иностранными государствами стали еще более активными, наблюдается большая стабильность в положении сопроводителей послов. Именно в это время, в 1666 г. появляется новое название этой должности: вместо кондукторов они стали называться посольскими интродукторами. Отныне именно интродукторы были ответственны за прием при дворе каждого дипломатического представителя, который добивался аудиенции короля, вне зависимости от его ранга. В период с 1671 по 1691 г. должностью посольского интродуктора нераздельно владела семья Боннёйев: сначала отец – Этьен де Боннёй, а с 1680 г. его сын – Мишель де Боннёй. В это время посольский интродуктор стал одним из первых офицеров королевского дома. Он находился в прямом подчинении у короля, имел к нему прямой доступ и не зависел ни от кого, кроме монарха. О положении посольского интродуктора в системе придворной иерархии можно судить еще и по их материальному достатку. Должность интродуктора действительно была довольно привлекательной с точки зрения реального дохода. Дж. Дуиндам, сравнивая должности обер-церемониймейстера и

¹⁵⁴ BnF. Fonds Français, vol. 15870, f°s 596.

¹⁵⁵ BnF. Fonds Français, vol. 15870, f°s 572 – 574.

посольского интродуктора, отмечает, что последняя была более доходной. Несмотря на то что жалование обер-церемониймейстера составляло 3000 ливров, а интродуктора – 600 ливров в семестр (на конец XVII в.), реальный доход интродукторов был гораздо выше и доходил до 9000 ливров, поскольку они получали плату не только от короля, но и от самих послов¹⁵⁶ (в виде преподносимых им даров).

У интродукторов был один общий помощник – секретарь-сопроводитель (*secrétaire à la conduite*, или *sous-introducteur*). Изначально эта должность была неофициальной. Первым секретарем-сопроводителем стал Юбер Жиро (занимал пост с 1585 по 1625 г.) Он считался большим знатоком церемониала и в 1622 г добился королевского патента, обеспечившего ему и его сыну, Рене Жиро, пожизненное обладание этой должностью. В 1697 г. после смерти Рене Жиро Людовик XIV восстановил прерогативу короля самолично назначать секретаря-сопроводителя, отменив тем самым наследственное держание должности¹⁵⁷, и спустя два года назначил на этот пост г-на де Вилльраса, бывшего капитана пьемонтского полка.

За последние годы в контексте возросшего интереса историков к изучению придворного церемониала эпохи Людовика XIV появился целый ряд новых работ, посвященных фигуре посольского интродуктора¹⁵⁸. Эта должность привлекает внимание исследователей не только потому, что интродуктор был одной из ключевых фигур в организации дипломатического церемониала, но еще и потому, что в большинстве стран не существовало аналога этой должности. Как правило, функцию «ввода» послов при европейских дворах либо исполняли другие должностные лица (например, в Англии при дворе Стюартов этим занимался церемониймейстер в дополнение к своим основным обязанностям), либо каждый раз для этого назначались специальные люди. Исключение составляли лишь Франция и Испания, где имелись сходные по своим функциям должности интродуктора (во Франции с 1666 г.) и кондуктора (в Испании)¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Duindam J. *Vienna and Versailles : the courts of Europe's dynastic rivals, 1550 – 1780*. Cambridge, 2003. P. 192 – 193.

¹⁵⁷ Breteuil, L. N. *Le Tonnelier, baron de*. Mémoires. Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859 (далее – *Breteuil*), f° 245.

¹⁵⁸ Sabatier G. *Les itinéraires des ambassadeurs pour les audiences à Versailles au temps de Louis XIV // Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit / R. Kauz, G. Rota und J.P. Niederkorn (dir.)*. Wien, 2009. S. 187 – 211; Brouillet S. *De Versailles à Paris : Nicolas de Saintot, choréographe de la monarchie en représentation (1711–1716) // Palais et pouvoir de Constantinople à Versailles*. P. 269–292; Nguyen M.-L. *Les officiers de la Maison du Roi et le cérémonial public de Henri III à Louis XVI : Mémoire de DEA*. Université Paris IV, 2000.

¹⁵⁹ Должность посольского кондуктора (*conductor de los embajadores*) появилась при дворе испанских Габсбургов в 1625 г. Loomie A.J. *The Conducteur des Ambassadeurs of Seventeenth Century France and Spain // Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 53. Fasc. 2. 1975. P. 333–356. См. также: Hugon A. Au

Функции обер-церемониймейстера и интродуктора, служивших при французском дворе, действительно во многом перекликались, поскольку оба они занимались организацией церемониала. В связи с этим должность посольского интродуктора зачастую ставят в ряд должностей, находящихся в сфере компетенции обер-церемониймейстера. Однако интродукторы не были подчинены обер-церемониймейстеру и не являлись частью «штата» церемониальной службы¹⁶⁰. Посольские интродукторы, как на это указывает наименование их должности, должны были принимать дипломатов и иностранных принцев соответственно их рангу и статусу, сопровождать их и представлять монарху. Но и обер-церемониймейстер также должен был сопровождать иностранных посланников и заниматься подготовкой королевских аудиенций. Наложение служебных полномочий зачастую порождало путаницу и, в конечном счете, вызвало необходимость четкого разделения компетенций.

Как же происходило это разграничение?

На практике посольский интродуктор, сопровождая иностранного гостя, шел по одну сторону от него, а обер-церемониймейстер – по другую. Проблема состояла в определении того, кому из них следует идти справа.

В разных культурах дихотомия «*правое – левое*» имеет различные трактовки. Латинское слово *sinister* – «левый, находящийся слева» одновременно служит обозначением для чего-то «зловещего, дурного, предвещающего несчастье»¹⁶¹. Для европейской и в целом христианской культуры характерно предпочтение правой (позитивной) стороны. Согласно Евангелию от Матфея во время Страшного суда Иисус Христос «поставит овец [т.е. праведников – *М.Ш.*] по правую Свою сторону, а козлов [т.е. грешников – *М.Ш.*] – по левую» (Мф. 25:33). Правая сторона воспринимается как лучшая и приносящая счастье. Символически «правое» может ассоциироваться со старшинством и приоритетом, в то время как «левое» связывается с чем-то более слабым, второстепенным. В эпоху рыцарства

service du roi catholique, “honorable ambassadeurs” et “divins espions”: représentation diplomatique et service secret dans les relations hispano-françaises de 1598 à 1635. Madrid, 2004. P. 294–305; *Gómez del Campillo M.* El espía mayor y el conductor de embajadores // *Boletín de la Real Academia de la Historia*, 119, 1946. P. 317–340.

¹⁶⁰ *Nguyen M.-L.* Les grands maîtres... P. 86.

¹⁶¹ В то же время у авгуров – членов жреческой коллегии в Древнем Риме, занимавшихся предсказаниями по природным явлениям и поведению животных, – именно левая сторона считалась благоприятной. При гадании, если молния сияла слева от наблюдающего, предзнаменование считалось счастливым. Если справа, – наоборот, неблагоприятным. Стоит принять во внимание, что авгуры во время гадания были обращены лицом к югу, в то время как в современном европейском представлении (например, традиционное картографическое изображение Земли) взгляд смотрящего в исходном положении направлен на север. Т.е. происходит перемена сторон. См. статью «Авгуры» в: *Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А.* Т. 1. СПб., 1890. С. 62.

традиционно левая рука, держащая щит, оставалась пассивной, а правая манипулировала оружием¹⁶². Известное выражение «встать с левой ноги» во многих современных европейских языках (фр. *se lever du pied gauche*; нем. *mit dem linken Bein aufstehen*; исп. *levantarse con el pie izquierdo*) подразумевает плохое настроение и также передает негативное восприятие «левого».

В вопросах церемониала определение того, кто должен располагаться справа, а кто слева от короля или посла, имело принципиальное значение. Расположение участников церемоний относительно друг друга отражало статусные отношения между ними. Правая, «привилегированная» сторона подчеркивает более высокий статус того, кто ее занимает.

До середины XVII в. статусные отношения между недавно созданными должностями обер-церемониймейстера и сопровождаителя послов не были до конца определены. Отсутствие четкого правила – кому с какой стороны от посла следует идти – порождало конфликты. Спор, возникший по этому поводу между обер-церемониймейстером Анри де Родом и посольским кондуктором Николя де Берлизом, был разрешен регламентом, принятым регентшей Анной Австрийской в 1643 г., согласно которому публичные церемонии фактически подразделялись на два типа: те, в которых участвовал военный дом короля (*maison militaire*), и те, что проходили без него. На церемониях, проходивших, в соответствии с распоряжением короля, при участии французской и швейцарской гвардии, первенство отдавалось обер-церемониймейстеру, который занимал место по правую руку от сопровождаемого лица, в то время как сопровождаитель послов находился по левую руку. В случаях, когда церемонии приема послов проходили без привлечения военного дома, обер-церемониймейстер вовсе не присутствовал на них, а все его обязанности исполнял посольский кондуктор¹⁶³. Регламент 1643 г. разделил компетенцию обер-церемониймейстера и сопровождаителя послов. Если первый был ответственен за организацию наиболее пышных церемоний, к которым привлекались различные службы дома короля, то зона ответственности второго распространялась исключительно на дипломатические церемонии.

Помимо своей основной церемониальной функции, которая заключалась, строго говоря, в том, чтобы вводить послов на аудиенции к королю, посольские интродукторы обеспечивали связь между двором и представителями иностранных государей вне стен королевского дворца, т.е. исполняли роль посредников между

¹⁶² Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 214.

¹⁶³ Règlement de 1643. Текст регламента приведен в: Breteuil. Op. cit. Ms 3859, f°s 15 – 80.

иностранными посланниками, с одной стороны, и монархом и его окружением – с другой. Задача интродуктора состояла в том, чтобы информировать послов о предстоящих церемониях, посвящать их в детали церемониала, наносить визиты с каким-либо поручением от короля (например, вручение подарка и т.п.), т.е. быть вестником государя в случае, когда тот хотел донести до иностранных послов определенные сведения или проявить знаки внимания. Не менее важной была и обратная связь. Так, А. Югон отмечает, что интродукторы, регулярно вступая в контакты с послами, являлись своего рода тайными агентами короля, добывающими секретную информацию¹⁶⁴. И если, например, в Испании в это время существовала специальная должность главного соглядатая (*espia mayor*), который под разными видами вступал в контакты с иностранными дипломатами с целью добыть информацию, вывести их планы и затем сообщить о них королю¹⁶⁵, то во Франции XVII – начала XVIII в. такой должности просто не существовало, и посольские интродукторы выступали еще и в качестве «информаторов» короля.

Выполнение интродуктором коммуникативно-информаторской функции, подразумевавшей его регулярные контакты с дипломатическим корпусом, представляется особенно важным, если иметь в виду тот факт, что интродукторы не имели выше себя никакого руководителя, кроме короля.

1.2.2. Иностранные послы и посланники во Франции

Для изучения дипломатических церемоний необходимо сказать также о тех, без кого эти церемонии не имели бы смысла, а именно о представителях иностранных государств, приезжавших во Францию для исполнения дипломатических поручений. Несмотря на то что в конце XVI – начале XVII в. получает развитие идея государства как высшего начала (Н. Макиавелли, Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс) и государственного интереса, дипломатия раннего Нового времени все еще сохраняет черты предыдущей эпохи. Дипломатия во многом остается личной. Это означает, что посланники, отправлявшиеся за рубеж, представляли не государство, а персону своего государя. Но именно в это время складывается институт постоянных дипломатических представительств.

Послы выполняли функцию посредников между главами государств. По сути, благодаря им и осуществлялся диалог между монархами. Но если раньше послов

¹⁶⁴ Hugon A. Au service du roi catholique... P. 295.

¹⁶⁵ Hugon A. L'information dans la politique étrangère de la Couronne d'Espagne, XVIe - XVIIe siècles // L'information à l'époque moderne: Actes de colloque de 1999. Paris, 2001. P. 46.

отправляли за рубеж лишь на короткое время с чрезвычайным поручением, теперь они стали находиться при иностранных дворах на регулярной основе, представляя интересы своего государя. При этом чрезвычайные миссии также сохранялись. Произошло, таким образом, разделение послов на ранги. Появились ординарные, выполнявшие функцию постоянных дипломатических представителей, и чрезвычайные послы, отправлявшиеся за рубеж относительно ненадолго для решения наиболее важных животрепещущих вопросов.

Дипломатами первого порядка считались ординарные (*ambassadeur ordinaire*) и чрезвычайные (*ambassadeur extraordinaire*) послы. Они представляли светских государей. Дипломатическими представителями папы были ординарные (*nonce ordinaire*) и чрезвычайные (*nonce extraordinaire*) нунции и легаты (*légalat a latere*)¹⁶⁶. Нунции приравнивались по своим полномочиям к послам – они представляли папу не как верховного иерарха, но лишь как светского правителя¹⁶⁷, в то время как легаты, помимо чисто дипломатических функций, выполняли также функцию репрезентации папы как главы католиков¹⁶⁸. Дипломатами второго порядка были ординарные (*envoyé ordinaire*) и чрезвычайные посланники (*envoyé extraordinaire*).

От того, в каком ранге находился дипломат, зависело, каких почестей он удостоивался. *Послы*, выполнявшие репрезентативную функцию, т.е. являвшиеся представителями суверенного государя, обладали особыми привилегиями: они имели право оставаться в головном уборе в присутствии монарха, въезжать в своем экипаже во внутренний двор королевского дворца, во время церемонии въезда в Париж и публичной королевской аудиенции им предоставлялась карета короля. При этом в отличие от ординарных послов чрезвычайные послы в течение первых трех дней пребывания во Франции освобождались от расходов и содержались за счет двора. Также король предоставлял им заранее подготовленные апартаменты¹⁶⁹. На ординарных послов эта привилегия не распространялась: они должны были самостоятельно находить себе жилье. В XVII столетии не было принято заранее согласовывать с иностранным монархом или правительством кандидатуру

¹⁶⁶ Легат *a latere* – папский легат (посол) с особым поручением, выбранный из ближайшего окружения папы (от лат. *latus* – близкие, окружение).

¹⁶⁷ Стоит обратить внимание, что такое правовое положение было характерно только для нунциев, которых папа отправлял во Францию; в других католических странах нунций являлся представителем папы не только как светского государя, но и как главы вселенской Церкви, и в этом качестве обладал высшей церковной властью, что во Франции противоречило бы вольностям галликанской церкви.

¹⁶⁸ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 27, «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

¹⁶⁹ Специальный особняк, располагавшийся на улице Турнон в Париже, был выделен для размещения чрезвычайных послов в 1630 г. Подробнее о резиденции чрезвычайных послов см.: Courcel R. de. L'hôtel des ambassadeurs extraordinaires à Paris // Bulletin de la société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France. 66e année – 1939. Paris, 1940.

отправляемого посла. Исключением был случай с назначением нунция, которого папа собирался послать в Париж: его имя обычно сообщалось в предварительном порядке Людовику XIV для одобрения¹⁷⁰. Однако в остальных случаях человек появлялся без уведомления. Особого почета удостаивались папские *легаты*. Только им было позволено сидеть во время королевской аудиенции (нунции и послы стояли в присутствии короля), а также в отличие от нунциев и послов легаты имели право обедать за королевским столом во время церемониальных обедов¹⁷¹. *Посланники* занимали более низкую ступень в дипломатической иерархии, поскольку они не имели права репрезентации государя, считавшегося прерогативой послов. В связи с этим посланники не могли совершать торжественный въезд в столицу и были обязаны снимать головной убор в присутствии короля¹⁷².

Всего во Франции к началу XVIII в. имелись дипломатические представительства более 20 иностранных государств. В 1700 – 1701 гг. в Париже находились: папский ординарный нунций, 5 ординарных послов (Испания, Португалия, Венеция, Голландия, Савойя), 2 чрезвычайных посла (Испания, Англия), 5 чрезвычайных посланников (в основном немецкие княжества). Самой многочисленной категорией дипломатических представителей были ординарные посланники: их насчитывалось 9. Посланников отправляли в основном итальянские и германские князья, а также император, испанский и португальский короли¹⁷³.

Первое место в иерархии иностранных послов при французском дворе занимал папский нунций, за ним следовал испанский посол. Если помимо ординарного посла при дворе находился чрезвычайный посол, отправленный тем же государем, то чрезвычайный посол обладал правом старшинства по отношению к ординарному. Так, чрезвычайный посол Испании по статусу был выше испанского ординарного посла. Однако в случае, когда чрезвычайный и ординарный послы являлись представителями разных государств (коронованных особ), чрезвычайный посол не имел никаких преимуществ перед ординарным. Поэтому, например, чрезвычайный посол, отправленный королем Англии, не мог претендовать на старшинство по отношению к ординарному послу испанского короля. Такая система иерархических отношений, установившаяся к концу XVII в., говорит о том, что к этому времени институт чрезвычайных посольств успел трансформироваться и утратил прежнее исключительное значение. Если изначально чрезвычайных послов

¹⁷⁰ Callières F. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006. P. 56.

¹⁷¹ Ibid. P. 55.

¹⁷² Ibid. P. 47 – 49.

¹⁷³ Данные о дипломатических посланниках приводятся по упоминаниям их в «Записках» посольского интродуктора барона де Бретейя по состоянию на 1700 – 1701 гг.: Breteuil. Op. cit. Ms 3860.

отправляли для решения конкретного дипломатического вопроса или по какому-либо исключительному поводу (например, в знак выражения радости по случаю восшествия на престол, рождения у короля сына или скорби по случаю траура) на короткий период, а затем они сразу же возвращались домой, то к концу XVII – началу XVIII в. их функции изменились. Теперь чрезвычайные послы отправлялись государями с целью ведения текущих переговоров, которые могли длиться в течение большого отрезка времени, и грань между ординарными и чрезвычайными посольствами стала стираться. Так, португальский чрезвычайный посол маркиз де Кашкайш находился во Франции с 1695 по 1700 г. Английский посол лорд Манчестер также, хотя и имел ранг чрезвычайного, прибыл во Францию в 1699 г. для ведения текущих дел, а отбыл назад в Лондон лишь в 1701 г. Ранг чрезвычайного посла, таким образом, становится своего рода почетным титулом, придающим послу и его миссии больший авторитет, но при этом по сути почти никак не влияет на его реальное положение в ряду других послов.

Появление института постоянных дипломатических представительств нашло интересное выражение в придворном церемониале. Посольский интродуктор Сенкто в начале XVIII в. отмечал, что раньше папские нунции появлялись в церемониальной одежде (*en camail et en rochet* – в тунике и красной мантии с капюшоном) на всех аудиенциях, даже на частных и секретных. Но теперь, поскольку нунции, как и все прочие послы, стали придворными (т.е. постоянно находились при французском дворе), на частные и секретные аудиенции они больше не надевали мантию и только во время публичной аудиенции использовали этот церемониальный элемент костюма¹⁷⁴. Помимо папских нунциев особые церемониальные одежды имели также венецианские дипломаты. Однако венецианцы надевали их только в тех случаях, когда король давал аудиенцию в Париже. После того как Людовик XIV и его двор обосновались в Версале, послы Венеции стали появляться на церемонии публичной аудиенции в обычной одежде на французский манер: в черном платье и накидке. Отношение к Версалю как к одной из загородных королевских резиденций чем дальше, тем больше не устраивало Людовика XIV. Уже в начале XVIII в. он решил возродить прежний обычай венецианских послов появляться на публичной аудиенции в церемониальном костюме. С этой целью в 1700 г. король дал аудиенцию вновь прибывшему послу Пизани в столичном дворце Пале-Рояль. А через несколько лет сменивший Пизани Лоренцо Тьеполо был принят уже в Версале, где он появился

¹⁷⁴ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 45, «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

в специальном костюме. Описание его одежды дает Бретей. Посол прибыл «в костюме, совершенно похожем на тот, который носили придворные в то время, когда двор находился еще в Париже, и который до сих пор является нашим [французов – *М.Ш.*] церемониальным костюмом, в каком женятся принцы» (*пример такого свадебного костюма см. в прилож. 20*). На Тьеполо были просторные короткие штаны и чулки, перевязанные черными лентами, поверх камзола было накинуто мантио из черного дамаста, украшенное шелковыми кружевами. На поясе висела шпага с бриллиантом на эфесе. Когда посол отправился во дворец, он снял мантио и шпагу и надел длинную накидку со шлейфом, который нес его паж до дверей залы гвардейцев. В качестве головного убора у посла была не венецианская шапка, а шляпа без перьев.¹⁷⁵ Случай с приемом Тьеполо показывает значимость церемониального костюма. То, что послы Венеции некогда надевали особенные, торжественные одежды на публичную аудиенцию к королю, не только отвечало цели продемонстрировать собственный блеск и богатство, но также являлось знаком чести, оказываемой принимавшему их монарху. Поэтому стремление Людовика XIV вернуться к традиции появления послов в специальном церемониальном облачении вполне понятно. Несмотря на то что Париж оставался столицей Франции, король переместил политический центр государства в Версаль, сделав его своей основной резиденцией, и для него было важно, чтобы все почести, которые он получал, находясь в Париже, оказывались бы ему в таком же объеме и здесь.

Обратимся теперь к самим дипломатическим церемониям.

1.3. Дипломатические церемонии

«Внутренний» дипломатический церемониал королевского двора Франции представляет собой комплекс церемониальных мероприятий, организованных французской стороной для приема иностранных дипломатов. К таким мероприятиям можно отнести королевские аудиенции послам, официальные и частные приемы, устраивавшиеся государственным секретарём и прочими королевскими сановниками, званые обеды по случаю приезда во Францию нового посла и проч.

¹⁷⁵ Breteuil. Op. cit. Ms 3862, f°s 293 – 296.

Говоря о «внутреннем» дипломатическом церемониале, можно выделить две основные церемонии:

- торжественный въезд послов в Париж;
- и королевские аудиенции послам.

1.3.1. Прибытие иностранных послов во Францию. Торжественный въезд в Париж

По прибытии во Францию иностранные послы в первую очередь должны были отправить через своего секретаря или конюшего письмо к государственному секретарю иностранных дел с извещением о своём прибытии. Также им необходимо было известить о своём приезде интродуктора и всех иностранных послов, находящихся на тот момент во Франции, которые должны были в ближайшее по получении извещения время нанести ему официальный визит. Если новоприбывший посол не уведомил какого-либо иностранного посла, уже находящегося на службе при французском дворе, о своём приезде, этот последний не должен был наносить ему визит, до тех пор пока не получит уведомления¹⁷⁶.

После получения от государственного секретаря ответного письма новоприбывший посол отправлялся к нему на приём с верительной грамотой от своего государя. Вот что пишет по этому поводу русский посланник А.А. Матвеев, прибывший к французскому двору в 1705 г.: «Понеже при том дворе издревле обыкновение есть всем послам и посланникам прежде аудиенции королевской, при первом случае приезда своего во Францию к тому двору королевскому, на приезде быть у статского министра, кто те дела при том отправляет дворе, не ожидая его к себе первого приезда. При том посол имел первое место в его доме. В креслах бархатных красных, в таких же ровных и он, маркиз, сидел»¹⁷⁷. Матвеев описывает приём посла у государственного секретаря иностранных дел Торси: «В приезд посольский принят он, господин посол, был от него, маркиза де Торси, со всякою любовью и учтивством великим, также потом и провожан»¹⁷⁸. Во время этого приёма посол в краткой форме изложил обстоятельства своего приезда и приобщил перевод государевой грамоты. После этого государственный секретарь сказал, что доложит о встрече Его Величеству и сообщит послу о том, когда король его примет. Ответ не заставил себя ждать, и на следующий день после встречи с государственным

¹⁷⁶ Callières F. Op. cit. P. 75.

¹⁷⁷ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1972 (далее – Матвеев). С. 71.

¹⁷⁸ Там же.

секретарём посол получил известие от Торси о дате и времени, на которые была назначена королевская аудиенция.

Частная аудиенция у короля. После посещения государственного секретаря и до публичной королевской аудиенции послы принимались королём сначала частным образом. Для того чтобы получить частную аудиенцию (*audience particulière*), послы обращались к посольскому интродуктору, который сообщал королю о прибытии посла и узнавал его волю по поводу времени оказания приема. В назначенный день посол прибывал в королевский дворец инкогнито. Это означало, что до официального вступления в должность посол рассматривался исключительно как частное лицо. В связи с этим, как отмечает Сенкто, посольский интродуктор, сопровождавший посла на аудиенцию, не оказывал ему никаких почестей (*sans lui faire rendre aucun honneur*)¹⁷⁹. Кроме того, пока посол не был принят королем, его карета не имела права въезжать во двор королевского дворца. У кареты посла встречал ординарный секретарь короля (*secrétaire ordinaire du roi*), который провожал его до зала послов во дворце, где посла ожидал интродуктор.

Первая частная аудиенция всегда проходила в кабинете короля, который принимал посла стоя, без шляпы и перчаток. Помимо короля, посла и посольского интродуктора на аудиенции присутствовал государственный секретарь иностранных дел и, несмотря на частный характер церемонии, придворные: среди них обер-камергер (*grand chambellan de France*), четыре первых камер-юнкера (*premiers gentilshommes de la chambre*), обер-гардеробмейстер (*grand maître de la garde-robe*). Первая частная аудиенция была неофициальной, на это указывает тот факт, что послы не предоставляли королю верительной грамоты своего государя. С точки зрения церемониала никаких особенных правил, за исключением разве что обычных знаков вежливости, выраженных в трех глубоких поклонах, которые делали послы, входя в кабинет короля в начале аудиенции и выходя из кабинета по ее завершении, не было. Надо обратить внимание, что в церемонии не принимал участия военный дом короля¹⁸⁰, чем объясняется отсутствие обер-церемониймейстера на частных аудиенциях. По подобию королевской аудиенции проходили частные аудиенции, которые в тот же день давали послу члены королевской семьи – Дофин, Месье и Мадам¹⁸¹, принцы и принцессы крови и др.

¹⁷⁹ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 28, «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

¹⁸⁰ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 542.

¹⁸¹ Дофин (*dauphin*) – наследник французского престола. До 1711 г. наследником Людовика XIV был его сын Людовик Великий Дофин. Месье (*Monsieur*) – титул, который давался родному брату короля, следующему за ним по старшинству. До 1701 г. этот титул принадлежал Филиппу, герцогу

После первого приема у короля посол получал право въезжать на карете во двор королевского дворца, а также мог сразу же приступать к исполнению своих обязанностей, что однако не означало официального вступления в должность. Это было так называемое вступление в должность «без огласки» (*sans éclat*).

Интересно отметить, что Сенкто, говоря о первой частной аудиенции короля послам, рассматривает ее как обязательный элемент церемониала рубежа XVII – XVIII вв.¹⁸² Однако, по-видимому, это было не так в течение долгого времени, и подобная традиция возникла уже ближе к концу XVII столетия. Так, занимавший пост посольского интродуктора в 1680 – 1691 гг. Шабена де Боннёй несколько иначе в своих «Записках» говорит о частных аудиенциях, проводившихся до официального вступления посла в должность. Он пишет, что в современной ему практике сложился обычай проводить одну, а то и несколько частных аудиенций у короля, которые позволяли послам приступать к выполнению своих обязанностей еще до публичного въезда¹⁸³. Т.е. еще в 1680-е гг. такое положение было новым по сравнению с предыдущим периодом. Теперь король желал видеть нового посла прежде, чем его увидит весь двор во время публичной церемонии. Предпочтение, которое стало отдаваться частным приемам, еще более понятно, если учесть, что, как пишет Сенкто, в особо важных случаях до церемонии публичного въезда король устраивал послу секретную аудиенцию, на которой не мог присутствовать никто, кроме самого короля, посла и государственного секретаря иностранных дел. Даже посольский интродуктор, сопроводив иностранного посла до королевского кабинета, затем должен был удалиться¹⁸⁴.

После приема у короля новоприбывший посол, не дожидаясь церемонии публичной аудиенции, должен был вновь нанести визит государственному секретарю иностранных дел, а также, если порученные ему дела касались других ведомств, и остальных государственных секретарей: военных (*secrétaire d'Etat de la Guerre*) и морских (*secrétaire d'Etat de la Marine*) дел, а также секретаря королевского дома (*secrétaire d'Etat de la Maison du roi*). Однако эти визиты не считались церемониальными и проходили в свободной форме. Официальный прием

Орлеанскому, младшему брату Людовика XIV. Титул Мадам (*Madame*) использовался в отношении супруги Месье.

¹⁸² Сенкто составлял свои «Записки», уже покинув пост посольского интродуктора, т.е. в самом конце царствования Людовика XIV.

¹⁸³ BnF. Nouvelles acquisitions françaises, vol. 3133, f°s 11 – 12.

¹⁸⁴ ААЭ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f°s 28 – 29. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

государственные секретари оказывали послу уже после церемонии публичной аудиенции у короля¹⁸⁵.

Церемония торжественного въезда. Эта церемония представляет большой интерес для изучения ввиду того, что она является исключительно дипломатической церемонией в отличие, например, от королевской аудиенции, которая имеет двойную природу, будучи одновременно дипломатической и придворной. Церемония торжественного въезда посла в Париж имела большое значение: она являлась своего рода прелюдией всей дипломатической миссии новоприбывшего посла. Право торжественного въезда во французскую столицу предоставлялось только послам. Как отмечает в своих «Записках» посольский интродуктор Николя де Сенкто, рассуждая об этой церемонии, вплоть до своего торжественного въезда послы находились во Франции инкогнито как частные лица¹⁸⁶.

Традиция торжественного въезда, ставшая впоследствии официальной церемонией, возникла изначально как знак оказания чести государю, отправившему своего посла во Францию, вне зависимости от характера посольства (постоянное или чрезвычайное). Церемониал торжественного въезда послов в Париж оставался инвариантным на протяжении веков, дабы не оскорбить достоинства представителей иностранных государств какими бы то ни было изменениями деталей этикета. Однако стоит отметить, что восточные послы (турецкие, сиамские и др.), чьи визиты были достаточно редким явлением (в отличие от регулярных европейских посольств) и длились недолго, пользовались особым приемом¹⁸⁷. Помимо собственно церемонии торжественного въезда в Париж послы из далеких, «экзотических», как тогда считалось, стран принимали различные почести во всех крупных городах, которые они проезжали на своем пути во французскую столицу. Кроме того, восточные послы были освобождены от расходов в течение всего их пребывания во Франции¹⁸⁸. Послы европейских государей были лишены этих привилегий. Особое отношение к гостям из дальних стран обусловлено, как представляется, исключительной редкостью подобных визитов, которые становились удобным случаем для принимающей стороны сделать из них настоящий праздник и продемонстрировать щедрость и блеск французского короля. Европейские же посольства стали в XVII в. обыденной

¹⁸⁵ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 29. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

¹⁸⁶ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 27. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

¹⁸⁷ Herbet M. Une Ambassade persane sous Louis XIV. Paris, 1907. P. 114.

¹⁸⁸ Courcel R. de. Op. cit. P. 61.

практикой, и поэтому не было необходимости делать из них специальные торжества (которые к тому же просто не осилила бы казна).

Обычно церемония торжественного въезда посла в Париж проходила в воскресенье, а публичная аудиенция в следующий вторник. Но точные сроки проведения церемонии не были определены: посол мог совершить свой въезд уже через несколько дней после прибытия во Францию, а мог и спустя несколько недель. Это зависело от степени готовности посла и придворных церемониальных служб к проведению мероприятия.

Для совершения въезда посол должен был обратиться к посольскому интродуктору, чтобы тот известил короля о его намерении совершить въезд и получил приказание насчет времени проведения церемонии. Получив необходимые распоряжения, интродуктор предоставлял королю список лиц, из которых он должен был выбрать того, кто будет сопровождать посла во время въезда, а также во время первой публичной аудиенции.

Круг лиц, из которых выбирался сопроводитель послов, был четко определен. Согласно регламенту 1633 г. сопровождать посла в день его торжественного въезда должен был маршал Франции (*maréchal de France*)¹⁸⁹, в то время как папских нунциев сопровождали иностранные принцы. Все остальные послы коронованных особ имели право на то, чтобы их сопровождал принц, только во время публичной аудиенции. Преимущество при выборе сопровождающего принца отдавалось иностранным принцам из Савойского или Лотарингского дома¹⁹⁰. Сен-Симон в комментариях к «Дневнику» Данжо относит возникновение этого обычая к тому времени, когда Лотарингский и Савойский дома были весьма многочисленными и являлись влиятельной силой при французском дворе. Представители, в частности, Лотарингского дома, в отличие от других знатных сеньоров, по словам Сен-Симона, постоянно находились при короле и в своих интересах так или иначе стремились наладить тесные контакты с иностранными посланниками, оказывая им различные почести, как, например, честь сопровождать их во время первой королевской аудиенции¹⁹¹. Речь, по всей вероятности, идет здесь о времени правления Генриха IV, и даже конкретно о 1605 г., т.к. далее Сен-Симон пишет об инциденте с головным убором, произошедшем во время приема королем испанского гранда, на котором присутствовали, в числе прочих, принц Конде (у Сенкто – граф де Суассон, его дядя), Шарль де Гиз (герцог Майеннский из Лотарингского дома) и герцог д'Эпернон

¹⁸⁹ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 545.

¹⁹⁰ Dangeau. Op. cit. T. 6. Paris, 1856. P. 307.

¹⁹¹ Additions inédites du duc de Saint-Simon. См.: Dangeau. Op. cit. T. 6. P. 307.

и после которого по курьезной случайности именно за представителями Лотарингского, а впоследствии и Савойского домов закрепились привилегия сопровождать иностранных посланников во время их первой аудиенции у короля¹⁹².

После того как король определил день церемонии и назначил маршала или принца, посол должен известить об этом через своего посланника Месье, Мадам, принцев и принцесс крови, государственного секретаря иностранных дел, а также других иностранных послов, находящихся во Франции, чтобы те могли отправить свои кареты на церемонию. Предупрежденные послы в течение оставшихся до торжественного въезда дней отправляли к нему своих помощников с приветствиями и подтверждением того, что они не преминут прислать свои кареты (на церемонию въезда папских нунциев кареты присылали послы только католических государей).

Ординарный секретарь короля предупреждал первого шталмейстера (*premier écuyer*), чтобы тот подготовил кареты Их Величеств. В отсутствие королевы на церемонию отправлялась карета жены наследника престола, а в случае отсутствия у дофина супруги – карета жены следующего претендента на престол.

В разное время въезды послов в Париж проходили через разные ворота. Послы, прибывшие с севера, совершали въезд через ворота Сен-Дени, папские нунции и послы итальянских государей, входили через ворота Сен-Жак. Однако с 1660 г. все послы стали проходить через ворота Сент-Антуан¹⁹³. Такой порядок был установлен после того, как 26 августа 1660 г. здесь прошла церемония торжественного въезда во французскую столицу только что поженившихся Людовика XIV и Марии Терезии. В память об этом событии в 1670 г. к имевшейся уже однопролетной арке ворот были пристроены еще два пролета. Ворота Сент-Антуан стали фактически главным въездом в Париж. Для придания им пущей торжественности в конце 1670-х годов над центральной аркой планировалось даже установить конную статую Людовика XIV. Проект перестройки ворот запечатлен на гравюре 1679 г. художника Себастьяна Леклерка. В случае его реализации ворота приобрели бы поистине грандиозный облик (см. *прилож. 2, рис. 1 – 2*). Однако этот замысел так и не был осуществлен.

Непосредственное место, от которого начиналась церемония въезда и где посол еще до самого торжественного прохода по улицам Парижа принимал поздравления, зависело от конфессиональной принадлежности посла. Для послов-

¹⁹² Сюжет с испанским грандом более подробно рассмотрен ниже, на стр. 83.

¹⁹³ Разрушенные в 1778 г. ворота находились на месте современной площади Бастилии в Париже.

католиков это был монастырь Пикпюс¹⁹⁴. А послы государей протестантской и других конфессий традиционно начинали въезд из особняка Рамбуйе, находившегося неподалеку от этого монастыря¹⁹⁵ (см. *прилож. 2, карта 1*).

Церемония начиналась обычно около полудня с того, что посол принимал поздравления от придворных, которые присылали к нему свои кареты. Ординарный секретарь короля приезжал в карете королевы и представлял послу конюших, прибывших в экипажах принцев и принцесс крови, а также других иностранных послов, по мере их прибытия. В это время посольский интродуктор в карете короля отправлялся за маршалом Франции, назначенным сопровождать посла. Посол встречал маршала и интродуктора в центре покоев, выделенных ему в монастыре Пикпюс (для католиков) или в особняке Рамбуйе (для остальных). После взаимных приветствий они направлялись к карете короля (впереди шел маршал или принц, посол следовал за ним), чтобы начать торжественное шествие.

В карету короля первым поднимался виновник мероприятия – посол. Затем входил маршал, он садился слева от посла. А интродуктор, занимал место в королевской карете напротив них. Помимо королевской кареты, в которой находились посол, маршал и интродуктор, в шествии участвовали: кареты интродуктора и маршала, прислуга посла, конюх посла во главе пажей на лошадях (как раз за ними следовала карета короля с послом, справа и слева от которой шли лакеи маршала и интродуктора), карета королевы, кареты детей и внуков Франции (Месье и Мадам, герцога и герцогини Шартрских), принцев и принцесс крови (принца Конде), незаконнорожденных детей короля (герцога де Бурбона, герцогини де Конти/мадемуазель де Блуа, герцога Мэнского, графа Тулузского), карета государственного секретаря иностранных дел (маркиза де Торси)¹⁹⁶ и, наконец, завершали этот ряд кареты самого посла. Такой порядок расположения карет, следовавших за королевской каретой с послом, безусловно, не был случайным, он отражал сложившуюся придворную иерархию. При этом можно отметить, что в списке карет отсутствует карета Монсеньора, т.е. дофина. Сенкто объясняет это тем, что дофин не имел собственного дома, т.е. не имел в своем распоряжении титулованных оффисье, находящихся непосредственно в его подчинении, а не в

¹⁹⁴ Францисканский монастырь, находившийся на окраине пригорода Сент-Антуан, на территории современного XII округа Парижа. Закрыт в 1790 г.

¹⁹⁵ *Grell Ch. Histoire intellectuelle et culturelle de la France de Louis XIV. Paris, 2000. P. 153 – 154.*

¹⁹⁶ В скобках указаны конкретные придворные, отправлявшие свои кареты для поздравления послов. Этот список приводит барон де Бретей в своих «Записках», которые он начал составлять в 1699 г. Соответственно список актуален для времени с 1699 по 1701 г., когда умер Филипп Орлеанский, брат короля. *Breteuil. Op. cit. Ms 3859, f°s 372 – 374.*

подчинении у короля, и что принцы, которые не формируют собственного дома, согласно традиции, не могут присылать карету на церемонию¹⁹⁷. Кроме того в шествии не участвовали кареты других иностранных послов, ранее прибывшие, чтобы поздравить посла с вступлением в город. После поздравлений они уезжали обратно. Такой порядок сложился после инцидента, произошедшего в 1661 г. в Лондоне между маршалом д'Эстрадом, послом Франции, и Ваттвиллем, послом Испании, во время въезда шведского посла. Спор о том, чья карета должна следовать впереди, французская или испанская, привел к серьезным беспорядкам и международному скандалу. После этого во избежание конфликтов кареты иностранных послов направлялись только для того, чтобы передать послу поздравления, но не участвовали непосредственно в торжественном шествии¹⁹⁸.

Как только все участники церемонии занимали свои места, процессия отправлялась в путь. От Тронной площади¹⁹⁹ по улице предместья Сент-Антуан через ворота Сент-Антуан кортеж въезжал в город. Затем, совершив объезд по периметру Королевской площади²⁰⁰, процессия следовала по самым крупным улицам Парижа, направляясь к дому посла, снятому им для проживания в городе. По случаю посольского въезда балконы и окна домов были украшены разноцветными коврами и гирляндами. Народ Парижа с большой ажитацией собирался, чтобы посмотреть на этот торжественный спектакль (см. *прилож.* 2). Наибольший интерес у жителей столицы вызывал въезд послов из таких далеких стран, как Московия, Сиам или Персия. Людовик XIV, насквозь проникнутый идеей королевского величия и желавший подчеркнуть ее перед всеми (своими поданными и иностранными гостями), стремился придать церемонии въезда послов в Париж особенный блеск.

Когда кареты въезжали на посольский двор, маршал провожал посла до его покоев. Затем маршал уходил. Посол должен был проводить его до кареты и дожидаться, пока тот уедет. После этого с поздравлениями от Его Величества прибывал первый камер-юнкер короля. Они направлялись в покои посла, где в зале были приготовлены три одинаковых кресла. Интересно отметить, что, называя кресла одинаковыми, Сенкто, описывающий порядок церемонии, все же пишет, что наиболее почетное место занимал первый камер-юнкер, рядом с ним по левую руку садился интродуктор, а напротив них – посол. После поздравлений и непродолжительной беседы первый камер-юнкер ретировался: до кареты его

¹⁹⁷ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 555.

¹⁹⁸ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 30 – 31, 556.

¹⁹⁹ Современная площадь Нации (*place de la Nation*).

²⁰⁰ Современная площадь Вогезов (*place des Vosges*).

проводили посол со всеми членами семьи, интродуктор и ординарный секретарь короля. Посол должен был дожидаться, пока карета первого камер-юнкера уедет. Далее посол таким же образом принимал поздравления от первых шталмейстеров королевы, детей и внуков Франции и других членов королевской семьи²⁰¹.

В порядке оказания послом почестей прибывавшим поздравить его придворным четко прослеживается соблюдение иерархии. Чем более низкое положение занимал тот или иной придворный, отправивший своего оффисье к послу, тем меньших почестей он удостоивался. Этот принцип четко прослеживается в оказании почестей при прощании. Если, провожая маршала, первого камер-юнкера короля и первого шталмейстера королевы, посол должен был дожидаться пока их кареты уедут, то в случае с оффисье детей Франции посол дожидался, пока те сядут в карету, но не должен был ждать, когда кареты тронутся. Еще меньше почестей посол оказывал оффисье внуков Франции: их он провожал лишь до выхода из дома и не сопровождал до кареты²⁰². Появление такого правила зафиксировано документально. Барон де Бретей приводит инцидент, произошедший в 1698 г. во время приема придворных, прибывших к английскому чрезвычайному послу, графу Портланду, после церемонии его въезда. Посол спустился вниз лестницы только для того, чтобы встретить первого камер-юнкера короля. Остальных придворных он встречал наверху лестницы. Кроме того граф Портланд, вопреки наставлениям интродуктора Боннёйя, отказался дожидаться, пока уедут кареты герцогини Бургундской и других придворных, оказав такую честь только первому камер-юнкеру короля. Это поведение графа вызвало раздражение интродуктора, который даже не остался, чтобы отужинать вместе с послом, как полагалось в соответствии с церемониалом. Готовившийся сменить Боннёйя на посту интродуктора Бретей не мог не заинтересоваться этим случаем, поскольку в самом начале января 1699 г. ему предстояло сопровождать очередного посла из Англии, графа Джерси. В связи с этим в декабре 1699 г. Бретей написал записку королю с просьбой разъяснить ему, как вести себя в таком случае. Король одобрил это различие в приеме придворных, и с тех пор это правило стало соблюдаться всеми послами²⁰³.

²⁰¹ В доме королевы мужской должности первого камер-юнкера примерно соответствовала женская должность камер-фрау. В общем церемониале французского двора принимали участие только мужчины, и, по-видимому, именно из-за отсутствия в штате дома королевы мужского аналога должности первого камер-юнкера в церемонии въезда посла со стороны государыни участвовал ее первый шталмейстер.

²⁰² BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 557 – 563.

²⁰³ Breteuil. Op. cit. Ms 3860, f°s 2 – 4.

Когда король был не в столице (а например, в Фонтенбло), послы могли совершить свой въезд в том месте, где находился двор. В этих случаях церемония проходила по тем же правилам, изменялось лишь место. Однако, если двор пребывал в Версале или Сен-Жермене, послы совершали въезд в Париж. Изменения в порядке церемонии были связаны с моментами, когда король находился за пределами королевства, например в армии. В этом случае интродуктор прибывал к послу не в карете короля, а в карете королевы, которая объявлялась регентшей на время отсутствия монарха. Такой порядок был соблюден, например, 12 июня 1672 г. во время въезда в Париж нунция Нерли²⁰⁴. В это время король находился со своими войсками в Голландии.

Особое положение в ряду прочих европейских посланников занимали папские легаты *a latere*, обладавшие, помимо светской, еще и религиозной юрисдикцией. Им, в отличие от папских нунциев, полагался торжественный прием не только в Париже, но и во всех крупных городах, которые они проезжали на пути от французской границы до столицы королевства²⁰⁵. Церемония въезда легата в Париж также значительно отличалась от въездов нунциев и послов.

Во-первых, в церемонии въезда легата принимал участие военный дом короля. Таким образом, эта церемония попадала в зону ответственности обер-церемониймейстера, который не участвовал в приеме обычных послов. Функции обер-церемониймейстера связаны именно с организацией военного сопровождения легата: он получал от короля приказы по поводу участия военных в церемонии и передавал эти приказы военному корпусу.

Во-вторых, въезд папского легата в Париж был, пожалуй, не только одной из самых пышных и торжественных дипломатических церемоний, но и крупным религиозным событием. Поскольку легат был одновременно светским и духовным представителем папы, во время въезда он принимал у себя, наряду со светскими депутациями, лиц духовного сана. Религиозная составляющая церемонии была весьма внушительной.

По дороге из монастыря Пикпюс в Париж легат останавливался в аббатстве Сент-Антуан (см. *прилож. 2, карта 1*). Сопровождал аббата на первом этапе церемонии иностранный принц, назначенный королем. Для въезда легата Флавио Киджи, который проходил 9 августа 1664 г., король назначил сопроводителем графа

²⁰⁴ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 42.

²⁰⁵ Напр., о въездах папских легатов в Авиньон см.: *Rouchon O. Rituels publics, souveraineté et identité citadine. Les cérémonies d'entrée en Avignon (XVI – XVII siècles) // Cahiers de la Méditerranée, 77, 2008. P. 39 – 59.*

д'Аркура, принца Лотарингского²⁰⁶. Во дворе аббатства Сент-Антуан в две линии выстраивались полки гвардейцев. Под звуки барабанов²⁰⁷ легат проходил в покои, приготовленные для него в церкви. Там устраивался праздничный обед. Накрывалось два стола: один для легата, второй – для сопровождавшего его принца. Обер-церемониймейстер, посольский интродуктор, церемониймейстер и секретарь-сопроводитель обедали за столом принца. После обеда во дворе аббатства, пышно украшенном коврами и гобеленами, легат принимал делегации парижского духовенства и знатных горожан. Сначала легат принимал монахов, а затем прихожан, которые приходили, чтобы получить благословение папского посланника. Далее с приветственной речью на латыни к легату обращались купеческий старшина (*prévôt des marchands*), первый президент парижского парламента (*premier président du parlement*) во главе делегации депутатов и другие знатные горожане. Последними легат принимал епископов²⁰⁸.

После торжественных речей и благословений легат уходил в свои покои. Во время торжественного шествия его должны были сопровождать два принца крови, которых назначал король. Это была почеть высшего разряда, которой не удостаивался больше никто из дипломатических представителей, кроме легата²⁰⁹. Как только прибывали принцы крови, иностранный принц, сопровождавший до этого легата, удалялся. Наконец, начиналось торжественное шествие.

Впереди процессии шли представители городских властей, за ними многочисленные пажи и музыканты (барабанщики и литаврщики), обер-церемониймейстер и посольский интродуктор, два кавалера ордена Святого Духа и крестоносец (*porte-croix*) легата. Сам легат в красной кардинальской шапочке восседал на белом муле, одетом в бордовый чепрак с золоченым и серебряным шитьем. Легат ехал между принцами крови, сопровождавшими его. Далее за принцами крови следовали их первые камер-юнкеры, капитаны гвардии со своими конюшими. Замыкало процессию духовенство: каждого из прелатов посольства (легат Киджи прибыл с 12 кардиналами) сопровождали два французских епископа.

²⁰⁶ До этого, 28 июля 1664 г., кардинал Киджи совершил торжественный въезд в Фонтенбло, где в то время находился король. На следующий день Людовик XIV дал ему аудиенцию. Церемония въезда легата в Фонтенбло проходила идентично той, что состоялась двумя неделями позже в Париже. *Del Pesco D., Chantelou F. Mémoire du traitement fait par la maison du roy à Monsieur le cardinal Chigi légat à Latere en France // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*, 123-2, 2011. P. 532.

²⁰⁷ Въезд обычных послов и нунциев не сопровождался звуками барабанов, даже если барабанщики присутствовали на церемонии. Барабанный бой придавал церемонии большую торжественность и использовался в исключительных случаях, к каким можно отнести въезд папского легата.

²⁰⁸ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 217 – 233.

²⁰⁹ *Callières F. Op. cit.* P. 55.

Вход в город осуществлялся через ворота Сент-Антуан. У ворот процессию встречали эшеваны²¹⁰. Они подносили легату балдахин, под который тот становился вместе с принцами крови (см. *прилож. 3, рис. 4*). Затем эшеваны передавали балдахин купцам, и уже те несли его над легатом. Сенкто упоминает два случая, когда балдахин над кардиналами Жоржем д'Амбуазом и Антуаном Дюпра в 1501 и 1530 г. соответственно несли сами эшеваны. Однако, по мнению Сенкто, такая привилегия (несение балдахина эшеванами во время торжественного въезда) должна оставаться только за королями²¹¹. От городских ворот кортеж направлялся к Собору Парижской Богоматери, где легата встречал архиепископ Парижа вместе с клиром. Легат спешился. Согласно обычаю, мул, на котором ехал легат, и балдахин переходили в собственность королевских слуг (*valets de pied du roi*). Архиепископ подносил легату святыне Евангелия и крест, которые тот целовал, стоя на коленях. Поднявшись, легат должен был окропить святой водой всех рядом стоящих, после чего он обменивался приветствиями с архиепископом.

Далее процессия входила в собор, ворота которого охранялись гвардейцами во главе со старшим прево Франции. Внутри все занимали свои места: легат и принцы крови становились на колени на небольшом возвышении под балдахином, установленном в церкви; итальянские и французские прелаты усаживались в высокие кресла; позади них 12 мест имели представители городских властей. Начиная мессу архиепископ Парижа, произносивший с кафедры молитву, за которой следовало церковное пение. Право завершения литургической службы принадлежало легату. Для этого он переходил в алтарную часть собора, где читал последнюю молитву, давал благословения и совершал отпущение грехов.

После выхода из церкви церемония торжественного въезда легата считалась законченной. Легат садился в карету короля и отправлялся в свою резиденцию. Все остальные участники церемонии также разъезжались по домам. Однако в особенно важных случаях, как было, например, в случае с кардиналом Киджи, принцы крови сопровождали легата до его апартаментов (Киджи был предоставлен дворец Мазарини).

Описания церемоний торжественного въезда папских легатов, так же как и послов светских государей в Париж, очень похожи на церемонию *adventus domini* – торжественного вступления государя в город. Эта церемония представляла собой

²¹⁰ Эшеваны (*échevins*) – должностные лица в северных городах Франции с административными и судебными функциями.

²¹¹ В отношении кардиналов-легатов, подданных французского короля, применялся тот же церемониал, что и в отношении легатов-иностранцев. ААЕ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 96. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

одну из универсальных форм символического общения властителей с подвластными, возникшую, вероятно, примерно тогда же, когда появились первые правители и первые города²¹². Возведение в сан средневекового правителя представляло собой череду различных по своему значению процедур, и церемония торжественного вступления нового правителя в его город (столицу) была, как правило, одним из особо значимых этапов «инаугурационного процесса». *Adventus domini* символически оформлял идею всеобщей радости от восшествия нового государя²¹³. По этому случаю улицы города украшались коврами, выставлялись пушки, въезжающему в город государю предоставлялся специальный балдахин. Все эти же атрибуты присутствуют и во время церемонии въезда послов. Особенности, характерные для церемонии въезда легата, связаны, как было уже отмечено, с его статусом духовного представителя папы. Легаты отправлялись в те места, где сам понтифик не мог присутствовать. В связи с этим церемониалу придавалось огромное значение. Проезд легата по столице на белом муле непременно вызывал у зрителей того времени ассоциацию с библейским сюжетом входа Господня в Иерусалим. Церемония подчеркивала особый статус легата, который, входя в город, утверждал таким образом свою духовную власть над правоверными католиками как представитель главы христианского мира. Описывая церемонию въезда легата, Сенкто подчеркивает, что во время этой церемонии послу оказывались все те же почести, какие полагались в случаях королевских въездов, кроме вручения ключей от городских ворот²¹⁴.

Если въезд короля или королевы в город подчеркивал их связь с подданными, то въезд посла символизировал диалог с иностранным государем²¹⁵. Торжественный въезд посла в Париж представлял собой торжественную встречу иностранного гостя, тщательно организованную французским двором с соблюдением всех норм этикета. Эта церемония одновременно позволяла оказать должную честь государю, отправившему посла во Францию, а также в символической форме на глазах у всех горожан обозначить начало диалога с иностранным государем.

²¹² Бойцов М.А. Величие и смирение. М., 2009. С. 25.

²¹³ Там же. С. 91–92.

²¹⁴ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 70. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

²¹⁵ Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIe siècle. Paris, 2007. P. 302.

1.3.2. Церемония публичной аудиенции послам

Церемония въезда в Париж предваряла собой процедуру официального вступления посла в должность, которая проходила во время королевской аудиенции. Посольский интродуктор Сенкто выделяет три типа королевских аудиенций иностранным послам и посланникам: публичные (*audiences publiques*), частные (*particulieres*) и секретные (*secrètes*) аудиенции²¹⁶.

Частная и секретная аудиенции уже были рассмотрены выше. Во время этих аудиенций церемониалу отводилась скорее организующая роль: его использовали для упорядочивания приема. На частных и секретных аудиенциях король и принимаемые им иностранные послы говорили о политике, обсуждали международные и двусторонние отношения, т.е. занимались непосредственно дипломатией, без «отвлечения» на церемониал.

Публичные же аудиенции носили исключительно церемониальный характер и представляли собой что-то вроде театрального представления, где речь не шла об обсуждении политических вопросов. Так, на одной из публичных аудиенций испанскому чрезвычайному послу в ответ на комплименты, произнесенные дипломатом, король ответил, что на этой церемонии должно соблюдены определенные условности, а пожелания дружбы и выражения признательности можно будет высказать во время частной аудиенции²¹⁷.

В рамках изучения дипломатического церемониала именно церемония публичной аудиенции представляет наибольший интерес, т.к. если частные и секретные аудиенции служили местом политического общения короля и иностранных дипломатов, то церемониальные (публичные) аудиенции, на которых значение придавалось единственно форме проведения мероприятия, т.е. церемониалу, являлись *средством символической коммуникации*.

За время пребывания посла на службе во Франции публичных аудиенций было две. Первая аудиенция (*première audience*) проводилась через несколько дней после торжественного въезда посла в Париж и являлась церемонией официального вступления посла в должность. Во время первой аудиенции послом от имени его государя зачитывалась приветственная речь королю Франции, вручалась верительная грамота и скрупулезно, с точностью до мелочей соблюдались все пункты установленного церемониала. Второй публичной аудиенцией, которую король давал

²¹⁶ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1829, f° 70. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

²¹⁷ Mercure galant. Mars 1701. P. 449.

послу, была аудиенция отбытия (*audience de congé*), на которой дипломату вручалась отзывная грамота и он слагал с себя служебные полномочия. С точки зрения церемониала последняя аудиенция проходила совершенно идентично первой.

Аудиенция ординарным послам и нунциям. Первая королевская аудиенция послам и нунциям проходила, как правило, на следующий день или через день после их торжественного въезда в Париж. Для сопровождения посла во время церемонии король назначал одного из иностранных принцев (в случае с папским нунцием это был тот же принц, который сопровождал его во время въезда).

В день церемонии ординарный секретарь привозил кареты короля и королевы к посольскому интродуктору, который должен был доставить на посольский двор иностранного принца, назначенного сопровождать посла. Посол встречал принца в своей резиденции, спустившись ниже середины лестницы. Затем все трое: принц, посол и интродуктор – входили в апартаменты посла, усаживались в кресла и выражали друг другу приветствия. После этого они вновь направлялись к каретам. Впереди всегда шел принц. Однако он уступал первое место послу, когда тот поднимался в карету короля.

Места в салоне кареты распределялись следующим образом (в порядке уменьшения почетности). Правое место на заднем сиденье занимал посол; слева от него устраивался принц; напротив посла (на переднем сиденье) – интродуктор. Следующими по значимости были: место напротив принца (также на переднем сиденье) и места на приставных скамейках (с правой и левой стороны) – их занимали знатные персоны, сопровождавшие посла²¹⁸.

Путь посла к королю был чрезвычайно ритуализирован: строгий маршрут, заведомо определенные движения, неизменный состав сопутствующих лиц, каждому из которых было предписано свое место. От посольского двора до королевского дворца посла сопровождал кортеж из экипажей и челяди: впереди ехала карета принца, сопровождаемая посольскими слугами; за ней – карета короля с послом, по обе стороны которой располагались слуги принца и интродуктора; завершали процессию кареты королевы (в ней находился в числе прочих ординарный секретарь) и посольской свиты.

На подъезде к королевскому дворцу процессию, въезжавшую под бой барабанов, встречали полки французской и швейцарской гвардии в полном вооружении. У ворот стоял караул привратной гвардии (*garde de la porte*) и гвардейцы прево (*garde de la prévôté*). По прибытии во дворец принц отводил посла в

²¹⁸ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 566 – 571.

специальные посольские палаты, где он дожидался королевского вызова через интродуктора. Когда интродуктор возвращался с сообщением о том, что король готов к аудиенции, посол в сопровождении принца и интродуктора направлялся в королевскую спальню, где обычно проходила церемония публичной аудиенции. Принц становился по правую руку от посла, интродуктор – по левую. Впереди них шла свита посла. Во время подъема по лестнице по обеим ее сторонам стояли швейцарцы с алебардами в руках. Наверху лестницы к торжественному шествию присоединялся капитан гвардейцев, который, согласно регламенту 1670 г.²¹⁹, становился по правую руку от посла немного впереди принца.

Когда процессия входила в антишамбр [помещение перед королевской спальней – *М.Ш.*], посол, интродуктор, принц и капитан гвардейцев снимали головные уборы и, оставив слуг, проходили в комнату, где находился король в окружении принцев королевского дома и принцев крови, которые стояли справа и слева от него. За креслом, на котором восседал король, стояли обер-камергер, первые камер-юнкеры, обер-гардеробмейстер и гардеробмейстеры (*см. прилож. 16*). Только король сидел в головном уборе.

Когда посол входил в комнату для аудиенции и делал глубокий поклон, король поднимался с кресла и снимал шляпу. Посол трижды кланялся королю: первый раз при входе, затем в середине комнаты и, наконец, перед самим королём, пройдя за балюстраду, отделявшую остальную часть комнаты. Лица, сопровождавшие посла, оставались перед балюстрадой; рядом с ними стоял и государственный секретарь иностранных дел. В ответ на поклоны посла король слегка наклонял вперед корпус. Когда посол начинал речь, король, принцы и сам оратор надевали шляпы. При упоминании имени своего государя или имени французского короля посол снимал головной убор. Король в знак почтения делал то же самое.

Снятие головного убора было особым необходимым знаком почтения как со стороны послов, так и со стороны короля и принцев крови. Так, в октябре 1681 года перед приемом швейцарских послов возникла сложная ситуация. Обговаривая детали церемонии с маршалом Бельфоном и маркизом Данжо, которые занимались организацией обеда для послов, дипломаты отказались снимать шляпы перед братом короля, аргументируя это тем, что в последний раз послы, снявшие головные уборы

²¹⁹ Речь идет о регламенте 17 ноября 1670 г.: *Réglement pour la marche du prince ou du maréchal de France avec le capitaine des gardes et l'introducteur à une première et dernière audience d'un nonce et d'un ambassadeur* // ААЕ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 60. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

перед Месье, были сурово наказаны по возвращении в Швейцарию. За разрешением спорной ситуации посольский интродуктор Боннэй отправился к Людовику XIV, который ответил, что, если послы не желают отдать должную честь брату короля, король не желает их визита. В итоге послам пришлось согласиться на снятие головных уборов в присутствии Филиппа Орлеанского²²⁰.

В то же время в присутствии снявшего головной убор посла только король мог оставаться с покрытой головой, тогда как принцам крови также надлежало снять шляпы. Вновь надеть их они могли, только когда послы покрывали голову. Право послов находиться в присутствии короля с покрытой головой связано с их репрезентативной функцией. Посол, мог надевать головной убор в присутствии французского короля так же, как это сделал бы сам государь, отправивший посла.

Описание происхождения обычая, согласно которому принцы надевали головной убор во время королевской аудиенции послам, находим в «Записках» Сенкто. Он пишет, что в свое время все знатные персоны находились перед королем в головных уборах. Снимали они их только для приветствия короля, во время разговора с ним или же когда король пил из кубка. Тогда они делали глубокий поклон, а затем вновь надевали головной убор. Но во времена итальянских походов Карла VIII эта традиция была нарушена, так как неаполитанские сеньоры сочли для себя оскорбительным то, что французы находились при них с покрытой головой. Уже Людовик XII приказал своим принцам снимать головные уборы не только в присутствии итальянских сеньоров, но и перед ним самим. К концу его царствования это нововведение стало нормой, и с тех пор французские короли не позволяли находиться в их присутствии с покрытой головой никому, кроме послов иностранных государей.

Эта традиция просуществовала до 1605 г., когда испанский герцог д'Оссоне проездом из Испании во Фландрию остановился при французском дворе. Вместе с испанским послом он был принят Генрихом IV. Во время аудиенции, видя, что испанский посол остался в шляпе в присутствии короля, герцог тоже не захотел снимать головной убор. Стоит заметить, что при испанском дворе грандам было позволено находиться в присутствии монарха в головном уборе. Это отличие испанского церемониала позволяет предположить, что поведение д'Оссоне (который наверняка был проинформирован о правилах французского церемониала, но все же нарушил одно из них) основывалось еще и на следующем рассуждении: если он, испанский герцог, может находиться с покрытой головой перед своим государем

²²⁰ *Sources*. Op. cit. T.1. Paris, 1882. P. 34.

(королем Испании), то почему он не имеет права надеть шляпу перед королем Франции? Так как во время приема все французские принцы были с непокрытой головой, Генрих IV был очень удивлен, что испанский герцог позволил себе такую вольность. Тогда, увидев принца крови графа де Суассона, он решил, что не приличествует, чтобы принц французской крови оставался с непокрытой головой, в то время как испанский гранд стоит в шляпе, и сделал ему знак надеть шляпу. Этому примеру последовал и герцог де Гиз, присутствовавший на аудиенции. С тех пор на подобных церемониях, если посол надевал головной убор, все принцы крови, внебрачные дети короля и иностранные принцы также покрывали головы²²¹.

Произнеся речь, посол передавал лично королю верительную грамоту от своего государя. На этом церемония аудиенции заканчивалась. Посол, сделав глубокий поклон, выходил из комнаты в сопровождении принца, капитана гвардейцев и интродуктора. Король провожал его стоя и без головного убора, затем выходил за балюстраду и передавал верительную грамоту государственному секретарю иностранных дел.

Капитан гвардейцев покидал посла в том же месте, где и встречал его. Принц и интродуктор вновь отводили посла в посольские палаты, а после обеда²²² посол отправлялся на аудиенции к королеве, дофину, супруге дофина и прочим членам королевской семьи²²³.

Аудиенция легату. Церемония публичной аудиенции, предоставляемой королем папскому легату, значительно отличается от публичных аудиенций послам и нунциям. В королевском дворце во главе швейцарцев легата, сопровождаемого принцем и интродуктором, вместе с капитаном гвардейцев встречал обер-церемониймейстер. Все участники церемонии занимали те же места, что и при приеме обычных послов, а обер-церемониймейстер шел впереди капитана гвардейцев. В свите легата также имелся носитель креста, который вместе с другими слугами легата не входил в спальню короля и не присутствовал на самой аудиенции. Французские короли видели в данном случае в кресте не обычный религиозный атрибут, но символ юрисдикции легата. Поэтому короли, отстаивавшие свои prerogatives в религиозных делах еще со времен принятия Прагматической санкции

²²¹ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f°s 210 – 211. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

²²² Если двор находился в Париже, посол возвращался для обеда в свою резиденцию в сопровождении посольского интродуктора. Когда же двор пребывал в Версале или другом загородном дворце, обед послу устраивали королевские оффисье.

²²³ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 583 – 585.

1438 г., не допускали, чтобы в их присутствии перед легатом несли крест. Первым это правило во время аудиенций стал применять король Людовик XI (1461 – 1483).

Король встречал легата в своей спальне в двух шагах от дверей и сопровождал его до балюстрады, отделявшей королевскую кровать от остальной комнаты. Там король садился в кресло, напротив которого было приготовлено еще одно кресло для легата. Описывая прием легата Киджи, который проводился в Фонтенбло в 1664 г., Сенкто говорит о том, что на церемонии не было принцев крови, но вместо них в качестве вельмож королевства (*comme grands du royaume*) присутствовало несколько герцогов²²⁴. Сенкто не уточняет, какие именно герцоги присутствовали на церемонии. Скорее всего, они имели более низкий ранг, нежели иностранные принцы, графы де Суассон и д'Аркур (последний сопровождал легата). Дело в том, что еще до церемонии эти герцоги обратились к королю с просьбой позволить им в случае, если иностранные принцы на церемонии будут находиться в шляпах, тоже надеть головные уборы. Это ходатайство было бы бессмысленным, если бы герцоги имели более высокий или хотя бы равный статус с принцами. Король принял решение, согласно которому никто из присутствующих на церемонии герцогов и принцев не должен был надевать головные уборы. Эта ситуация являлась отражением ведшейся на протяжении длительного времени борьбы за придворный статус между герцогами-пэрами и иностранными принцами, которая так и не была разрешена королевской властью в XVII в.²²⁵ Сенкто замечает, что на гобелене, посвященном этому приему, мастер по ошибке изобразил графа д'Аркура в головном уборе. Действительно на рисунке Шарля Лебрена, по которому создавался этот гобелен, все присутствующие герцоги и принцы стоят с непокрытой головой (см. *прилож. 3, рис. 1 – 2*).

По завершении церемонии король провожал легата до дверей спальни. При этом, как пишет Сенкто, легат не давал никаких благословений королю²²⁶. Это, по-видимому, объяснялось тем, что король принимал легата, прежде всего, как посла, а не как священника. После церемонии первой публичной аудиенции у короля послы имели аудиенции у королевы и других членов королевской семьи.

Аудиенция у королевы и других членов королевской семьи. Аудиенция у королевы проходила по тем же правилам, что и аудиенция у короля. Посла также сопровождали принц и интродуктор. Когда посол входил, королева вставала с кресла

²²⁴ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 82. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

²²⁵ Об этом см.: Шишкин В.В. Дворянское окружение Людовика XIII // Французский ежегодник. 2001. М., 2001; Шишкин В.В. Королевский двор... С. 115 – 148.

²²⁶ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 202.

в знак уважения. Посол подходил к королеве с непокрытой головой, но, когда он начинал приветственную речь, надевал на некоторое время головной убор. В большинстве случаев, надев шляпу, посол тотчас ее снимал и в знак почтения оставался с непокрытой головой в течение всего приема. За креслом королевы стоял придворный кавалер (*chevalier d'honneur*), справа от кресла – придворная дама (*dame d'honneur*), слева – камер-фрау (*dame d'atour*). Кроме них на аудиенции присутствовали принцессы крови, герцогини и иностранные принцессы. Во время церемонии они стояли, но имели перед собой табуреты. Принцы крови никогда не присутствовали на аудиенции, которую давала послам королева²²⁷.

После аудиенции у королевы послов принимали другие лица королевской крови. Сенкто подразделяет всех лиц королевской крови на 4 группы. Первую группу он называет семьей короля (*famille du roi*). В нее входят сыновья, дочери, внуки и внучки правящего монарха. Вторая группа – королевская семья (*famille royale*) – состоит из сыновей, дочерей, внуков и внучек покойного монарха (см. *прилож. 1*). Третья группа – семья принцев крови (*famille des princes du sang*) – объединяет всех остальных принцев и принцесс крови. И наконец, четвертую группу составляют внебрачные дети короля (*princes et princesses légitimés*)²²⁸. Для определения старшинства между группами действовал принцип наиболее близкого родства с королем: все члены первой группы пользовались правом старшинства по отношению ко всем остальным, члены второй группы – по отношению к третьей и четвертой и т.д. Внутри же групп действовали следующие принципы: 1. между принцами – принцип близости к короне (т.е. порядок наследования престола); 2. между принцами и принцессами – принцип права на корону (женщины по салическому закону не имели право на занятие престола); 3. между принцессами – принцип наиболее близкого родства с королем. Именно в таком порядке, в соответствии со своим местом в придворной иерархии, лица королевской крови и принимали у себя послов.

Так, после короля и королевы послы удостоивались аудиенций у дофина, дофины, детей дофина (герцогов Бургундского, Анжуйского и Беррийского), Месье и Мадам (герцога и герцогини Орлеанских), принца и принцессы Шартрских, затем наносили визиты принцам и принцессам крови и внебрачным детям короля. В последнюю очередь послы отправлялись с визитом к государственному секретарю иностранных дел. Аудиенция у дофина проходила по тем же правилам, что и

²²⁷ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 65 – 68, 585 – 587.

²²⁸ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 630 – 631.

королевская аудиенция. После этого принц, назначенный сопровождать посла, удалялся, и далее посла сопровождал только интродуктор. Отличием визитов от аудиенций было то, что тот, кому наносили визит, должен был прийти с ответным визитом к послу. Таким образом, посол, нанеся визит принцам и принцессам крови и внебрачным детям короля, затем принимал их у себя.

Визит к государственному секретарю иностранных дел. К государственному секретарю посол вместе со своей свитой отправлялся в сопровождении ординарного секретаря. Государственный секретарь встречал посла у входа в свои апартаменты. Слуги посла оставались ждать окончания визита у дверей. Государственный секретарь и посол усаживались в кресла, и после небольшого разговора посол удалялся таким же образом, как и приходил. После этого он шел с визитом к супруге государственного секретаря. Прием у государственного секретаря был скорее рабочей встречей, нежели протокольной аудиенцией. Тем не менее и здесь церемониальные детали иногда имели значение. В 1681 г. русские послы долго отказывались идти на прием к Кольберу де Круасси, с которым им нужно было обсудить некоторые рабочие вопросы. Дело в том, что государственный секретарь проживал не в главной части Версальского дворца, а в крыле министров, и поэтому послы рассматривали его всего лишь как слугу и не желали наносить ему визит. Только после угроз отказать в последней аудиенции у короля (*audience de congé*) послы были вынуждены уступить²²⁹.

1.3.3. Исключительные приемы

Для Людовика XIV было важно произвести приятное впечатление на прибывших иностранных гостей. Особенно если это были гости такого высокого уровня, как наследник престола. До середины XVII в. ни один из наследников датской короны или правителей Дании не наносил визита во Францию. Впервые датский король Фредерик III решил отправить туда своего сына Кристиана, будущего Кристиана V, в 1662 г. В свиту Кристиана входили камергер и секретарь принца. Кристиан прибыл в Париж инкогнито и остановился во Фламандском отеле на улице Сен-Мартен. Его свита разместилась в доме Железного Креста²³⁰. Несмотря на то что датские гости прибыли инкогнито, Людовик XIV постарался оказать им самый теплый прием с той целью, чтобы они могли передать свои впечатления царствующему монарху по возвращении в Данию. В течение трех месяцев

²²⁹ Bnf. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 7831, f° 267.

²³⁰ Mathorez J. Les Étrangers en France sous l'Ancien Régime. T. 2. Paris, 1921. P. 402–403.

пребывания Кристиана во Франции король неоднократно устраивал пышные празднества в честь высокого гостя и даже пытался организовать его помолвку с одной из французских принцесс: мадемуазель де Монпансье или ее сестрой мадемуазель д'Алансон. Однако эти попытки оказались неудачными, т.к. мадемуазель де Монпансье ни при каких условиях не соглашалась ехать в Данию и отказалась принять датского наследника, а мадемуазель д'Алансон показалась Кристиану «недостаточно хорошо сложенной», поэтому он сам отказался от этого предложения.

В источниках описания королевских аудиенций послам европейских государств немногочисленны и не изобилуют подробностями, а зачастую эти аудиенции вовсе упоминаются вскользь. Так, например, Сурш, вспоминая в своих «Мемуарах» события 22 ноября 1701 г., пишет: «Нунций в этот день имел аудиенцию короля, <...> король принял отставку графа Бальяни, посланника Мантуи, <...> посланник Лотарингии прибыл сообщить королю о том, что лотарингская герцогиня родила восьмимесячную девочку...»²³¹. Это говорит о том, что посольства из европейских стран в XVII в. были делом вполне обычным, и авторы не видели необходимости (и в общем-то вполне обоснованно) фиксировать из раза в раз повторяющийся церемониал.

Прием генуэзского дожа (1685). В некотором смысле исключением из этого правила является знаменитый прием Людовиком XIV генуэзского дожа в Версале в мае 1685 г., описание которого неоднократно встречается в источниках²³². Этот прием является даже не столько исключением, сколько особым случаем, так как во Францию на этот раз прибыл не просто посол, но глава Генуэзской республики. Аудиенция проходила в Зеркальной галерее. Важно отметить, что прием иностранных послов (а дож, как отмечает Данжо, был принят согласно церемониалу, установленному для чрезвычайных послов²³³) в Зеркальной галерее был крайне редким явлением. Обычно король давал аудиенции в своей спальне. В связи с этим прием генуэзского дожа можно расценивать как особо торжественный случай, входивший в разряд придворных праздников.

Людовик XIV восседал на серебряном троне, который был установлен в конце длинного зала на помосте, покрытом персидским ковром. На помосте также находились дофин, Месье и принцы крови. Все остальные присутствующие

²³¹ Sourches. Op. cit. T. 7. Paris, 1888. P. 154.

²³² См., например: Dangeau. Op. cit. T.1. Paris, 1854. P. 171–172; Sourches. Op. cit. T.1. Paris, 1882. P. 219–226.

²³³ Dangeau. Op. cit. T.1. P. 171.

выстраивались двумя рядами вдоль галереи. Дож в сопровождении четырех сенаторов по знаку короля приблизился к трону и, сняв головной убор, произнес торжественную речь. Все это время Людовик XIV сидел с покрытой головой и, только когда дож закончил говорить, король снял шляпу²³⁴. Затем король и дож вновь надели свои головные уборы, и дож продолжил свою речь (см. *прилож. 4*).

Чтобы понять смысл такого элемента этикета, как «обнажение» головы, необходимо обратиться к символике головного убора. С древних времен головные уборы являлись символами социального ранга или принадлежности человека к определенным социальным группам. Покрытая голова означала свободное состояние в противовес непокрытому рабу (здесь можно вспомнить фригийский колпак, который символизировал свободу; а также римский пилеус (*pileus*), который имели право носить лишь свободные ремесленники, рабы же могли надевать его только при даровании им воли, отсюда выражение *pileum redimere* – получить свободу). Различные головные уборы уже в эпоху Средневековья означали также различные социальные или иерархические слои (корона, шапка кардинала, рыцарский шлем, колпак шута), а также силу и власть. Так, шляпа является очень мощным символом. Она даже может олицетворять своего носителя и становиться его представителем, как, например, шляпа ландфогта Геслера, которой должны были кланяться швейцарцы, в легенде о Вильгельме Телле. Головной убор, в частности шляпа, в сословном обществе характеризовал положение его обладателя на социальной или служебной лестнице. Головной убор визуально увеличивает рост того, кто его носит. При снятии же шляпы ее носитель кажется ниже, что является признаком почтительности²³⁵. Выказать уважение кому-либо можно было либо поклоном, либо, так сказать, временной «нейтрализацией» социального статуса, что достигалось снятием головного убора. Во время приема генуэзского дожа король снимал шляпу единожды в знак почтения, когда дож произносил свою речь. Дож неоднократно снимал свой головной убор, а во время ответной речи короля снял его и не надевал до окончания аудиенции.

Интересное замечание делает Сурш, описывая одеяние генуэзского дожа. На аудиенции дож не был в парадном костюме «большой» церемонии (*habit de grande cérémonie*), он предстал в своем обычном одеянии, в котором появлялся перед сенаторами. Главным элементом парадного костюма дожа должна была быть шапка с венчающей ее короной. Однако дожу «не позволили надеть» такой головной

²³⁴ Souches. Op. cit. T.1. P. 219–220.

²³⁵ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 57.

убор²³⁶. В ссылке, касающейся этой детали, Сурш пишет: «Я не знаю, что могло бы принести королю больше славы: принять подчинение от человека, носящего такую корону, или же запретить надевать ее»²³⁷. Из этого замечания становится понятно, что именно Людовик XIV запретил дожу появляться перед ним в шапке, увенчанной короной. Король всячески стремился подчеркнуть средствами этикета свое превосходство перед представителями иностранных государств: это проявилось как в случае с дожем, так и с послами швейцарских кантонов в 1681 г. (об этом речь шла выше), тем более что это были представители не монархов, а республик.

Сюжеты с приемом генуэзского дожа, а также швейцарских послов показывают, как, казалось бы, самые мелкие детали этикета приобретали значимость, когда речь заходила о демонстрации превосходства французского монарха. Спор о снятии послами головных уборов перед братом короля едва не окончился срывом аудиенции. Только уступка швейцарских послов спасла ситуацию. Король в данном случае проявил бескомпромиссность. Дипломатический церемониал был использован здесь в качестве символического языка власти, посредством которого в условно-знаковой форме осуществлялось общение короля с представителями иностранных государств.

Прием Якова II Стюарта в Сен-Жермене (1689). Если генуэзский дож был правителем республики, то прибывший во Францию в январе 1689 г. после победы Славной революции английский король Яков II являлся монархом, пусть и свергнутым, но равным по статусу французскому королю. Какой же прием устроил Якову II Людовик XIV?

Супруга английского короля Мария Моденская вместе с наследником прибыли во Францию еще в декабре 1688 г. 11 декабря в порту Кале их встретил граф де Лозен. Королеве и ее сыну был предоставлен дворец Сен-Жермен-ан-Ле, загородная резиденция французских монархов. Сам Яков II приехал в Кале 4 января 1689 г. На пути в Сен-Жермен его сопровождал герцог д'Омон.

Узнав, что английской король прибудет в Сен-Жермен 7 января, Людовик XIV отправился туда сразу после обеда. Он ожидал Якова в покоях королевы, которая находилась в постели. Людовик расположился в кресле, специально для него приготовленном. Дофин и Месье, прибывшие вместе с королем, стояли рядом с ним. Когда сообщили, что Яков II прибыл во дворец, французский король направился навстречу ему в залу гвардейцев. В окружении всего двора

²³⁶ *Sources*. Op. cit. T.1. P. 221.

²³⁷ *Ibidem*.

короли крепко обнялись. Людовик XIV, назвав Якова II братом, выразил свою радость по поводу того, что тот теперь находится в безопасности. Мадам де Лафайет, присутствовавшая на этой церемонии, вспоминала в своих мемуарах, что английский король со смирением человека, испытавшего несчастье, склонился едва ли не до коленей короля Франции²³⁸. Обменявшись заверениями в дружбе, короли, держась за руки, направились к супруге Якова. После разговора с ней Людовик XIV повел Якова II в покои его сына, принца Уэльского, наследника английского престола. При этом Людовик все время пропускал Якова вперед. Затем они вновь вернулись в спальню королевы. Здесь Людовик XIV оставил Якова II и отбыл в Версаль. На следующий день уже Яков II прибыл в Версаль с первым визитом к королю. Церемония приема была устроена в порядке, который полагался по случаю приема монарха. Кorteжу салютовали все рода войск военного дома короля (привратные гвардейцы, гвардейцы прево, швейцарцы во всеоружии). Король встретил Якова II у входа в залу гвардейцев, в которой принял его в окружении всего двора, а затем повел в свои малые апартаменты. Также Людовик XIV сопровождал Якова II во время его визитов к дофине, дофину, Месье и Мадам²³⁹.

Прием, оказанный Якову II, весьма показателен и значительно отличается от приема обычных посольств. На этот раз к Людовику XIV прибыл не просто представитель иностранного государя, но монарх собственной персоной. В этом случае для приема не нужен был посредник, каковым в случае с послами был посольский интродуктор. Простой оффисье не мог встречать и сопровождать короля. Только равному по статусу было позволено делать это. Равным по статусу английскому королю был лишь один человек при дворе – французский король. Именно поэтому он сам лично выполнял на сей раз ту функцию, которую обычно выполняли посольский интродуктор и капитан гвардейцев, встречавший послов в гвардейской зале. Король сам встречал Якова II, сам принимал его и сам сопровождал на приемы к членам своей семьи. Когда между двумя монархами устанавливался непосредственный контакт, посредники становились не нужны, поэтому в церемонии не участвовали ни маршал, ни принц, сопровождавшие послов, ни интродуктор, ни обер-церемониймейстер²⁴⁰.

²³⁸ *La Fayette, Madame de. Mémoires sur le règne de Louis XIV / texte établi par Clémence Muller. Paris, 2003. P. 147-148.*

²³⁹ После приема у короля Яков II был принят сначала дофиной, которая при отсутствии королевы принимала иностранных гостей вместо нее (см. *прилож. I*), и только после этого – дофином.

²⁴⁰ *Vasseur S. La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les Mémoires du baron de Breteuil (1699–1715), mémoire de Master 2, dir. L. Bély. Paris – Sorbonne, 2011–2012. P. 93.*

Между двумя государями, которые встречаются друг с другом, тот, кто приходит к другому на его территорию, занимает позицию младшего по отношению к старшему²⁴¹. В этом отношении символичны слова, который обратил Людовик XIV к Якову II после приема в Сен-Жермене. Когда Яков собрался проводить французского короля, тот не позволил ему это сделать, сказав: «Сегодня я у себя дома; завтра вы будете у себя дома и сможете делать все, что захотите»²⁴², – имея в виду, что дворец Сен-Жермен предоставляется в полное распоряжение английской королевской четы. Таким образом, при всем равном положении, которое занимали оба монарха в соответствии со своим королевским статусом, Людовик XIV предпочитает распоряжаться самостоятельно. На гравюре, изображающей этот прием, неслучайно король Франции изображен несколько большего размера, нежели король Англии (см. *прилож. 5*). При соблюдении практически совершенной симметрии автор гравюры такой, на первый взгляд, незаметной деталью обращает внимание зрителя на то, что Яков II в данном случае занимает все же относительно более низкое положение, выступает в роле «просителя», хотя и остается при этом королем, по природе своей равным французскому.

В дальнейшем во время встреч с Яковом II и его супругой Людовик XIV, соблюдая законы гостеприимства, регулярно уступал первое место Якову. Так, возвращаясь в октябре 1690 г. после совместной охоты в Фонтенбло, английская королева сидела в карете между двух королей, при этом Людовик уступил Якову место справа от королевы. При выходе из кареты Людовик XIV подал руку королеве и вновь позволил Якову II идти впереди²⁴³. Уже после смерти Якова II французский король будет оказывать эту почесть его наследнику, принцу Джеймсу. Во время обеда принц сидел по правую руку от короля и имел стул выше королевского²⁴⁴.

Восточные посольства. Если прибытие посольств из европейских государств было делом по большей части регулярным и обычным, то послов из дальних, в первую очередь азиатских, стран при французском дворе принимали не так уж часто, поэтому подобные приемы вызывали большой интерес при дворе. Восточные посольства стали предметом подробных описаний многих современников-мемуаристов, таких как Данжо, Сурш, Торси. Это говорит о том, что церемонии приема послов восточных государей занимали особое место в

²⁴¹ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1817, f° 79. Mémoires de M. de Saintot.

²⁴² *Sources*. Op. cit. T. 3. P. 8.

²⁴³ AAÉ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 237. «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

²⁴⁴ Матвеев. С. 63.

дипломатическом церемониале и были необыкновенно яркими событиями в придворной жизни Франции.

Одним из первых восточных посольств во Францию было турецкое посольство, прибывшее в Париж в 1669 г. во главе с Солиманом-агой. Так как во Франции не имели опыта принятия послов султана, эксперты этикета долго совещались, каким образом встретить турецкого гостя. Решили, что принимать его будет занимавший тогда пост государственного секретаря иностранных дел Юг де Лионн, в доме которого по этому случаю специально была воссоздана обстановка турецкого дома²⁴⁵. Однако сразу же возникли трудности, поскольку турецкий посланник должен был вручить письмо своего господина лично королю. Но, согласно этикету французского двора, послание монарху мог передать только официальный посол²⁴⁶. Хотя король сомневался в официальном статусе Солимана-аги, он все же согласился его принять. Аудиенция состоялась 5 декабря 1669 г. во дворце Сен-Жермен. В честь приема дворец был украшен гобеленами, полы устланы богатыми коврами. На серебряных столах была выставлена посуда тонкой работы, между столов стояли вазы, лохани из серебра, зеркала в узорных рамах и множество других предметов интерьера – все было направлено на то, чтобы произвести должное впечатление.

Король восседал на троне. Справа от него стоял Месье, слева – герцог Энгиенский. Рядом стояли четыре государственных секретаря. Остальные придворные выстроились по обеим сторонам залы, в которой проходила аудиенция. После того как Солиман-ага произнес приветственную речь, которую перевел сопровождавший его драгоман²⁴⁷ г-н Ла Фонтен, и приблизился к королевскому трону, чтобы передать Людовику XIV письмо султана, король не встал ему навстречу, на что тот рассчитывал, но принял письмо сидя²⁴⁸ (см. *прилож.* 6). Королевскому переводчику шевалье д'Арвье было приказано тотчас бегло просмотреть врученное королю письмо, чтобы выяснить, есть ли в нем подтверждение официального статуса Солимана-аги. Однако слово «посол» (тур. *elçi*) не фигурировало в тексте²⁴⁹. После этого король велел д'Арвье передать турецкому гостю, что он может удалиться, т.к. Его Величеству больше нечего ему сказать.

²⁴⁵ Vandal A. Les voyages du marquis de Nointel (1670–1680). Paris, 1900. P. 22–24.

²⁴⁶ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 226.

²⁴⁷ Драгоман – переводчик с восточных языков при послах, консулах и проч.

²⁴⁸ Vandal A. Op. cit. P. 29.

²⁴⁹ Французский перевод письма турецкого султана Людовику XIV приведен в: Arvieux, chevalier de. Mémoires. Paris, 1735. T. 4. P. 166–169.

Еще один интересный с точки зрения дипломатического церемониала момент связан с приемом послов из Марокко. Марокканские послы прибыли во Францию в январе 1682 г., за пять месяцев до окончательного переезда двора в Версаль. Они тоже были приняты в Сен-Жермене. Сурш, описывая в своих мемуарах прибытие послов во дворец, акцентирует внимание на том, что военные, встречавшие их, были «*pas sous les armes*», т.е. без оружия: гвардейцы прево – без мушкетонов, швейцарцы – без бердышей²⁵⁰. В обычных случаях во время приема иностранных послов гвардейцы были при оружии, однако в этот раз было совершено отступление от норм этикета. Подлинные причины этого отступления неизвестны, но можно предположить, что это было связано с демонстрацией некоторого безразличия, отчасти пренебрежения по отношению к послам из Марокко, т.к. оружие в руках гвардейцев, предполагающее особую торжественность события, на этот раз было сложено на переднем дворе Сен-Жермена. В доказательство этого предположения можно добавить также, что король принял марокканских послов в своей комнате, не вставая (*assis*), и ни разу за время аудиенции не снял головного убора (*couvert*).

Тем не менее, прибытие марокканских послов вызвало при дворе немалый интерес, который имел не столько политический, сколько «инквизитивный» характер. Во время королевской аудиенции в комнате, где проходила церемония, инкогнито присутствовали королева и дофина в сопровождении других придворных дам, которые пришли туда из любопытства, так как послы из мусульманских стран (в отличие от европейцев) никогда не бывали на аудиенции у королевы и принцесс крови, считая женщин недостойными такой чести и признавая единственно короля в качестве лица, могущего представлять королевство. По этой же причине мусульманские послы не считали необходимым быть принятыми кем бы то ни было другим, кроме короля, включая дофина, наследника престола.

В период правления Людовика XIV восточные посольства были в почете, во-первых, из-за их редкости, во-вторых, из-за экзотичности. Так, марокканские послы, прибывшие во Францию, преподнесли королю необычные подарки – экзотических животных из своей страны – львов, страусов и прирученную тигрицу. Поглазеть на это зрелище собрался весь двор²⁵¹. С точки зрения изучения дипломатического этикета прием восточных посольств представляет немалый интерес. Придворную жизнь часто сравнивают с театром, с непрерывным театральным действием. Один прием сменяется другим, заканчивается один спектакль – начинается новый. И если

²⁵⁰ Souches. Op. cit. T.1. P.68–69.

²⁵¹ Souches. Op. cit. T.1. P. 69.

прием послов из европейских государств можно отнести к разряду рядовых спектаклей, хорошо поставленных, отрепетированных и идущих с завидной регулярностью (пусть с небольшими, но редкими отступлениями от правил), то приемы восточных послов в эпоху Людовика XIV представляют собой, если можно так выразиться, «премьерные спектакли». К этим действиям было приковано особое внимание, так как все происходило впервые, а если не впервые, то по крайней мере опыта проведения таких мероприятий было совсем не много.

Приемы восточных посольств, будучи официальными мероприятиями, в то же время являлись одним из видов придворных развлечений. Придворным было увлекательно обсудить необычные одеяния иностранцев, «странное», с точки зрения европейца, поведение послов, прибывавших из далеких стран, о нравах и традициях которых при европейских дворах было известно крайне мало. Интерес к Востоку нашел отражение в моде и некоторых привычках того времени. Популярностью стали пользоваться турецкий (*turquerie*) и персидский стили, а уже позднее, в царствование Людовика XV, китайский стиль²⁵². После визита Солимана-аги в 1669 г. во Франции распространился обычай пить кофе. А Мольер, вдохновившись темой приема турецкого посольства, написал одну из своих самых знаменитых пьес «Мещанин во дворянстве», где в свойственной ему искрометной манере обыграл этот сюжет. Положенная на музыку придворного композитора Ж.-Б. Люлли, эта комедия-балет в октябре 1670 г. была представлена на суд Людовика XIV и его двора в замке Шамбор и вызвала восторг короля. Подготовкой турецких костюмов для постановки занимался присутствовавший на церемонии приема Солимана-аги шевалье д'Арвье.

Поскольку приемы восточных посольств были делом нечастым, их организации уделялось большее внимание, а во французской мемуарной литературе остались красочные описания приемов послов из Турции, Марокко, Сиамы, Персии, Московии.

В сентябре 1686 г. король принял послов Сиамы²⁵³ (см. *прилож. 7*). На переднем дворе прибывших в Версаль послов под звуки труб встречали два полка французской и швейцарской гвардии во всеоружии. Сама аудиенция проходила в Зеркальной галерее дворца. Сиаменцы вошли в галерею со сложенными перед собой руками и, проходя по длинной зале к трону, время от времени совершали глубокие поклоны, практически простираясь ниц и делая характерные жесты руками возле

²⁵² Mathorez J. Op. cit. T.1. Paris, 1919. P. 128.

²⁵³ Это было второе посольство, прибывшее во Францию из Сиамы. Впервые сиаменские послы побывали во Франции двумя годами ранее, в 1684 г.

ушей в знак уважения и восхищения. Послов было трое. Впереди шли их слуги, затем – мандарины с непокрытыми головами, а уже затем следовали сами послы. На головы послов были надеты белые остроконечные колпаки с золотой короной у основания. Короны главного посла, находившегося в центре, и посла, шедшего справа от него, украшали небольшие подвески, громко звеневшие во время движения. В соответствии с европейскими обычаями послам было позволено смотреть на монарха, хотя это и противоречило традициям, принятым в Сиаме²⁵⁴.

Когда сиамцы приблизились к трону и сделали поклон королю, Людовик XIV в знак особого почтения встал в ответ и снял шляпу. Затем он вновь сел на трон, и главный посол произнес длинную торжественную речь на сиамском языке. Во время этой речи посол неоднократно раскланивался перед королем, на что Людовик XIV отвечал снятием шляпы. После того как посол закончил речь, переводчик аббат Артюс де Лионн²⁵⁵ перевел ее с сиамского на французский. Ответ, произнесенный королем, в свою очередь был переведен аббатом на сиамский язык. Как только торжественные речи были сказаны, между Людовиком XIV и послом завязался разговор (содержание которого источники не фиксируют). Удалялись послы из Зеркальной галереи пятясь назад, поскольку их обычай не позволял им повернуться спиной к монарху²⁵⁶. Нужно иметь в виду, что длина зала составляет 73 метра.

Кроме того что приемы восточных посольств являлись красочными спектаклями, развлекавшими придворных подобно другим придворным празднествам, они были удобным случаем для короля произвести впечатление на иностранцев, прибывавших из самых отдаленных уголков земного шара, чтобы те, вернувшись домой, поведали о богатстве и изобилии, царящих при дворе французского монарха. Описания, которые оставили очевидцы таких приемов, изобилуют деталями того, с какой пышностью были обставлены и декорированы интерьеры дворца – напоказ выставлялись драгоценная посуда, ковры и прочие предметы роскоши. Двор предстал перед иностранными гостями во всем блеске. Придворные надевали свои самые лучшие одежды. Д'Арвье так описывает внешний вид участников аудиенции турецкому посланнику, состоявшейся в 1669 г.: костюм короля, усыпанный алмазами, казалось, был окружен светом, а на шляпе с белыми

²⁵⁴ *Sources*. Op. cit. T.1. P. 437.

²⁵⁵ Артюс де Лионн (1655 – 1713) – член миссионерской организации «Парижское общество заграничных миссий», сын государственного секретаря иностранных дел Франции Юга де Лионна. В 1681 г. отправился в Сиам в качестве миссионера. В составе делегации сиамских послов в 1686 г. вернулся во Францию и служил переводчиком, после чего в 1687 г. вместе с теми же послами и чрезвычайными посланниками Людовика XIV Симоном де ла Лубером и Клодом Себере дю Буле вновь отбыл в Сиам.

²⁵⁶ *Sources*. Op. cit. T.1. P. 436 – 438.

перьями красовалась крупная бриллиантовая пряжка; платье Месье было сплошь покрыто жемчугом и драгоценными камнями; герцог Энгиенский также ничего не забыл, чтобы предстать во всем великолепии на этой церемонии; остальной двор тоже был в превосходных нарядах²⁵⁷. Во время приема сиамских послов в 1686 г., согласно рассказу Сурша, Людовик XIV появился перед ними в специально подготовленном для этого мероприятия костюме, расшитом золотом и украшенном алмазами огромного размера²⁵⁸.

В самом конце своего правления Людовик XIV принял посла из Персии. Это произошло 19 февраля 1715 г. Согласно описанию Сен-Симона, 76-летний король облачился в одежды золотисто-черного цвета, украшенные бриллиантами. Стоимость драгоценного декора равнялась 12,5 миллионов ливров. Наряд был настолько тяжелым, что король должен был сменить его сразу же после обеда. Одевание герцога Орлеанского, присутствовавшего на аудиенции, представляло собой платье из синего бархата, украшенное жемчугом и бриллиантами, а также мозаичной вышивкой²⁵⁹.

Перед приездом посла король показался в торжественном облачении на балконе своей комнаты. Народ, заполнявший двор, кричал: «Да здравствует король!» Во дворе государственного секретаря иностранных дел также собралось множество народа, который тоже испускал радостные крики. Сам прибывший посол не удостоился сколько-нибудь особого внимания со стороны присутствующего народа, которого больше интересовал спектакль, пышное торжество, нежели сам гость, по большому счету «виновник» церемонии.

По торжественному случаю Зеркальная галерея, в которой проходила аудиенция, была украшена скамьями в четыре ряда, наподобие амфитеатра. Их расставили по всей длине галереи. На скамьях расположились дамы, всего более 400, ослепительно прекрасные, поражающие воображение изысканными туалетами. Король взошел на свой трон. Справа от него расположился наследник, за которым присматривала герцогиня де Вантадур, слева – герцог Орлеанский. По обеим сторонам находились принцы крови согласно их рангу. Все принцы были с непокрытыми головами. Галерея была заполнена богато одетыми придворными, среди которых были и иностранцы (в том числе курфюрст Баварии и сын саксонского курфюрста и короля Польши Августа II под именем графа де Люзаса). Их пригласили войти в зал незадолго до начала аудиенции. У подножия

²⁵⁷ Arvieux, *chevalier de. Mémoires*. Paris, 1735. Т. 4. Р. 159 – 160.

²⁵⁸ *Sourches*. Op. cit. Т.1. Р. 437.

²⁵⁹ *Saint-Simon*. Op. cit. Т. 12. Р. 97; см. также: *Dangeau*. Op. cit. Т. 15. Р. 364.

королевского трона расположился придворный художник Антуан Куапель. С карандашом в руке он приготовился запечатлеть в рисунках этот исторический момент. Клоду де Бозе из Академии надписей было велено внимательно следить за тем, чтобы описание церемонии произошло правильно и с учетом всех подробностей²⁶⁰.

На картине, изображающей прием персидского посольства Людовиком XIV в 1715 г. и приписываемой кисти Куапеля (см. *прилож. 8, рис. 2*), костюм короля не соответствует тому описанию, которое дает Сен-Симон. Здесь Людовик XIV предстает перед нами в золотом жюстокоре с голубой лентой ордена Святого Духа через плечо, в шляпе с перьями, красных чулках и черных туфлях²⁶¹.

Прием послов из Московии. В мае 1685 г. в Париж прибыло посольство из Московии, еще малоизвестной тогда во Франции страны²⁶². Описание приёма русских послов королем приводит Сурш. Хотя он весьма краток в своем изложении, но, если учесть тот факт, что большинство дипломатических приемов вовсе не упоминаются в его пространных мемуарах, можно предположить, что все же этот прием привлек особое внимание при дворе. Сурш не пишет о том, в чём заключалась суть переговоров, но уделяет внимание главным образом церемониалу. Сурш отмечает, что это была церемония вполне обычная. Московские послы прибыли в Версаль в королевской карете, сопровождаемые интродуктором. На переднем дворе посольский экипаж встречали барабанным боем солдаты двух гвардейских полков. Затем московских послов проводили в комнату, предназначенную для приёма послов, где они дожидались королевской аудиенции²⁶³.

Аудиенция была назначена на 12 часов. В указанное время к послам явился обер-церемониймейстер, который отвел их к парадной лестнице. Вдоль лестницы

²⁶⁰ *Saint-Simon*. Т. 12. Р. 98; *Dangeau*. Op. cit. Т. 15. Р. 365 – 366. О персидском посольстве 1715 г. подробнее см.: *Herbette M.* Op. cit.

²⁶¹ В настоящее время многие искусствоведы, исходя не только из расхождений с письменными описаниями церемонии, изображенной на картине, но и ввиду стилистических особенностей склонны считать это полотно, принадлежащим кисти художника Николя де Ларжильера.

²⁶² Первое русское посольство во главе с Иваном Гавриловичем Кондыревым было отправлено еще к Людовику XIII в 1615 – 1616 гг. [См. подробнее: *Окунева О.В.* Первое российское посольство во Францию (1615 – 1616) и необычное эхо событий в Новом свете // *Франция и Россия: век XVII / отв. ред. К.Ю. Кашилявик*. Нижний Новгород, 2016. С. 21 – 30]. Следующее полноценное посольство из России появилось во Франции спустя полвека, в 1668 г. Возглавлял это посольство царский стольник Петр Иванович Потемкин. Вновь Потемкин прибывает с дипломатической миссией в Версаль в 1681 г. До этого, в 1673 г. Людовик XIV принял еще одно русское посольство во главе с Андреем Андреевичем Виниусом. В это время король вел войну с Голландией и находился в городе Кортрейк (Фландрия). Там он и принял посла в своем шатре. BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14118, f°s 76 – 77; РГАДА. Ф. 93. ДД. 1, 5 – 8.

²⁶³ *Sources*. Op. cit. Т.1. Р. 223.

стояли солдаты швейцарской гвардии (*cent-suisses*). Там же их ожидал капитан королевской гвардии со своими офицерами, чтобы проводить послов к королю.

Действительно, ход церемонии был обычным для таких случаев. Король в окружении придворных восседал на серебряном троне, который стоял на возвышенности, покрытой ковром из золотых, серебряных и шёлковых нитей. Однако зрителей несколько удивило поведение послов. Вместо принятых обычных поклонов, совершаемых послами при входе в королевские покои, русские послы, приблизившись к королю, пали ниц, как отмечает Сурш, по подобию послов из восточных стран. После этого глава посольской делегации произнёс на своём языке торжественную речь, которая тотчас была переведена на французский язык. Когда посол подошёл к королю, для того чтобы передать ему письмо русского царя, Людовик XIV произнёс ответную речь. По окончании аудиенции послы вновь простерлись ниц и затем удалились таким же образом, как и пришли. В посольских покоях для них был организован торжественный обед, после которого послы на тех же каретах уехали в Париж²⁶⁴.

Еще одно русское чрезвычайное посольство прибыло во Францию в августе 1687 г. Сурш посвятил ему всего один небольшой абзац в своих мемуарах. Он обратил внимание на то, что послы прибыли от лица двух русских царей и принцессы, их сестры, которая правила совместно с ними и имела даже больше власти, чем они²⁶⁵. Более подробно на приеме этого посольства остановился Сенкто. От него мы узнаем, что послы во главе с князем Яковом Федоровичем Долгоруковым (см. *прилож. 9, рис. 1 – 4*) совершили торжественный въезд в Париж 9 августа и были размещены в резиденции для чрезвычайных послов на улице Турнон. Сопровождали послов маршал д'Эстре и интродуктор Боннёй. Королевская аудиенция проходила 12 августа в Версале, куда послы прибыли в карете короля. Как и полагалось в случае чрезвычайного посольства, во дворце у посольской лестницы послов встретил обер-церемониймейстер Бленвилль и сам Сенкто, занимавший в то время должность церемониймейстера. Нет необходимости дальше описывать детали аудиенции, поскольку церемония проходила с соблюдением всех основных правил, установленных при французском дворе. Можно лишь добавить, что во время

²⁶⁴ Ibid. P. 224.

²⁶⁵ Речь идет о периоде двоецарствия, установившегося в России в результате Стрелецкого бунта 1682 г., когда царевна Софья Алексеевна была назначена регентшей при двух своих братьях, одновременно провозглашенных царями: отличавшемся слабым здоровьем Иване V и малолетнем Петре I; *Sources. Op. cit.* T. 2. Paris, 1883. P. 74.

аудиенции отбытия, которая имела место 4 сентября, послы попросили поцеловать руку Его Величества, что им было позволено²⁶⁶.

Яркие воспоминания о своей поездке во Францию оставил русский дипломат Андрей Артамонович Матвеев (*см. прилож. 9, рис. 5*), который побывал там в 1705 – 1706 гг. Несмотря на то что Матвеев находился во Франции инкогнито и его визиты не сопровождались публичными церемониями, его «Записки» служат ценным источником для изучения двора Людовика XIV. Матвеев подробно описал обычаи и порядки, установленные при французском дворе. 23 октября 1705 г. Матвеев имел частную аудиенцию у короля. Посол прибыл в Версаль из Парижа накануне королевской аудиенции и тотчас же сообщил о своём прибытии государственному секретарю Торси, как это было заведено. В ответ государственный секретарь прислал к нему своего конюшего «с поздравлением ко его превосходительству посольскому о его благополучном прибытии в Версалию на его посольский постоялый двор»²⁶⁷.

В день королевской аудиенции за час до церемонии посол был принят государственным секретарём в 8 часов утра, за час до церемонии. Из апартаментов государственного секретаря они вместе отправились на аудиенцию к королю. Подойдя к дверям королевского кабинета, государственный секретарь оставил посла дожидаться, а сам вошёл в кабинет доложить о нём. В назначенное время государственный секретарь пригласил посла войти. Людовик XIV принял русского посла стоя у окна и без шляпы. Матвеев пишет, что, войдя в кабинет, он сделал три обычных поклона в пояс «по европейскому чину» и обратился к королю с речью. После этого он вручил ему царскую грамоту, которую король принял лично из его рук.

Матвеев подробно рассказывает также о торжественном обеде, который был устроен в честь русского посла. Обед проходил у государственного секретаря. Посол был принят с учтивостью самим государственным секретарём и его супругой в своих апартаментах в Версале. На обеде присутствовали королевские вельможи, среди которых бывшие французские послы в Польше и Голландии. Вот как был сервирован стол: «На том столе вся была посуда серебряная богатой руки, переменялася в четыре перемены с конфитурами, или с заедками»²⁶⁸. Все ествы были из редких и избранных вещей, богато по французски учреждены... Питья были редкие – французския, итальянския, особливо при заедках, как обычай есть Франции ставить бутельи... в серебряных передачах на стол и самим наливать по своему

²⁶⁶ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14118, f°s 175 – 177.

²⁶⁷ Матвеев. С. 72.

²⁶⁸ Старинное название десерта, подававшегося после парадных обедов.

произволу»²⁶⁹. Как сообщает Матвеев, пили все по своему произволу и не соблюдали в этом вопросе чинов. После этого посол был приглашён в кабинет государственного секретаря, где он обычно принимает министров, для дружественной беседы за чаем или кофе. В общей сложности обед продолжался около двух часов, после чего посол простился с государственным секретарём.

Из заметок Матвеева, касающихся дня королевской аудиенции, становится понятно, что помимо приёмов у короля и государственного секретаря, помимо официального обеда посол присутствовал также на других церемониях, проводившихся в течение дня. Он слушал королевскую мессу, стоя по правую сторону «в другом окне от места королевского» рядом с герцогиней Бургундской, при нём находился «первый дворянин» или заместитель государственного секретаря иностранных дел. Также после обеда посол в числе прочих приближённых короля сопровождал Людовика XIV во время его поездки в Марли, интимную королевскую резиденцию, куда допускали лишь самых близких к королю придворных. Быть приглашённым туда считалось большой честью. Однако, как пишет Матвеев, обычно, когда король отправлялся в Марли или другую свою «особую» резиденцию (Медон, Фонтенбло), иностранные послы туда не ездили. Таким образом, русскому послу была оказана особая честь.

Благодаря ярким описаниям таких церемоний, как принятие послов из России, Сиамы, Персии, сегодня мы можем практически воочию, подключив воображение, увидеть эти великолепные спектакли, созданные французским двором. Каждый из присутствующих играл в этом спектакле свою, четко определенную церемониалом роль: дофин, принцы крови, офицеры, наиболее высокопоставленные сановники королевского двора.

Примеры церемоний торжественного въезда посла в Париж и публичной королевской аудиенции ярко показывают, насколько театрализованной была та часть дипломатической жизни, которая проходила «на виду» у публики. Место каждого участника этого спектакля определялось строгим этикетом. Требование неукоснительного исполнения этикета неслучайно. Этикет вырабатывался именно для того, чтобы представлять события в наилучшем виде, сделать двор упорядоченным, поистине классическим и совершенным, подчиняющимся определенной логике. Процесс формирования норм придворного, в том числе

²⁶⁹ Матвеев. С. 77.

дипломатического этикета начался еще в Средневековье, но особенно активизировался в конце XVI в., когда были приняты меры по его кодификации. Этикет постепенно становится необходимым механизмом в руках короля, с помощью которого воплощалась в жизнь одна из главных идей абсолютной монархии – идея величия королевской власти. Характерной чертой правления Людовика XIV стало стремление во всем (будь то военные кампании или придворные развлечения) достигнуть абсолютной, не сравнимой ни с чем славы²⁷⁰. Этому в частности был подчинен и придворный церемониал.

Создание должностей обер-церемониймейстера и посольского интродуктора соотносилось с политическим развитием двора и отвечало еще одной потребности французской монархии, достигшей нового этапа своего развития, а именно потребности контролировать доступ ко двору и регулировать его функционирование²⁷¹. Создание этих должностей объясняется, во-первых, постепенной кодификацией правил поведения при дворе, а во-вторых, с точки зрения коммуникации с представителями иностранных государей, желанием власти контролировать дипломатических агентов, находящихся на территории королевства.

Дипломатический церемониал Людовика XIV в основном зиждился на традиции, сложившейся в предыдущую эпоху. Так, королевские аудиенции иностранным послам во многом похожи на эти же церемонии последних Валуа²⁷². К середине XVII в. все главные церемонии, в течение длительного времени формировавшиеся на основе тех или иных прецедентов и подвергавшиеся постоянной трансформации, приобрели практически неизменную форму, особенно ярко это проявилось, когда королевский двор окончательно обосновался в Версале. Дипломатический церемониал превратился по сути в такую систему, коррективы в которую мог вносить только король. Это превращало церемониал в особый инструмент в руках монарха, посредством которого происходило утверждение его верховной власти. Только суверен мог позволить или не позволить отклониться от нормы, изменить ход «спектакля» в ту или иную сторону. В то же время детальное соблюдение всех пунктов церемониала являлось выражением достижения некоего консенсуса, символической гармонии, когда дипломат, прибывший в королевство, посредством исполнения предписанного обряда принимал правила поведения, установленные французским королем. Напротив, любое неповиновение дипломатов

²⁷⁰ *Marin L.* Le portrait du roi. P., 1981. P. 13.

²⁷¹ *Hugon A.* Au service du roi catholique. P. 295.

²⁷² *Le Roux N.* Op. cit. P. 252.

в вопросах церемониала вызывало конфликтную ситуацию, которая могла быть разрешена только монархом как верховным арбитром.

Различные дипломатические церемонии, устраивавшиеся при дворе, имели разную смысловую нагрузку. Во время торжественного въезда посла и публичной королевской аудиенции конкретно-политический диалог короля и иностранных посланников (т.е. диалог, имеющий своим предметом решение текущих дипломатических вопросов) оставался за пределами этих церемоний. Здесь происходил до известной степени невербальный контакт, общение на ином, символично-политическом уровне, где находили свое отражение более общие идеи, касающиеся не столько реальной расстановки сил на политической арене, сколько концептуального представления об иерархии государей (в данном случае с точки зрения французской короны).

Церемония торжественного въезда посла в Париж выделяется из всех прочих. Будучи исключительно дипломатической, или даже скорее символично-дипломатической, эта церемония проходила вне королевской резиденции, без участия короля и не являлась придворной. Главным действующим лицом здесь был посол, который вступал в город практически как государь, в данном случае представитель иностранного государя. Только послам (помимо, конечно, самих французских королей) предоставлялась привилегия торжественно въезжать в столицу королевства, чем подчеркивалось особое к ним отношение как к представителям иностранных суверенов. Различия в деталях этой церемонии служили символическим средством выстраивания иерархии послов. Наибольшей pompой был окружен въезд легата – религиозного представителя папы, прибывшего во Францию для исполнения особого поручения. Право папских нунциев на то, чтобы во время въезда их сопровождал иностранный принц, выделяло их среди прочих светских послов, которых должен был сопровождать маршал. Посланники же иностранных государей, не наделенные правом репрезентации, вовсе были лишены привилегии торжественного въезда.

Особое положение было у восточных «экзотических» посольств, которые находились вне традиционной европейской системы дворов. Современники воспринимали их как события, выходявшие из ряда обычных явлений. В XVII – начале XVIII в. посольства из далеких стран зачастую впервые прибывали во Францию, и церемонии торжественного въезда и королевской аудиенции играли здесь роль, если можно так выразиться, символического «знакомства», где каждая сторона стремилась показать себя с лучшей стороны (демонстрация безграничной

щедрости, стремление ослепить блеском и т.п.), вне зависимости от того, имело ли это какое-то прагматическое значение.

Церемония публичной аудиенции, устраивавшаяся по случаю прибытия послов из европейских стран, также сохраняет форму яркого театрального представления, внушающего восторг зрителям. Публичная аудиенция знаменовала официальное вступление посла в должность. Здесь соблюдались все многочисленные нормы церемониала: происходило вручение верительных грамот, произносились торжественные речи и проч. Однако реальная роль таких «показных» церемоний для европейских посольств к концу XVII – началу XVIII в. снижается. Король, в контексте постоянных войн и особенно войны за испанское наследство, все больше внимания уделяет частным аудиенциям, т.е. собственно дипломатии. Это проявлялось в том, что король мог неоднократно частным образом принимать посла еще до его официального вступления в должность. Это отнюдь не означает, что традиция проведения публичных церемоний исчезает, однако они превращаются скорее в формальное, хотя и помпезное придворное мероприятие. При этом смысловой акцент смещается в сторону частных или секретных аудиенций. Прежде чем заниматься церемониалом, король желает лично видеть посла и слышать, что посол имеет ему сообщить. При этом сказанное должно быть известно лишь ограниченному числу придворных или же вовсе оставаться тайной.

Дипломатический церемониал был прочно интегрирован в систему придворного церемониала. На любой, даже частной аудиенции (кроме секретных) присутствовали придворные, которые считали за честь находиться там, хотя бы в качестве зрителей. Тем более почетным для придворного было непосредственное участие в церемонии, в частности сопровождение посла во время аудиенции. В XVII в. это право закрепилось в основном за принцами из Лотарингского и Савойского домов. В этом отношении роль дипломатических церемоний как места осуществления символической коммуникации тесно переплетается с социальной борьбой французской элиты, направленной на то, чтобы занять наиболее выгодное положение при дворе.

Глава II. Церемониал французской дипломатии за рубежом

Второй неотъемлемой компонентой дипломатического церемониала является церемониал французской дипломатии за рубежом. Как уже было отмечено выше, в XVII в. в Европе продолжался процесс создания института постоянных посольств, начатый еще в предыдущем столетии и вызванный интенсивным развитием и расширением межгосударственных связей. Увеличению дипломатических контактов, способствовала, наряду с усложнением государственного аппарата, всех его звеньев и ведомств, активно развивавшаяся в это время идея государственного интереса, ставшая элементом доктрины абсолютной монархии. Государственный интерес требовал поддержания регулярных связей между странами не только для того, чтобы систематически вести переговоры, но также чтобы внимательно следить за положением дел в иностранных государствах, просчитывая возможные ходы на «шахматной доске» европейской политики. Одних лишь чрезвычайных дипломатических миссий для удовлетворения этих потребностей становилось уже недостаточно. В связи с этим организация дипломатической службы приобретает все большую устойчивость, устанавливается строгая дипломатическая иерархия, более точно регулируется и «внешний» дипломатический церемониал²⁷³.

Французская дипломатическая служба была в то время наиболее разветвленной по сравнению с другими странами. Во второй половине XVII в. Франция располагала постоянными посольствами во многих странах Европы, в т.ч. в Испании, Португалии, Англии, Швеции, Дании, Республике Соединенных провинций. Время от времени французские послы направлялись также в Польшу, Швейцарию, Венецию, Турцию. Основным источником, дающий сведения о французских дипломатических миссиях, – королевские инструкции послам. Однако в них не всегда имеется точное указание на то, какой ранг имел посол, отправляемый королем за границу: был ли он ординарным послом или чрезвычайным. Кроме того, инструкции позволяют узнать, когда начиналась миссия посла, в то время как дата ее окончания зачастую остается неизвестной. И все же, если говорить о странах, с которыми Франция поддерживала наиболее тесные контакты, в большинстве случаев удается установить характер и продолжительность посольств. В среднем посольства длились от 2 до 5 лет, но бывали и случаи, когда посол оставался в должности более 10 лет. Например, чрезвычайный посол Людовика XIV в Англии Поль де Барийон, отправленный в Лондон в 1677 г., вернулся на родину лишь спустя 11 лет, в 1688 г.

²⁷³ История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941. С. 170.

Чаще всего послы отправлялись за границу в ранге чрезвычайных послов. Однако во второй половине XVII в. статус чрезвычайного посла совсем не означал, что его миссия носит временный характер. С одной стороны, действительно, сохранялись чрезвычайные посольства, отправляемые за рубеж с целью решения конкретной дипломатической проблемы, с другой – происходит своего рода подмена понятий, когда дипломат, будучи постоянным представителем короля при иностранном дворе, имеет более высокий, с точки зрения протокола, ранг чрезвычайного посла. Граф д'Аво, отправленный в 1675 г. в Голландию в составе чрезвычайного посольства для ведения переговоров о заключении мира между Францией и Республикой Соединенных провинций в ходе Голландской войны, после достижения договоренностей остался там с постоянной миссией и сохранил при этом ранг чрезвычайного посла (см. *прилож. 10-VIII*).

Посланников Людовик XIV отправлял в итальянские республики²⁷⁴, немецкие княжества и Московию. Особо стоит сказать об отношениях с венским двором. До 1715 г. французский король отправлял в Вену исключительно чрезвычайных посланников и никогда послов. Суть такого решения заключалась в том, что император в случае прибытия французского посла не мог согласиться на признание его старшинства по отношению к испанскому послу. В Священной Римской империи и Испании правили тогда представители одной династии – Габсбургов, поэтому император отдавал предпочтение испанскому послу в вопросах старшинства, за которое между послами Франции и Испании на протяжении всего XVII в. шла упорная борьба практически при всех европейских дворах. Только в 1715 г., когда на испанском престоле окончательно утвердилась младшая ветвь Бурбонов в лице внука Людовика XIV Филиппа V, император признал старшинство за французским послом. Тогда, уже в самом конце своего правления, Людовик XIV впервые отправил в Вену посла, которым стал граф Дюлюк.

2.1. Назначение послов

В XVII в. не существовало никакого текста или регламента, который определял бы четкие правила назначения послов и дипломатических агентов, длительность их пребывания на посту и их жалованье²⁷⁵. Все назначения послов и

²⁷⁴ Особое место среди прочих итальянских республик занимала Венеция, куда французский король направлял посла. В XVII в. европейские государи включали Венецианскую республику в круг так называемых *têtes couronnées* (коронованных особ), т.е. стран, правители которых являлись монархами.

²⁷⁵ *Haehl M. Les affaires étrangères au temps de Richelieu: Le secrétariat d'Etat, les agents diplomatiques (1624 – 1642). Paris, 2006. P. 193.*

посланников за границу определялись текущей необходимостью. Дипломатия XVII в. преследовала несколько целей: получить как можно больше информации о зарубежных странах, заключить с ними договоры о дружбе, союзе и т.п., торговые соглашения. Для этого королю необходимо было иметь многочисленный «штат» дипломатов, «негоциаторов».

Назначение посла было делом ответственным: во многом именно от личности королевского посланника зависел успех дипломатической миссии, поэтому требования к послам предъявлялись высокие. Учитывались прежняя карьера, политический опыт, владение иностранными языками, интеллект, специальные знания – главным образом, знание традиций и особенностей страны пребывания²⁷⁶. Так, например, в Константинополь часто отправляли востоковедов или людей, которые уже бывали в Турции и имели представление об этой стране. Дени де Ла-Э Вантеле, посол в Константинополе с 1665 г., до своего назначения несколько лет жил в турецкой столице, сопровождая своего отца во время его посольства в 1658–1660 гг. Шарль де Нуантель, посол с 1670 г., был большим путешественником и до своего назначения посетил Грецию, входившую тогда в состав Османской империи²⁷⁷.

Подбором кандидатур на должность посла занимался государственный секретариат иностранных дел. Государственный секретарь предлагал королю на утверждение ту или иную кандидатуру. Выбор дипломата во многом зависел от того, в какую страну его отправляли. Интересны теоретические рассуждения на этот счет французского дипломата Франсуа Кальера. Он выделяет три категории людей, из рядов которых потенциально могут рекрутироваться дипломаты: 1.) церковники (*ecclésiastiques*); 2.) люди шпаги (*gens d'épée*), к которым он относит помимо служилого сословия придворных, не занимающих церковных и судебных должностей; 3.) и люди мантии (*gens de robe*), к которым Кальер причисляет все судебное сословие. Рассуждая о представителях духовенства, Кальер отмечает, что их довольно редко используют в качестве дипломатов. Во-первых, католических священников неприлично было бы, по его мнению, отправлять в «страны еретиков и неверных» (*pays des hérétiques ou des infidèles*), т.е. в некаатолические и нехристианские государства. Во-вторых, церковники кажутся Кальеру весьма ненадежными для привлечения их на дипломатическую службу, из-за того что они

²⁷⁶ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 90.

²⁷⁷ Vandal A. Les voyages du marquis de Nointel (1670 – 1680). Paris, 1900. P. 31–32.

зачастую легко могли поддаваться влиянию Ватикана²⁷⁸. Действительно, из всех послов, которых отправлял Людовик XIV к иностранным дворам, священники выбирались только для миссий в Рим, Испанию, Португалию, Польшу и ряд итальянских государств (Савойя, Мантуя). Но если в Риме в период с 1661 по 1715 г. из 10 французских дипломатов половина имела священнический сан, то в Мадриде – четверо из 19, а в Лиссабоне – только двое из 11. При анализе списка дипломатов, отправленных королем Франции к папскому двору, бросается в глаза факт, что ни один священник не имел ранга посла, но лишь поверенного в делах (*chargé d'affaires*) или посланника (см. *прилож. 10*). Так, с 1690 по 1699 г. и с 1701 г. до конца правления Людовика XIV в Риме не было французского посла за исключением кардиналов – поверенных в делах, которые по сути выполняли посольскую функцию. По мнению Ю.В. Борисова, Людовик XIV не присваивал лицам духовного звания ранг посла, поскольку, будучи на всю жизнь напуганным всевластием кардиналов Ришелье и Мазарини, он относился к ним крайне настороженно²⁷⁹. Но Борисов не учитывает того факта, что французские епископы и аббаты, отправляемые в Испанию и Португалию, имели статус послов. Посольский ранг не присваивался только священникам, направлявшимся в Рим. В 1670 г. государственный секретарь иностранных дел де Лионн получил резкий отказ Людовика XIV на свою просьбу присвоить ранг посла отправляемому в Рим Цезарю д'Эстре, епископу Лана. В письме де Лионна от 3 августа 1670 г. этому дается такое объяснение: в папской капелле послы духовного сана никогда не заходили в солиум [возвышение с тронном – *М.Ш.*] и занимали отдельное от остальных прелатов место, но всегда внизу, и французский король не получил бы преимущества для своего посла занимать то место, куда никогда не заходил посол Испании²⁸⁰. Из-за могущих возникнуть разногласий по поводу иерархии послов-церковников Людовик XIV за все свое правление не присвоил этот высший дипломатический ранг ни одному духовному лицу, отправляемому к папскому престолу.

В основном на дипломатическую службу привлекались представители второго сословия, т.е. дворяне. При этом возникало затруднение, связанное с тем, что представители старой знати не стремились к дипломатической службе.

²⁷⁸ Callières F. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006. P. 131 – 132.

²⁷⁹ Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 89.

²⁸⁰ «Les ambassadeurs ecclésiastiques ne vont jamais au Soglio et prennent leur place en chapelle dans un rang à la vérité séparé à mon avis des autres prélats mais toujours ils sont en bas et le Roi n'aurait point l'avantage que son ambassadeur fut en un lieu où ceux d'Espagne ne vont jamais» (AAÉ. Mémoires et documents, fonds Rome, vol. 91, f° 88. Sur les relations qui doivent exclure de l'ambassade de Rome les ecclésiastiques).

Большинство высших дипломатических постов занимали выходцы из «дворянства мантии». Тот факт, что именно из этой среды рекрутировалось большинство дипломатов, говорит, по-видимому, об относительно невысоком престиже дипломатической и в целом гражданской службы в сравнении с достойными родовитого дворянина – человека шпаги – военными или придворными должностями.

Тем не менее, Кальер в качестве наиболее подходящей категории послов называет именно родовитых дворян, поскольку уже одно имя знатного дворянина может внушить почтение и уважение к нему²⁸¹, а также продемонстрировать значение, какое придает король отношениям с тем государем, ко двору которого он отправляет одного из своих наиболее родовитых подданных. Однако Кальер отмечает, что знатные дворяне особенно подходят для чрезвычайных посольств, которые имеют предметом чествование по случаю того или иного громкого события (*cérémonie d'éclat*). Таким событием может быть, например, рождение наследника престола или свадьба кого-либо из членов правящего дома. В 1679 г. принц д'Аркур, член одного из наиболее знатных родов – Гизов, младшей ветви Лотарингского дома, был отправлен сопровождать в Испанию французскую принцессу Марию Луизу Орлеанскую, нареченную супругой испанского короля Карла II. Принц д'Аркур принял ранг чрезвычайного посла.

Если речь шла о более долгом (пускай и чрезвычайном) посольстве, которое было не обычным знаком внимания или почтения и носило не просто церемониальный характер, но направлялось с целью ведения серьезных переговоров, то, как пишет Кальер, предпочтение должно было отдаваться не столько именитому кандидату, сколько тому, кто наделен недюжинными способностями, умом и сноровкой. И это совсем не обязательно были дворяне шпаги. В данном случае дворяне шпаги могли использоваться во время особенно важных с политической точки зрения дипломатических миссий в качестве своего рода «почетных председателей» посольства. При этом именитый дворянин в таких случаях зачастую играл исключительно символическую роль, своим присутствием придавая посольству большой вес, так сказать «облагораживая» его, и фактически был избавлен от необходимости непосредственно вести переговоры: этим занимались менее родовитые дипломаты, входящие в состав делегации. Так было, например, в 1665 г., когда Людовик XIV отправил в Лондон трех чрезвычайных послов – герцога де Вернёйя, графа де Комменжа и Оноре Куртена – для того, чтобы убедить

²⁸¹ Callières F. Op. cit. P. 139.

английского короля Карла II не нападать на Голландию. Роль главного «негоциатора» в этом посольстве отводилась Оноре Куртену – бывшему советнику в парламенте Руана и интенданту Пикардии, ярчайшему представителю дворянства мантии своего времени. Два других посла были представителями старых дворянских родов. И если граф де Комменж уже к тому времени находился в Лондоне в качестве ординарного и теперь был возведен в ранг чрезвычайного посла по случаю этого особого поручения, то герцог де Верней, внебрачный сын французского короля Генриха IV, приходившийся дядей одновременно Людовику XIV и Карлу II, был направлен в Англию именно с целью придания посольству особого статуса. Герцог де Верней не особенно разбирался в текущих делах и был увлечен больше охотой, собаками и лошадьми, нежели переговорным процессом²⁸².

Никакого правила, которое определяло бы, из какой среды нужно выбирать дипломата для отправки его к тому или иному двору с дипломатической миссией, конечно, не существовало. Тем не менее, Кальер обращает внимание также на то, что посол не должен был занимать и слишком низкое социальное положение, поскольку это могло вызвать презрение к нему принимающей стороны и, как следствие, помешать успеху переговоров. Основная масса дипломатов набиралась из среды либо дворянства мантии, либо потомственного дворянства средней руки. Большинство французских послов и посланников, отправлявшихся за границу, имели титул графа или маркиза. Довольно редко среди послов встречались герцоги. И все же идея о том, что представителей старой знати следует посылать в наиболее старые монархии, такие как Испания и Англия, а также в Рим, прослеживается при анализе конкретных персоналий, отбравшихся Людовиком XIV в качестве дипломатов (*см. прилож. 10*). Папский двор считался местом, где в наибольшей степени проявлялась борьба за статус между иностранными послами. В связи с этим было особенно важно отправлять в Рим послов, имевших знатное происхождение. Родовитость придавала послу большой вес и делала его позицию менее уязвимой. От любого опрометчивого назначения мог зависеть исход борьбы за статус посла, а следовательно и монарха, назначившего его. Поэтому король с особым трепетом относился к подбору кандидатур для отправки в Рим.

Точно так же, как и иностранные послы, прибывавшие во Францию, послы и посланники французского короля подразделялись на ранги: чрезвычайные и ординарные послы, чрезвычайные и ординарные посланники. Какой ранг получит

²⁸² Recueil. Vol. 24. Angleterre. Paris, 1929. P. 341; *Spanheim E.* Relation de la cour de France en 1690. Paris, 1900. P. 212.

дипломат, зависело от того, к какому двору его направляли. Между европейскими дворами к XVII в. сложилась определенная иерархия, не позволявшая Людовику XIV – главе одного из наиболее крупных, древних и суверенных королевств Европы – отправлять послов, например, в мелкие немецкие княжества, которые, имея значительную автономию во внутренних делах, все же формально находились в вассальной зависимости от императора Священной Римской империи. Он отправлял туда только посланников или же специальные миссии, которые не имели характера посольства, но выполняли те или иные дипломатические поручения короля. Послов же король отправлял только к государям, которых он мог считать равными себе, т.е. к тем, кого называли коронованными особами (*têtes couronnées*) – главам старых суверенных монархий.

Равенство суверенных монархов было делом весьма условным и дискуссионным. Поэтому на этом стоит остановиться несколько подробнее. Факт, что короли независимых королевств были равными друг другу, т.е. обладали одинаковым объемом суверенитета, который не зависел от их реального политического веса, не мешал однако параллельно выстраивать иерархию правителей. Среди европейских монархов не было единства по поводу того, какая идея первична: идея о равенстве суверенных правителей друг другу или же об их иерархичности. Выбор определялся тем, какой из подходов к решению проблемы был более выгодным в конкретный момент конкретному монарху. Те государи, которые уже имели высокий статус в системе европейской иерархии, стремились защитить или подтвердить его, чтобы и впредь иметь возможность оставаться первыми среди равных, старшими братьями в большой семье европейских правителей; другие, как правило государи менее «статусных» (с точки зрения традиционных для того времени представлений о дипломатической иерархии) монархий, таких как, например, Швеция, – наоборот выступали за приоритет идеи равенства. Разница подходов нашла отражение в споре между коронами Швеции и Франции по поводу статуса их дипломатов на предварительных переговорах по итогам Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг. Об этом споре мы узнаем из трактата Викфора «Посол и его обязанности». Позиция Швеции заключалась в том, что ранг королей должен определяться не их могуществом, которое у одних больше, а у других меньше, но исключительно их суверенитетом, который не имеет сравнительной степени. Шведы заявили, что на этих переговорах они не собираются ни в чем уступать французским посланникам, поскольку шведская корона, хотя и менее могущественная, нежели корона Франции, обладает таким же достоинством и,

следовательно, может претендовать на равное положение²⁸³. Франция со своей стороны не желала признавать равенство со Швецией, ссылаясь на древнюю традицию, по которой французская корона обладала первенством. Однако Франция оказалась в довольно деликатной ситуации, т.к. Швеция была ее союзником в войне и прямой отказ шведам мог повлечь за собой осложнение отношений между странами. В итоге был найден компромиссный вариант: дабы избежать противоречий между французскими и шведскими представителями, было решено проводить заседания в разных городах²⁸⁴. Таким образом, помимо конфессиональных причин разведения переговоров в Мюнстер и Оснабрюк, определенную роль в этом сыграли и церемониально-протокольные разногласия.

Тем не менее идея о равенстве, с одной стороны, и практика иерархизации государей, с другой, сосуществовали в XVII в. В Риме еще в 1504 г. появился список, где правители Европы и их послы перечислялись в иерархическом порядке, который был принят при папском дворе и должен был соблюдаться во время проходивших там церемоний. Составление этого списка связано с понтификатом Юлия II (1503 – 1513). Сложно установить, какую роль сыграл сам папа в составлении этого документа (участвовал ли лично или просто одобрил), поскольку официально он так и не был опубликован. Список был обнаружен в записках одного из церемониймейстеров папской капеллы Париса де Грассиса. С небольшими вариациями именно этот список использовался впоследствии как ориентир для решения спорных вопросов старшинства. Документ подразделялся на две части – *Ordo Regum Christianorum* (порядок христианских королей) и *Ordo Ducum* (порядок герцогов), где европейские правители перечислены в порядке старшинства. Последовательность была следующей:

Ordo Regnum Christianorum –

император Священной Римской империи

римский король²⁸⁵

король Франции

король Испании

король Арагона

²⁸³ Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1682. Livre 1. P. 507.

²⁸⁴ Ibidem.

²⁸⁵ Римский король (*rex romanorum*) – изначально титул избранного, но еще не коронованного папой римским главы Священной Римской империи. К XVI в. титул «римский король» (или король Германии) стал означать наследника императорского престола, избранного курфюрстами еще при жизни действующего императора, чем обеспечивалась преемственность перехода власти от отца к сыну.

король Португалии
король Англии, *cum tribus discors prædictis*²⁸⁶
король Сицилии, *discors cum rege Portugalliæ*²⁸⁷
король Шотландии и король Венгрии, *inter se discordes*²⁸⁸
король Наварры
король Кипра
король Богемии
король Польши
король Дании

Ordo Ducum –

герцог Бретани
герцог Бургундии
герцог Баварии, Пфальцграф
курфюрст Саксонии
маркграф Бранденбурга
эрцгерцог Австрийский
герцог Савойский
герцог Миланский
дож Венеции
герцоги Баварии
герцоги Франции [*Franciæ* – sic] и Лотарингии
герцог Бурбон
герцог Орлеанский, *isti quatuor non præstant obedientiam Sedi Apostolicæ
quia subditi imperatoris sunt*²⁸⁹
дож Генуи
герцог Феррарский²⁹⁰.

²⁸⁶ Оспаривающий трех предыдущих (лат.)

²⁸⁷ Оспаривающий статус у короля Португалии (лат.)

²⁸⁸ Несогласные между собой (лат.)

²⁸⁹ «Эти четверо не выказывают повиновения Апостольскому престолу, т.к. они – подданные императора». По-видимому, латинское слово «*imperator*» используется здесь в значении «повелитель, властелин» и относится не к какому-то одному конкретному правителю, но является собирательным понятием. Если герцоги Лотарингские были вассалами императора Священной Римской империи, то, например, герцогство Орлеанское никогда не принадлежало императору, но было частью французского королевства.

²⁹⁰ Цит. по: Satow E.M. A guide to diplomatic practice. Vol. 1. London, 1922. P. 22 – 23. Оригинал записок находится в: British Museum. *Paris de Grassis. Diarium*. Mss. 8440 – 8444.

Дело обстояло бы слишком просто, если бы этот список, составленный при папском дворе, был официальным документом, определившим раз и навсегда иерархию европейских государей. Но не стоит забывать, что составлялся он в общем-то для местного пользования, для регулирования церемоний, проводившихся в папской капелле. И если авторитета римского престола в начале XVI в. было достаточно для того, чтобы католические государи согласились с принятой в Риме иерархией и рассматривали ее в качестве образца, то к середине XVII столетия ситуация в Европе значительно поменялась. Главное содержание изменений сводится к тому, что в XVII в. западный христианский мир вошел разделенным на две части: католиков, оставшихся в лоне римско-католической церкви, и протестантов, отказавшихся признавать папу в качестве духовного лидера, викария Христа, и занявшихся поиском новых путей религиозной организации. Это разделение, порожденное Реформацией, окончательно было зафиксировано уже Вестфальским миром 1648 г. Споры по поводу старшинства государей велись и до церковного раскола. Так, английские короли, еще со времен Столетней войны титуловавшиеся «королями Англии и Франции», оспаривали старшинство у королей Испании, Арагона и Португалии, которые уступали место французскому королю. Эта коллизия отражена в списке 1504 г. В результате Реформации, когда в Англии утвердилась англиканская церковь, а также многие другие европейские страны встали на путь протестантизма и отказались признавать духовную власть папы, нормы этикета, принятые при папском дворе, тем более перестали рассматриваться в качестве образцовых.

Не только изменения религиозного характера провоцировали государей на пересмотр системы иерархии. Например, Швеция, укрепившая свои позиции в ходе Тридцатилетней войны, не могла оставаться в стороне от участия в этом общеевропейском споре по поводу старшинства. В папском списке государей шведского короля не было вовсе. Это можно объяснить тем, что в начале XVI столетия Швеция оставалась глубокой периферией Европы. Однако к середине XVII в. эта страна стала одним из крупнейших игроков на политической арене и шведский король стремился занять подобающее место в ряду «коллег»-монархов.

Французские короли отказывались уступать место римскому королю, который имел исключительно титул, обозначающий избранного наследника императорской короны, но при этом был лишен какой-либо реальной власти²⁹¹. Более того, Людовик XIV считал себя главной политической фигурой в Европе, а Францию –

²⁹¹ Bielfeld, baron de. *Institutions politiques*. Vol. 1 – 2. La Haye, 1760. Т. 2. Р. 239 – 240.

первой (по значимости) монархией. В доказательство этой идеи приводились различные аргументы, один из которых и, пожалуй, самый важный касался легитимности власти: власть французского короля была наследственной (в отличие от власти избираемого императора Священной Римской империи) и не ограничивалась представительным органом (как это было в Англии и Польше) или аристократией (как в Швеции)²⁹². Главным соперником французского короля в этом отношении был король Испании, власть которого также не была ограничена и передавалась по наследству.

Иерархия правителей автоматически проецировалась на их дипломатических представителей. Это означает, что послы располагались относительно друг друга так же, как их государи. Поскольку именно через послов происходило утверждение престижного статуса правителей, многие из которых постоянно рвались подняться вверх по иерархической лестнице и оспорить не устраивавшую их позицию у других, выбор подходящего кандидата на посольский пост был делом крайне ответственным (безусловно, не только поэтому к подбору кандидатов относились с большим трепетом: от правильно подобранного посла зависел успех конкретной дипломатической миссии – и это, пожалуй, было главным; но в контексте исследования проблемы репрезентации власти критерий престижа выглядит наиболее значимым). Отправлять представителей старой знати в статусе чрезвычайных и ординарных послов к старейшим дворам Европы, где активнее всего велись баталии за право старшинства между дипломатами, было для короля Франции делом престижа, т.е. определялось необходимостью постоянно защищать статус первого короля христианского мира. Наиболее знатных дворян шпаги король мог отправить лишь к таким дворам, как римский или мадридский. Но в целом все же прослеживается тенденция выбирать послов и посланников из среды дворянства мантии.

Подготовка дипломатов. Долгое время не было четкой системы подготовки дипломатов. В основном при назначении послов руководствовались опытом человека и его личными способностями. Первая во Франции дипломатическая академия (*académie politique*) была учреждена лишь в 1712 г. по инициативе тогдашнего государственного секретаря иностранных дел Торси. В эту академию набирали шесть молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, к которым позднее добавилось еще 6 внештатных слушателей. Такое малое число учащихся было обусловлено нехваткой денег в казне на обучение (помимо оплаты преподавателям и

²⁹² Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 71.

затрат на текущие нужды академии правительство платило ученикам ежегодное жалование в размере 1000 ливров). Попасть в это учебное заведение было не так-то просто. В академию отбирали благовоспитанных молодых людей из знатных и богатых семей, которые уже на момент поступления имели хорошее образование (в частности, для поступления требовалось знание латыни)²⁹³. К каждому из учеников был приставлен наставник. Он не являлся ни начальником, ни педагогом в прямом смысле слова, а скорее был «старшим другом» своих воспитанников, следил за процессом их обучения, давал советы. В академии будущих дипломатов обучали всему тому, что необходимо на дипломатическом поприще, а именно: нескольким иностранным языкам (испанскому, итальянскому и даже английскому, что стало большим новшеством для того времени, т.к. английский язык в начале XVIII в. был крайне далек от статуса языка международной политики), публичному праву, современной истории, истории французской дипломатии, преимущественно начиная со времени правления Людовика XII, когда только возникла традиция отправки за границу постоянных посольств. Учеников вводили в курс текущих переговоров, современного положения дел, а также знакомили с дипломатическими архивами. Для этой цели по приказу Торси все дипломатические документы Франции впервые были собраны воедино. Торси даже предполагал построить отдельное здание для архива. Однако по все той же причине дефицита казны Людовик XIV не дал своего согласия на постройку специального здания, но выделил несколько комнат в «старом Лувре», в частности т.н. «Кабинет», который находился над королевской капеллой: в этой связи учащиеся академии называли «людьми кабинета» (*messieurs du cabinet*). В архив были отправлены все документы, подписанные до Рисвикского мира 1698 г., более поздние остались в Версале²⁹⁴.

На выпускников академии возлагались большие надежды, их назначали на самые ответственные дипломатические посты (так, одним из выпускников дипломатической академии был будущий государственный секретарь иностранных дел маркиз д'Аржансон). Однако это первое во Франции учебное заведение, где готовили *профессиональных* дипломатов, появилось лишь в самом конце правления Людовика XIV. К тому же академия просуществовала совсем недолго — с перерывами не более шести лет (с 1712 по 1715 и с 1717 по 1720 г.)²⁹⁵ — и являлась привилегированным учебным заведением. Поступить туда было очень сложно, для этого необходимо было обладать недюжинными способностями и, надо полагать,

²⁹³ Jusserand J.J. L'École des ambassadeurs. P. 128.

²⁹⁴ Ibid. P. 124.

²⁹⁵ Никольсон Г. Дипломатическое искусство. С. 77.

серьезной протекцией при дворе. Конечно, столь малое количество учеников, выпустившихся из академии, не могло покрыть требований дипломатического корпуса в отношении людского ресурса. Поэтому до самого конца правления Людовика XIV в дипломатической профессии отчасти просматривается принцип преемственности, когда опыт передавался от отца к сыну. Из таких семей, как д'Эстре, де Фекьеры, Кольберы, вышли крупные дипломаты того времени.

Отбытие послов из Франции. После того, как кандидатура нового посла была утверждена королем, начиналась подготовка к его переезду на место службы. Со времени назначения дипломатического представителя короля и до его приезда к месту службы проходило большое количество времени, в течение которого составлялись инструкции, подыскивалась резиденция для нового посла, так как не во всех странах место пребывания посольства было постоянным. Задача состояла в том, чтобы заплатить за аренду не слишком дорого, но при этом получить помещение не хуже, чем у других послов (имелся в виду, прежде всего, посол испанского короля). Вопросы этикета здесь занимают значительное место. Речь идет о статусе и месте французского дипломатического представителя в иерархии европейских дипломатов. Если король Франции, по мысли Людовика XIV, – первый из королей Европы, следовательно, его представитель должен занимать соответствующее место среди других послов²⁹⁶.

Переезд посла к месту своей службы должен был быть организован на высоком уровне, ибо посол представлял короля. Путь посла к месту службы был непростым и зачастую очень долгим. Вместе с послом отправлялись в путь все его слуги с огромным скарбом. Время пути, в первую очередь, зависело от расстояния, которое должен был преодолеть посол, чтобы добраться до места назначения. А если учесть, что в XVII – начале XVIII в. возможности передвижения были в значительной степени ограничены, поскольку транспортные средства той эпохи по скорости немногим отличались от средневековых, то можно себе представить, насколько сложным и длительным был переезд вновь назначенного посла до места своей службы.

Самой удаленной иностранной столицей, где Франция имела дипломатическое представительство, был Константинополь, куда послы обычно добирались морем. За все время правления Людовика XIV лишь один посол Пьер Дезаллер прибыл в Константинополь по суше. Это произошло в 1710 г. и то только

²⁹⁶ Recueil. Vol. 24. Angleterre. P. XL.

из-за того, что на момент своего назначения Дезаллер уже находился в Венгрии²⁹⁷. Обычно послы, отправляясь из Парижа или Версаля в турецкую столицу, добирались сначала до Марселя. Этот сухопутный путь со всеми промежуточными остановками занимал около месяца. В Марселе послы обязательно посещали Торговую палату, где наводили справки по текущим вопросам торговли с Турцией²⁹⁸. Из Марселя послы отправлялись в Тулон и уже оттуда на военных кораблях (обычно их было два) отплывали в Константинополь. Длительность плавания зависела от разных факторов: попутного ветра, количества запланированных остановок и проч. По меньшей мере оно длилось один месяц (путь Дени де Ла-Э Вантеле в 1665 г.), но могло растянуться едва ли не на полгода (путь Жана-Батиста д'Андрезеля в 1724 г.) В среднем морской переезд занимал от 2 до 3 месяцев²⁹⁹.

Добираться по возможности морем послы предпочитали, с одной стороны, по соображениям безопасности, с другой – во избежание дипломатических трудностей, связанных с церемониалом и вопросами старшинства, которые могли возникнуть во время пересечения посольским кортежем территорий иностранных государств. И все же в большинстве случаев путь посла к месту службы проходил по суше. Если посла отправляли в страну, которая не граничила с Францией, он волей-неволей пересекал территории третьих стран. Например, французские послы, направлявшиеся в Португалию, проезжали через испанские земли. В Мадриде они делали остановку, на время которой располагались в доме несшего там службу посла короля Франции либо, если французского посла в Мадриде на тот момент не было, в специально нанятой резиденции. О своем прибытии в испанскую столицу посол должен был сообщить государственному секретарю иностранных дел и затем нанести ему визит³⁰⁰. В случае, если посол желал получить частную аудиенцию у короля Испании, ему следовало обратиться к секретарю Королевского кабинета, выполнявшему функцию кондуктора³⁰¹, чтобы тот договорился о дате проведения церемонии. В назначенный день посла на аудиенцию к королю сопровождал французский посол в Испании и кондуктор, к королеве – майордом дома королевы и, наконец, к принцу Астурийскому, т.е. наследнику испанского престола, – кондуктор принца. Но как правило послы все же старались избегать встреч с государями, земли

²⁹⁷ Recueil. Vol. 29. Turquie. Paris, 1969. P. XXVII.

²⁹⁸ Торговая палата Марселя в то время имела монополию на торговлю с Османской империей.

²⁹⁹ Recueil. Vol. 29. Turquie. P. XXXVII – XXXVIII.

³⁰⁰ Иностранцами в Испании ведали два государственных секретаря: по делам Севера (*Secretario de Estado de las Negociaciones del Norte* – в его компетенцию входили сношения с Францией) и по делам Италии (*Secretario de Estado de las Negociaciones de Italia*).

³⁰¹ Кондуктор (от исп. *conducir* – вести, направлять) – придворная должность сопровождающего послов в Испании, аналог французской должности посольского интродуктора.

которых они проезжали, пока добирались до места своего назначения. В королевской инструкции маркизу де Лавардену, назначенному чрезвычайным послом в Рим в 1687 г., дается указание на то, чтобы он старался не встречаться с иностранными государями, через владения которых будет проезжать (имеются в виду итальянские княжества), во избежание трудностей, связанных с церемониями и почестями, особенно с правом занимать место по правую руку от государя в его доме, на которое французский посол должен бы был претендовать. По прибытии в Турин де Лавардену следовало связаться с маркизом д'Арси, французским посланником в Савойе, и принять любые меры, лишь бы не встретиться с савойским герцогом: он мог либо сменить сухопутный транспорт на речной и отправиться дальше на лодке по реке По, не заезжая в Турин, либо дожидаться, пока герцог отправится на охоту и покинет город, либо же через маркиза д'Арси уведомить герцога о том, что в соответствии с приказом короля он вынужден незамедлительно и инкогнито отправляться в Рим и не имеет возможности нанести ему визит и принять от него почести. Проезжая через Парму, Модену и Флоренцию, маркиз де Лаварден должен был поступать таким же образом³⁰².

Персонал посольства набирался и оплачивался самим послом. Из соображений престижа для устройства быта послам приходилось брать с собой множество слуг, поваров, конюхов, лакеев, иногда даже музыкантов. Как пишет Н. Элиас, детальная продуманность внешних форм как инструмент социальной репрезентации была характерной чертой всего придворного жизнеустройства³⁰³. Послы должны были везти с собой всю мебель, картины, посуду, ковры и были обязаны по прибытии на место за собственный счет снять дом для посольства. Многочисленная челядь, предметы роскоши, которыми окружали себя послы, были призваны подчёркивать особый статус королевских посланников, то, что они представляли самого великого из всех королей. Вот что пишет по этому поводу секретарь французского посла в Риме г-н де Ла Бюиссьер: «Если посол, куда бы он ни был отправлен, должен поражать умом и великолепием, то здесь [при папском дворе – *М.Ш.*] его великолепие должно доходить до предела <...>, и так как этот двор привычен к ярким спектаклям и коль скоро Ваш посол, Сир, должен представлять здесь персону величайшего из всех королей, ему удастся выполнить этот долг не иначе как с помощью роскошной свиты и щедрот, соразмерных славе,

³⁰² Recueil. Vol. 6. Rome. Paris, 1888. P. 288.

³⁰³ Элиас Н. Придворное общество. С. 154.

которой Ваше Величество окружено со всех сторон»³⁰⁴. Это замечание проясняет престижную функцию посольской миссии, в которой все должно было соответствовать достоинству монарха, ее отправившего. В условиях исключительной иерархизированности европейских дворов и государей и их жесткой конкуренции за право старшинства каждая деталь приобретала смысл. Чем значительнее с точки зрения представлений о старшинстве был двор, чем более искушенным он был в вопросах церемониала (именно таковым был папский двор), тем более впечатляющим и даже поражающим должно было быть посольство, одной из неперенных задач которого было поддержание статуса своего короля, дабы никто не мог покуситься на право старшинства, которым обладал король Франции. Это требовало, безусловно, серьезных материальных затрат. Послу при его назначении выплачивалось пособие для обустройства в стране пребывания. Выдавались специальные денежные пожалования в связи с различными чрезвычайными ситуациями (трауром при иностранном дворе, праздничными событиями), которые вызывали дополнительные издержки. Однако в основном дипломаты вынуждены были тратить свои личные деньги. Помимо обеспечения собственного достойного проживания, посол был ответственен за все свою прислугу, которая получала жалование из его личных средств. Кроме того, посол зачастую оплачивал услуги служащих иностранных дворов, занимавшихся организацией различных церемоний, в которых он принимал участие. К таким церемониям относится публичный въезд послов. Хотя посредством церемонии въезда происходила демонстрация богатства и славы короля, расходы на ее проведение ложились по большей части на плечи самого посла, который, как предполагалось, не должен покуситься на то, чтобы представить своего государя в наилучшем свете. Согласно смете, составленной Грегорио Лети³⁰⁵ и приведенной в материалах, касающихся английского церемониала, послы в Англии должны были заплатить 10 фунтов стерлингов тем, кто управлял во время церемонии лодкой короля, и 15 фунтов прочим лодочникам, 6 гиней – кучеру и фореитору королевской кареты и по одной гинее остальным (минимум в кортеже было 26 карет)³⁰⁶. В Испании общая плата посла различным служащим двора, участвовавшим в организации церемонии въезда, составляла более

³⁰⁴ Цит. по: *Lesourd P. Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint Siège // Revue d'Histoire diplomatique*, 1924. P. 77.

³⁰⁵ Грегорио Лети (1630 – 1701) – англо-голландский историк итальянского происхождения, придворный историограф Карла II Стюарта.

³⁰⁶ ААЕ. Mémoires et documents, fonds Angleterre, vol. 62, f°s 161, 217.

500 песо³⁰⁷ (для сравнения в середине XVII в. за 400 песо в Испании можно было купить хорошую лошадь; в Англии в 1650 г. 6 фунтов 10 шиллингов стоила корова, а в 1688 г. 4 фунта давали за тонну ржи)³⁰⁸. Из этого следует, что послы должны были быть материально обеспеченными людьми, дабы иметь возможность нести такие расходы и надлежащим образом представить персону короля за рубежом. Многие послы жаловались на обременительность таких издержек. Посол в Швеции шевалье де Терлон писал в письме к государственному секретарю иностранных дел Югу де Лионну от 20 декабря 1664 г., что он вынужден был потратить 1000 экю на людей, который сопровождали его в течение 3 дней: трубачей, кучеров, форейторов, барабанщиков³⁰⁹. Безусловно, часть расходов брала на себя принимающая сторона, но это не избавляло тем не менее посла от огромных расходов, которые ему приходилось нести. Труднее всего приходилось ординарным послам. Если чрезвычайные послы первые три дня после совершения публичного въезда содержались, согласно международному обычаю, за счет принимающей стороны, то ординарные послы такой привилегии не имели.

Королевские инструкции. Отправляясь из Франции в иностранную столицу, посол получал письмо, скрепленное печатью короля и подписанное государственным секретарем иностранных дел. Это была своего рода верительная грамота (*lettre de créance*), которая вручалась во время первой публичной аудиенции главе иностранного государства. Верительные грамоты удостоверяли представительный характер посольства и уполномочивали посла на ведение переговоров от лица короля. Помимо верительных грамот дипломаты, отправлявшиеся за границу, получали инструкции, служившие им руководством к тому, как вести себя при иностранном дворе и какой политической линии придерживаться во время своего пребывания на посту. Инструкции представляли собой записки, составлявшиеся по приказу короля в государственном секретариате иностранных дел для того, чтобы информировать только что назначенного посла о политической обстановке в иностранном государстве, в которое его отправляют, и о том, каких целей должен достичь дипломат. Как правило, в инструкциях приводились характеристики наиболее значительных и влиятельных придворных и политических деятелей

³⁰⁷ Dumont J., Rousset de Missy J. Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam – La Haye, 1739. Т. 5. (далее – Dumont J. Supplément) P. 356 - 357.

³⁰⁸ О стоимости денег в XVII в. в Испании и Англии см. подробнее: Marichal C. La piastre ou le real de huit en Espagne et en Amérique : une monnaie universelle (XVIe – XVIIe siècles) // Revue européenne des sciences sociales. XLV-137 (2007). P. 107 – 121; Mayhew N. Sterling : The history of a Currency. London, 1999.

³⁰⁹ AAÉ. Mémoires et documents, fonds Suède, vol. 5, f° 34.

иностранный двор и давалась оценка их роли при дворе, степени влияния на государя, их взглядов на отношения с Францией и в соответствии с этим выстраивалась примерная модель поведения посла. Вот что сказано в инструкции чрезвычайному послу в Англии в 1677 – 1688 гг. Полю де Барийону по поводу лорда-казначея (*Lord Treasurer*) графа Дэнби, самого влиятельного английского министра, при этом весьма недружелюбно настроенного по отношению к Франции: «Несмотря на то что г-н де Барийон знает о плохих намерениях этого министра, он позаботится о том, чтобы не замечать их, и постарается, насколько это в его силах, внушить ему большее расположение, даже если для этого понадобится прибегнуть к лести или приукрасить благоволение к нему Его Величества [Людовика XIV – *М.Ш.*]»³¹⁰. В инструкции приведены характеристики других главных министров – лорда-президента Тайного совета Шотландии (*Lord President of the Privy Council of Scotland*) герцога Лодердейла, государственных секретарей Южного департамента г-на Ковентри и Северного департамента сэра Вильямсона³¹¹, лорда-камергера графа Арлингтона³¹², а также даны указания относительно герцогини Портсмутской, любовницы Карла II Стюарта. Эта женщина, урожденная Луиза де Керуаль, придворная дама Генриетты Орлеанской, приходившейся сестрой Карлу II, еще в 1670 г. была отправлена Людовиком XIV в Англию вместе с Генриеттой для того, чтобы помочь ей склонить брата к заключению франко-английского договора. Впоследствии Луизе удалось стать фавориткой английского короля, и Людовик XIV продолжал использовать ее в своих интересах, на что указывают инструкции, данные им своему послу. «Важно, чтобы г-н де Барийон поддержал герцогиню Портсмутскую в сознании долга и рвения, какие она проявляет в интересах Его Величества»³¹³, – пишет составитель инструкции.

³¹⁰ «*Bien que le Sr de Barillon connaisse les mauvaises intentions de ce ministre, il prendra soin de les dissimuler et tâchera, autant qu'il sera en lui, en inspirer de plus favorable, même en le flattant de l'estime et de la bienveillance de Sa Majesté*» (Recueil. Vol. 25. Angleterre. Paris, 1929. P. 232).

³¹¹ Государственный секретарь Южного департамента (*Secretary of State for the Southern Department*) – государственный министр в Англии, ведавший в числе прочего отношениями с католическими и мусульманскими странами. С 1662 г. должность занимал граф Арлингтон, которого в 1674 г. сменил Генри Ковентри, остававшийся на этом посту до 1680 г. Ранее г-н Ковентри был государственным секретарем Северного департамента (*Secretary of State for the Northern Department*), отвечавшим за отношения Англии с протестантскими государствами. С 1674 по 1679 г. этот пост занимал сэр Джозеф Вильямсон.

³¹² Лорд-камергер (*Lord Chamberlain*) – высшая придворная должность в Англии. В ведении лорда-камергера находилась хозяйственная деятельность королевского двора. Граф Арлингтон занимал этот пост с 1674 по 1685 г.

³¹³ «*Il importe que le Sr de Barillon maintienne le duchesse de Portsmouth dans les sentiments de devoir et d'affection qu'elle fait paraître pour les intérêts de Sa Majesté*» (Recueil. Vol. 25. Angleterre. Paris, 1929. P. 236).

В инструкциях нередко содержались и указания, касающиеся вопросов старшинства, этикета и церемониала, на осуществлении которых посол должен был настаивать. Это были принципиальные замечания, которые касались чести французского короля. Показательная в этом отношении инструкция была дана французскому чрезвычайному послу, направляемому в Испанию, маркизу де Виллару. Инструкция датируется 30 апреля 1679 г. В это время королем в Испании был болезненный и неспособный к управлению страной Карл II, прозванный Зачарованным, и власть с 1677 г. полностью сосредоточилась в руках его единокровного брата дон Хуана Хосе Австрийского. Таким образом, французскому послу предстояло вступить с ним в контакт. Однако ребром вставал вопрос церемониала. Дело в том, что дон Хуан обладал правом во время приемов не пропускать вперед послов. Это преимущество он получил еще в период регентства королевы-матери Марианны Австрийской и сохранил его, став первым министром (*valido*). Большинство послов, находившихся в Испании, в том числе папский нунций и посол императора Священной Римской империи, признали за ним это право. Позиция Людовика XIV была иной: он не мог согласиться с таким положением дел, и поэтому инструкция де Виллару начинается с разбора именно этой проблемы. Дон Хуан, будучи первым министром в Испании, одновременно был незаконнорожденным сыном Филиппа IV. При французском дворе принцы крови, а также незаконнорожденные дети короля оказывали честь испанскому послу, пропуская его вперед во время приемов. Поэтому Людовик XIV требовал, чтобы при испанском дворе французского посла принимали так же, никоим образом не умаляя его достоинства, либо чтобы французские принцы крови и незаконные дети короля имели преимущество перед послом Испании и не пропускали его вперед. Маркизу де Виллару следовало по прибытии в Мадрид передать через кондуктора эти условия дону Хуану. В инструкции предусмотрен и ответ де Виллара на случай, если бы дон Хуан стал апеллировать к примерам папского нунция и императорского посла, дабы убедить его отказаться от привилегии проходить вперед. На это посол Франции должен был ответить, что поведение других послов не может рассматриваться в качестве правила для установления такого нового обычая, тем более поведение императорского посла, поскольку две ветви Габсбургов в Испании и в Германии рассматривают друг друга как один дом и поступают в отношении друг друга отлично от того, как они ведут себя по отношению к другим коронам. Другой возможный аргумент, которым мог воспользоваться дон Хуан, был связан с тем, что французский посол в Испании в 1661–1667 г. архиепископ д'Амбрен однажды

совершил оплошность и, не имея на то распоряжения короля, согласился признать за испанцем право проходить вперед. По этому поводу в инструкции говорится, что данный поступок д'Амбрена не может рассматриваться как прецедент, поскольку посол не имел тогда на этот счет никаких указаний короля. В случае отказа дон Хуана принять одно из двух названных условий де Виллару было приказано не вступать с ним ни в какие отношения, но вести переговоры только через посредника. Кроме того, если бы дон Хуан решил оставить за собой привилегию проходить вперед, при этом согласившись лишиться этого права испанского посла в пользу французских принцев крови и незаконнорожденных детей короля, он должен был, как того требовал Людовик XIV, подать письменное прошение королю Испании, чтобы тот приказал своему послу незамедлительно нанести визит принцам крови и внебрачным детям короля Франции, руководствуясь уже новым правилом. В инструкции де Виллару подчеркивается идея равенства между французским и испанским двором, а точнее недопустимость неравенства, которое не согласуется с величием короля и его дома. Посол должен был отстаивать свои prerogatives, поскольку от этого зависела честь его государя³¹⁴. Хотя на практике потенциальный конфликт по поводу prerogatives послов разрешился самым неожиданным образом – дон Хуан Хосе Австрийский скончался 17 сентября 1679 г., и проблема потеряла актуальность, – инструкция, которую получил де Виллар, свидетельствует о том, что Людовик XIV придавал вопросам этикета первостепенное значение. Король прекрасно понимал (и это тоже отражено в инструкции), что этот демарш ставил под угрозу срыва дипломатический переговорный процесс, но при этом он никоим образом не мог допустить в отношении своего посла обращения, не достойного его персоны.

Наибольшее количество указаний, касающихся поведения послов во время церемоний и отстаивания своих prerogatives, содержится именно в инструкциях послам в Испанию. Это можно объяснить тем, что испанский король был главным соперником Людовика XIV за старшинство. И хотя фактически послы французского короля обладали старшинством практически при всех дворах Европы, за исключением венского, послы Испании настойчиво стремились оспорить у них это право. К тому же, для Людовика XIV было делом чести, как видно из рассмотренной выше инструкции, поддерживать церемониальный «паритет» с самим испанским двором. Набор привилегий, которыми обладали французские послы при испанском

³¹⁴ Recueil. Vol. 11. Espagne. Paris, 1894. P. 279 – 284.

дворе, не мог быть, с его точки зрения, меньше, нежели набор привилегий, которыми пользовались испанские послы во Франции.

В инструкциях послам в другие страны вопросы церемониала зачастую затрагивались лишь вкратце. Например, в инструкции послу в Швейцарии Роберу де Гравелю по поводу его первого приема в сейме указывается, что о церемониях, соблюдаемых в подобных случаях, а также о положении дел в швейцарских кантонах он будет проинформирован г-ном Сен-Роменом³¹⁵, его предшественником на посту посла, который по приказу короля должен был дожидаться прибытия де Гравеля. Сын Робера де Гравеля Жюль Гравель де Марли, бывший секретарем своего отца и после его смерти летом 1684 г. получивший пост чрезвычайного посланника в Швейцарии, в свою очередь должен был проинформировать о деталях церемониала вновь назначенного посла Мишеля-Антуана Тамбонно³¹⁶, прибывшего в Золотурн в декабре того же года³¹⁷.

В некоторых французских посольствах за границей имелся опыт составления специальных записок, в которых фиксировались наблюдения послов за особенностями придворного церемониала и которые предназначались для использования в будущем в качестве справочного пособия. В начале XVIII в. секретарем (*maître de chambre*) французского посла в Венеции аббата де Помпонна г-ном Ванопсталем была составлена «Записка в форме дневника»³¹⁸, где он описал все церемонии, которые имели место в Венеции в период посольства де Помпонна с 1705 по 1710 г. Впоследствии эта «Записка», где были собраны основные нормы церемониала, принятые в республике Святого Марка, использовалась в качестве приложения к королевским инструкциям послам в Венеции и служила документом, к которому обращались при организации церемоний. Послы сами должны были внимательно следить за точным исполнением церемониала, за тем, чтобы им были оказаны все полагающиеся по протоколу почести. Если посол принимал какие-либо изменения в церемониале, он должен был быть уверен в том, что эти изменения не наносят вреда «имиджу» его государя³¹⁹. Поэтому хорошая осведомленность в

³¹⁵ Мельхиор де Аро де Сенева, маркиз де Сен-Ромен – французский посол в Швейцарии с 1672 по 1676 г.

Робер де Гравель – французский посол в Швейцарии с 1676 по 1684 г.

³¹⁶ Мишель-Антуан Тамбонно – французский посол в Швейцарии с 1684 по 1689 г.

³¹⁷ Recueil. Vol. 30. Suisse. Paris, 1983. P. 84, 95.

³¹⁸ M. de Vanopstal. Mémoire en forme de journal. Текст записки находится в: AAÉ. Mémoires et documents, fonds Venise, vol. 35, f° 146.

³¹⁹ Rabin E. Les entrées publiques des ambassadeurs de France à l'étranger sous les règnes de Louis XIV et Louis XV: éléments symboliques de la représentation diplomatique, mémoire de Master 2, dir. L. Bély. Paris – Sorbonne, 2010 – 2011. P. 9.

вопросах церемониала и придворного этикета являлась необходимым условием для успешного выполнения послом своей работы.

Секретари послов в иностранных посольствах исполняли роль своего рода церемониймейстеров. Они отвечали за то, чтобы были соблюдены все необходимые элементы церемоний и чтобы посол получил все причитающиеся ему почести. С 1664 г. в Риме должность секретаря французского посольства занимал уже упомянутый выше г-н де Ла Бюиссьер, который, так же как и его коллега Ванопсталь, составил специальную «Записку для послов, направляемых королем в Рим». Обязанности секретаря состояли в том, чтобы определять порядок движения кортежей, рекомендовать послу, как вести себя в различных обстоятельствах – приветствовать или не приветствовать того или иного деятеля; идти пешком или ехать в карете; спускаться только на несколько ступенек или до конца лестницы. Говоря современным языком, он выполнял функции шефа протокольной службы³²⁰. В королевских инструкциях герцогу де Шону, послу в Риме с 1666 г. находим: «Не даем никаких указаний вышеупомянутому господину герцогу относительно церемоний его приема в Риме. Обо всех обычаях, которые там практикуются, его проинформирует г-н де Ла Бюиссьер, церемониймейстер посла в Риме, которому Его Величество повелевает присутствовать при высадке герцога в Чивитавеккье³²¹, а также вовремя предупредить офицеров Его Святейшества, которые должны его там встретить»³²².

В ходе своей миссии послы отправляли во Францию многочисленные депеши с просьбами дать указания, как вести себя в той или иной ситуации. Предметом таких депеш зачастую были вопросы церемониала. В ответ на эти депеши из Франции приходили записки, в которых послам давались новые инструкции или делались корректировки к старым с учетом изменившейся ситуации. Кроме того, послы регулярно отправляли во Францию отчеты о своей деятельности. Это было необходимым условием, за исполнением которого строго следили король и государственный секретарь иностранных дел. В отчёте следовало сообщить обо всём, что происходило там, где находился посол³²³. Отчёт являлся не только

³²⁰ Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 94. См. также: Lesourd P. Ambassade de France près de Saint-Siège sous l'ancien régime. P., 1924. P. 107–110.

³²¹ Чивитавеккья – порт, расположенный на Тирренском море в 80 км к северо-западу от Рима.

³²² «On ne prescrit rien audit sieur le duc sur les cérémonies de sa réception et de son arrivée dans Rome, il en apprendra suffisamment le détail et toutes les formalités qui ont accoutumé d'être pratiquées par le sieur de la Buissière, maître de chambre de l'ambassadeur de Rome, auquel Sa Majesté mandera de se trouver à son débarquement à Civita-Vecchia pour l'en en informer, comme aussi d'avertir à temps les officiers de Sa Sainteté qui s'y doivent rencontrer pour l'y recevoir» (Recueil. Vol. 6. Rome. P. 162).

³²³ Picavet C.-G. La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661 – 1715). Paris, 1930. P. 117.

источником сведений для короля, но и материалом для подготовки инструкций новому послу. Послы давали отчет в своей деятельности не только королю и государственному секретарю иностранных дел, но также и другим министрам. Например, граф д'Аво, будучи послом в Голландии в 1678 – 1688 гг., а затем в Англии в 1689 – 1690 гг., помимо докладов Кольберу де Круасси, представлял отчеты также военному министру Лувуа в том, что касалось военных дел³²⁴.

2.2. Послы – представители короля за границей: репрезентация королевской власти

Роль дипломатического корпуса – репрезентация, информирование и ведение переговоров³²⁵. По мнению французской исследовательницы Э. Рабен, в эпоху раннего Нового времени функция репрезентации имела преобладающее значение³²⁶. Дипломатический церемониал регулировал отношения между послами как официальными представителями короля и иностранными державами. Главная цель любого демарша, связанного с протоколом и церемониалом, состояла в том, чтобы добиться права старшинства³²⁷. Прибытие послов к иностранным дворам на протяжении всего XVII – начала XVIII в. сопровождалось пышным церемониалом. Торжественный въезд послов в Париж, рассмотренный в предыдущей главе, служит этому ярким подтверждением. Традиция посольских въездов не была, конечно, исключительно французским феноменом, но имела общеевропейский характер, и французские послы, прибывавшие за границу, также должны были совершать въезд в столицу иностранного государства.

2.2.1. Посольский въезд и аудиенции послам

Церемония торжественного въезда предваряла официальное вступление посла в должность, совершавшееся уже на публичной аудиенции у правителя, к которому он был отправлен, и означала окончание его инкогнито. В разных странах имелись свои особенности в организации посольского въезда. Однако бесспорно то, что в период правления Людовика XIV въездам послов придавалось большое значение как французским двором, так и принимающей стороной. Для совершавших въезд послов смысл церемонии заключался в демонстрации того, что они представляют величайшего короля в мире. В ответ те, кто принимал посла, имели случай показать

³²⁴ *Saint-Simon*. Т. 7. Paris, 1829. P. 51.

³²⁵ *Duroselle J.-B.* Tout empire périt: théorie des relations internationales. Paris, 1992. P. 204.

³²⁶ *Rabin E.* Op. cit. P. 8.

³²⁷ *Hugon A.* Au service du roi catholique. P. 234.

свое достоинство, а также выразить свое отношение к послу и к тому, кого он представлял.

В церемонии публичного въезда посла было задействовано огромное количество людей. Она требовала длительной и тщательной подготовки и огромных материальных средств для устройства экипажей, подготовки дома посла, притом все должно было соответствовать уровню, достойному представителя французского монарха. Несмотря на то что церемония въезда обходилась послам довольно дорого, король упорно настаивал на необходимости ее исполнения. Многие послы стремились избежать непомерных трат и пытались всячески отсрочить или вовсе избежать публичного въезда. Граф де Комменж, прибывший в Лондон в январе 1663 г. в качестве французского ординарного посла, просил разрешения короля на отмену церемонии. Ответ Людовика XIV был резко отрицательным. Аргументом короля было то, что если Комменж не совершит свой въезд, то другие послы будут рассматривать это как прецедент и последуют его примеру. В таком случае Франция не сможет больше продемонстрировать свое старшинство, которое она имеет по отношению к другим странам³²⁸. Этого король не мог допустить. Посол во время торжественного въезда должен был ослепить и поразить зрителей блеском, демонстрируя славу короля Франции, распространяющуюся, словно солнечные лучи, во все стороны света, по всем странам. Богатство и роскошь самой церемонии должны были подчеркнуть богатство и блеск французского монарха, что было сопряжено с огромными расходами, ложившимися на плечи послов.

Помимо материальной обеспеченности посол должен быть сам по себе исполнен достоинства, ибо именно на него во время церемонии обращены взоры публики, он является центром, вокруг которого вращается действие. В этом смысле посол, представитель короля за рубежом, должен вести себя так, как если бы король собственной персоной присутствовал на церемонии. Одним словом, посол должен быть достоин своего монарха. В весьма кратком описании въезда французского посла графа де Ла Вогийона в Мадрид, оставленном одним из участников этого посольства, акцент сделан именно на том, как граф держал себя во время церемонии: «Граф де Лавогийон совершил свой публичный въезд 14 февраля 1682 г. *с достоинством и блеском, какие соответствуют занимаемой им должности*»³²⁹. Поведение посла было достойно королевского. Функция репрезентации за границей

³²⁸ ААЭ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1837, f° 177.

³²⁹ ААЭ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1837, f° 152; vol. 1848, f° 204; vol. 1849, f° 147.

отражает идею репрезентации политической власти в целом³³⁰. Великолепие, которое показывал посол, отражало образ монарха, которого он представлял. В описаниях публичных въездов с определенной регулярностью встречается именно это слово: великолепие (*magnificence*). Практически во всех указаниях, которые получал посол относительно церемониала, имелось упоминание о том, что, только когда в распоряжении посла имеются все средства для проведения церемонии публичного въезда с наибольшим великолепием, какое только возможно (*avec le plus de magnificence qui luy est possible*), он может выбрать день, чтобы его совершить³³¹. Все средства должны быть брошены на создание яркого образа короля, для чего и устраивался этот дорогостоящий спектакль.

Безусловно, церемония въезда посла имела обоюдонаправленный характер. Часть церемонии зависела от самого посла (репрезентация короля), в то время как за другую ее часть отвечала сторона, принимающая королевского посланца. Таким способом осуществлялся невербальный диалог между французским монархом и государством, куда он направил посла. Через такое символическое общение можно было передать различные нюансы отношения друг к другу – почтение, восхищение, нейтральность, холодность и т.п. Если король Франции желал показать свое могущество и богатство, то в ответ принимающая сторона давала понять, что с ней также необходимо считаться или даже вести дела на равных. Иногда это принимало форму своего рода состязания в великолепии, когда каждая из сторон пыталась перещеголять другую в пышности и богатстве. И здесь важной была каждая деталь. Объектом особой заботы были кареты, которые отправляли послу для въезда члены принимающего его двора, символизировавшие богатство их владельцев. Во время въезда шевалье де Терлона в Стокгольм 19 декабря 1664 г. шведские сенаторы пригласили его занять место в великолепной карете короля Швеции (*dans un carosse magnifique du Roy de Suede*)³³². То же самое было в случае с графом де Комменжем в Лондоне 14 апреля 1663 г.: граф поднялся в карету короля, которая была великолепной (*dans le carosse du Roy qui etoit magnifique*)³³³. Двор, принимавший посла, в действительности стремится к некоему балансу, при котором почести, оказываемые послу с целью соблазнить и умаслить его, располагая к сотрудничеству,

³³⁰ Bély L. L'art de la paix en Europe. P. 54.

³³¹ ААЭ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1837, f° 14; vol. 1848, f° 140.

³³² ААЭ. Mémoires et documents, fonds Suède, vol. 5, f° 30.

³³³ ААЭ. Mémoires et documents, fonds Angleterre, vol. 62, f° 163.

не оказались бы чрезмерными и не воспринимались бы как проявление слабости игрока, готового на все, лишь бы добиться союза³³⁴.

Наоборот уменьшение «доли великолепия» в проведении церемонии могло свидетельствовать о том, что принимающая страна рассматривала себя достаточно могущественной, чтобы не тратить слишком много ресурсов на «удивление» или ослепление роскошью представителя короля Франции³³⁵. В обзоре церемониала, наблюдаемого при шведском дворе, уточняется, что некогда в Стокгольме существовал обычай встречать французских послов с большой помпой. Однако начиная с графа д'Аво³³⁶ церемониал соблюдается, кажется, исключительно ради приличия (*il paroît que l'on s'en est tenu uniquement aux devoirs de politesse*)³³⁷. Чем можно объяснить такое отношение? В конце XVII – начале XVIII в. Франция по-прежнему считала шведскую монархию второстепенной с точки зрения старшинства. Швеция же, ставшая к этому времени довольно сильной европейской державой, не могла согласиться с таким положением и посредством церемониала выразила свой протест. Еще один, возможно, более очевидный резон мог состоять в дороговизне пышных церемоний, в то время как деньги были необходимы шведскому королю Карлу XII для ведения военных кампаний.

Церемония торжественного въезда проводилась в главном городе государства, принимающего посла. Это необязательно был город, где находилась королевская резиденция. Несмотря на то что Версаль с 1682 г. являлся официальным местом пребывания двора, публичные въезды продолжали (в большинстве случаев) совершаться в Париже, который являлся экономическим, религиозным и культурным центром Франции. В разных государствах церемония торжественного въезда проводилась по-разному. Чаще всего перед церемонией посол должен был выехать из города, в котором до этого он находился инкогнито. Маршрут следования был традиционным из раза в раз. Для въезда выбирались самые главные, наиболее просторные улицы города, которые должны были вместить не только огромный кортеж, сопровождавший посла, но и многочисленных зрителей, собравшихся поглазеть на эту праздничную процессию. На после лежала большая ответственность – с достоинством представить персону своего короля, и город, в который он совершал публичный въезд, был пространством для репрезентации. Задача посла состояла в том, чтобы не просто превознести образ своего государя, но самому как

³³⁴ Bély L. L'art de la paix en Europe. P. 56.

³³⁵ Rabin E. Op. cit. P. 194.

³³⁶ Граф д'Аво – французский чрезвычайный посол в Швеции в 1692 – 1698 гг.

³³⁷ AAE. Mémoires et documents, fonds Suède, vol. 5, f° 442; fonds France, vol. 1871, f° 239.

бы стать на время королем в коллективном воображении³³⁸, так, как если бы тот самолично присутствовал на церемонии. Великолепие и богатство посла являлись отражением великолетия и богатства короля.

В то же время и город, как полноправный участник церемонии, должен был впечатлить посла, представ перед ним в лучшем свете. Таким образом в самом начале посольства завязывались взаимные отношения, когда обе стороны (посол как представитель французского короля и город как символический образ принимающего государства) стремились показать друг другу свою силу и мощь. В этом стремлении произвести восторженное впечатление использовались различные составляющие города, как архитектурные, так и географические. Неслучайно в трех европейских странах – Англии, Голландии и Венеции – въезд совершался не только по земле, но и по воде. Сочетание двух природных стихий, земли и воды, символизировало морское могущество этих держав. Кроме того, в церемонии нередко участвовали представители местной власти. В Голландии въезд посла начинался в Делфте³³⁹, где его еще накануне церемонии принимал в своем доме гофмейстер (*maître-d'hôtel*) Генеральных штатов Соединенных провинций. В день въезда оба они, посол и гофмейстер, на лодках отправлялись до моста Хорнбрюгге под Рейсвейком. Поскольку в Голландии отсутствовала должность посольского интродуктора, сопровождаемыми назначались два депутата Генеральных штатов от разных провинций. Они встречали посла в государственной карете у моста Хорнбрюгге и оттуда вместе с ним и всем его кортежем въезжали в Гаагу³⁴⁰. В Швеции в полулье от Стокгольма посла встречали два сенатора³⁴¹. В Англии посла сопровождал герцог или граф. Начинался въезд в Грейвсенде или Гринвиче³⁴². Оттуда на королевских лодках посол по Темзе добирался до лондонского Тауэра, где «водная» церемония сменялась «сухопутной». Теперь уже в каретах процессия направлялась по главным улицам города до резиденции посла³⁴³. Для чрезвычайных послов отводился один из королевских домов неподалеку от Вестминстера, где их чествовали знатные лорды от лица короля Англии (см. *прилож. II, карта*).

³³⁸ Rabin E. Op. cit. P. 208.

³³⁹ Делфт – город в Голландии, расположенный в нескольких километрах к юго-востоку от Гааги, один из главных голландских экономических центров в XVII в.

³⁴⁰ ААЭ. Mémoires et documents, fonds Hollande, vol. 64, f° 26. См. также: Basnage M. Annales des Provinces-Unies, depuis les négociations pour la paix de Munster avec la description historique de leur gouvernement. La Haye, 1719. P. 21.

³⁴¹ ААЭ. Mémoires et documents, fonds Suède, vol. 5, f° 30, 66.

³⁴² Грейвсенд – город в нескольких милях к востоку от Лондона. Гринвич – историческое предместье, ныне – один из лондонских боро, находится на востоке английской столицы на правом берегу Темзы и считается «морскими воротами» Лондона.

³⁴³ ААЭ. Mémoires et documents, fonds Angleterre, vol. 62, f° 161, 217.

Привилегия останавливаться в доме короля была закреплена исключительно за чрезвычайными послами, в то время как ординарные послы принимали поздравления от английских лордов в собственной резиденции, которую они заблаговременно и самостоятельно себе находили. Чествование длилось три дня, после чего посол должен был заплатить 40 гиней слугам короля, которые обслуживали его в течение этого времени³⁴⁴.

Если в большинстве европейских стран церемония публичного въезда начиналась в пригороде столицы, то в Испании послам не надо было выезжать из города, чтобы затем вновь торжественно в него въехать, т.е. совершить въезд в прямом смысле этого слова, физически. В Мадриде церемония въезда посла проходила (опять же в отличие от других европейских дворов) в один день с публичной аудиенцией у короля и представляла собой чисто символический акт, который заключался в проезде по городу от резиденции посла до королевского дворца, где должна была состояться аудиенция. Первый въезд посла в Мадрид, т.е. собственно говоря его прибытие в испанскую столицу, так называемый *entrée de campagne* (дословно – въезд из загорода), не сопровождался в большинстве случаев пышными церемониями и означал лишь то, что посол физически прибыл в город, где ему предстояло нести службу. В этом первом въезде участвовал только испанский кондуктор, который направлялся с каретами короля на расстояние 2 лье от города навстречу послу, дабы выразить ему приветствия. После этого кондуктор вместе с королевскими каретами возвращался назад в Мадрид и ожидал посла в его заранее нанятой и приготовленной к приезду резиденции. Таким образом, посол самостоятельно без каких бы то ни было процессий въезжал в испанскую столицу, и уже там в его доме кондуктор устраивал послу торжественный прием. Несмотря на отсутствие пышного церемониала, все формальности должны были быть соблюдены. В инструкции маркизу де Виллару от 21 октября 1671 г. выражена надежда (настояние) Людовика XIV на то, что маркиз получит те же почести, что и его предшественники, и отмечено, что этих почестей будет вполне достаточно, но лишь в том случае, если папский нунций и императорский посол за это время, т.е. с момента прибытия последнего французского посла в Мадрид, не получили никаких дополнительных преимуществ. В противном случае «Его Величество желает, чтобы он [де Виллар – *М.III.*] претендовал на то же самое и не совершал своего въезда до

³⁴⁴ Dumont J. Supplément. T. 5. P. 496.

тех пор, пока ему этого не предоставят»³⁴⁵. Король Франции не мог допустить менее чинное отношение к своим послам, нежели к послам других государей, ни в каких случаях, даже если это было обычное прибытие посла в город, не сопряженное в строгом смысле с официальными церемониями репрезентации. До публичного въезда в Мадрид, или так называемого *entrée de ville* (дословно – въезд в город), посол оставался в статусе инкогнито и не мог вести официальные переговоры. Исключения составляли три чрезвычайных посольства, отправленных по поводу заключения франко-испанских браков, когда уже во время *entrée de campagne* устраивались пышные церемонии. Первым таким случаем был приезд маршала де Грамона в 1659 г. с целью просить руки испанской инфанты Марии Терезии от лица Людовика XIV. В пригороде Мадрида де Грамона встретили королевский наместник (*lieutenant générale des postes*) со своим заместителем (*lieutenant particulier*), 6 гонцов (*maîtres courriers*), 8 форейторов (*postillons*)³⁴⁶ и 60 прочих дворян, которых отправил король Испании и которые должны были сопровождать посла во время его въезда. Кроме того, с послом были четверо французских всадников; они следовали за ним на расстоянии шести шагов и, как говорит сам де Грамон в своих мемуарах, ему не было стыдно за них, поскольку они держались безукоризненно и были великолепно одеты³⁴⁷. Маршал въехал в Мадрид через ворота Алькала и затем проследовал по главным улицам города – Калле де Алькала и Калле Майор – через главную площадь к королевскому дворцу Алькасар (см. *прилож. 12*). Повсюду было множество карет, расположенных таким образом, чтобы не мешать движению посла. Улицы и балконы домов были переполнены людьми, ликующими по поводу радостного события. «Сложно передать, какую невероятную радость выражали лица и движения каждого присутствовавшего, – пишет де Грамон. – Действительно, въезд произвел большое впечатление на публику, и можно сказать без преувеличений, что церемония не обошлась и без новшеств: маршал де Грамон [в мемуарах повествование ведется от третьего лица – *М.Ш.*] все время был без головного убора, отвечая на поздравления дам и кавалеров»³⁴⁸. Два других посла, *entrée de campagne* которых стал исключением, – это принц д'Аркур (1679) и герцог

³⁴⁵ «En ce cas-là, Sa Majesté désire qu'il prétende la même chose et ne fasse point son entrée à moins que l'on ne les lui accorde» (Recueil. Vol. 11. Espagne. P. 261 – 262).

³⁴⁶ В скобках приводятся французские названия должностей.

³⁴⁷ Gramont, A. de. Mémoires du maréchal de Gramont, duc et pair de France. Amsterdam, 1717. T. 2. P. 188 – 190.

³⁴⁸ «L'on ne s'imaginoit pas trouver des transports de joie si veritables et si extraordinaires que ceux qui paroissoient sur les visages et dans tous les mouvements de tant de personnes. Il est vrai que la maniere dont l'entrée se fit, parût charmante à tout le monde, et l'on peut dire aussi sans flatterie qu'elle eût toutes les graces de la nouveauté : le Maréchal de Gramont étoit toujours tête nuë pour répondre à toutes les civilités qu'il recevoit des Dames et des Cavaliers» (Ibid. P. 191 – 192).

де Сен-Симон (1721), прибывшие в Испанию, первый – по случаю свадьбы Карла II и французской принцессы Марии Луизы, второй – для обсуждения проекта брака между Людовиком XV и испанской инфантой Марианной Викторией.

Понятие *entrée de campagne*, но уже в ином значении, использовалось и в отношении въездов послов в Рим. Папский двор был местом, где церемониалу отводилось значительное место. Здесь присутствовали послы всех католических стран, именно поэтому Рим был ареной, где шла наиболее активная борьба за старшинство, и функция репрезентации послов приобретала особую важность³⁴⁹. Римский церемониал рассматривался европейскими государствами, главным образом католическими, но и не только, как образцовый. Ф. Кальер, рассуждая о вопросах церемониала, в первую очередь ссылается на нормы, установленные в Риме. И действительно, во многих сложных ситуациях спорящие стороны обращались к примеру папского двора. Однако несправедливо было бы утверждать, что церемониал европейских дворов полностью копировал римские обычаи. Относительно публичных въездов Э. Рабен, занимавшаяся подробным исследованием этого сюжета, замечает, что публичный въезд послов в Риме проходил по модели, весьма отличной от той, какая была принята в других странах, где были использованы лишь отдельные элементы римской церемонии, но не повторена церемония целиком³⁵⁰. Согласно сборнику Дюмона – Руссе-де-Мисси, посвященному церемониалу европейских дворов, папа не позволял ординарным послам совершать публичный въезд в Рим, хотя другие королевские дворы оказывали им такую честь. В Риме эта церемония предназначалась только для чрезвычайных послов, которых там называли послами повиновения (*ambassadeurs d'obédience*)³⁵¹. Во время этой церемонии чрезвычайным послам оказывалось множество почестей, почти таких же, каких удостоился бы сам их государь, если бы он присутствовал там собственной персоной. Это означало, что послы повиновения, для которых использовался практически тот же церемониал, что и для королей, имели в Риме несравнимо более высокий статус, нежели ординарные послы, которые, по Дюмону, вовсе не могли совершать публичный въезд. Однако материал архива министерства иностранных дел Франции относительно римского церемониала дает несколько иную картину. Луи Ледран³⁵² в инструкции для

³⁴⁹ Rabin E. Op. cit. P. 133.

³⁵⁰ Ibid. P. 134.

³⁵¹ Dumont J. Supplément. T. 5. P. 175.

³⁵² Николя-Луи Ледран (1687 – 1774) – первый комми иностранных дел, хранитель архива, историк, специалист в области изучения дипломатических переговоров. О нем см.: Fournier Ch. Etude sur

организации церемониала французского посольства в Риме³⁵³, датируемой 31 декабря 1716 г., дал наиболее полное описание церемонии въезда, опираясь на примеры четырех послов Людовика XIV: герцога де Креки, принца Монако, герцога де Шона и герцога д'Эстре. Применительно к въездам послов в Рим в этой инструкции он употребляет понятие *entrée de campagne* вместо *entrée publique* [публичный въезд – М.Ш.]. Ледран не делает различий между ординарными и чрезвычайными послами, но из инструкции становится понятно, что послы в Риме, будь то ординарные или чрезвычайные, совершали не *entrée publique*, а *entrée de campagne*. В чем же заключалась разница между этими понятиями? В отличие от Испании, где *entrée de campagne* означал лишь физическое прибытие посла в столицу королевства и не сопровождался никакими пышными церемониями, в Риме *entrée de campagne* имел церемониально-символический характер и совершался уже после физического прибытия посла, в специально назначенный день, но с меньшим размахом, чем если бы это был публичный въезд. Дом посла во время его въезда в Рим был представлен лишь малой дворней (*petites livrées*), в то время как большая дворня (*grandes livrées*) сопровождала его только в день публичной аудиенции у папы, когда посол должен был выказать наибольшее величие. Въезд посол совершал в своем «походном» костюме (*habit de campagne*), т.е. в той одежде, какую он надевал во время прибытия в Рим: таким образом создавалась иллюзия того, что посол впервые въезжает в город. Посол должен был предупредить о дате своего въезда других послов и кардиналов, находящихся в Риме, с тем чтобы они могли прислать ему кареты. Запрягались кареты шестью лошадьми. Это замечание, касающееся количества лошадей в упряжке, имеет большое значение. Оно подчеркивает, что совершавший въезд дипломат не отождествлялся полностью с персоной отправившего его государя, но рассматривался сам по себе, как его представитель и соответственно удостоивался меньшего объема почестей, чем удостоился бы сам король. Королевские кареты запрягались, как правило, восемью лошадьми³⁵⁴. Функцию сопровождающего посла Франции выполнял кардинал, занимавшийся делами короля в Риме, а в его отсутствие старейший из французских кардиналов или кардинал, выбранный королем. В большинстве случаев послов сопровождали французские или испанские кардиналы. Сопроводителем герцога де Креки в 1662 г., как и герцога де Шона в 1666 г. был кардинал Барберини, а

Nicolas-Louis Le Dran (1687 – 1774): témoin et historien des affaires étrangères aux temps de la régence et du règne de Louis XV (1715 – 1762). La Celle-Saint-Cloud, 2015.

³⁵³ Le Dran, Louis. Instruction pour former le Cérémonial de l'Ambassade de France à Rome. Текст инструкции находится в: ААЕ. Mémoires et documents, fonds Rome, vol. 70, f°s 181 – 185.

³⁵⁴ Rabin E. Op. cit. P. 140.

принца Монако в 1699 г. сопровождал кардинал д'Эстре, старейший из французских кардиналов в Риме. Начинался въезд в трех милях от города. В случае с принцем Монако это было местечко под названием Акватраверса³⁵⁵, расположенное к северу от Вечного города. Оттуда посольский кортеж по Фламиниевой дороге направлялся к Народным воротам, через которые совершался въезд (см. *прилож. 13, карта*). Несмотря на нарочито скромное название, *entrée de campagne* все же сохранял характер пышной церемонии. Кортеж посла мог насчитывать более ста карет, отправленных кардиналами и знатными римлянами с целью оказать честь вновь прибывшему послу.

После совершения въезда послы имели публичную аудиенцию у государя, при дворе которого им предстояло нести службу. Аудиенция французских послов в Риме, как и других послов коронованных особ, а также курфюрстов и Венецианской республики, проходила спустя несколько дней после церемонии въезда в Царской зале Апостольского дворца, тогда как послов остальных государей принимали в Герцогской зале (см. *прилож. 13, рис. 1*). Папа восседал на троне, установленном на трехступенчатом помосте под балдахином, в присутствии кардиналов. Послам на аудиенции предоставлялся стул без ручек (*chaise sans bras*), на который они садились, войдя в залу и поцеловав ноги римского папы. Привилегию сидеть в кресле с ручками (*fauteuil*) в присутствии понтифика имели только кардиналы. Посланники же вовсе должны были стоять во время церемонии³⁵⁶.

В Испании церемония публичной аудиенции иностранным послам проходила в тот же день, что и торжественный въезд (*entrée de ville*). Одна церемония перетекала в другую. Из своей резиденции посол верхом на лошади³⁵⁷, которую предоставлял ему король Испании, в сопровождении длинного кортежа направлялся по главным улицам Мадрида в королевский дворец. По случаю публичной аудиенции французского посла маркиза де Виллара, проходившей 9 августа 1679 г., испанский король отправил к нему своего майордома, 20 наиболее знатных сеньоров двора, 100 других придворных, а также 30 лошадей для прислуги. Также у посла было 4 собственных кареты, за которыми следовали еще 200 других карет³⁵⁸. Испанские короли просили других иностранных послов, находившихся в Мадриде на

³⁵⁵ Ныне в 15-м муниципии Рима.

³⁵⁶ Dumont J. Supplément. Т. 5. Р. 176.

³⁵⁷ Из всех европейских стран только в Испании существовал обычай, согласно которому иностранные послы совершали въезд верхом на лошади. В других странах посол либо ехал в карете, если въезд совершался по земле, либо, во время водной части церемонии, плыл на лодке (в Англии, Голландии) или на гондоле (в Венеции).

³⁵⁸ Dumont J. Supplément. Т. 5. Р. 359.

момент проведения въезда, не отправлять в свиту вновь прибывшего посла свои кареты, чтобы избежать возможных разногласий по поводу старшинства, но ограничиться отправкой всадника. Тем не менее, некоторые послы вопреки просьбе короля все же присылали экипажи, преследуя свои цели, например, желая продемонстрировать дружественные чувства к новому послу. Опасения испанских королей на этот счет были оправданы. Из описания въезда маркиза де Виллара мы узнаем, что церемония была задержана на некоторое время из-за спора, возникшего по поводу карет послов Венеции и Мальты. Мальтийский посол дон Диего де Бракамонте заявил претензию на то, чтобы его карета следовала сразу за каретой посла Венеции. Однако, если венецианские послы рассматривались европейскими дворами в XVII в. как представители коронованных особ и, согласно испанскому церемониалу, имели право на то, чтобы их карета следовала за каретами совершающего въезд посла, то мальтийские послы не считались представителями коронованных особ и не обладали таким правом. За разрешением этой казусной ситуации ко двору был отправлен посольский кондуктор. В итоге решение было принято в пользу французского посла (*on décida en faveur de l'Ambassadeur de France*)³⁵⁹. Т.е. речь в данном случае шла о том, что посол Мальты пытался не просто пересмотреть нормы церемониала, но и наносил тем самым оскорбление послу Франции как представителю коронованной особы, который не мог допустить подобного покушения на свое достоинство. Поэтому решение оставить мальтийскую карету в арьергарде кортежа было, конечно, с одной стороны, неудачей Бракамонте, но в то же время – успехом Виллара.

По прибытии во дворец посол в сопровождении майордома и кондуктора проходил в залу для аудиенций, где его ожидал король, стоя в окружении грандов и государственных министров. Посол входил в залу с непокрытой головой, а затем, сделав три поклона перед королем, надевал головной убор. Король приветствовал посла снятием шляпы и легким наклоном головы. После того как посол произнес свою торжественную речь, он вновь снимал головной убор и больше не надевал его до конца аудиенции. Удалялся посол тем же манером, что и входил, сделав три глубоких поклона. По завершении аудиенции у короля посол отправлялся на аудиенцию к королеве, после чего в сопровождении все тех же майордома и кондуктора возвращался в королевской карете к себе домой.

Во второй половине того же дня и на следующий день посол наносил визиты первым министрам двора. Министры принимали послов в своих апартаментах, в

³⁵⁹ Ibidem; Villars, *marquis de*. Mémoires de la cour d'Espagne de 1679 à 1681. Paris, 1893. P. 69.

центре которых были приготовлены два кресла: одно, для министра, стояло спинкой к двери; второе, более почетное, – напротив, его занимал посол. Герцоги, графы, маркизы и государственные министры, согласно испанскому обычаю, должны были пропускать иностранных послов вперед во время любых приемов. Единственным из министров, кто не оказывал этой чести послам, был президент Совета Кастилии³⁶⁰ (*presidente de Castilla*), поэтому послы не наносили ему визитов. Сами министры приходили к послам с визитами только по особому поручению короля либо по приглашению самих послов. Принцы королевской крови не пропускали послов вперед, когда давали им аудиенцию. Они первыми входили в комнату, где проходила аудиенция, и занимали более почетное кресло. На протяжении всей церемонии принц и посол сидели в головных уборах³⁶¹.

После того как посол получил аудиенции у членов дома короля, он мог появиться при дворе и в антишамбре королевских покоев только в случае, если ему требовалась новая аудиенция (для обсуждения дипломатических вопросов). Также послам разрешалось находиться при дворе по воскресеньям и в дни празднеств. Кроме того, послам католических стран было позволено приходить в королевский антишамбр, чтобы составить свиту короля, когда он отправлялся в церковь на мессу. Во время частных королевских аудиенций посол прибывал ко двору самостоятельно, как правило в собственной карете, и никто из членов королевского двора не сопровождал его. Однако чрезвычайным послам в этих случаях также предоставлялась королевская карета. Кроме этого, а также того, что чрезвычайные послы в первые три дня после их въезда освобождались от расходов и содержались за счет принимающей стороны (это, впрочем, было общеевропейским правилом), никаких иных различий между чрезвычайными и ординарными послами при испанском дворе не существовало³⁶².

В Англии посол имел публичную аудиенцию у короля спустя несколько дней после своего въезда. Здесь церемония аудиенции проходила обычно в 4 часа пополудни. В первой половине дня к послу прибывали английский граф с церемониймейстером, для того чтобы отобедать с послом. Затем они возвращались во дворец. Послу присылали королевские кареты, запряженные 6 лошадьми, в одной из которых посол в назначенный час отправлялся в Уайтхолл³⁶³. Поскольку въезжать

³⁶⁰ Совет Кастилии (*Consejo de Castilla*) (он же – Королевский совет) – один из 5 наиболее важных советов при испанском дворе. До появления в Испании в XVII в. института *validos* (фаворитов) глава Совета Кастилии считался вторым по объему власти человеком в стране после короля.

³⁶¹ Dumont J. Supplément. T. 5. P. 355.

³⁶² Ibid. P. 356.

³⁶³ Уайтхолл – основная резиденция английских королей в Лондоне в XVI – XVII вв.

в карете во двор королевского дворца было позволено только первым принцам дома короля, посол выходил из кареты возле ворот. Здесь его встречал маршал двора, и далее они пешком в сопровождении свиты шли во дворец. Процессия проходила между выстроенных в два ряда королевских гвардейцев. Маршал провожал посла до лестницы, где его ожидал капитан гвардейцев, вместе с которым посол поднимался наверх к Зале для аудиенций. Перед дверьми залы посла принимал обер-камергер и выражал ему приветствия от лица короля. Далее процессия двигалась в следующем порядке: справа от посла находился обер-камергер, слева шел граф; возглавлял шествие церемониймейстер. Вошедшие в залу делали три глубоких поклона. После первого поклона посла король приподнимался с трона и снимал шляпу, затем садился вновь. Посол, приближаясь к королю, все время был без головного убора. Когда он подходил к королю, тот вновь вставал, снимал головной убор, делал два шага вперед и затем опять садился на трон, надев шляпу. В этот момент посол также надевал шляпу. Особенностью королевской аудиенции в Англии было то, что вместе с королем на церемонии присутствовала королева, сидевшая на троне слева. Когда король вставал с места и снимал шляпу, королева также приподнималась со своего трона и затем вновь садилась. Верительную грамоту король принимал стоя с непокрытой головой. Когда посол произносил торжественную речь, то при упоминании имен французского и английского королей он снимал головной убор, а король лишь касался полей шляпы, не снимая ее. После ответа короля на речь посла посол удалялся, соблюдая тот же церемониал, что и при входе. Вечером того же дня посол давал ужин для всех лиц, сопровождавших его во время церемонии. На следующий день посол наносил частные визиты королеве, принцам и принцессам крови³⁶⁴.

2.2.2. Организация жизни послов при иностранных дворах

Служба дипломата в XVII – начале XVIII в. была делом непростым. Послы получали маленькое жалованье и при этом были вынуждены нести огромные расходы: длительный и не всегда безопасный переезд в страну назначения, траты на достойную организацию церемоний, наем апартаментов для проживания, необходимость делать подарки, а зачастую совершать подкупы для достижения поставленных целей – все это, безусловно, было делом нелегким для исполнения. Одной из главных задач посла была достойная репрезентация короля, и для этого были годны любые средства, лишь бы они не бросали тень на блистательный образ

³⁶⁴ *Dumont J. Supplément. T. 5. P. 496.*

монарха. Но выполнить эту задачу было весьма непросто. Например, в Швеции, где сеньоры были обычно окружены 500 – 600 слугами, послы не могли отставать, им приходилось соответствовать. Французский посол должен был иметь при себе, по крайней мере, одного дворянина, одного секретаря, одного священника, дворецкого, повара, портного, трех лакеев, двух конюхов, от 8 до 10 лошадей, и, естественно, всех их необходимо было содержать. Маркиз де Фекьер, посол Людовика XIV в Швеции с 1672 по 1682 г., жаловался на полнейшее расстройство своего хозяйства и на то, что он подолгу не видится со своей семьей, т.к. послам в Швеции надлежало везде следовать за шведским королем, в т.ч. во время его военных походов, для чего, в дополнение к своим основным расходам, они были вынуждены содержать собственный военный экипаж. Де Фекьер пишет: «Мне не хватает тридцати лошадей... моя свита насчитывает более 80 человек; я должен делать постоянные пожертвования французским дезертирам [имеются в виду, по-видимому, французские солдаты, перешедшие на службу к шведскому королю, но в силу различных обстоятельств обращавшиеся за поддержкой к послу Франции – М.Ш.] и прочим... Как можно вынести такие траты, имея 36000 ливров и редкие вознаграждения? – Я буду платить величием моего короля, а эта монета, по правде сказать, высокой пробы и везде имеет ход!»³⁶⁵. То, что послы в Швеции были вынуждены постоянно переезжать с места на место, делало их миссию не просто утомительной, но зачастую это было сопряжено с риском для жизни. Подобные условия были очень обременительны для послов, поэтому многие нередко сами просили об отставке.

Если посол был представителем своего короля, то его дом служил местом репрезентации французского двора. Послы и посланники французского короля должны были следовать определённому церемониалу согласно традиции, существующей при дворе, где они несли свою службу. Но при этом они оставались подданными французской короны. Их задача состояла в том, чтобы стать «своими среди чужих» в иностранном государстве. Пост посла, конечно, был очень почётным, но в то же время требовал большого опыта и сноровки, как и материальных вложений. Из письма де Фекьера видно, что послы помимо основного жалованья время от времени получали дополнительные «вознаграждения», каковыми могли быть, например, разовые выплаты от короля. Однако этих денег все равно зачастую

³⁶⁵ «Trente chevaux ne me suffisent pas... mon train est de plus de quatre-vingts bouches; j'ai à faire de continuelles distributions à des Français déserteurs et autres... Comment soutenir tant de dépenses avec 36000 livres et de rares gratifications? – Je paierai de la grandeur de mon maître, et c'est, à la vérité, une monnaie de bon aloi, qui a cours partout!» (Lettres de marquis de Feuquières. Цит. по: Recueil. Vol. 2. Suède. P. XXIV).

едва хватало на то, чтобы справиться с теми расходами, какие были вынуждены нести послы.

Для рассмотрения жизни французского дипломата за границей обратимся в качестве примера к посольству Шарля Кольбера де Круасси, посла в Англии с 1668 по 1674 г. Выбор именно этого посольства обоснован тем, что, во-первых, это было ординарное посольство, т.е. отправленное с целью ведения текущих дел, а следовательно, наиболее типичное, во-вторых, относительно миссии Кольбера де Круасси имеется довольно много материалов, что позволяет подробно его изучить.

Кольбер де Круасси, младший брат Жана-Батиста Кольбера, одного из министров Людовика XIV, на момент назначения послом в Англию имел внушительный политический опыт. В 1658 г. он был президентом суверенного совета (*président du conseil souverain*) и интендантом Эльзаса, в 1660 г. его отправляли с различными дипломатическими миссиями в некоторые германские города, Гданьск, Вену, Рим, затем он занимал должность президента парламента Меца, в 1666 г. был интендантом парижского генералитета (*intendant de la généralité de Paris*), наконец, в 1668 г. выступил одним из участников заключения Ахенского мира, завершившего Деволюционную войну Людовика XIV против Испании. В Лондон вновь назначенный посол прибыл 15 августа 1668 г. На следующий день он был принят государственным секретарем Южного департамента графом Арлингтоном, а 17 августа – английским королем Карлом II. Первая аудиенция у короля носила частный характер. Официальный въезд состоялся спустя две недели, 27 августа 1668 г. На следующий день в английской газете «Леттер оф ньюс» от 18 августа 1668 г.³⁶⁶ появилась заметка, касающаяся въезда г-на Кольбера. Во время этой церемонии в личной свите посла было 3 кареты в 6 лошадей, а также 6 выючных мулов с бубенчиками, 6 пажей, 18 лакеев и 16 всадников. Остановился Кольбер де Круасси в особняке Лестер-хаус³⁶⁷, в самом центре Лондона (см. *прилож. 11*). Еще через два дня после торжественного въезда посол получил первую публичную аудиенцию у короля Англии³⁶⁸. Помимо верительной грамоты, которую Кольбер де Круасси вручил во время аудиенции Карлу II, он также должен был

³⁶⁶ Различие в датировке объясняется тем, что в Англии до 1752 г. продолжали использовать юлианский календарь, во Франции же, как и в других католических странах, с 1582 г. действовал григорианский календарь, который в XVII в. опережал юлианский на 10 дней.

³⁶⁷ Letter of news, 18.08.1668 // Calendar of State Papers Domestic: Charles II, 1667 – 1668. London, 1893. P. 540. Лестер-хаус – ныне не существующий лондонский особняк, находившийся в Вест-Энде на месте современной площади Лестер-сквер.

³⁶⁸ Recueil. Vol. 25. Angleterre. P. 93.

передать официальные письма Людовика XIV к герцогу и герцогине Йоркским – брату английского короля и его супруге.

В Лондоне Кольбер де Круасси обосновался роскошно. Стоит еще раз обратить внимание на то, что роскошь была отнюдь не личной прихотью посла, но составляла часть его образа как представителя французского короля. Проживая в одном из самых богатых и дорогих районов города, он вынужден был широко распахнуть карман. Частью посольской работы, помимо решения политических вопросов, было соблюдение дипломатического протокола и церемониала. Поэтому послу приходилось устраивать частые приемы. На следующий день после аудиенций у короля и представителей королевского дома он принимал ответные визиты лордов и прочих знатных особ. Кроме того посол должен был уведомить о своем прибытии остальных послов и посланников, находившихся в это время в Лондоне, чтобы они также могли прийти к нему с визитами³⁶⁹.

На службе у посла находились многочисленные слуги: 6 пажей, 16 ливрейных лакеев, 2 швейцара и 8 конюхов. Все они были прекрасно одеты на деньги посла. В посольской конюшне содержалось 20 каретных и 6 верховых лошадей. В каретном сарае было 3 кареты в шесть лошадей и 4 кареты в 2 лошади. В своей домовый церкви посол содержал 8 – 10 священников, которых обеспечил богатым облачением (по воскресеньям он всегда слушал мессу)³⁷⁰. Все расходы на содержание столь многочисленной дворни ложились тяжёлым бременем на посла. Неоднократно в течение пяти с половиной лет своего пребывания на посту посла в Англии Кольбер де Круасси просил короля об отставке из-за больших расходов.

Для успешного выполнения своей миссии посол должен был заручиться расположением английского короля, его придворных и советников и других англичан, которые могли быть ему полезны. В инструкции французскому послу указывалось на то, что после окончания Деволюционной войны уже не Испания была врагом Франции, а Голландия, по инициативе которой был образован Тройственный альянс³⁷¹, направленный против французского короля. Задача Кольбера де Круасси состояла в том, чтобы вывести Англию из этого объединения и сделать ее союзницей Франции. Главным препятствием на пути достижения этой цели мог стать один из наиболее влиятельных политических деятелей Англии, граф Арлингтон, который,

³⁶⁹ *Dumont J. Supplément. T. 5. P. 496 – 497.*

³⁷⁰ *Recueil. Vol. 25. Angleterre. P. 95.*

³⁷¹ Тройственный альянс в составе Голландии, Англии и Швеции был образован в январе 1668 г., чтобы остановить французскую экспансию в Испанских Нидерландах во время Деволюционной войны. Хотя союз так и не принял участия в военных действиях, он вынудил Людовика XIV остановить наступление и подписать мир с Испанией.

как написано в инструкции, был «не только хорошим испанцем ... но и хорошим голландцем...» (*pas seulement bon Espagnol... mais qu'il est encore bon Hollandais...*)³⁷². Для склонения графа на свою сторону посол должен был использовать все возможные средства, не исключая подкупа. В инструкции дается прямое указание на то, что Арлингтона нужно «купить», какой бы ни была цена, и даже обозначается сумма, которую следовало употребить: 100 тыс. экю дать сразу и назначить 10 тыс. экю содержания. Однако действовать надо было осторожно, заручившись согласием английского короля. Следовало показать, что это не подкуп, но подарок в честь заключения нового союза³⁷³.

Не только посредством денег совершался поиск союзников. В ход шли комплименты, мольбы и даже астрология. Карл II любил развлекаться химическими и астрологическими исследованиями. Зная об этом увлечении короля Англии, в 1669 г. Кольбер де Круасси отправил к нему аббата Пренани, астролога и химика, который предсказал самые страшные несчастья Англии и королю, если он не заключит союза с Францией. И несмотря на то что потом Пренани, совершив неосторожность и предсказав на ипподроме Ньюмаркет победу лошадям, которые в итоге проиграли, был уличен в шарлатанстве и вынужден бесславно вернуться во Францию³⁷⁴, этот случай является весьма показательным в том смысле, что дипломаты не гнушались прибегать к самым хитрым и невероятным уловкам для достижения своих целей.

В королевских инструкциях встречаются прямые указания на возможность и даже необходимость использования женщин для достижения желаемого результата, в том числе посольских жен. Государственный секретарь иностранных дел Франции Юг де Лионн в письме Кольберу де Круасси прямо советовал, чтобы его супруга проявила любезность в отношении леди Каслмейн, какую только может проявить женщина к женщине³⁷⁵. Через посредство жены посла французский двор надеялся получить расположение леди Каслмейн, влиятельной фаворитки Карла II, а через неё – короля. Специально для этого посол устроил ужин в честь леди Каслмейн.

Церемонии обедов (*cérémonies de table*) имели большое значение. Сразу после церемонии торжественного въезда в Лондон посол должен был устроить обед для

³⁷² Recueil. Vol. 25. Angleterre. P. 74. В 1658 – 1661 гг. граф Арлингтон был послом Англии в Испании, а с 1665 г. был женат на голландке, внучке Морица Оранского, которая имела на мужа большое влияние.

³⁷³ Recueil. Vol. 25. Angleterre. P. 75.

³⁷⁴ Ibid. P. 97.

³⁷⁵ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Angleterre, vol. 93, f° 250. Lettre de Lionne à Croissy, 16.02.1669.

всех участников его въезда. В случае чрезвычайных посольств обеда давались в течение трех дней в доме, который предоставлялся послу королем. Всего давалось шесть обедов: один вечером после въезда, затем в полдень и вечером следующих двух дней и, наконец, утром на четвертый день. Накрывалось два стола: один для посла и первых лиц из его свиты, второй – для остальных служащих. За одним столом с послом сидели граф, сопровождавший его во время въезда, и церемониймейстер, во главе другого стола сидел английский маршал. В описаниях этих обедов упоминается десерт в виде пирамиды, который раздавался остальным присутствующим после того, как посол вставал из-за стола³⁷⁶. Что касается ординарных послов, то они после совершения въезда устраивали один обед в собственной резиденции.

Кроме «церемониальных» обедов, которые устраивались в соответствии с протоколом, послы впоследствии за время своей службы давали много обедов, которые, являясь частью дипломатической работы, были прекрасным способом выведать информацию³⁷⁷. Поскольку резиденция посла была одновременно официальным посольством и домашним хозяйством, обеда, устраиваемые послом, носили полуофициальный характер. И, будучи искусно организованными, они могли принести большую пользу (во время обеда, в более или менее непринужденной обстановке было легче разговорить собеседника, выведать у него какие-либо секреты или склонить к сотрудничеству) и тем самым сполна оправдать расходы на проведение этого тоже весьма не дешевого мероприятия.

Посольства раннего Нового времени отличались от современных тем, что, будучи официальными дипломатическими учреждениями, они одновременно являлись личным домом посла, где он жил вместе со своей семьей и слугами. Публичная жизнь посла и его «домочадцев» практически не была отделена от частной жизни. Профессиональное (находившееся еще в зачаточном состоянии) неразрывно связывалось с личным³⁷⁸.

Французским послам предписывалось также заботиться о католиках в тех странах, где католицизм не был государственной религией. В инструкции Кольберу де Круасси отмечается необходимость способствовать распространению католической веры в Англии и оказывать покровительство нуждающимся католикам, с тем чтобы они понимали, что король Франции проявляет большее внимание по

³⁷⁶ *Dumont J. Supplément. T. 5. P. 496.*

³⁷⁷ *Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990. P. 393.*

³⁷⁸ *Netzloff M. The Ambassador's Household // Diplomacy and Early Modern Culture / Ed. R. Adams, R. Cox. New York, 2011. P. 162.*

отношению к ним, чем король Испании³⁷⁹. Огромное внимание уделялось вопросу защиты католиков и Святых мест в Турции. Задачи, которые ставились перед послами в Константинополе, подразделяются в инструкциях на три части: религиозные, экономические (или торговые) и политические. При этом религиозным вопросам отводится первое место. В инструкции Нуантелю по этому поводу имеется ремарка о том, что главным мотивом для установления отношений с Турцией предшественниками Людовика XIV была их набожность, а также желание благоприятствовать распространению католической религии и обеспечить свободный доступ к Святым местам³⁸⁰.

Послы, хотя им это и дорого стоило, должны были с гордостью и пышностью представлять французского короля за границей. Никогда не забывая соблюдать правила церемониала, они должны были показать иностранцам блеск Версаля, в некотором смысле даже воссоздать атмосферу Версаля вокруг себя. Этим объясняется пышность церемоний, которые устраивали послы в своих резиденциях. Все это было демонстрацией щедрости и богатства французского монарха. Помимо демонстрации материальных благ, послы стремились показать процветание науки и искусств во Франции, обнаруживая свою образованность и эрудированность. Например, французский посол в Стокгольме Пьер Шаню часто беседовал с королевой Кристиной на философские и нравственные темы, совместно с ней читал Эпиктета, Тацита, Вергилия, помогал ей собирать ее коллекцию книг и предметов искусства, посещал умирающего Декарта³⁸¹.

При личном общении послов с монархами иностранных государств строжайшее соблюдение церемониала имело особое значение. Каждая деталь была выверена, любому движению, шагу, поклону, снятию или надеванию головного убора было определено свое время и место. Но стоит заметить, что встречи послов с главами иностранных государств были редкими. В большинстве европейских стран существовал специальный «посредник» между послом и монархом. В Голландии с послами встречались комиссары по секретным поручениям. В Испании посредником между послом и даже не королем, а первым министром был специальный комиссар (после первой публичной аудиенции испанский король неохотно давал аудиенции послам, которые могли годами ждать этой чести). Только в Англии посол

³⁷⁹ Recueil. Vol. 25. Angleterre. P. 81.

³⁸⁰ Recueil. Vol. 29. Turquie. P. 56, 60.

³⁸¹ Recueil. Vol. 2. Suède. P. XXVI.

Людовика XIV вел переговоры лично с королем и имел беседы с наиболее влиятельными членами палаты общин³⁸².

2.3. Дом посла неприкосновенен: право экстерриториальности и вольность посольского квартала

Посол – это человек, который отправлен действовать за пределы географической территории, на которую распространяется власть короля³⁸³. В этом смысле посольство представляет собой некий анклав одного государства внутри другого. Уже во время правления Людовика XIV личность и жилище посла были неприкосновенны. Учение о неприкосновенности личности посла стало разрабатываться европейскими юристами еще в конце XVI в. (Б. Айала, А. Джентили)³⁸⁴. Наиболее четко идею о посольском иммунитете сформулировал голландский юрист Гуго Гроций, заложивший в своем труде «О праве войны и мира»³⁸⁵ основы международного права. В специальной главе, посвященной правам посольств (книга II, глава XVIII), Гроций пишет: «Народам угодно, чтобы общий обычай, согласно которому каждый, находясь на чужой территории, подчинен местной власти, допустил исключение в отношении послов, которые согласно некоторой фикции считаются представителями личности пославших их <...>. Согласно указанной фикции послы находятся как бы вне территории, вследствие чего и не несут ответственности по внутригосударственному праву народа, среди которого они живут»³⁸⁶. Гроций рассуждает об исключительных правах (иммунитете) не только самих дипломатов, но также их свиты и слуг³⁸⁷. Таким образом, в соответствии с нормами зарождавшегося международного права, посольство являлось территорией, на которую распространялась власть государя, отправившего данное посольство, и не распространялась власть правителя страны, в которой это посольство находилось. Во второй половине XVII в. Викфор обоснует право неприкосновенности «посольского дома» в специальной главе трактата «Посол и его обязанности» (книга I, глава XXVIII)³⁸⁸, но с важной оговоркой. «Можно говорить... – пишет Викфор, – что, согласно человеческому праву (*suivant le Droit*

³⁸² Picavet C.-G. Op. cit. P. 91.

³⁸³ Hampton T. Fictions of Embassy. New York, 2009. P. 9.

³⁸⁴ Ayala B. De jure et officiis bellicis et disciplina militari. Duaci, 1582; Gentili A. De Legationibus, libri tres. Londini, 1585.

³⁸⁵ Grotius H. De jure belli ac pacis. Parisiis, 1625. Русский перевод: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.

³⁸⁶ Гроций Г. Указ. соч. С. 430 – 431.

³⁸⁷ Там же. С. 433.

³⁸⁸ См.: Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. Livre 1. P. 596 – 615.

des Gens), дом посла дает защиту ему [послу – *М.Ш.*] и его окружению, а служить убежищем для иностранцев может лишь с одобрения государя страны [пребывания посольства – *М.Ш.*]»³⁸⁹

На практике убежище зачастую все же предоставлялось и тем, кто находился на территории посольства «незаконно», т.е. не входил официально в его состав. За соблюдением этого «права» убежища, согласно которому любое лицо, нашедшее приют на территории посольства, не могло подвергаться преследованию со стороны местных властей, Людовик XIV внимательно следил. Когда французского посла в Дании графа де Шамийи стали преследовать гвардейцы датского короля под предлогом того, что тот приютил у себя некоего человека (в источниках не дается указаний на то, что это был за человек и почему им заинтересовалось датское правительство) и якобы способствовал его бегству, Людовик XIV решил, что до тех пор, пока будет сохраняться такое положение дел, Франции не следует иметь в Дании посла и даже посланника, ибо это противоречит достоинству французского короля. В 1702 г. де Шамийи был отозван, а вместо него в Данию был отправлен г-н Пуссен, но в качестве только лишь секретаря посольства (*secrétaire d'ambassade*)³⁹⁰.

В некоторых странах (например, в Испании и Риме) иммунитет распространялся не только на саму посольскую резиденцию, но и на территорию (квартал) вокруг нее. Эта привилегия – вольность квартала (*franchise de quartier*) – означала, что никто из представителей местной администрации или судебной власти не имел права распоряжаться на территории вокруг резиденции иностранного посла без его разрешения и даже проходить через нее с властными регалиями. Людовик XIV ревностно защищал эту привилегию своих послов. В 1680 г. коррехидор³⁹¹ Мадрида Франсиско де Эррера Энрикес в сопровождении альгвазилов³⁹² прошел через квартал маркиза де Виллара, бывшего тогда послом в Испании, имея при себе белый жезл – символ его властных полномочий – и не предупредив об этом заранее французского посла. На это нарушение своих привилегий де Виллар ответил коррехидору предупреждением, чтобы впредь подобное не повторялось, иначе это приведет к неприятным последствиям. Однако через десять дней коррехидор вновь прошел через посольский квартал. В

³⁸⁹ Ibid. P. 597 – 598.

³⁹⁰ Recueil. Vol. 13. Danemark. P. 104.

³⁹¹ Коррехидор (*corregidor* – букв. исправник) – административная и судебная должность в городах и провинциях Испании. Коррехидоры назначались королем и осуществляли, в основном, функции надзора над местной администрацией и судьями.

³⁹² Альгвазил (*alguacil*) – в Испании младшее должностное лицо, ответственное за выполнение приказов суда и трибуналов (член городской стражи или судебный пристав).

объяснении, которое получил де Виллар от государственного секретаря иностранных дел Испании, отмечалось, что испанский король принял решение предоставлять иностранным послам только те привилегии, которые их государи предоставляют испанским послам при своих дворах. А поскольку во Франции испанские послы не имели своего привилегированного квартала, то и французскому послу должно быть отказано в этом праве. Людовик XIV был взбешен тем, что его посол, единственный из всех иностранных послов в Мадриде, был лишен привилегии посольского квартала. Он не мог допустить такого третирования и требовал от де Виллара отстаивать это право. В результате, после нескольких судебных слушаний было принято решение удовлетворить претензии французского посла и сохранить за французским послом привилегию посольского квартала³⁹³.

Наибольшего размаха достиг конфликт Людовика XIV с Римом по поводу права вольности квартала французского посла в Вечном городе. Начало этого конфликта хронологически относится ко времени восшествия на папский престол кардинала Бенедетто Одескальки в 1676 г. под именем Иннокентия XI, который решил отменить право вольности кварталов для всех послов, находившихся в Риме. Однако папа намеревался вводить это новшество постепенно и лишать права вольности квартала только вновь прибывших послов. Те же послы, которые уже находились в Риме, до окончания срока их службы продолжали пользоваться этим правом.

Изначально это решение папы не предвещало серьезных последствий, поскольку большинство европейских монархов послушно подчинилось ему. Первым это новое требование – отказаться от вольности своего квартала – выполнил в 1680 г. польский князь Михаил Радзивилл, посетивший Рим в качестве посла Яна Собеского. Во время въезда в папскую столицу князя предупредили о том, что он не получит аудиенции у папы, если не откажется от привилегии вольности квартала. Посол был вынужден согласиться с этим условием. В 1683 г. маркиз де Когольюдо, сменивший на посту посла Испании маркиза дель Карпио, также получил директиву своего монарха подчиниться требованию папы. Впоследствии с этим требованием папы согласился посол Якова II Стюарта, стремившегося восстановить католицизм в Англии и поэтому не желавшего идти на конфликт с папой, а также посол императора Священной Римской империи, который получал от Иннокентия XI помощь в борьбе с турецкой угрозой и был не менее заинтересован в поддержании хороших отношений со святым престолом.

³⁹³ Recueil. Vol. 11. Espagne. P. 348 – 349.

В это время французским послом в Риме был герцог д'Эстре, занявший этот пост еще в 1672 г. Поскольку папа не лишал права вольности квартала действующих послов, конфликт между ним и королем Франции до поры до времени имел латентный характер, т.е. никак внешне не проявлялся, и Людовик XIV, казалось, никоим образом не выражал своего несогласия с позицией святого престола. Однако зерна конфликта уже были посеяны. Очевидно, что французский монарх, трепетно следивший за исполнением всех норм протокола и никогда не упускавший возможности продемонстрировать свое превосходство перед другими государями посредством тех или иных прерогатив, не смог бы легко отказаться от одного из наиболее важных прав, которым обладали его послы, – права вольности квартала. Если изначально, пока новые условия не распространялись непосредственно на герцога д'Эстре, Людовик XIV не выказал явного несогласия с требованиями, выдвинутыми Иннокентием XI в отношении иностранных послов, то, когда герцог скончался 30 января 1687 г. в Риме и пришло время назначать нового посла, которому, в соответствии с папским распоряжением, было бы отказано в праве вольности квартала, потенциальный конфликт приобрел реальную форму. Людовик XIV решительно отказался подчиниться требованию папы, и конфликт, зревший более десятилетия, вышел на поверхность.

Прежде чем переходить к рассмотрению спора по поводу посольского квартала, стоит сказать несколько слов о том, какой церемониал был соблюден по случаю смерти герцога д'Эстре. Прецеденты смерти посла, находящегося в должности, были довольно редкими³⁹⁴. Последний раз французский посол в Риме скончался на посту столетие назад, в 1582 г. Это был Поль де Фуа, архиепископ Тулузский. Редкость таких происшествий делает мероприятия, связанные со смертью герцога, любопытными с точки зрения церемониала. При папском дворе сразу возник вопрос: какие почести необходимо воздать телу покойного посла?

В соответствии с распоряжением папы покойному герцогу д'Эстре были оказаны те же почести, какие оказываются декану Священной коллегии кардиналов в случае его смерти. Организация церемонии прощания с послом была поручена

³⁹⁴ При этом так вышло, что во второй половине 1680-х гг., кроме смерти герцога д'Эстре, было еще несколько случаев смерти французских послов на посту в других странах. 6 марта 1685 г. в Константинополе умер французский посол Габриэль-Жозеф Гийераг. Сменивший его Пьер Жирарден также умер, будучи в должности. Это произошло в январе 1689 г. Годом ранее в Мадриде скончался Исаак де Фекьер, чрезвычайный посол Людовика XIV при испанском дворе. В «Газетт» в сообщении из Мадрида от 11.03.1688 содержались следующие сведения: «Он [де Фекьер – *М.Ш.*] умер утром 6-го числа сего месяца. На следующий день его тело было захоронено согласно его предсмертной воле в церкви госпиталя Святого Людовика». *Gazette, correspondance de Madrid du 11 mars 1688 // Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires*. Paris, 1688 (далее – *Gazette*). P. 161.

папским церемониймейстерам. Бальзамированное тело посла поместили на высоком катафалке в приходской церкви, недалеко от палаццо Фарнезе³⁹⁵. На голову посла была надета герцогская корона, а тело покрыто герцогской мантией. Вечером 7 февраля гроб с телом перенесли из приходской церкви³⁹⁶ в церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, одну из главных французских церквей в Риме. Гроб несли несколько мужчин в белом, а по углам шли четыре телохранителя в траурных одеждах с флажками, изображавшими герб д'Эстре. Следом за ними несколько пажей несли саван из золотой парчи. Во главе процессии находились несколько представителей главных религиозных общин и братств Рима со свечами в руках. Сразу за гробом в длинных траурных мантиях шли члены посольства покойного и свита кардинала д'Эстре³⁹⁷: общее число лиц достигало 150 человек. Завершала процессию длинная вереница из представителей знати, в числе которых были камердинер папы, епископы, апостольские протонотарии и другие служащие папского дома – все в церемониальных костюмах. Вокруг гроба шли также 40 швейцарцев с алебардами из гвардии Его Святейшества во главе с капитаном, ехавшим на коне. Процессия прибыла в церковь Святого Людовика к часу ночи. На следующий день в церкви был устроен мавзолей, на верху которого на небольшой подушечке черного бархата была помещена герцогская корона. Архиепископ Трапезундский отслужил мессу по покойному и совершил отпущение грехов так, как это делается в случаях отпущения грехов умершим государям (*selon ce qui se pratique pour les Souverains*): прелаты окропили тело герцога святой водой, совершили каждение и прочли молитвы согласно римскому церемониалу³⁹⁸. Кардинал д'Эстре приказал отслужить заупокойные мессы по своему брату во всех церквях города и устроил публичную раздачу милостыни. Гроб с телом посла оставался в церкви Святого Людовика до тех пор, пока его не отправили во Францию для захоронения в родовом склепе.

Сразу после того, как все церемонии, связанные с похоронами герцога д'Эстре, были завершены, Иннокентий XI приступил к реализации своего решения по окончательной ликвидации привилегии посольского квартала. Через губернатора Рима кардинала Спинолу папа велел судебным приставам вступить на территорию бывшего вольного квартала палаццо Фарнезе для исполнения своих властных обязанностей³⁹⁹. Людовик XIV, назначивший новым послом в Рим маркиза

³⁹⁵ Палаццо Фарнезе (Palazzo Farnese) – резиденция французских послов в Риме с 1662 по 1689 г.

³⁹⁶ Скорее всего, имеется в виду церковь Тринита-деи-Пеллегрини, которая находится ближе всего к палаццо Фарнезе.

³⁹⁷ Цезарь д'Эстре – кардинал, епископ Лана, младший брат Франсуа-Аннибаля, герцога д'Эстре.

³⁹⁸ Gazette, correspondance de Rome du 11 février 1687. P. 130 – 131.

³⁹⁹ Gazette, correspondance de Rome du 26 février 1687. P. 154.

де Лавардена, был твердо настроен отстаивать право вольности посольского квартала. В инструкции де Лавардену от 14 июля 1687 г. отмечено, что другие короны вправе, преследуя различные цели, уступить требованию папы по своему усмотрению, однако их образ действия не может служить примером для короны Франции⁴⁰⁰. Намерение французского короля защищать прерогативы своего посла было известно в Риме еще до прибытия де Лавардена. Поэтому 12 мая 1687 г. папа опубликовал буллу *Cum alias*⁴⁰¹, в которой подтверждал свое решение отменить привилегию вольности посольского квартала и угрожал отлучением от церкви любому, кто будет противиться этому постановлению.

В чем состояли аргументы папы, так настойчиво требовавшего у послов отказаться от привилегии квартала? Дело в том, что иностранные посольства, обладавшие автономным статусом, и территории вокруг них, на которые не распространялись полномочия местных властей, зачастую становились опасным пристанищем для бродяг, должников, разбойников, мошенников, воров, убийц и прочих преступников. Предоставляя убежище людям подобного сорта, послы зачастую получали от этого собственную выгоду и препятствовали исполнению правосудия вопреки божественному и человеческому праву⁴⁰². Если учесть, что иностранных представительств в Риме в то время было больше, чем в какой-либо другой европейской столице, и каждый посол обладал собственной юрисдикцией, то становится понятно, что папа римский отнюдь не был единственным и полновластным владыкой в своем городе, но ему приходилось делить власть с многочисленными иностранными дипломатами. Такое ограничение власти понтифика, способствовавшее к тому же разгулу произвола и беспорядкам, не могло устроить Иннокентия XI, который и решил положить этому конец.

Людовик XIV не хотел согласиться с этими, казалось бы, справедливыми требованиями святого престола. Возможно, упорство короля было связано не только с его честолюбивыми устремлениями, которые заставляли его рассматривать подобное решение как унижение своего королевского достоинства, но для этого имелись и иные причины. Эпизодический, по сути, конфликт по поводу вольности посольского квартала подогревался тем, что он разворачивался на фоне гораздо более серьезного спора о регалии, начавшегося еще в 1660-е гг. и разгоревшегося с новой силой после принятия в 1682 г. ассамблеей французского духовенства с

⁴⁰⁰ Recueil. Vol. 6. Rome. P. 302.

⁴⁰¹ Текст буллы опубликован в: *Dumont J. Supplément*. Т. 5. P. 193 – 194.

⁴⁰² *Leibniz G.W. Remarques sur un manifeste français // Œuvres de Leibniz*. Т. 3. Paris, 1861. P. 154. См. также: *Sourches. Mémoires*. Т. 2. Paris, 1883. P. 23.

ведома короля «Декларации галликанского клира». Четыре статьи этой декларации, составленные французским богословом, епископом Мо – Жаком-Бенином Боссюэ, стали настоящим манифестом галликанства, документальное оформление доктрины которого восходит еще к Прагматической санкции 1438 г. Одним из важнейших положений галликанства, как его понимали французские монархи, был постулат о том, что король Франции в миру не подчиняется власти римского папы и имеет право назначать своих кандидатов на церковные должности (именно из-за этого права и возник изначально спор о регалии). В «Декларации галликанского клира» проводилась кроме того идея концилиаризма, т.е. приоритета решений Вселенских соборов над властью папы, которая содержалась в Прагматической санкции, но от которой отказались при заключении Болонского конкордата 1516 г. Папа Иннокентий XI осудил принятую в 1682 г. декларацию и отказался утверждать предлагаемых Людовиком XIV кандидатов на епископские кафедры, участвовавших в ассамблее⁴⁰³.

В дипломатических отношениях Франции с папским престолом на протяжении всей второй половины XVII в. были трудности. В 1662 г. в Рим с посольской миссией отправился герцог Шарль де Креки, пэр Франции. Человек надменный и грубый, но в то же время не лишенный благоразумия и способностей, герцог был одним из наиболее родовитых французских аристократов. Он был выбран Людовиком XIV в качестве посла не случайно. При папском дворе, где находились дипломатические представители практически всех европейских государей, к этикету и вопросам старшинства относились крайне щепетильно. Молодой король, только что взявший бразды правления в свои руки, желал заявить о себе и продемонстрировать всей Европе свое превосходство. В королевской инструкции герцогу де Креки содержится множество указаний на то, каким образом он должен вести себя во время церемоний. Одно из наиболее любопытных касается взаимоотношений посла с итальянскими князьями. В документе обращается внимание на то, что за последнее время многие итальянские принцы присвоили себе привилегию проходить вперед посла Франции, тогда как раньше это право принадлежало именно послу. Директива Людовика XIV по этому вопросу однозначна: став полновластным властителем в своем королевстве, он не потерпит подобного обращения со своим представителем, поэтому либо право посла

⁴⁰³ См. об этом подробнее: *Michaud E.* Louis XIV et Innocent XI d'après les correspondances diplomatiques inédites du ministère des affaires étrangères de France. Paris, 1882 – 1883. 4 vol.; *Gérin Ch.* Louis XIV et Saint-Siège. Paris, 1894. 2 t.; *Latreille A.* Les nonces apostoliques en France et l'Eglise gallicane sous Innocent XI // *Revue d'histoire de l'Eglise de France.* 1955. Vol. 41. P. 211 – 234.

проходить вперед должно быть восстановлено, либо послу следует избегать встречи с итальянскими князьями⁴⁰⁴.

Посольство Креки – первое, которое Людовик XIV сам отправил к римскому двору после смерти Мазарини. Историки зачастую называют его «дерзостным» (*ambassade d'insolence*), в то время как обычно посольства, отправляемые к папе, духовному отцу всех католиков, именовали посольствами повиновения (*ambassade d'obédience*). Однако такое название закрепилось не из-за первоначальных намерений короля. 20 августа 1662 г. произошел прогремевший на всю Европу инцидент с корсиканской гвардией, повлекший за собой серьезные последствия. В 7 часов вечера трое подвыпивших французов из свиты посла не на шутку повздорили с тремя солдатами корсиканской гвардии Его Святейшества, несшими караул у моста Сикста неподалеку от палаццо Фарнезе. В ссору втянулись новые участники – французы и корсиканцы, подоспевшие поддержать товарищей. Казарма корсиканцев находилась рядом с церковью Тринита-деи-Пеллегрини, и драка приняла самый опасный оборот, когда остальные корсиканцы ринулись осаждать резиденцию французского посла. Началась стрельба. В это время жена герцога де Креки как раз возвращалась домой в своей карете, которая была немедленно атакована, а один из сопровождавших супругу посла пажей убит. Герцогиня велела тотчас повернуть карету назад и отправилась искать убежища в доме кардинала Ринальдо д'Эсте, а сам посол оказался запертым в своем дворце. Губернатор Рима, которого известили о потасовке только спустя три часа после ее начала, отправил на место происшествия агентов полиции, которые восстановили порядок⁴⁰⁵. Но дело было не из тех, о которых быстро забывают. На его урегулирование ушло полтора года.

Герцог де Креки еще до получения указаний от короля, так и не дождавшись из-за различных проволочек извинений от римского двора, 1 сентября 1662 г. в сопровождении кардиналов и большинства других французов, проживавших в Риме, уехал во владения великого герцога Тосканского. Людовик XIV, узнавший о случившемся, объявил о необходимости возмездия за нанесенные его чести оскорбления. Безусловно, инцидент, произошедший в Риме, вызвал ярость короля. Но в то же время это был удобный момент, который можно было использовать в интересах своей политики⁴⁰⁶: заставив папу принести публичные извинения, показать остальным государям, с кем им предстоит иметь дело и как должно

⁴⁰⁴ Recueil. Vol. 6. Rome. P. 101.

⁴⁰⁵ Более подробное описание инцидента в: *Gérin Ch. L'ambassade de Créquy à Rome et le traité de Pise, 1662 – 1664 // Revue des questions historiques, juillet 1880. P. 79 – 151.*

⁴⁰⁶ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 149, 153. Correspondance échangée entre le Roi et ses divers agents.

относиться к первому королю христианского мира. Не это ли ставил целью Людовик XIV, отправляя герцога де Креки в Рим?

Переговоры о мерах, которые следовало принять папе, чтобы удовлетворить оскорбленного короля, затянулись надолго. Папа поначалу ограничивался лишь сожалениями о досадном происшествии. Но король требовал от него наказать виновных и отправить посла для принесения публичного покаяния. В ход шли не только словесные доводы со стороны Франции, но и военная сила. В июле 1663 г. Людовик XIV даже занял Авиньон и Конта-Венессен, принадлежавшие римскому понтифику (эти действия получили одобрение парламента Прованса). И только лишь угроза ввести войска на территорию папского государства возымела эффект. После этих решительных действий короля напуганный папский двор стал более сговорчивым, и 12 февраля 1664 г. был подписан Пизанский договор, согласно которому папа Александр VII обещал отправить во Францию своего племянника кардинала Флавио Киджи с публичными извинениями⁴⁰⁷ и распустить корсиканскую гвардию. В ответ король обязывался вернуть папе захваченные земли⁴⁰⁸. Александр VII также согласился возвести в Риме на месте казармы корсиканцев искупительную пирамиду из черного мрамора в память о триумфе Людовика XIV (см. *прилож. 13, рис. 3 – 4*). Этот символический акт должен был, по мнению короля, увеличить не только его собственный авторитет в глазах мирового сообщества, но и авторитет французской монархии в целом⁴⁰⁹. 25 мая 1664 г. герцог де Креки вернулся в Рим, чтобы завершить свою посольскую миссию. Вряд ли можно сказать, что Франция получила от этого договора какую-либо реальную выгоду, тем не менее королю удалось продемонстрировать, как он того и хотел, силу своей короны и то, насколько рискованно вставать у него на пути.

Если учитывать изложенные обстоятельства и трудности, возникшие в отношениях между Францией и Римом уже в первые годы самостоятельного правления Людовика XIV, становится понятно, насколько важной король считал защиту прерогатив своих послов при святом престоле. Принятие «Декларации галликанского клира» стало кульминацией напряжения между французским и римским дворами, поэтому каждой детали дипломатического протокола, особенно

⁴⁰⁷ Церемонии торжественного въезда кардинала Киджи в качестве папского легата и публичной аудиенции, данной ему королем в Фонтенбло, описаны в 1-й главе.

⁴⁰⁸ *Traité de Pise entre nostre tres-Saint Pere le Pape Alexandre VII et tres-Haut, tres-Excellent et tres-Puissant Prince Louis XIV, du Nom par la Grace de Dieu Roy Tres-Chrestien, de France et de Navarre. Du 12 fevrier 1664. Paris, 1664.*

⁴⁰⁹ *Лысяков В.Б.* Социально-политические воззрения Людовика XIV. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 2003. С. 82.

важнейшему праву вольности посольского квартала, придавалось огромное значение. Людовик XIV рассматривал это право как прерогативу своей короны, которая оказала немало услуг папскому престолу. В инструкции де Лавардену последовательно перечисляются основные заслуги Франции перед папой: и помощь Пипина Короткого папе Стефану в борьбе с лангобардами в середине VIII в., в результате которой фактически возникло папское государство; и поддержка пап со стороны Карла Великого и Людовика Благочестивого и т.д.⁴¹⁰ Кроме отсылок к событиям, относящихся к далекому прошлому и являющихся весьма слабым доводом для подтверждения права вольности посольского квартала в XVII в., в инструкции приводятся цитаты из официальных документов Рима, в которых речь идет непосредственно об этой прерогативе послов. Так, в папской булле 1552 г. *Cum civitates* имеется четкое указание на иммунитет посольских кварталов, хотя уже там делается замечание, что эти кварталы служат прибежищем для различных преступников: «Их [послов – М.Ш.] дома, улицы и публичные дороги и даже площади, которые окружают их дома, служат убежищем для негодяев, обозначая некоторые границы под названием вольности, в которые не позволено входить исполнителям правосудия»⁴¹¹. В 1585 г. папа Сикст V своей буллой *Haec nostri pontificatus*⁴¹² лишил права иммунитета кварталы кардиналов, камерариев, а также римских баронов, однако на послов статьи буллы не распространялись, хотя папы регулярно сетовали на то, что посольские кварталы, находившиеся вне зоны влияния местных властей, являются оплотом нестабильности и потенциальным источником беспорядков в городе. Замечание, сделанное в инструкции де Лавардену, по поводу того, что правом вольности квартала французские послы стали пользоваться в полной мере и беспрепятственно только после заключения Пизанского договора 1664 г.⁴¹³, объясняется, по-видимому, тем фактом, что до этого папы, подтверждая право послов иметь свой вольный квартал, все же стремились помешать укрытию там лиц, которые хотели избежать наказания со стороны папской администрации. Хотя никто из римских понтификов до Иннокентия XI не решался официально посягнуть на эту привилегию послов.

⁴¹⁰ Recueil. Vol. 6. Rome. P. 293 – 295.

⁴¹¹ «*Sed etiam domos suas nec non vias publicas et plateas quæ circa domos sunt facinorosis ipsis tutum refugium et quasi portum esse velint signatis etiam franchigiarum nomine quodammodo limitibus in via quos justitiæ ministris ingredi non liceat*» (Cherubini L. *Magnum bullarium romanum: ab. Leone Magno usque ad S.D.N. Innocentium X.* Lugduni, 1655. T. 1. P. 798). Впоследствии обладание послами правом вольности квартала подтверждалось буллами Пия IV *Inter ceteras* 1562 г. (Ibid. T. 2. P. 60 – 61) и Григория XIII *Et ipsa ratio et usus* 1573 г. (Ibid. T. 2. P. 373).

⁴¹² Ibid. T. 2. P. 495 – 496.

⁴¹³ Recueil. Vol. 6. Rome. P. 297.

Одним из основных аргументов, которые приводил Людовик XIV, отстаивая право вольности квартала для своего посла, был пункт Пизанского договора, в соответствии с которым французские послы в Риме должны были пользоваться должным уважением, что подразумевало, как сказано в инструкции де Лавардену, в том числе и уважение права иметь свой квартал⁴¹⁴. Чтобы быть уверенным в полном успехе своего предприятия и отстоять prerogative вольности посольского квартала, которой папа после смерти герцога д'Эстре собирался окончательно лишить вновь назначенного французского посла, Людовик XIV решил отправить в Рим вооруженное посольство. Иннокентий XI не располагал в тот момент силой, чтобы ответить: все его военные ресурсы были направлены на борьбу с турецкой угрозой. Но даже при этом условии решение было более чем рискованным. Ввести войска в чужое государство, не объявляя при этом войну, – это требовало большой смелости, если не безрассудства. При этом Людовик XIV, конечно, не хотел доводить дело до военного столкновения. Военный эскорт нужен был ему для того, чтобы напугать папу и внушить ему всю серьезность своих намерений. Король очень тщательно подошел к подбору тех, кому предстояло сопровождать де Лавардена: в эскорте не было ни одного солдата, но только офицеры, набранные из наиболее дисциплинированных полков и отличавшиеся хорошим поведением, а также происхождением. Военные не должны были спровоцировать население Рима на военное столкновение. При всей дерзости демарша необходимо было сохранить достоинство.

Количество офицеров, составлявших эскорт посла, зачастую преувеличивают. Вольтер, например, писал в своем «Веке Людовика XIV», что де Лаварден вошел в Рим в сопровождении 400 гардемаринов (*gardes de la marine*), 400 офицеров-добровольцев (*officiers volontaires*) и 200 человек свиты⁴¹⁵. Более осведомленный в этом вопросе маркиз де Данжо в записи «Дневника» за 9 ноября 1687 г. говорит о том, что посла сопровождали 100 морских офицеров и гвардейцев, каждый из которых имел по одному вооруженному лакею⁴¹⁶. Эту цифру подтверждает французский историк Ш. Жерен, обстоятельно изучавший посольство де Лавардена.

⁴¹⁴ Recueil. Vol. 6. Rome. P. 299. Положению французских послов в Риме посвящена 9-я статья Пизанского договора 1664 г.: «*Sa Sainteté ordonnera d'une maniere precise et efficace à ces Ministres de porter à l'Ambassadeur de sa Majesté le respect qui est deu à celui qui represente la personne d'un si grand Roy, Fils Aîné de l'Eglise, tant aimé, et estimé de sa Sainteté*» (Traité de Pise. Paris, 1664. P. 11.)

⁴¹⁵ Voltaire. Le Siècle de Louis XIV. T. 1. Francfort, 1753. P. 286.

⁴¹⁶ Dangeau. Journal de la Cour de Louis XIV. T. 2. Paris, 1854. P. 64.

Основываясь на материалах морского архива Франции, Жерен приводит подробный список лиц, составлявших военный эскорт посла⁴¹⁷.

16 ноября 1687 г. в три часа пополудни маркиз де Лаварден совершил свой въезд в Рим. Впереди кортежа ехали 40 или 50 конных офицеров по двое в ряду во главе с капитаном. У каждого была пара пистолетов и ружье. Далее следовало порядка 40 фазтонов, в каждом из которых находилось по 2 человека, также вооруженных пистолетами и ружьями. Затем следовали повозки, нагруженные посольским скарбом, и 50 мулов или вьючных лошадей, из которых 12 последних были в чепраках с изображением герба посла. За повозками с багажом ехали еще несколько конных офицеров, вооруженных так же, как первые. Пажи вели под уздцы 30 каретных лошадей, за которыми следовала карета посла. В глубине кареты сидели мадам и мадемуазель де Лаварден, супруга и дочь посла, между ними – кардинал д'Эстре, напротив – сам посол г-н де Лаварден и кардинал Франческо Майдалькини, а по бокам у дверей – протонотарий аббат де Жевр и аудитор Римской Роты аббат д'Эрво друг напротив друга. Свита посла состояла из 22 карет, ехавших за каретой посла. Все кареты были запряжены шестью лошадьми. Кортеж беспрепятственно въехал в Рим через Народные ворота и проехал через весь город без каких-либо происшествий. Де Лаварден щедро раздавал милостыню горожанам, которые радостно кричали «Да здравствует Франция!» Римляне с интересом следили за этим необычным въездом, о котором некоторые говорили, что если раньше они видели въезды послов повиновения, то этот производил впечатление посла приказания (*commandement*)⁴¹⁸. «Газетт» от 13 декабря 1687 г. тоже приводит описание въезда, совершенного де Лаварденом. Однако интересно, что в статье нет ни одного упоминания о вооруженных офицерах и гвардейцах, сопровождавших посла⁴¹⁹.

Папа, заранее извещенный о вооруженном посольстве, направленном Людовиком XIV, решил не препятствовать де Лавардену, который свободно занял свою резиденцию – палаццо Фарнезе, – над дверями которой он водрузил гербы папы римского, французского короля и свой собственный⁴²⁰. Однако это отнюдь не

⁴¹⁷ *Gérin Ch. L'ambassade de Lavardin et la séquestration du nonce Ranuzzi (1687 – 1689) // Revue des questions historiques. T. 16. Paris, 1874. P. 387 – 389.*

⁴¹⁸ Описание въезда дается по письмам ординарного комиссара морского ведомства Франции г-на Робера, отправленного морским государственным секретарем маркизом де Сеньеле в Рим с посольством де Лавардена, для информирования его о ходе событий, и французского торгового агента Поля де Лувины, который во время въезда находился в составе посольского кортежа. Г-н же Робер ожидал прибытия кортежа у Народных ворот в Риме и должен был предупредить посла в случае, если папа отправил бы своих солдат, чтобы воспрепятствовать въезду. Письма Робера от 16.11.1687 и де Лувины от 18.11.1687 приведены в: *Gérin Ch. L'ambassade de Lavardin... P. 396 – 397.*

⁴¹⁹ *Gazette, correspondance de Rome du 18 novembre 1687. P. 663 – 665.*

⁴²⁰ *Gazette, correspondance de Rome du 25 novembre 1687. P. 677.*

означало, что папа отступился от своего решения. Несмотря на то что в ближайшие дни де Лавардену нанесли визиты все иностранные послы, находившиеся тогда в Риме, в том числе маркиз де Коголу, чрезвычайный посол Испании, папа оставался непреклонным и не признавал посольство легитимным, отказывая маркизу в аудиенции. А то, что иностранные послы, в том числе испанский, нанесли визиты французскому дипломату, можно объяснить тем, что, как отмечает Данжо, они, смиренно отказавшись от права посольского квартала и не желая идти наперекор позиции святого престола, все же надеялись вернуть себе это право благодаря возможному успеху французской миссии⁴²¹.

При французском дворе понимали, что папа не согласится принять посла, если он не откажется от права вольности посольского квартала. Несмотря на это, согласно королевской инструкции, де Лаварден должен был оставаться в Риме и оказывать пассивное сопротивление, а именно грозить исполнением первой статьи Пизанского договора 1664 г.⁴²² и повторным отчуждением Авиньона и графства Венессен от папских владений⁴²³.

Согласно булле *Cum alias*, поскольку маркиз де Лаварден не отказался от вольности посольского квартала, папа отлучил его от церкви. Однако это решение папы противоречило одному из постулатов галликанизма, согласно которому папы не могли отлучать от церкви ни французского короля, ни его служителей за поступки, совершенные ими при исполнении своих обязанностей. Этот постулат, уже давно выдвигавшийся многими французскими легистами (например, членами парижского парламента П. Питу и П. Дюпюи⁴²⁴), на волне подъема галликанских идей пользовался во Франции большой популярностью и находил поддержку как Людовика XIV, так и его советников, а также парламентов и даже части духовенства. Однако решение папы было твердым. На следующий же день после того, как маркиз де Лаварден в ночь на 25 декабря 1687 г. пришел вместе со своей семьей и свитой в церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, чтобы послушать рождественскую мессу, и получил причастие из рук местного кюре, по сути, нарушившего запрет папы, на храм был наложен интердикт.

⁴²¹ Dangeau. Op. cit. Т. 2. Р. 64.

⁴²² Согласно этой статье папа Александр VII обязывался в течение 8 лет вернуть за выкуп пармскому герцогу Рануччо Фарнезе герцогство Кастро, отошедшее к папскому государству по Пиренейскому миру 1659 г. Однако после смерти Александра VII в 1667 г. исполнение условий статьи было прекращено.

⁴²³ Recueil. Vol. 6. Rome. Р. 312 – 318.

⁴²⁴ Трактат Пьера Дюпюи «О правах и вольностях галликанской церкви» был опубликован в 1639 г. в качестве комментария к написанному ранее, в 1594 г., трактату «О вольностях галликанской церкви» Пьера Питу.

В ответ король приказал парижскому парламенту начать процесс по этому делу. Генеральный адвокат парламента г-н Талон 21 января 1688 г. представил королю проект обвинительной речи против папы⁴²⁵. Постановлением парижского парламента папская булла о лишении посла права вольности квартала и отлучении от церкви была объявлена недействительной. По совету генерального прокурора напечатанное постановление было отправлено в Рим и развешено по городу: на воротах собора Святого Петра, церкви Сан-Луиджи-деи-Франчези, дворца Канцелярии и в некоторых других местах⁴²⁶. Кроме того Людовик XIV ввел войска в Авиньон и, с согласия парламента Прованса, вновь присоединил его к Франции. Однако Иннокентий XI так и не принял французского посла.

В это же время в Европе дело шло к большой войне из-за Пфальца, на владения которого претендовал Людовик XIV после смерти в 1685 г. пфальцкого курфюрста Карла II Виттельсбаха, не оставившего наследников⁴²⁷. Против короля стала формироваться большая коалиция европейских держав. Ввиду этих событий Людовик XIV решил пойти на уступки в вопросе об иммунитете посольского квартала в Риме. Король хотел добиться от папы утверждения кандидатуры страсбургского кардинала Фюрстенберга в качестве архиепископа Кёльна. Поскольку маркизу де Лавардену не удалось дожидаться папской аудиенции, Людовик XIV летом 1688 г. отправил в Рим с секретной миссией г-на Шамле, помощника военного государственного секретаря Лувуа. Задача Шамле состояла в том, чтобы склонить папу к назначению кардинала Фюрстенберга, преданного союзника Франции, архиепископом Кёльна. В инструкциях Шамле даются указания на то, что для удовлетворения папы король согласен сократить территорию, на которую распространяется иммунитет посольского квартала, и ограничить ее площадью рядом с палаццо Фарнезе и самим дворцом. Если и эти условия показались бы папе недостаточными, король соглашался на ограничение территории, пользующейся иммунитетом, стенами посольской резиденции. Однако на эту последнюю уступку следовало идти лишь в случае крайней необходимости⁴²⁸.

Миссия Шамле оказалась провальной. Папа так и не принял королевского посланника, а на пост кёльского курфюрста был назначен соперник Фюрстенберга Иосиф Клеменс. Людовик XIV в письме кардиналу д'Эстре от 6 сентября 1688 г. выразил свое безмерное неудовольствие тем, что его посланник был отвергнут папой

⁴²⁵ Dangeau. Op. cit. T. 2. P. 97.

⁴²⁶ Gérin Ch. L'ambassade de Lavardin... P. 405.

⁴²⁷ Вторая супруга брата короля Филиппа Орлеанского Елизавета Шарлотта Пфальцкая приходилась сестрой умершему курфюрсту.

⁴²⁸ Recueil. Vol. 17. Rome. Paris, 1911. P. 11 – 12, 17.

так, как если бы он был отправлен самым последним из христианских государей⁴²⁹. Оскорбленный король ввел войска в Кёльнское курфюршество и Пфальц. Началась война, растянувшаяся на девять лет⁴³⁰. Впоследствии папа, не ожидавший таких роковых последствий, в разговоре с кардиналом д'Эстре выразит свои извинения и будет уверять, что он не собирался вовсе отказывать в приеме г-ну Шамле, но лишь хотел соблюсти протокол, в соответствии с которым королевского посланника сначала должен был принять кардинал Альдерано Чибо, занимавший пост государственного секретаря святого престола⁴³¹.

В апреле 1689 г. маркиз де Лаварден, так не получивший аудиенцию Иннокентия XI, был отозван во Францию, а в августе того же года папа скончался. Вопрос с вольностью посольского квартала так и не был решен. Однако Людовик XIV, занятый военными действиями, по-видимому, стал проявлять меньшую категоричность по этому поводу. Новый дипломатический представитель короля герцог де Шон прибыл в Рим 23 сентября 1689 г., когда еще не был избран новый папа, и не стал занимать палаццо Фарнезе, а остановился в доме кардинала д'Эстре. Интересно отметить, что во избежание протокольных трудностей Людовик XIV не присвоил герцогу точного дипломатического ранга и предоставил ему возможность называться либо послом, либо же просто посланником в зависимости от обстановки⁴³². Для признания за герцогом статуса посла римские кардиналы требовали от него документа, который подтверждал бы, что, не располагая в Риме собственной резиденцией, но проживая у кардинала, он не имеет никаких претензий на вольность квартала⁴³³. В королевской инструкции, составленной для герцога де Шона, не было дано никаких указаний на этот счет. Однако, когда вновь избранный папой римским кардинал Пьетро Оттобони, принявший имя Александра VIII, заявил о своей приверженности булле *Cum alias* и намерении быть единственным хозяином в своем государстве, Людовик XIV был вынужден уступить и отказаться от права вольности посольского квартала. 12 ноября

⁴²⁹ Письмо было опубликовано в виде брошюры на французском и латинском языках и активно распространялось. *Lettre du Roi à M. le Cardinal d'Estrées écrites à Versailles, le 6 septembre 1688*. Paris, 1688 // ААЭ, Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 315, f° 34. Также текст письма опубликован в: *Mention L. Documents relatifs aux rapports du clergé avec la Royauté*. Paris, 1893. Т. 1. Р. 104.

⁴³⁰ Война Аугсбургской лиги 1688 – 1697 гг.

⁴³¹ Эти извинения папы были сформулированы в брошюре, опубликованной папой в Риме в ответ на письмо короля от 6.09.1688: *Reflexions pour servir de réponse sur la lettre en forme de manifeste que M. le Cardinal d'Estrées distribue*. Копия находится в: BnF. Fonds Français, vol. 17653. Также текст брошюры приведен в кн.: *Gérin Ch. Recherches historiques sur l'Assemblée du clergé de France de 1682*. Paris, 1870. Р. 450.

⁴³² *Recueil*. Vol. 17. Rome. Р. 30.

⁴³³ *Coulanges, Philippe-Emmanuel, marquis de. Mémoires*. Paris, 1820. Р. 119 – 120.

1689 г. герцог де Шон покинул дом кардинала д'Эстре и обосновался во дворце Бигассини (Франджипани), недалеко от площади Святого Марка (пьяцца Венеция)⁴³⁴.

Убежденность Людовика XIV в том, что французская монархия обладает неоспоримыми преимуществами по сравнению с остальными государствами, побуждала его отстаивать и закреплять это превосходство на практике различными способами. В вопросах исполнения дипломатического протокола позиция французского монарха была вполне консервативной: он не требовал ничего нового, но добивался уважения и соблюдения уже имеющихся у него прав. И такая позиция на тот момент соответствовала интересам французской короны. В отличие от многих других стран, в политическом и экономическом отношении вырвавшихся в XVII в. на первые позиции (Голландия, Швеция) или активно набиравших вес (Англия), но не имевших иерархического статуса, сколько-нибудь соответствовавшего их реальному значению, или же от стран, которые наоборот, пережив лучшие времена, неуклонно двигались в сторону экономического декаданса (Испания), но при этом не отказывались от своих статусных амбиций, Франция находилась в более выгодном положении, до поры до времени успешно балансируя между древностью своей короны и реальным политико-экономическим могуществом. В условиях того времени для Людовика XIV было важно сохранить свой статус. Прежде всего король стремился доказать старшинство французской монархии по отношению к испанскому королевству, послы которого в течение всего XVII в. пытались оспорить это. На море Людовик XIV добивался признания своего превосходства от Англии, настаивая на том, чтобы английские корабли при встрече с французскими первыми подавали знаки приветствия⁴³⁵ (начавшись в 1661 г., этот спор спустя шесть лет был решен в пользу Франции). Даже в споре со святым престолом король, не покушаясь, конечно, на статус папы как главы христианского мира, отстаивает свое особое положение. И в этом прослеживаются как минимум две цели, которые преследовал Людовик XIV. Во-первых, он защищал свои права иметь властные полномочия во французской церкви и определенную автономию последней от власти Рима (что опять же не было собственным изобретением короля, но лишь следованием многовековой традиции). Во-вторых, папский двор, где ритуал значил уж точно не меньше, чем слово, и где присутствовали представители практически всех

⁴³⁴ Ibid. P. 204.

⁴³⁵ См.: Лысяков В.Б. Указ. соч. С. 82.

христианских государей, служил подходящей ареной для демонстрации своей силы. Здесь, как ни в каком другом месте, нельзя было терять лицо. Этим объясняется крайняя настойчивость, с которой король отстаивал права своих послов в Риме.

Глава III. Символический язык дипломатии

Говоря о языке дипломатии, можно выделить несколько направлений, о которых будет идти речь. Во-первых, язык в лингвистическом смысле, т.е. тот язык, на котором собственно велись переговоры. Во-вторых, языковой стиль дипломатии, являющийся отражением особого способа формулировать и выражать мысли, характерного для эпохи барокко. И наконец, еще один аспект – семиотический, касающийся языка знаков, символов как одной из форм дипломатической коммуникации.

Относительно языка, на котором происходило непосредственное общение дипломатов во второй половине XVII в., нужно сказать, что французский язык в это время постепенно превращается в общеевропейский язык дипломатии. По мнению историка К.-Ж. Пикаве, этим он «был обязан не политике, но расцвету французской цивилизации, общества, литературы и тому, что он стал разговорным языком, наиболее распространенным в Европе»⁴³⁶. Однако представляется, что такая популярность французской культуры и французского языка, была бы все же невозможна без особого политического статуса Франции, ее преобладания в Европе второй половины XVII в., обеспеченного экономическим и военным могуществом, которое к тому же постоянно подпитывалось честолюбивыми амбициями Короля-Солнца, его неумным стремлением осветить лучами своего правления весь мир. Что бы ни говорили, эти амбиции Людовика XIV в том или ином объеме были удовлетворены.

Все же в XVII в. французский язык был только на пути к вытеснению других языков и в первую очередь латыни. Латынь оставалась общим языком всего христианского мира и было стыдно не знать ее. Знание иностранных языков остается ключевым для любого дипломата. Кальер пишет: «При обсуждении того или иного договора необходимо знание языка, на котором будет составлен этот договор, чтобы

⁴³⁶ Picavet C.-G. La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661 – 1715). Paris, 1930. P. 275.

ясно понимать каждое слово, каждое выражение, которое будет употреблено в договоре, прежде чем поставить свою подпись»⁴³⁷.

Чаще всего переговоры велись на латыни и на французском языке. Французский язык в XVII в. уже был распространён в Голландии, в некоторых княжествах Германии. Однако латынь оставалась официальным языком имперского сейма, сейма Польши. В Венеции политическим языком был итальянский⁴³⁸. В письменном языке латынь оставалась обязательной наряду с национальными языками на протяжении не только XVII, но и всего XVIII в. Французские договоры с Голландией составлялись на французском языке, с Империей – на латыни, с Испанией – на французском и испанском языках.

Послы из европейских стран, которые находились на службе при французском дворе, должны были владеть и пользоваться французским языком. Однако посольские миссии, прибывавшие во Францию из далеких восточных государств, во время королевских приёмов использовали свой родной язык, а королевский переводчик переводил их слова на французский. В 1669 г. Кольбером, который придавал большое значение развитию отношений (прежде всего торговых) с государствами Востока, была создана специальная школа переводчиков (*école des jeunes de langues*) для французских посольств и консульств. Обучение проводилось частично в Париже, частично в Константинополе и Смирне, куда каждые три года посылались шесть молодых французов для изучения восточных языков (турецкого, арабского, персидского и др.) В 1700 г. эта школа вошла в состав коллежа Людовика Великого. Как правило, учениками становились дети дипломатов или торговцев. Преподавали в школе наиболее опытные французские ориенталисты такие, как например Франсуа Пети де Ла Круа (1653 – 1713)⁴³⁹. Пети де Ла Круа был сыном придворного секретаря-переводчика (*secrétaire-interprète du roi*) с арабского языка и после смерти отца в 1695 г. сам занял эту должность. В молодости Пети де Ла Круа много путешествовал по странам Востока. 10 лет он провел в Сирии, Персии и Турции. В течение некоторого времени он выполнял функции секретаря французского посла в Марокко, вел переговоры с представителями Туниса в 1685 г. и Марокко в 1687 г. Такой богатый опыт позволил Пети де Ла Круа стать крупным

⁴³⁷ Callières F. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006. P. 64.

⁴³⁸ Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990. P. 450.

⁴³⁹ Troupeau G. Deux cents ans d'enseignement de l'arabe à l'école des langues orientales // Chroniques yéménites [En ligne], 1997 (4 – 5), mis en ligne le 30 août 2007, consulté le 31 août 2016. URL : <http://cy.revues.org/116>; см. также: Drogmans et diplomates européens auprès de la Porte ottomane / M. de Testa, A. Gautier (dir.) Istanbul, 2003.

специалистом-востоковедом, и в 1692 г. он был принят на кафедру арабского языка в Королевский коллеж, где проработал до конца жизни.

Французские дипломатические традиции всегда придавали большое значение стилю. По мнению Г. Никольсона, ноты французских послов не имеют себе равных по ясности и точности изложения⁴⁴⁰. Стоит также отметить торжественность стиля, присущего, например, королевским инструкциям послам. Язык этих документов, носящих по сути исключительно прикладной характер (инструкции служили руководством к тому, как послу следовало вести себя за границей и каких целей он должен был достичь), поражает своей стилистической изощренностью в сочетании с предельной четкостью дававшихся указаний. Инструкции всегда составлялись по более или менее четкой схеме. Они начинались с наименования того, кому предназначались, т.е. адресата – отправляемого за границу дипломата. Вот как начинается инструкция Франсуа де Па-Фекьеру, графу де Рабенаку, составленная летом 1688 г.: «Записка короля, которая будет служить инструкцией г-ну графу де Рабенаку, генерал-лейтенанту Его Величества при губернаторе провинций Беарн и Наварра, отправляющемуся ныне в Мадрид в качестве чрезвычайного посла Короля»⁴⁴¹. Далее обычно следовали перечисления достоинств дипломата, которыми он заслужил настоящее назначение. Витиеватые формулировки пронизывают тексты инструкций, напрочь лишенные стилистической простоты. Чтобы продемонстрировать особенности их стиля, уместно будет привести довольно пространную цитату, в которой изложены аргументы, обосновывающие выбор кандидатуры посла. В той же инструкции де Па-Фекьеру читаем: «Его Величество, будучи весьма удовлетворен хорошей службой, какую вышеназванный г-н граф де Рабенак сослужил ему во время различных заданий, которые он [король – М.Ш.] ему доверял, как в отношении князей из дома Брауншвейга и Люнебурга, так и во время последней миссии при дворе Берлина, где, служа Королю, он проявил усердие и прилежность в исполнении приказов Его Величества, а также ловкость при обсуждении, заключении и подписании договоров от имени Его Величества, считает, что не может сделать более достойного выбора, назначив вышеназванного г-на графа де Рабенака на пост своего чрезвычайного посла при Католическом Короле, освободившийся после смерти маркиза де Фекьера, его отца...»⁴⁴² и т.д. и т.д. Это

⁴⁴⁰ Никольсон Г. Дипломатическое искусство. С. 77.

⁴⁴¹ «*Mémoire du Roi pour servir d'instruction au Sieur comte de Rabenac lieutenant général pour Sa Majesté au gouvernement des provinces de Béarn et de Navarre s'en allant présentement à Madrid en qualité d'ambassadeur extraordinaire du Roi*» (Recueil. Vol. 11. Espagne. P. 381).

⁴⁴² «*Sa Majesté étant très satisfaite des bons et agréables services que ledit sieur de comte de Rabenac lui a rendus dans les différens emplois qu'elle lui a confié, tant auprès des princes de la maison de Brunswick et*

только первая часть предложения. Во второй части говорится о мирных намерениях Людовика XIV, отправляющего посла ко двору испанского короля, поскольку «Его Величество искренне желает всегда поддерживать общественное спокойствие, которое зависит главным образом от сохранения того согласия, которое присутствует ныне в отношениях между Его Величеством и Католическим Королем»⁴⁴³. Выражение миролюбивых намерений и подчеркивание добрых отношений между странами являлось необходимой нормой вежливости, проявлением уважения к «партнеру», какой бы ни была реальная дипломатическая обстановка. Франция и Испания летом 1688 г. находились на пороге большой войны. Столь же сложные отношения были в это время у Франции со Священной Римской империей. Тем не менее в инструкции от 6 сентября 1687 г. графу де Люзиньяну, чрезвычайному посланнику Людовика XIV в Вену, также говорится о важности поддержания того понимания, какое установилось между королем и императором⁴⁴⁴. Заверения в дружбе и стремлении поддерживать согласие были неизменным элементом инструкций.

После всех предварительных замечаний начинается детальное инструктирование посла, так сказать, «по существу». При этом строгость содержания королевских требований также обличена в изящные синтаксические формы. Эта затейливость и даже некая вычурность стиля не мешает четкости изложения. Когда работаешь с текстами королевских инструкций, возникает определенная параллель с самим дипломатическим церемониалом. Стиль языка королевских инструкций соотносится с их содержанием фактически так же, как церемониал – с дипломатией. Являясь пышной оболочкой, он одновременно был выражением достоинства королевской власти. Для того чтобы подчеркнуть достоинство короля, необходимо было использовать все средства. В расчет брались даже погодные условия. В инструкции от 17 апреля 1662 г. герцогу де Креки сказано: «Его Величество желает, чтобы вышеназванный г-н герцог, воспользовавшись этими прекрасными днями и мягкостью времени года, незамедлительно отправился в Рим, чтобы прибыть туда до наступления жары, а чтобы его путь был более удобным, безопасным и исполненным

Lunebourg qu'en dernier lieu à la cour de Berlin, où il a fait paraître son zèle pour le service du Roi, Son application à l'exécution des ordres de Sa Majesté et son habileté dans les traités qu'il a négociés, conclus et signés au nom de Sa Majesté, elle a estimé ne pouvoir faire un plus digne choix que de la personne du dit comte de Rabenac pour remplir le poste de son ambassadeur extraordinaire auprès du Roi Catholique vacant par la mort du marquis de Feuquières son père...» (Recueil. Vol. 11. Espagne. P. 381).

⁴⁴³ «...Sa Majesté désire toujours très sincèrement le maintien de la tranquillité publique, qui dépend principalement de la continuation de la bonne intelligence qui est présentement entre Sa Majesté et le Roi Catholique...» (Recueil. Vol. 11. Espagne. P. 381).

⁴⁴⁴ «...Entretenir la bonne intelligence qui est présentement établie entre elle [Sa Majesté, roi de France – M.III.] et ce prince [Empereur – M.III.]» (Recueil. Vol. 1. Autriche. P. 118).

достоинства, Его Величество некоторое время назад приказал приготовить для его переправы 4 галеры»⁴⁴⁵. В том, что касалось королевского достоинства, не было мелочей. Можно сказать, что стиль королевских инструкций был неким отражением церемониала на бумаге: ничего лишнего, каждая деталь имеет смысл.

Сказав о первых двух формах дипломатического языка, перейдем теперь к третьей, символической форме коммуникации, являющейся одной из основных компонент дипломатического церемониала. Общение в условно-знаковой форме было характерно для придворных кругов XVII столетия, когда «происходило становление принципиально нового, отличного от средневекового аллегорического мышления»⁴⁴⁶. Инструментарий символической коммуникации включал в себя не только заученные и отрететированные движения и жесты, нарочитую помпезность или наоборот умеренность декораций, оформлявших церемонии, художественные изображения, эмблемы и проч. Но если принять во внимание, например, то, что речи, произнесенные во время публичных аудиенций послам, сводились к набору стандартных клише и протокольных фраз, повторяющихся от случая к случаю, то и сам язык можно рассматривать не как способ общения в привычном смысле, т.е. когда его употребляют для поддержания беседы или передачи информации, но также как одно из средств семиотического выражения идей, в котором форма преобладает над содержанием.

Со времен раннего Средневековья и до эпохи абсолютизма акты символической коммуникации позволяли власти посредством эмблематического языка выражать свои идеи, подтверждать свои права и даже легитимность⁴⁴⁷. Применение такого рода языка символов и жестов присуще дипломатии, он является одним из ее основных инструментов до сих пор, и тем более его использование было характерно для всеобщего ритуализированного периода раннего Нового времени. Прежде чем переходить к применению силы в случае разногласий, дипломаты XVII в. использовали целый арсенал угроз, выраженных в завуалированной форме посредством знаков, не всегда сразу идентифицируемых человеком наших дней, но хорошо понятных современникам.

⁴⁴⁵ «Sa Majesté désire que ledit sieur duc profitant des beaux jours et de la douceur de la saison s'achemine incessamment à Rome pour y arriver avant les chaleurs et, afin qu'il fasse son voyage plus commodément, plus sûrement et avec plus de dignité, Sa Majesté a commandé, il y a déjà quelque temps, qu'on tint prêtes quatre de ses galères pour le transporter» (Recueil. Vol. 6. Rome. P. 101).

⁴⁴⁶ Карев А.А. Классицизм в русской живописи. М., 2003. С. 51.

⁴⁴⁷ Althoff G., Witthöft Ch. Les services symboliques entre dignité et contrainte // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2003/6 (58e année). P. 1295.

3.1. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов: вопросы титулов и старшинства

Для изучения придворного общества раннего Нового времени, которое Н. Элиас определил как общество престижного потребления⁴⁴⁸, большое значение имеет проблема титулатуры, т.е. совокупности титулов, которыми обладал тот или иной член этого общества и за которые велась конкурентная борьба. Как писал тот же Элиас, от современного буржуазного социума, в котором решающую роль приобретает материальный достаток, общество престижного потребления отличает зависимость его членов от статуса или престижа, выраженного не в денежном эквиваленте, но основанного на других ценностях⁴⁴⁹. В качестве одной из них можно назвать стремление занять свое статусное место в системе придворных связей, в результате чего выстраивается определенная иерархия общества.

Одним из важнейших элементов жизнедеятельности общества престижного потребления, поделенного на различные категории в зависимости от происхождения человека, его положения при дворе, общества явно стратифицированного, является титул (предикат), или попросту говоря *обращение*⁴⁵⁰. Обращение в прямом смысле этого слова, т.е. то, каким образом люди обращаются друг к другу. Не менее, если не более существенна роль обращения для дипломатов, которые выступают не просто как частные лица, но как представители своего государя, выразители его интересов и, что уже во многом справедливо для того времени, интересов государства. В деле утверждения престижного статуса государя и государства, выстраивания межгосударственной иерархии место проблемы титулатуры дипломатов трудно переоценить. Постановка и изучение этой проблемы открывает путь к пониманию некоторых коммуникативных механизмов, применявшихся правителями и дипломатами, и роли этих механизмов в межгосударственном диалоге.

Франция в XVII столетии, в большей степени уже во второй половине века, в царствование Людовика XIV, становится едва ли не самым могущественным государством Европы. Путь на вершину был отнюдь не простым. Бессчетное множество работ написано о войнах, которые вел Ришелье, а затем Людовик XIV, чтобы привести королевство к политическому лидерству на европейском континенте, об усилиях Кольбера по созданию заморских торговых компаний для достижения экономического благосостояния и превосходства. Но этим не

⁴⁴⁸ См.: Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

⁴⁴⁹ Там же. С. 87, 94.

⁴⁵⁰ В дальнейшем слово «титул» (*titre*) будет использоваться именно в значении «обращение» (*prédicat*).

ограничивался набор средств. Французская дипломатия в это время становится примером для подражания, образцом мастерского владения искусством вести переговоры. Дипломатия и сегодня тесно связана с церемониалом, соблюдением протокола, подчинением определенной иерархии. Дипломатии периода раннего Нового времени это свойственно вдвойне. И в контексте борьбы государей за статус, не только в политическом, но и в символическом смысле, наука о ведении переговоров становится незаменимым оружием.

Складывание в Европе во второй половине XVI – начале XVII в. сети постоянных дипломатических представительств при сохранении чрезвычайных посольств привело к разделению послов на ранги. Параллельно ранговой стратификации все большее значение получает дифференциация послов не просто по рангу, а в соответствии со статусом того государя, чьи интересы представляет посол. Такая дифференциация по старшинству, существовавшая между европейскими государями с незапамятных времен, в XVI – XVII вв. обретает больший смысл, чем когда-либо, именно в связи с увеличением числа дипломатических контактов, характерным для этого периода. Если раньше такого рода контакты были более или менее спорадическими, то теперь они приобретают регулярный характер. На практике это означало необходимость выработки определенных норм общения между дипломатами в соответствии с их рангом и статусом, что нашло выражение в том числе в появлении новых титулов.

В конце XVI столетия в адрес послов впервые стали применять титул «превосходительство» (*excellence*). В «Записках» посольского интродуктора Сенкто, крупного знатока дипломатического церемониала, мы находим сведения о том, что впервые по отношению к послам обращение «превосходительство» было употреблено в 1593 г., когда король Генрих IV отправил в Рим в качестве чрезвычайного посла Лудовико ди Гонзага, герцога Неверского⁴⁵¹. Сенкто обращает внимание на то, что изначально это обращение было дано Лудовико по причине его происхождения: поскольку он имел герцогский титул и был представителем знатной итальянской семьи Гонзага, возглавлявшей Мантуанское герцогство. До этого случая в отношении всех послов использовалось обращение «светлейшая милость» (*seigneurie illustrissime*). Однако в конце XVI в. наблюдается изменение традиционного порядка обращений между послами. Каким же образом это происходило и в чем состояла суть этого нового явления?

⁴⁵¹ ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f°. 27, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

Изначально, еще во времена Средневековья, титул «превосходительство», как пишет Сенкто, давался при французском дворе только принцам крови и иностранным принцам. Однако постепенно этот титул стали применять и к другим знатым сеньорам, которые не являлись принцами. В результате, для того чтобы отличать более знатных по своему социальному статусу принцев крови от остальных, к принцам крови стали применять обращение «высочество» (*altesse*), в то время как титул «превосходительство» сохранился для обращения к тем знатым сеньорам, которые не являлись принцами⁴⁵². Т.е. посредством манипуляций с титулами (в данном случае «высочество» и «превосходительство») происходила дифференциация усложняющейся с течением времени социальной структуры двора. Новое обращение становится неким маркером, который отделяет более знатных сеньоров от менее знатных по своему происхождению. При этом стоит подчеркнуть, что появление нового обращения «высочество» было вызвано необходимостью выделить более родовитых придворных, принцев крови, в то время как степень значимости обращения «превосходительство», изначально применявшегося по отношению к ним, несколько понижается, и теперь оно употребляется в отношении стоящих на следующей, более низкой ступени социальной иерархии членов придворного общества.

Как увидим далее, в случае с обращениями к дипломатам происходит подобный процесс. Статус отдельных дипломатов, изначально случайно (пример с Лудовико ди Гонзага), а затем целенаправленно в некоторой степени повышается за счет использования нового обращения к ним. Испанский чрезвычайный посол, находившийся в Риме с миссией в то время, когда туда прибыл Лудовико ди Гонзага, не пожелал мириться с тем, что посол Франции, вопреки сложившейся традиции, удостоивается более высокого обращения, чем он, посол испанского короля. В этой ситуации у посла Испании было два выхода. Он мог не согласиться с претензией Лудовико ди Гонзага на более почетное обращение и требовать соблюдения традиции. Однако испанский посол выбрал иной путь, который, как оказалось впоследствии, стал побудителем процесса дальнейшей постепенной модификации существовавшего на тот момент порядка общения между послами. Испанский посол решил использовать этот случай в своих интересах, чтобы и самому добиться права на титул «превосходительство». Его примеру последовали сначала послы Венеции и Савойи, а потом и другие послы, находившиеся в Риме. И хотя не всем послам и не

⁴⁵² ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f°. 23, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

сразу удалось в итоге добиться этой привилегии, начала складываться новая традиция – использования титула «превосходительство» по отношению к послам.

Установление нового порядка происходило в условиях бурных дебатов между самими послами. Все тот же испанский посол, находившийся в Риме с чрезвычайной миссией и добившийся в результате права на обращение «превосходительство», в течение некоторого времени пытался воспрепятствовать тому, чтобы этот титул распространялся на ординарных (в том числе испанских) послов. Этим он стремился обозначить более высокое положение послов, выполнявших особую, чрезвычайную миссию. Т.е. соперничество на первом этапе развернулось не только между дипломатами разных стран, но и между послами разных рангов, пусть и представлявшими интересы одного государя. Однако эта позиция испанского чрезвычайного посла не вылилась в последующую практику, и обращение «превосходительство» стало использоваться по отношению ко всем послам, чрезвычайным и ординарным, коронованных особ.

Процесс дифференциации послов посредством титула и введения в обиход нового обращения «превосходительство» проходил в контексте борьбы европейских государей за престижный статус, которая выражалась в обмене некими символическими актами (признание старшинства, оказание почестей послам) и стала одним из ключевых проявлений символической коммуникации монархов. Участвовавшие в XVI – XVII вв. контакты дипломатических представителей европейских государей друг с другом оживили эту борьбу и перевели ее из разряда теоретических рассуждений в практическую плоскость. Как уже отмечалось, в начале XVI в. при папском дворе появился полуофициальный список государей, в котором были перечислены европейские правители в порядке их старшинства. Несмотря на авторитет Рима в вопросах церемониала, нормы, принятые там, могли служить образцом для других дворов, но отнюдь не являлись каноном. Все это порождало многочисленные дискуссии и даже конфликты, когда дипломаты оспаривали друг у друга титулы и почести, принадлежащие им по праву старшинства. В связи с этим необходимо было уточнить саму структуру иерархии государей. Однако у каждого из них имелось свое представление о ней, и каждый стремился доказать свое старшинство по отношению к другому. При этом одни подкрепляли свои претензии ссылками на древнюю традицию, в то время как другие пытались найти новые аргументы в пользу своей позиции.

Рассуждая о борьбе европейских правителей за право старшинства, Руссе-де-Мисси пишет, что среди римско-католических стран первый ранг бесспорно

занимает папа римский, но не в качестве государя нескольких провинций Италии, которые формируют Папское государство, а как верховный понтифик, глава христианской церкви и наместник Иисуса Христа на Земле. И в этом отношении главы светских государств (император, короли и тем более некоронованные особы, главы республик) не вправе оспаривать первенство папы, и, следовательно, их посланники также не могут соперничать в этом отношении с папскими легатами и нунциями⁴⁵³. Однако Руссе-де-Мисси отмечает, что это преимущество пап основывается исключительно на их священническом сане, а не на «праве» (*c'est uniquement par respect pour le Sacerdoce et nullement de droit*). Поэтому на практике все же возникало некоторое противоречие между папой и императором Священной Римской империи, который по сложившейся традиции, т.е. по «праву» располагался на верхней ступени иерархической лестницы светских правителей. Признавая папу сакральным лидером христианского мира как главу католической церкви и отдавая в связи с этим должное папским послам (легатам и нунциям), императоры, будучи светскими монархами, не соглашались признавать первенство папы вне рамок его церковной юрисдикции. Этим объясняется, например, тот факт, что императоры, правившие после Карла V, больше не встречались с папами лично и не принимали из их рук императорскую корону.

Другие главы христианских стран признавали первенство папы без каких-либо возражений. И хотя, как замечает Руссе-де-Мисси, король Франции и протестантские государи часто боролись с папами за власть (как церковную, так и светскую) (Филипп IV – с Бонифацием VIII, Людовик XIV – с Иннокентием XI), эта борьба касалась собственно лишь духовной юрисдикции и не имела никакого отношения к оспариванию превосходства рангов. Даже главы протестантских государств, таких как Англия, Дания, Швеция и некоторые другие, хотя и не признавали папу главой церкви, но не отрицали более привилегированного места папских нунциев перед своими послами. Первенство императора по отношению к остальным государям и его послов по отношению к другим послам (кроме папских легатов и нунциев) тоже подтверждалось всеми европейскими правителями. Они никогда не отказывали императору в соответствующем титуле – «императорское величество» и, соглашаясь со старшинством императора, признавали его право и право его послов на особые почести⁴⁵⁴. Таким образом, папа римский (как глава Церкви) и император находились на вершине иерархической лестницы европейских

⁴⁵³ Ibid. P. 8.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 12 – 13.

правителей, и это по большому счету не вызывало пререканий со стороны остальных государей.

Сложнее дело обстояло с последующим распределением. И больше всего трудностей возникало при решении вопроса о месте французского и испанского королей. По этому поводу велись ожесточенные споры, порождавшие порой казусные ситуации, а иногда доходившие до реальных дипломатических конфликтов.

С конца XVI в. полемика вокруг вопроса о старшинстве французских монархов становится все более активной. Начало этой полемике положило письмо рекетмейстера (*maître des requêtes*) и советника Генриха III Франсуа Питу от 9 февраля 1586 г. о старшинстве французских королей⁴⁵⁵, ставшее ответом на «Записку» некоего итальянца Августина Кранато. В этой «Записке» Кранато пишет, что испанский король Филипп II под предлогом старшинства, которого он давно, но безуспешно добивается, стремится утвердить идею о том, что Испания является источником и центром христианства в Европе, а следовательно, первым христианским королевством. Ссылаясь на Салический закон, в своих рассуждениях Кранато доходит даже до того, что обосновывает эвентуальное право испанских Габсбургов на французскую корону в случае угасания дома Валуа⁴⁵⁶. Питу считает доводы Кранато необоснованными. Он пишет, что Испания всегда уступала первенство Франции и что Австрийский дом (т.е. Габсбурги, находящиеся на испанском троне) менее древний, чем королевский дом Франции. Также Питу утверждает, что «папы и все остальные государи всегда признавали старшинство французских королей по отношению к королям Испании... и, следовательно, это вопрос решенный»⁴⁵⁷.

Однако вопрос вовсе не был решен, как писал Питу, и его письмо стало лишь первым шагом на пути решения проблемы о старшинстве. В 1610 г. появится уже целый трактат большого эрудита, в будущем члена парижского парламента Жерома Биньона «О превосходстве королей и королевства Франции»⁴⁵⁸. Биньон, как и Питу, говорит о том, что французские короли обладают бесспорным старшинством среди

⁴⁵⁵ Цит по: *Pitou F. Lettre d'un François sur certain discours fait pour la presséance du Roi d'Espagne // Mémoires de la Ligue, contenant les événements les plus remarquables depuis 1576, jusqu'à la Paix accordée entre le Roi de France et le Roi d'Espagne, en 1598. Amsterdam, 1758. T. 5. P. 705 – 717.* Впервые письмо было опубликовано в типографии Мамера Патиссона: *Pitou F. Lettre d'un François sur un certain discours fait naguères, pour la preseance du roy d'Hespagne. Paris, 1586.*

⁴⁵⁶ Цит по: *Raisons et causes de préséance entre la France et l'Espagne, proposées par un nommé Augustin Cranato Romain pour l'Espagne, et traduites d'Italien en Français. Ensemble les réponses et defenses pour la France par Nicolas Vignier. Paris, 1608.*

⁴⁵⁷ *Pitou F. Op. cit. P. 710 – 711.*

⁴⁵⁸ *Bignon J. De l'Excellence des Roi et du Royaume de France, traitant de la préséance et des prérogatives des Rois de France par dessus tous les autres, et des causes d'icelles. P., 1610.*

прочих государей, и отмечает, что только испанский король пытается оспорить это старшинство, в то время как другие монархи безоговорочно его признают.

Франсуа Кальер в X главе своего трактата об искусстве ведения переговоров, посвященной церемониям и правилам вежливости (*civilités*), которые должны были соблюдать иностранные посланники, приводит в качестве примера случай, произошедший в 1647 г. в Мюнстере. Посол императора, кардинал Савелли, по прибытии в Мюнстер свой первый визит нанес испанскому послу и только после этого направился к послу Франции. В результате последний отказался его принять, так как посчитал, что кардинал пренебрег всеми правилами приличия и не оказал французской короне в лице посла тех почестей, которые надлежало оказать⁴⁵⁹. Несмотря на жалобы Савелли по поводу подобного афронта со стороны французского посла, кардинал так и не был им принят, поскольку ему не «следовало забывать о том, как полагается обходиться с послом первого короля в христианском мире»⁴⁶⁰. В итоге кардинал Савелли вынужден был принести свои извинения французскому послу.

Этот случай весьма показателен. В нем мы видим официальную позицию французского посла по поводу места французского короля относительно других монархов. Король Франции – первый король в христианском мире. Эта мысль красной нитью проходит через все сочинение Кальера, который сам на протяжении многих лет был послом Людовика XIV. Сюжет с Савелли, который является лишь небольшим эпизодом в череде многочисленных споров, демонстрирует, что французские послы очень рьяно отстаивали свое привилегированное положение по отношению к послам других королей и особенно испанского.

В 1674 г. вышел трактат Шарля Бюльто «О старшинстве королей Франции по отношению к королям Испании», в котором автор попытался, проанализировав все имеющиеся на тот момент тексты по вопросу старшинства монархов, систематизировать их. К слову сказать, в этом трактате рассматривается не только франко-испанская полемика, но имеются также важные замечания по поводу взаимоотношений французов с другими странами. Так, автор, рассуждая о старшинстве императора по отношению к французскому королю, пишет, что король Франции является главой такого большого, богатого и единого королевства и правит в нем, обладая таким суверенитетом, что германский император не кажется по сравнению с ним настолько могущественным, поэтому король мог бы со всеми

⁴⁵⁹ Callières F. Op. cit. P. 116.

⁴⁶⁰ Ibid. P. 117.

основаниями претендовать на старшинство перед императором, если бы он [король Франции – М.Ш.] не соблюдал сложившейся традиции⁴⁶¹.

Что касается взаимоотношений королей Франции и Испании и их послов, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Бюльто делит историю этих взаимоотношений, которую он начинает рассматривать с конца XIII в., на два периода. В качестве рубежной даты он приводит 1558 г. Для первого периода было характерно то, что испанские короли безоговорочно признавали старшинство королей Франции. Эта традиция, по мнению Бюльто, уходит корнями к встрече французского короля Филиппа IV Красивого и короля Кастилии и Леона Санчо IV, которая состоялась в 1280 г. в городе Байонна, находившемся под властью короля Франции. Автор обращает внимание на то, что Санчо IV прибыл для переговоров на территорию французского короля, т.е. совершил так называемый *акт почтения* по отношению к нему, и это свидетельствует о его более низком месте в иерархии по отношению к королю Франции⁴⁶². Неслучайно Бюльто использует выражение «акт почтения» (*action de déférence*), говоря об этом визите. Впоследствии все короли Испании до середины XVI в., отмечает Бюльто, безоговорочно признавали старшинство Франции. Даже Карл V (или точнее Карлос I), еще не будучи императором, а только королем Испании, признавал первенство Франциска I, французского короля, и уступал ему почетное место. Таким образом, в отношениях между французскими и испанскими послами в этот первый период не было разногласий по вопросу о первенстве. Однако в середине XVI в. картина меняется, и, согласно схеме Бюльто, начинается новый этап франко-испанских отношений, сопровождающийся настойчивыми попытками Испании оспорить старшинство у королей Франции.

Действительно, в правление Карла V испанская и императорская короны оказались в одних руках. С этого времени наступает период так называемого «золотого века» Испании. Несмотря на то что после смерти Карла V испанские короли не становились больше во главе империи, идея о том, что они принадлежат к династии Габсбургов и являются потомками римского императора, а кроме того реальные политические успехи и усиление Испании оказали огромное влияние на дальнейшее развитие франко-испанских отношений и на взаимовидение двух монархий с точки зрения символического языка власти.

⁴⁶¹ Bulteau Ch. De la préséance des rois de France sur les rois d'Espagne. Paris, 1674. P. 13.

⁴⁶² Ibid. P. 14 – 15.

Переломным моментом, как отмечает Бюльто, стал инцидент, произошедший в 1558 г., когда испанские послы в Венеции попытались оспорить первенство у послов французского короля. Это был первый случай такого рода. Посол Карла V и Филиппа II Франсуа Варгас, прибыв в Республику Святого Марка, обратился к венецианскому Сенату с заявлением о том, что на церемонии, посвященной празднику Вознесения, он претендует сопровождать дожа. В Сенате к этому заявлению отнеслись осторожно, поскольку посол Франции, епископ Лодевский, также был приглашен на эту церемонию и, следовательно, ему по праву старшинства должна была быть оказана эта почать (сопровождать венецианского дожа). Варгас обосновывал свою претензию тем, что он представляет императора Карла V, соответственно, согласно традиции, по рангу он стоит выше посла Франции и поэтому не уступит ему этого права. Одновременно он был и послом Филиппа II и утверждал, что могущество этого короля столь велико, что его посол не может стоять ниже посла Франции⁴⁶³. Таким образом, Варгас не ограничился апеллированием к традиции, но решил для достижения цели использовать максимум доводов и опереться также на политические реалии. Как посол императора он отсылает венецианских сенаторов к традиции, но как посол испанского короля стремится сломать эту же традицию, ибо могущественная (с точки зрения Варгаса) Испания не желает больше уступать первенство Франции.

Так или иначе, но вставала проблема старшинства между французским послом в лице епископа Лодевского и Франсуа Варгасом, который официально мог считаться послом только Филиппа II, ибо, важно заметить, Карл V к этому времени уже сложил с себя и императорскую корону, и корону Испании. Доводы Варгаса оказались основанными на зыбкой почве, и венецианский Сенат разрешил возникший спор следующим образом. Не будучи послом ныне царствующего императора, Варгас не мог претендовать на первенство, которым обладают послы императора по отношению к французским послам. Следовательно, как посол испанского короля он вынужден был уступить право первенства епископу Лодевскому, послу Франции, а аргумент, касающийся могущества Филиппа II, не сыграл своей роли, и главным фактором при принятии решения в пользу французского посла была отсылка к устоявшейся традиции⁴⁶⁴.

Вопросу иерархии послов французские короли придавали большое значение. Посол Генриха IV в Риме г-н де Брев в своем отчете о церемонии в честь Святого

⁴⁶³ Ibid. P. 86 – 88.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 89 – 90.

Игнатия Лойолы, имевшей место в 1609 г., подчеркивал, что на этой церемонии в соборе Иль-Джезу он занимал более почетное место, чем испанский посол, который в торжественном шествии должен был следовать за ним. На это Генрих IV ответил, что он очень рад такому образу действий и тому усердию, с которым г-н де Брев поддерживает статус французского короля⁴⁶⁵.

Порой соперничество послов Франции и Испании за старшинство едва не доходило до физической расправы. В один из воскресных дней в августе 1657 г. в Гааге на главной улице города Ланге Ворхаут встретились кареты двух послов, французского и испанского. Карета испанского посла перегородила дорогу, и экипажи встали друг против друга. Спор разгорелся на почве все той же проблемы старшинства: пытались выяснить, кто должен удостоиться чести проехать первым. Тут же собралось множество народа, в том числе некоторые члены Генеральных Штатов, обеспокоенных тем, во что может вылиться этот инцидент. Представители Генеральных Штатов предложили решить спор путем признания равного статуса обоих послов, на что был согласен посол Испании. Однако французский посол, г-н де Ту, заявил, что речь не может идти о его равенстве с испанским послом, что не он затевал эту встречу, но, коль скоро она произошла, посол Испании должен уступить ему почетное место либо по собственной воле, либо его принудят к этому силой. Доказывая свое превосходство, де Ту отметил, что при всех дворах (в Риме, Константинополе, Венеции, Швеции, Дании и др.) послы Франции имеют старшинство по отношению к послам Испании, что, согласно приказу короля, даже рискуя своей жизнью, он обязан отстаивать это старшинство, основанное на праве и подтверждаемое многими примерами (*fondée sur le droit, sur la possession et sur les exemples*). В результате испанский посол был вынужден уступить в этом споре послу Франции и пропустить его карету⁴⁶⁶.

Изменить традиционную систему старшинства было непросто. Все попытки испанских послов добиться старшинства или хотя бы равного положения с послами французских королей оказывались неудачными. Интересно отметить, какое важное место отводится вопросу старшинства между послами Франции и Испании в инструкциях Людовика XIV его послу в Англии графу д'Эстраду. Эти инструкции выглядят весьма категоричными. Имея в виду, что испанский посол барон де

⁴⁶⁵ Письмо Генриха IV его послу в Риме г-ну де Бреву цит. по: *Bulteau Ch. Op. cit.* P. 130.

⁴⁶⁶ Коммюнике г-на де Ту, французского посла от 12.08.1657 цит. по: *Bulteau Ch. Op. cit.* P. 132 – 136.

Ваттвилль будет добиваться равенства с послом Франции в вопросах этикета, король требует от д'Эстрада быть непреклонным и не поддаваться настойчивости испанца⁴⁶⁷.

И все же Ваттвиллю удалось в августе 1661 г. убедить графа д'Эстрада во избежание скандала отказаться от участия в церемонии торжественного въезда венецианских послов в Лондон. На этой церемонии неизбежно возник бы вопрос старшинства, на которое претендовал Ваттвилль. Однако Ваттвилль пока не решился оспаривать это право у французского посла и удовлетворился компромиссом: он предложил обоим послам не ехать на церемонию въезда. Обеспокоенный тем, что встреча послов, соперничающих за право старшинства, может вылиться в открытый конфликт и спровоцировать беспорядки, английский король Карл II поддержал предложение Ваттвилля.

Такое положение дел не могло устроить Людовика XIV, который тотчас отправил д'Эстраду выговор. Негодование французского монарха было вызвано, во-первых, тем, что английский король позволил себе столь грубо вмешаться в такой деликатный вопрос и, самое главное, согласившись с просьбой Ваттвилля, косвенно признал равенство корон Франции и Испании, о чем, с точки зрения Людовика XIV, не могло идти речи, а, во-вторых, король напомнил д'Эстраду, что французский посол должен подчиняться приказам только своего государя и не идти на поводу у других⁴⁶⁸.

Апогеем борьбы между д'Эстрадом и Ваттвиллем и в целом послами Франции и Испании стал знаменитый инцидент, произошедший в Лондоне 10 октября 1661 г., когда испанский посол все же решился открыто оспорить старшинство посла Людовика XIV и буквально атаковал его карету во время церемонии торжественного въезда шведского посла в английскую столицу. В результате этого нападения пострадали несколько человек из свиты д'Эстрада (в том числе были убиты кучера). Реакция французского короля на это оскорбление едва не закончилась высылкой испанского ординарного посла, графа Фуэнсальдана, из Франции и вызвала широкий резонанс во всей Европе. Испанский король Филипп IV вынужден был через своего чрезвычайного посла, маркиза де ла Фуэнте, принести извинения королю Франции, отозвать из Лондона де Ваттвилля, а также разослать приказы своим послам и посланникам во всех странах о том, что отныне они не должны оспаривать первенство французских послов на любых публичных церемониях. На королевской аудиенции в Лувре, которую получил маркиз

⁴⁶⁷ Recueil. Vol. 24. Angleterre. P. 287.

⁴⁶⁸ Ibidem.

де ла Фуэнте, чтобы озвучить извинения Филиппа IV и признание им старшинства короля Франции, присутствовали все иностранные послы, находившиеся на тот момент при французском дворе. После аудиенции король Людовик XIV обратился ко всем присутствующим с речью и с просьбой уведомить своих государей о том, что они только что услышали. Этот дипломатический инцидент Людовик XIV, только что начавший самостоятельное правление после смерти Мазарини, использовал для утверждения своего авторитета и считал одним из наиболее блистательных эпизодов в истории не только своего царствования, но и французской монархии. Он писал: «Я не знаю, было ли со времен начала монархии что-либо более славное для нее, т.к. государи, которых наши предки видели иногда у своих ног приносящими клятву верности (*hommage*), не были королями, но лишь сеньорами небольшого княжества, от которого они могли отказаться. Здесь же клятва иного рода, клятва короля королю, короны короне, которая не позволяет больше нашим врагам сомневаться в том, что наша монархия является первой во всем христианском мире»⁴⁶⁹. Чтобы сохранить в памяти потомков этот знаменательный дипломатический триумф короля, в мастерской Жана Делакура Королевской мануфактуры гобеленов было создано огромное полотно с изображением этой аудиенции (см. *прилож. 14*). Наряду с полотном, посвященным приему кардинала Киджи в 1664 г., оно вошло в серию гобеленов «История короля», которая рассказывает о наиболее славных страницах царствования Короля-Солнца.

Возвращаясь к проблеме обращений, использовавшихся в отношении послов, интересно отметить, что именно послы Франции первыми удостоивались более высокого обращения при различных дворах. Так, в Германии, где обращение «превосходительство» позднее всего вошло в оборот, оно впервые было применено к послу французского короля. В 1620 г. с посольской миссией в Вене находились три французских посла – герцог Ангулемский, граф де Бетюн и барон де Шатонёф, и к одному из них, герцогу Ангулемскому, эрцгерцог Леопольд (хотя на тот момент ему было всего 6 лет), герцог Баварии, а также иностранные послы, находившиеся при венском дворе, стали обращаться «превосходительство». Как отмечает Сенкто в «Записках», это обращение в его адрес использовалось в связи с тем, что Шарль де Валуа, герцог Ангулемский, был внебрачным сыном покойного короля Франции Карла IX. Сенкто обосновывает свое предположение тем, что в отношении графа де Бетюна и барона де Шатонёф использовали традиционное обращение

⁴⁶⁹ Œuvres de Louis XIV. P., 1806. T. 1. P. 132 – 133.

«светлейшая милость»⁴⁷⁰. Т.е. действительно именно происхождение, а не посольская функция герцога Ангулемского стало причиной этого нововведения при венском дворе, ибо в противном случае два других посла также могли бы претендовать на эту почесть.

Впоследствии обращение «превосходительство» вошло в обиход. В частности, в Германии первыми стали принимать это обращение послы императора, которые, видя, что его применяют к послам королей, не хотели уступать им по статусу. Что касается послов курфюрстов, то решающим в принятии ими обращения «превосходительство» стало то, что они не желали занимать более низкое положение по отношению к послам Венеции, к которым к тому времени уже обращались «превосходительство». Удивительное сопротивление этой тенденции оказывали первоначально саксонские курфюрсты, которые не хотели менять сложившийся обычай и даже запрещали своим послам принимать это обращение. Тем не менее император, король Франции и другие короли все же давали распоряжения своим послам обращаться к послам имперских курфюрстов «превосходительство»⁴⁷¹. Тем самым они стремились подчеркнуть различие в статусе между курфюрстами и другими германскими князьями, что, безусловно, поначалу вызывало сильное недовольство последних. Они также пытались в этом вопросе апеллировать к обычаю. Но, не имея реальных средств сопротивляться этой тенденции, которую активно поддерживали ведущие, наиболее могущественные монархи (*têtes couronnées*), они вынуждены были подчиниться ей.

К середине XVII в. титул «превосходительство» закрепился за послами коронованных особ. Но и послам некоторых других государей также удалось добиться этой почести. Так, послы Венецианской республики в течение длительного времени вели за нее упорную борьбу. В вопросах церемониала Венеция в XVII в. выделялась среди прочих республик и претендовала на почести, которых государства с республиканской формой правления в то время обычно не удостоивались. Так, например, французские короли традиционно становились крестными отцами рожденных во Франции детей венецианских послов. Более того, к концу XVII столетия послам Венеции удалось добиться признания за собой статуса представителей коронованных особ, что тоже выразилось в оказании им определенных почестей, полагавшихся согласно церемониалу по этому случаю.

⁴⁷⁰ ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f. °. 29, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

⁴⁷¹ ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f. °. 30, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

Такая почесть, как обращение «превосходительство», закрепилась за венецианскими послами еще раньше, в 1636 г. До тех пор противниками этого нововведения выступали император и испанский король. Но в 1636 г. они согласились на оказание этой почести послам Республики Святого Марка в качестве вознаграждения за их посредничество в мирных переговорах Империи и Испании с Францией⁴⁷². Венеция вновь стала своего рода исключением из правила.

Было и несколько других исключений, когда обращение «превосходительство» использовали не только по отношению к представителям коронованных особ, но и к послам государей более низкого ранга. Однако при разных дворах сложились различные порядки касательно подобных исключений. Так, папа римский Иннокентий X (1644 – 1655) использовал в отношении послов итальянских герцогств Савойя и Тоскана обращение «превосходительство». Против выступили Испания и, как ни странно, Венеция, которые полагали, что на это имеют право лишь представители коронованных особ (особенно интересна здесь позиция Венеции, послы которой в соответствии с этим аргументом также не могли рассчитывать на обращение «превосходительство», но тем не менее добились этой прерогативы), и настаивали на обращении «светлейшая милость», использовавшемся по отношению к послам некоронованных особ. Франция в этой ситуации поддержала позицию Испании и Венеции и, поскольку послы Савойи и Тосканы, получив от папы право на обращение «превосходительство», не были готовы удовлетвориться обращением «светлейшая милость», французские послы на церемониях в Риме обращались к ним в третьем лице, вовсе не используя никаких титулов. При этом при других дворах послы французского короля без особенных препятствий использовали обращение «превосходительство». Так, на мирных переговорах в Мюнстере французские послы обращались «превосходительство» в адрес посла Мантуи, которого папский нунций, между прочим, удостоил лишь обращения «светлейшая милость»⁴⁷³.

Хотя в XVII в. так и не сложилось четкой системы обращений в отношении послов, наметилась тенденция разделять послов при помощи обращений в зависимости от статуса государя, которого они представляют. Примерно к середине XVII в. стало принято обращаться к послам коронованных особ «превосходительство», тем самым выделяя их среди остальных и подчеркивая более

⁴⁷² ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f°. 28, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

⁴⁷³ ААЭ, Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, f°. 29, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Saintot».

высокий статус их государей. Однако эта система не стала и, по-видимому, не могла стать до конца прозрачной, поскольку новая традиция формировалась непосредственно в ходе дипломатической практики, не фиксировалась документально. В официальных документах (королевских инструкциях, официальной переписке) к послам обращались в третьем лице, используя обращение «господин» (*sieur* или *monsieur*), таким образом, полемика вокруг титулов касалась только устных обращений.

По отношению к французским послам впервые по воле случая было использовано обращение «превосходительство». Посредством введения этого нового обращения произошло некоторое повышение статуса посла. Роль самих послов, короля Франции или французского дипломатического ведомства в принятии этого нововведения трудно оценивать. Вряд ли это была целенаправленная политика. По крайней мере, источники не позволяют сделать такой вывод. Однако бесспорным остается то, что французские короли, придавая большое значение дипломатии и осознавая ее огромную роль как средства символического общения, трепетно относились к подбору персоналий для ведения переговоров и в условиях конкурентной борьбы за статус, особенно с испанскими королями, использовали различные методы. В том числе в качестве послов они выбирали людей, занимавших довольно высокое положение в обществе, будь то иностранные принцы или внебрачные дети короля. И ведь именно эта политика привела к появлению нового обращения, дифференциации послов в зависимости от их ранга и статуса государя.

Во второй половине XVII в. идея суверенитета, сформулированная еще в конце предыдущего столетия французским философом и политиком Жаном Боденом, приобретает все большее значение при определении государственного статуса. Однако стремление обосновывать свое право, опираясь на обычай, по-прежнему велико. При всех прочих нюансах еще заметно тяготение Франции к тому, чтобы сохранить установившуюся традицию. Уверенно называя себя первыми королями в христианском мире, французские монархи не допускали посягательств на свое место других монархов, в частности короля Испании, который, наоборот, в данном вопросе все время выступал в качестве сторонника изменения традиции, сохранение которой было ему невыгодно и сдерживало его продвижение вверх по иерархической лестнице европейских государей.

На практике, опираясь единственно на традицию и не учитывая реальной политической ситуации, действительно оказалось довольно трудно выстроить такую иерархическую лестницу, на ступенях которой разместились бы сверху вниз в

соответствии со своим статусом европейские государи, не выказывая при удобном случае (например, при изменении соотношения сил) желания оспорить занимаемое место и повысить свой статус. Поэтому спор этот, внешне опирающийся на традицию, во многом все же учитывал реальную расстановку сил на международной политической арене. Успех французской монархии в этом символическом действе, закреплении французского короля на позиции более высокой по сравнению с испанским королем оказался возможен во многом благодаря решительной политике Людовика XIV, который с пользой для себя использовал политические неудачи испанской монархии, неуклонно на протяжении второй половины XVII в. сдававшей былые позиции. Поэтому, несмотря на все отсылки к традиции, символическая коммуникация европейских монархов была тесно связана с реальными политическими событиями. И в борьбе между французскими и испанскими послами за старшинство не последнюю роль сыграла именно реальная расстановка сил. Если бы Испания не оказалась действительно слабее Франции, настойчивые попытки испанских послов изменить положение дел в свою пользу вполне могли бы увенчаться их победой. В этом переплетении символического языка власти, по-прежнему апеллировавшего к традиции, и реальной политической обстановки состоит одна из особенностей XVII века, стоящего на пороге уже Нового времени, но корнями уходящего глубоко в Средневековье.

3.2. Иностранные дипломаты в системе французского двора: споры о статусе посла и посольского интродуктора

Осветив вопросы, связанные со спорами о статусе французских дипломатов в системе дипломатической иерархии, обратимся теперь к иностранным послам, находившимся при французском дворе. Послы не являлись в строгом смысле придворными и занимали особое место. Они не жили при дворе, в королевском дворце, но приезжали туда лишь для аудиенции у монарха либо по особому приглашению на балы, балеты, театральные представления и прочие придворные увеселения. Представительский статус послов находился в другой плоскости, нежели статусы обычных придворных. И имевшие место споры о статусе, как правило, возникали именно между самими послами, а не между послами и придворными. Тогда как ранги папского нунция, послов императора Священной Римской империи, Испании, Португалии, Венеции и Савойи были четко определены и у них не возникало претензий друг к другу, с послами Англии и Голландии дело обстояло не

так просто. Поэтому обычно послов приглашали на придворные мероприятия по отдельности, дабы избежать конфликтов⁴⁷⁴. Во время придворных церемоний послам отводились специальные места. Например, присутствовавшие на коронации Людовика XIV в 1654 г. папский нунций и послы Португалии, Венеции и Савойи сидели на отдельных скамейках в Реймском соборе. Король оказывал послам особую честь, приветствуя их. Однако, как отмечает Сенкто, это не дает повода выделять их среди остальных. Таким образом король просто выражал им почтение как представителям иностранных государств. Во время послекоронационного обеда для послов был выделен отдельный стол в том же помещении, где обедал сам монарх. Вместе с ними за одним столом сидел канцлер Сегье⁴⁷⁵.

Притом что послы стояли особняком и находились как бы вне придворной иерархии, они регулярно коммуницировали с двором. Чаще всего эта коммуникация осуществлялась через посредство посольского интродуктора, который должен был консультировать послов по вопросам этикета и церемониала и сопровождать их во время придворных церемоний. В литературе посольский интродуктор до сих пор рассматривался в основном именно как лицо, вводящее послов на аудиенцию к королю, но при этом в стороне оставалась проблема осуществления им связи между королем и представителями иностранных государств вне стен королевского дворца, тогда как эта функция была не менее значимой. Во время подобных «внедворцовых» контактов между иностранными послами и интродуктором неизбежно вставала проблема иерархии. В этом ключе должность посольского интродуктора еще не была изучена. Постановка вопроса о том, каким образом происходила иерархическая корреляция между интродуктором – придворным служащим – и иностранными послами, не являющимися в строгом смысле придворными, представляет интерес именно потому, что эти должности, по сути, находятся в разных плоскостях. С одной стороны, представитель дипломатического корпуса (посол), с другой – служащий, который не имеет прямого отношения к дипломатии, но занимается организацией церемоний (посольский интродуктор). Их взаимодействие фактически никак не затрагивает политических вопросов, но ограничивается исключительно вопросами церемониала и, как следствие, порождает проблему соотнесения статусов, старшинства (*préséance*). В условиях, когда нормы дипломатического этикета не были регламентированы никаким официальным документом и определялись

⁴⁷⁴ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 1093 – 1095, «Mémoires de M. de Saintot».

⁴⁷⁵ BnF. Département des Manuscrits. Fonds Français, vol. 14117. P. 1081 – 1084, «Mémoires de M. de Saintot».

установившейся традицией, как это было в XVII в., решение этих вопросов символического порядка зачастую вызывало серьезные трудности и приводило к спорам. Как же разрешались такие спорные ситуации между послами и посольскими интродукторами? Как соотносились эти должности между собой? И можно ли вообще говорить о понятии «старшинство» (первенство по рангу) применительно к паре «интродуктор – посол»?

Для поиска ответа на поставленные вопросы обратимся к спору о почестях, возникшему в 1695 г. между венецианским послом во Франции Николо Эриццо⁴⁷⁶ и посольским интродуктором Николя де Сенкто. Вкратце суть этого спора состояла в обсуждении вопроса о том, должен ли посол (в частности посол Венеции) оказывать почести интродуктору, принимая его в своих апартаментах.

Не вдаваясь пока в подробности, следует пояснить, в чем заключается преимущество рассмотрения именно этого спора. Во-первых, это один из имевших место многочисленных споров по поводу церемониала и один из немногих, дошедших до нас фактически полностью в изложении самих участников (причем обеих сторон), а не в чьем-либо пересказе. Мы узнаем о нем из записок, которые Эриццо и Сенкто посылали королю (оба адресанта в своих записках обращаются к Его Величеству, приводя аргументы в свою пользу). Однако содержание этих записок таково, что каждая новая записка посольского интродуктора выглядит как ответ на записки посла, и в результате подача жалоб на имя короля приобрела характер косвенной переписки. Рукописные копии указанных записок приведены в «Журнале приемов...»⁴⁷⁷ Сенкто и расположены именно так, как если бы это была переписка полемизирующих сторон (сначала приводится записка посла, затем следует ответ интродуктора, потом – вновь записка посла и т.д.).

Во-вторых, на примере частного случая (спора между послом Венеции и интродуктором) можно попытаться проследить в целом систему взаимоотношений послов и интродуктора. Авторы записок, приводя доводы в подтверждение своей позиции, неоднократно ссылаются на различные прецеденты, случавшиеся в прошлом, но по-своему их интерпретируют. И здесь встает вопрос: кто же прав в этом споре? Должен ли посол оказывать почести интродуктору, когда тот наносит ему визит от лица короля, или нет? И возможно ли вообще говорить о существовании абсолютной нормы при решении вопросов подобного рода?

⁴⁷⁶ Николо Эриццо (*Nicolo Erizzo*) – венецианский посол во Франции в 1694–1699 гг.

⁴⁷⁷ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms 725 : «Journal des réceptions, audiences, visites des princes et ambassadeurs étrangères à la cour de France et du cérémonial qui y fut observé» (далее – Journal).

Спор между Сенкто и Эриццо возник, когда интродуктор пришел в дом к послу Венеции с подарком от короля по случаю крестин дочери посла (крестным отцом был сам король). Недовольство Эриццо состояло главным образом в том, что посольский интродуктор требовал оказать ему те почести, которые венецианские послы, по мнению Эриццо, никогда не оказывали интродукторам, а именно:

- принимая у себя интродуктора, посол должен пропустить его вперед;
- интродуктор, нанося визит послу от лица короля, имеет право сидеть в его [посла] присутствии.

При этом Эриццо выделяет два момента: притязания интродуктора вообще (т.е. по отношению ко всем послам, находящимся при французском дворе) и конкретный случай, послуживший непосредственным поводом для спора⁴⁷⁸. Описывая этот случай, Эриццо говорит, что г-н Сенкто, входя в апартаменты посла, прошел вперед, а затем сел в кресло, как он это делал неоднократно в подобных случаях. Однако в этот раз ситуация осложнялась тем, что в это же время у посла находился папский нунций. И в записке Эриццо подчеркивает, что был оскорблен таким поведением г-на Сенкто, позволившего присвоить себе почести, которые в общем-то ему не полагались, в присутствии нунция⁴⁷⁹.

Из вышесказанного видно, что практика оказывать, пусть и вынужденно, с явным неудовольствием, почести интродукторам, когда они наносили визиты послам, все же имела место. И это относится не только к послам Венеции. Так, в упомянутом выше трактате Викфора находим эпизод, связанный с посольским интродуктором и английским послом во Франции, когда однажды (речь идет о времени министерства кардинала Ришельё) занимавший тогда должность интродуктора г-н Берлиз⁴⁸⁰, прежде чем отправиться по поручению короля к английскому послу виконту Скудамору⁴⁸¹, поинтересовался у своего помощника Жиро⁴⁸², примет ли его посол так же, как другие послы принимают других интродукторов, имея в виду оказание почестей. Жиро, большой знаток дипломатического церемониала, ответил, что в этом не следует сомневаться. Однако посол Англии отказался оказывать почести Берлизу, сославшись на то, что его предшественник, оказавший подобные почести интродуктору (в частности пропустив его вперед на входе и позволив сесть), получил за это выговор от

⁴⁷⁸ Journal. f° 339.

⁴⁷⁹ Journal. f° 416, 418.

⁴⁸⁰ Николя Фор де Берлиз (*Nicolas Faur de Berlize*) – посольский интродуктор в 1635–1671 гг.

⁴⁸¹ Джон Скудамор (*John Scudamore*) – английский посол во Франции в 1635–1639 гг.

⁴⁸² Рене Жиро (*René Girault*) – секретарь-сопроводитель послов (*secrétaire à la conduite*) с 1625 по 1697 г.

английского короля. В итоге единственное, чего был удостоен Берлиз, так это того, что после приема посол проводил его до кареты. Такое обращение вызвало сильное негодование интродуктора, и он отказался впредь приходить на приемы к Скудамору. Узнав о случившемся, кардинал Ришельё одобрил решение Берлиза, отметив, что тот поступил правильно, отстояв тем самым достоинство своей должности⁴⁸³.

Разбирая этот случай, Викфор приходит к выводу о том, что вопрос о почестях в разных странах имеет разную традицию, от которой и зависит позиция посла, представляющего государя этой страны при французском дворе. Так, в Англии церемониймейстер, выполнявший, кроме прочего, функции, которые во Франции выполнял посольский интродуктор, всегда уступал первое место иностранным послам, когда они принимали его у себя, и поэтому английские послы стремились к такому же образу действий и в отношениях с французским интродуктором.

В связи с этим вставал сложный вопрос: обычаи какого двора следует считать определяющими церемониальные отношения между послом и интродуктором? Особая трудность состояла в том, что эти весьма запутанные нормы не регламентировались никакими официальными документами, и в каждом спорном случае для его разрешения обращались либо к наиболее сведущим специалистам по церемониалу (таким, как Жиро), либо, позднее, к дипломатическим трактатам, которые начали появляться только в конце XVII в., что тем не менее не являлось гарантией безоговорочного разрешения противоречия. Неудивительно поэтому, что г-н Сенкто выступил с требованием оказания почестей интродуктору, ссылаясь на французский обычай. В одном из ответов венецианскому послу он приводит в качестве примера тот факт, что французские послы при испанском и португальском дворах всегда оказывают означенные почести лицам, исполняющим роль интродукторов, принимая их у себя⁴⁸⁴. При этом требование Сенкто носит довольно умеренный характер. Оно не касается придворных церемоний (в частности, аудиенций и прочих мероприятий, проходящих при дворе, в которых участвуют послы, как-то: свадьбы, церемонии *lever* и *coucher* и др.), во время которых интродукторы не претендуют на почести со стороны послов, но наоборот, сами уступают им. Сенкто пишет, что интродукторы вовсе не претендуют ни на первенство, ни на равенство с послами. Он настаивает на оказании почестей со

⁴⁸³ Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1682. Livre 1. P. 398. Викфор приводит этот эпизод по рукописи «Мемуаров» Берлиза: *Berlize F. Mémoires de Monsieur de Berlize, Introduteur des Princes Etrangers et Ambassadeurs à la Cour de France depuis l'an 1639 jusqu'en 1663.*

⁴⁸⁴ Journal. f° 348.

стороны послов исключительно в тех случаях, когда интродуктор от лица короля приходит с визитом в апартаменты посла. И это требование, как утверждает Сенкто, не связано с придворной иерархией должностей, а основывается на стремлении, чтобы послы, принимая интродукторов и оказывая им почести своего дома, соблюдали тем самым всего-навсего правила приличия⁴⁸⁵.

Отстаивая право интродуктора на почести, Сенкто ссылается также на венецианскую традицию. Он отмечает, что послы Венеции, служащие в Испании и Португалии, оказывают почести кондуктору или другому лицу, который исполняет его обязанности. И в связи с этим Сенкто не видит причин, почему посол Венеции, находящийся при французском дворе, не должен оказывать почести интродуктору. Сенкто пишет: «... в Испании французские послы пропускают вперед интродукторов и, следовательно, справедливо, чтобы его тоже пропускали, т.к. он оффисье христианнейшего короля, первенство которого неоспоримо признано всеми дворами»⁴⁸⁶. Кроме того, французские послы в Венеции тоже оказывали почести кавалеру Золотой толы, исполнявшему функции интродуктора Светлейшей Республики. Таким образом, спор о почестях имеет характер не просто частного конфликта между послом и интродуктором, но становится вопросом государственного престижа.

Посол Эриццо, несмотря на свою убежденность, что послы не должны оказывать интродуктору почести, на практике все же неоднократно оказывал их интродуктору, как он сам об этом говорит. И это было заслугой Сенкто, который проявлял в этом вопросе особенную настойчивость и отстаивал права и честь своей должности. Эриццо в свою очередь расценивал оказание почестей интродуктору как явное умаление статуса посла. И если он мог пойти на подобное унижение *tête-à-tête*, то в присутствии третьего лица это становилось невозможным и привело к открытому скандалу. Эриццо посчитал недопустимым и даже оскорбительным оказывать интродуктору почести в присутствии представителя «первого принца христианского мира». Присутствие нунция стало последней каплей, переполнившей чашу терпения посла, после чего он заявил, что если и случалось, что послы оказывали почести интродуктору, то это были лишь инциденты, которые нельзя рассматривать в качестве образца. Наоборот, это, по его мнению, серьезное нарушение прав послов и принижение его должности.

⁴⁸⁵ Journal. f° 416.

⁴⁸⁶ Journal. f° 371, 373.

В доказательство своего права Эриццо ссылается на трактат Викфора, на уже рассмотренный нами пример с интродуктором Берлизом и английским послом. «Берлиз, – пишет Викфор, – шел к послу [Скудамору – *М.Ш.*] как оффисье короля *по долгу своей службы*, таким образом, он не может рассматриваться так же, как рассматривался бы первый камер-юнкер, гардеробмейстер или какой-то другой оффисье Дома короля, которого использует король, чтобы оказать внимание послу. Этот оффисье [имеется в виду именно один из названных оффисье Дома короля, но не интродуктор – *М.Ш.*] является представителем [короля – *М.Ш.*] и, будучи кем-то вроде посла, должен рассматриваться как человек короля. Но я не думаю, – продолжает Викфор, – что то же можно сказать об интродукторе, который лишь выполняет те функции, к которым его обязывает занимаемая должность»⁴⁸⁷. Из этого довольно запутанного отрывка понятно, что Викфор ставит посольского интродуктора особняком от прочих оффисье, которые могут быть отправлены королем к послам с каким-либо поручением. Поскольку эти оффисье, например первый камер-юнкер или кто-либо другой, будучи отправлены к послу, выполняют задание, не связанное с родом их основной деятельности, т.е. по сути выходящее за рамки их должностных обязанностей, они могут претендовать на почести со стороны принимающего их посла. Интродуктор же, направляясь к послу, исполняет лишь то, к чему его обязывает занимаемая должность, – выступает в качестве посредника между двором и иностранными послами, – и поэтому вопрос о почестях остается спорным. Однако у Викфора нет конкретного указания на то, что интродукторы лишены этого права, и ссылка венецианского посла на этот фрагмент выглядит не вполне оправданной. Более того, немного выше Викфор пишет о том, что в каждой стране существуют свои обычаи и что если в Англии церемониймейстер не пользуется привилегиями у иностранных послов, то во Франции интродуктор вправе их себе требовать. И поэтому Сенкто с полной уверенностью в своей правоте заявляет, что знаки почтения, которые должны оказывать послы тем, кто наносит им визит от лица короля, не могут зависеть от того, является ли этот визит особым поручением или же обычным исполнением должностных обязанностей. Критерием служит лишь то, что визит совершается от лица Его Величества⁴⁸⁸.

Но Эриццо трактует этот пассаж несколько иначе. Он убежден, что венецианские послы всегда обладали правом (*en possession constante*) принимать у себя интродукторов, не пропуская их вперед. Его главным аргументом является

⁴⁸⁷ Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. Livre 1. P. 398 – 399.

⁴⁸⁸ Journal. f° 394.

утверждение, что только послы, выполняющие репрезентативную функцию, т.е. представляющие своих государей, могут обладать этими привилегиями, в то время как интродуктор лишь служит королю, но не представляет его. Как пишет Эриццо, у короля при дворе есть огромное число оффисье, т.е. лиц, которые служат королю, но нет никого, кто бы представлял его, т.к. он [король] присутствует там собственной персоной⁴⁸⁹.

Таким образом, Эриццо выдвигает проблему глубокой разницы между тем, чтобы служить королю, и тем, чтобы представлять его. При этом исключительным правом представительских функций обладают, по его мнению, послы. Для понимания этого тезиса необходимо разобраться в том, что собой представляла фигура посла. По этому поводу интересное наблюдение сделал французский исследователь С. Вассер. Вспоминая теорию Э. Канторовича о «двух телах короля»: естественном (или физическом) и политическом, – о смертном и бессмертном, сочетающихся в личности короля, и анализируя связь этой теории с дипломатией, Вассер приходит к выводу, что посол, представляя государя при иностранных дворах, является носителем определенной части своего суверена, а именно его политического (бессмертного) тела. И принимая посла, иностранный государь видит в нем именно этот символический образ, представителя политического тела монарха⁴⁹⁰. Если принять эту точку зрения, становится понятной позиция венецианского посла, который настаивает на чрезвычайной важности разделения понятий простой службы и исполнения репрезентативной функции. Несмотря на то что Венеция была республикой, ее послы рассматривались во Франции как представители коронованных особ, хотя и последние в ряду прочих⁴⁹¹. Таким образом, разница в положении между послами и интродуктором не сводится, по мнению Эриццо, только к вопросу о служебной придворной иерархии. Посол, отправляя свои обязанности, безусловно, тоже служит монарху, как и прочие оффисье, но при этом его репрезентативная функция подразумевает нечто большее: он наделен не просто полномочиями представлять государя, но и составляет как бы часть его политического тела. Эту разницу между служением и репрезентацией, носящую символический характер, можно выразить в следующей формуле:

⁴⁸⁹ Journal. f° 349.

⁴⁹⁰ Vasseur S. La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les *Mémoires* du baron de Breteuil (1699–1715) : Mémoire de Master 2 en Histoire. Paris, 2011–2012. P. 96 – 97.

⁴⁹¹ Dumont J., Rousset de Missy J. Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam – La Haye, 1739. T. 4. (далее – *Dumont J. Supplément*) P. 51.

представлять – значит *быть носителем* монаршей воли, служить – значит *исполнять* волю монарха.

В своем споре с Сенкто венецианский посол довольно ловко использует это разделение службы и репрезентации в свою пользу. Сенкто, в свою очередь, тоже признает подобное разделение, однако не считает его критерием, которым определяется оказание почестей или отказ в них тому или иному лицу. Во-первых, Сенкто отмечает, что г-н Эриццо чрезвычайно сокращает круг лиц, которые могут представлять короля, ограничивая его лишь послами. При этом сам Сенкто ссылается на уже приводимый выше отрывок из Викфора, из которого следует, что своими представителями король может назначить для исполнения определенных поручений некоторых должностных лиц своего Дома. Во-вторых, Сенкто соглашается с тем, что интродуктор по роду своей деятельности не входит в их число, но это нисколько не отнимает у него права на получение почестей.

Позиция Сенкто, состоящая в том, что представительские функции не влияют на право получать почести, выглядит еще более убедительной, если обратиться к примеру церемонии официального въезда посла в Париж. Согласно установившейся традиции, сразу после этой церемонии послы, прибыв в свои апартаменты, принимают у себя первого камер-юнкера, которого король отправляет в качестве своего представителя для поздравления посла. По этому случаю посол оказывает первому камер-юнкеру почать, пропуская его вперед при входе в залу для приема. Однако в аналогичной ситуации с нунцием первый камер-юнкер не удостоивается этой почести⁴⁹². Это объясняется тем, что нунций занимает более высокое положение по отношению к обычным послам, являясь представителем папы, главы христианского мира, и поэтому он, в отличие от других послов, не оказывает почестей представителю короля и не пропускает его вперед при входе.

Этот пример, с одной стороны, показывает, что действительно круг представителей короля, вопреки утверждению Эриццо, не ограничивается только послами. Если послы выполняют репрезентативную функцию за границей, то внутри королевства монарх также вправе назначить своего представителя для поручения ему какого-либо задания (как в случае с первым камер-юнкером), и это вовсе не противоречит тому, что король собственной персоной присутствует при дворе. С другой стороны, становится ясно, что представительские функции действительно не являются условием оказания почестей. Первый камер-юнкер, который одинаково

⁴⁹² ААЭ. Mémoires et documents, fonds France, vol. 1830, f° 35, 168, «Cérémonial – 1558 à 1704 – Mémoires et relations de M. de Saintot».

выступает в качестве представителя короля как в ситуации с обычными послами, так и с нунцием, удостоивается почестей в первом случае и не удостоивается их во втором. Таким образом, утверждение Эриццо о том, что интродуктор не представляет короля, но только служит ему (с чем, впрочем, согласен и сам Сенкто), вовсе не лишает интродуктора права на почести.

Очередной аргумент Эриццо в пользу того, что интродуктору не следует оказывать почести, связан с еще одной категорией дипломатических служащих – иностранными посланниками, т.е. представителями иностранных государей более низкого ранга, чем послы. Эриццо утверждает, что посланники во всем уступают послам и не претендуют на почести со стороны послов. При этом в ряду должностей «*посол – посланник – интродуктор*» Эриццо последнее место отводит интродуктору и говорит, что если посланники не претендуют на почетное место в доме посла, то интродукторы вовсе не могут на него рассчитывать.

Утверждение Эриццо о четко установленной иерархии между послами и посланниками верно лишь отчасти, а именно, когда речь идет о сравнении положения послов и посланников одного порядка: посланник коронованной особы всегда занимает более низкое место на иерархической лестнице по отношению к послу коронованной особы. Однако проблема усложняется, когда встречаются дипломаты разного порядка, когда, например, происходит коммуникация между *послами некоронованной особы* (Венеция, Савойя, Голландия и др.) и *посланниками коронованной особы*. В этой ситуации посланники претендовали на то, чтобы послы оказывали им почести, в частности, пропускали их вперед, принимая у себя. Во Франции этот вопрос решался таким образом, что посланники коронованных особ в большинстве случаев просто не ходили к послам некоронованных особ⁴⁹³, поскольку последние не соглашались на требования первых. Сенкто в одной из своих записок отмечает, что оказания почестей со стороны венецианского посла добивались посланники Португалии и Дании, а кроме того даже посланник Флоренции, хотя он и не являлся посланником коронованной особы⁴⁹⁴. Требование посланников предоставлять им почетное место становится в контексте рассматриваемого спора тем более важным, что Сенкто, в отличие от Эриццо, ставит на иерархической лестнице должность посольского интродуктора выше должности посланника, и в связи с этим его претензия к послу Венеции выглядит вполне логичной.

⁴⁹³ Dumont J. Supplément. T. 4. P. 117.

⁴⁹⁴ Journal. f° 358.

Доказывая более значимое положение интродуктора по отношению к посланникам, Сенкто обращается к примерам публичных придворных церемоний, как-то: коронация, свадьбы, похороны, *Te Deum*. На всех этих церемониях, отмечает Сенкто, интродуктор сидит на той же скамье, что и послы коронованных особ, имея, как и они, подушечку, в то время как все посланники, а также послы некоронованных особ находятся сзади на отдельных скамейках. Кстати сказать, именно по этой причине посол Венеции не присутствовал на коронации Людовика XIV в 1654 г.: несмотря на то что венецианские послы рассматривались как представители коронованных особ, послу было отведено место на задней скамейке, чему он воспротивился и не пошел на церемонию. Кроме того, на обеде после коронации интродуктор обедает вместе с послами в той же зале, где и король, и сидит за столом напротив канцлера⁴⁹⁵.

Однако г-н Эриццо, который, как отмечает в своих мемуарах посольский интродуктор Бретеи, был довольно сложным человеком и одним из самых несговорчивых в вопросах церемониала послов, которых когда-либо направляли из Венеции во Францию⁴⁹⁶, не был удовлетворен доводами Сенкто. Теперь для доказательства верности своей точки зрения он прибегает к сравнению полномочий испанского кондуктора и французского интродуктора. Выше уже упоминалось о том, что в Испании кондуктор пользовался почестями со стороны всех иностранных послов (в том числе венецианского и французского), на что, по мнению Эриццо, не мог претендовать французский интродуктор. Посол Светлейшей Республики отмечает, что даже разница названий этих должностей неслучайна: испанское наименование *conductor* отражает более широкие полномочия, а следовательно, более почетный статус по отношению к французскому *introduceur*. Главная функция кондуктора Испании, как полагает Эриццо, состоит не только в том, что он вводит иностранных послов на аудиенции, но еще и представляет их королю. Во Франции же имеется специальное лицо (иностранный принц или маршал Франции), которое официально назначается, чтобы сопровождать посла во время аудиенции, и выступает неким символическим посредником между послом и монархом, в то время как сопроводительная функция интродуктора сводится к тому, чтобы следить за правильностью выполнения деталей церемониала⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ Journal. f° 356, 358. См. об этом также в: *Duffo F. Le sacre de Louis XIV à Reims le 7 juin 1654*. Paris, 1935. P. 45.

⁴⁹⁶ BnF – Bibliothèque de l’Arsenal, Ms 3860, f°261, Mémoire du baron de Breteuil.

⁴⁹⁷ Journal. f° 385.

Этот аргумент венецианского посла вызывает крайнее недоумение г-на Сенкто, который полагает, что разница в названиях либо вовсе ничего не значит, либо, если уж судить по точному значению наименований, интродуктор во Франции неизбежно должен иметь более высокий статус, нежели кондуктор в Испании: слово «интродуктор», по мнению Сенкто, имеет более широкий смысловой охват, чем «кондуктор», т.к. гораздо важнее вводить (*introduire*) кого-либо к кому-либо, нежели просто вести (*conduire*)⁴⁹⁸. Оба эти довода (посла и интродуктора), основанные на притянутой за уши лингвистической игре, выглядят весьма сомнительными. Зато следующий довод, который приводит Сенкто, очевидно демонстрирует то, что Эриццо или недостаточно хорошо знал испанский церемониал, или же умышленно говорил неправду с целью оправдать свою позицию. Во-первых, в Испании, точно так же как и во Франции, кондуктор не представляет посла королю, но лишь сопровождает его во время аудиенции. Во-вторых, испанский кондуктор ведет посла к королю не один, а вместе с мажордомом, подобно тому как во Франции посла сопровождают интродуктор и иностранный принц или маршал Франции⁴⁹⁹.

Содержанием последнего пункта спора посла Венеции и интродуктора стала материальная составляющая. Так, г-н Эриццо утверждает, что посольский интродуктор не имеет права претендовать на почести еще и потому, что он состоит на содержании у послов⁵⁰⁰. Действительно, основную статью доходов посольских интродукторов составляли вознаграждения, преподносимые им иностранными дипломатами. Но важно заметить, что интродукторы никогда не получали от послов денег напрямую, а лишь в виде подарков, которые впоследствии можно было обналичить. Дело в том, что иностранные послы, получая подарок от короля, должны были сделать ответный презент посольскому интродуктору, эквивалентный по стоимости подарку, полученному от Его Величества. При этом послы не имели права заменять подарок денежным вознаграждением. Справедливо ли, учитывая это, говорить о том, что интродукторы состояли на содержании у послов? Как пишет Сенкто, если получение подарка называть нахождением на содержании, то надо думать, что послы в свою очередь находятся на содержании у короля⁵⁰¹, при дворе которого они служат, но это абсурдно. Под содержанием понимается все же некий постоянный доход, в то время как подарки делаются от случая к случаю, а чисто теоретически могут и вовсе не делаться, и тогда ни о каком содержании говорить уж

⁴⁹⁸ Conducir – *исп.* вести; *introduire* – *фр.* вводить. Отсюда соответствующие названия должностей.

⁴⁹⁹ Journal. f° 386, 388, 390.

⁵⁰⁰ Journal. f° 415.

⁵⁰¹ Journal. f° 418.

точно не придется. Поэтому и этот довод Эриццо выглядит, по мнению Сенкто, не вполне оправданным.

Одной из главных задач г-на Эриццо было поддержание и повышение престижа своей республики при французском дворе за счет укрепления позиций посла (в том числе в форме символической – церемониальной). Стоит заметить, что послы Венеции занимали особое место при французском дворе. На это указывает уже то, что король традиционно был крестным отцом их сыновей, рожденных во Франции⁵⁰², а в случае с Эриццо – и дочери. За время пребывания во Франции Эриццо удалось на практике добиться признания за послами Венеции статуса представителей коронованной особы (прежде этот статус признавался за ними лишь теоретически). Если раньше послов Венеции во время их первой и последней аудиенции сопровождал маршал Франции, то Эриццо на его последней аудиенции (*audience de congé*) в 1699 г. сопровождал, как и всех послов коронованных особ, иностранный принц. Впоследствии этот случай стал рассматриваться как прецедент.

Ту же самую цель укрепления своего статуса преследовал венецианский посол и в споре с интродуктором Сенкто. В целом взаимодействие посольского интродуктора с послами неизбежно порождало столкновение разных, зачастую прямо противоположных интересов. С одной стороны, интродуктор, отстаивая свой статус, выступал в качестве защитника и гаранта французской традиции, с другой стороны, иностранные послы пытались различными способами отстоять превосходство своего статуса.

Уже тот факт, что диалог между послами и интродукторами включал в себя в числе прочего и разговор о соотношении статусов, ярко демонстрирует то, что, несмотря на, казалось бы, разную природу этих должностей, определение *préséance* (или старшинства) было одной из самых насущных проблем. Интродукторы вовсе не претендовали на превосходство и даже на равенство с иностранными послами в дипломатической иерархии. И это вполне отчетливо обозначено в позиции Сенкто. Более того, когда речь шла о церемонии королевской аудиенции, во время которой интродуктор выполнял по сути вспомогательную функцию, его положение ограничивалось ролью проводника посла. Другое дело, что интродукторы стремились добиться большей ясности в вопросе о соотношении их статуса с иностранными послами тогда, когда они являлись полноправной стороной, а именно во время приемов у послов. Здесь интродуктор предстает уже не просто как

⁵⁰² Moser F. L'ambassadrice et ses droits. Berlin, 1754. P., 169.

посредник, но как лицо, исполняющее поручение короля и наделенное определенными полномочиями.

Трудность решения вопроса о статусе между интродуктором и послами состояла в том, что должность интродуктора была должностью придворной и не имела репрезентативной функции, в то время как послы являлись представителями иностранных государей, не будучи придворными в классическом понимании (поскольку они не были подданными французского короля). На уровне церемониала вопрос о статусе решался посредством оказания тех или иных почестей. Существовало несколько точек зрения по поводу того, что является критерием при решении вопроса об оказании почестей. Одна из них состояла в том, что право на почести – это прерогатива тех, кто выполняет представительскую функцию (на этом настаивал Эриццо). Другая – в том, что каждый, кто исполняет поручение короля, имеет право на почести (Берлиз, Сенкто). Позиция посла Венеции выглядит не совсем последовательной: в течение долгого времени он принимал у себя Сенкто и, хотя и скрепя сердце, оказывал ему почести; фактически только присутствие нунция заставило его возмутиться. Однако ни одна из названных точек зрения не находит абсолютного подтверждения на практике. Действительно, четкого механизма, который позволил бы понять, кто в данном случае прав, просто не существовало. Слишком уж много интересов было завязано в этом, на первый взгляд, несущественном споре: и, очевидно, личностный конфликт Сенкто и Эриццо, и проблема соотношения статусов интродуктора и посла, и, как следствие, более широкий вопрос государственного престижа. Каждый со своей стороны стремился распутать этот узел противоречий по-своему, с выгодой для себя. Тогда как посол старался отстоять свой престижный статус, деятельность посольского интродуктора была направлена на закрепление своего права на привилегии, что позволило бы ему занять более определенное место по отношению к иностранным послам в пространственной системе координат.

Конфликт, возникший между венецианским послом и посольским интродуктором, выходит за рамки традиционного спора придворных о статусе и вписывается в круг более широких проблем – иерархии дипломатических рангов и того, какие представления о ней существовали при европейских дворах. Участие в спорах о дипломатической иерархии посольского интродуктора – одного из королевских оффисье – и практическая невозможность выстроить сколько-нибудь четкую схему церемониальных отношений между ним и иностранными дипломатами ярко демонстрируют, насколько запутанной и до конца неопределенной была эта

иерархия в силу наличия различных точек зрения. Вряд ли можно говорить о каком-либо линейном старшинстве в вопросе иерархической корреляции интродукторов и иностранных послов и посланников в то время, когда между самими дипломатами сохранялись серьезные противоречия, касающиеся старшинства рангов.

3.3. Дворцовое пространство как часть церемониального языка

Одна из основных задач пышных дипломатических церемоний состояла в том, чтобы произвести максимально эффектное впечатление, удивить, поразить их участников и публику богатством и роскошью, внушить идею достоинства власти. Для этого прибегали к различным методам: оказание или лишение тех или иных почестей, титулы-обращения, жестикуляция и т.д., о чем уже шла речь выше. Не менее действенным способом произвести впечатление была пространственно-визуальная составляющая церемониала. Организация пространства королевского дворца или посольской резиденции, служивших местом проведения церемоний, играла огромную роль и являлась важнейшим элементом символической коммуникации.

Людовик XIV находился в центре дипломатической жизни европейских стран, государи которых были связаны друг с другом сложными династическими связями и формировали одну большую семью. Практически все правители стремились отправить к королю Франции своих представителей, а король, склонный к упорядочению и систематизации, в свою очередь, посредством приемов и почестей с азартом занимался стратификацией дипломатов и их государей в соответствии со своим собственным представлением о европейской иерархии подобно тому, как он классифицировал французское дворянство, одаривая своим вниманием наиболее приближенных и обделяя им неугодных. По образному выражению Ж. Сабатье Людовик XIV, давая аудиенции, выступал в качестве арбитра рангов в Европе⁵⁰³.

Наиболее торжественные аудиенции (первая и последняя) проходили в спальне короля (*chambre de parade*), возле его кровати (*à la ruelle*) в присутствии многочисленных придворных. Спальня короля была главным местом приемов во дворце. Одним из элементов интерьера, символизирующих самый высокий статус и выражающих идею суверенитета, был балдахин – матерчатый навес над тронem или

⁵⁰³ Sabatier G. Les itinéraires des ambassadeurs pour les audiences à Versailles au temps de Louis XIV // *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / R. Kauz, G. Rota et J.P. Niederkorn (dir.) Vienne, 2009. P. 189.

ложем. В королевских резиденциях право иметь балдахин имели только члены королевской семьи. Наряду с балдахином важным элементом интерьера являлась балюстрада – ограждение, отделявшее кровать от остального пространства комнаты. Привилегия иметь балюстраду была закреплена за королем, принцами крови, а также герцогами. Никому не позволялось наклоняться за балюстраду или садиться на нее⁵⁰⁴. Балюстрада отделяла пространство, где находилась кровать, от остальной части спальни. В королевском дворце, доступ в который во Франции, в отличие от других стран (например, Испании, Англии), был открыт фактически для всех желающих⁵⁰⁵, это пространство за балюстрадой в королевской спальне (альков) было сакральным: право заходить туда считалось большой честью и предоставлялось только наиболее приближенным к королю лицам. Именно в алькове король обычно принимал и европейских послов.

25 сентября 1645 г. в спальне короля во дворце Фонтенбло был зачитан брачный контракт, заключенный между французской принцессой Марией Луизой де Гонзага-Невер и польским королем Владиславом IV, сторону которого представлял его брат Ян Казимир. Во время этой церемонии посол и новобрачная находились за балюстрадой вместе с королевской семьей (Людовик XIV, Анна Австрийская, герцог Анжуйский⁵⁰⁶). Также за балюстрадой были государственный секретарь, капитан гвардейцев, гувернантка 7-летнего короля и привратники спальни, тогда как кардинал Мазарини вместе с другими придворными стоял перед балюстрадой (см. *прилож. 15*). Впоследствии, когда Людовик XIV, достигнув совершеннолетия и, после смерти Мазарини, взяв бразды правления в свои руки, активно занялся регламентацией придворной жизни, доступ в альков был еще более ограничен. Во время публичных аудиенций король принимал послов, сидя в кресле, расположенном возле его кровати, в окружении принцев крови, обер-камергера, камер-юнкеров и гардеробмейстеров. Кроме них за балюстраду мог заходить только посол. Остальным лицам, в том числе сопровождавшим посла, а также государственному секретарю иностранных дел, вход туда был закрыт (см. *прилож. 16*).

29 июля 1664 г. Людовик XIV принял в своей спальне в Фонтенбло папского легата кардинала Флавио Киджи, который прибыл во Францию согласно условиям Пизанского договора, чтобы лично передать королю извинения папы за оскорбления,

⁵⁰⁴ Courtin A. de. Nouveau traité de la civilité. Paris, 1672. Цит. по: Franklin A. La civilité, l'étiquette, le bon ton, la mode, du XIIIe au XIXe siècle. Paris, 1908. Vol. 2. P. 252.

⁵⁰⁵ Louis XIV. Mémoires pour l'instruction du dauphin. Paris, 1992. P. 133 – 136.

⁵⁰⁶ Филипп, брат короля, будущий герцог Орлеанский.

нанесенные французскому послу в Риме. Как и полагалось в случаях приемов послов, Людовик XIV принял кардинала за балюстрадой. Но примечательно то, что оба – и король, и папский легат, – во время церемонии сидели в креслах друг напротив друга, в то время как в обычных случаях послы стояли перед королем (см. *прилож. 3, рис. 1 – 3*). Это исключение объясняется особым статусом кардинала, который имел ранг не обычного нунция, а легата (*подробнее о приеме легата см. в главе 1*).

Некоторые публичные аудиенции проходили в большом кабинете короля. Уже упоминавшаяся аудиенция «смирения» испанского посла маркиза де ла Фуэнте состоялась именно в этой комнате в Лувре в 1662 г. Обычно же в кабинете король давал частные и секретные аудиенции послам европейских государей.

Аудиенции испанскому послу и папскому легату были важнейшими приемами, обозначившими резкий поворот в политике Людовика XIV: отныне он намеревался самостоятельно заниматься всеми делами и принести славу своей короне. Об этих намерениях короля должна была узнать вся Европа. Впоследствии сюжеты искупительных посольств Испании и Рима будут использованы для украшения самых масштабных интерьеров королевского дворца в Версале – Зеркальной галереи и Лестницы послов.

Начало «великого» царствования, каковым хотел представить Людовик XIV свое правление, ознаменовали грандиозные строительные работы: увеличение Лувра, реконструкция Тюильри, переустройство Фонтенбло и Сен-Жермена, наконец, строительство Версаля. Многочисленные представители иностранных государей, регулярно приезжавшие во Францию, безусловно, были одними из главных адресатов этих внушительных монументальных «посланий». По данным Сенкто, всего за 7 лет (из 54 лет личного правления) с 1692 по 1698 г. король дал 91 аудиенцию иностранным дипломатам⁵⁰⁷. Увидев собственными глазами блеск французского королевского двора, они должны были рассказать о нем своим соотечественникам.

Версальский дворец, спроектированный архитектором Луи Лево, имел симметричное устройство: с одной стороны (северной) располагались покои короля, с другой (южной) – покои королевы. И в те и в другие с королевского двора вели парадные лестницы. Лестница короля получила наименование лестницы послов (*escalier des Ambassadeurs*), а лестница королевы после смерти Марии-Терезии стала называться мраморной (*escalier de Marbre*). Как правило, путь европейских послов и

⁵⁰⁷ Данные приводятся по: *Sabatier G. Op. cit. P. 189.*

посланников по дворцу к месту проведения аудиенции начинался именно с мраморной лестницы, в то время как исключительные, в том числе восточные посольства начинали шествие от более торжественной лестницы послов (см. *прилож. 17, схема 1 и прилож. 18*).

Поднявшись по мраморной лестнице, европейские послы должны были пройти через зал гвардейцев (*salle des Gardes*) и два антишамбра⁵⁰⁸, после чего они сразу оказывались в королевской спальне, где их ожидал король. В комнатах, через которые проходили послы, были открыты обе створки дверей, в то время как для посланников, стоявших ниже по рангу, открывали только одну створку. В ходе реконструкции в 1701 г. второй антишамбр был объединен с королевской спальней. Этот вновь созданный зал, получивший название «Бычий глаз» (*antichambre de l'Œil-de-bœuf*), вел в новую спальню, которая заняла место бывшего салона короля (*salon du roi*) и стала располагаться на центральной оси архитектурного пространства дворца. Прodelав тот же маршрут и пройдя чуть дальше, через спальню и салон короля (а с 1701 г. только через спальню), посетители оказывались в кабинете Совета (*Grand cabinet*, или *cabinet du Conseil*), где проходили частные и секретные аудиенции послам (см. *прилож. 17, схема 2A*). Для секретных аудиенций или аудиенций, дававшихся лицам в статусе инкогнито, существовал иной путь в кабинет. Послы входили во дворец со стороны сада через покои графа Тулузского⁵⁰⁹, располагавшиеся на первом этаже под Большими апартаментами короля, с которыми их связывала потайная лестница. Поднявшись по этой лестнице, послы через переднюю для собак (*cabinet des Chiens*) попадали непосредственно в кабинет короля (см. *прилож. 17, схема 2B*). Этот самый короткий маршрут до королевского кабинета описывает Бретей, когда рассказывает о приеме в 1704 г. герцога Мантуи, инкогнито прибывшего в Версаль под именем маркиза де Сан-Сальвадора⁵¹⁰.

Отдельно стоит остановиться на маршрутах, по которым следовали восточные послы в Версале. Визиты дипломатов из стран Востока стали характерной чертой французской дипломатической жизни в правление Людовика XIV. Посольства из далеких восточных государств – Сиам, Персии, Московии (последнюю во Франции

⁵⁰⁸ Первый антишамбр – салон Большого столового прибора (*Grand couvert*), здесь король публично обедал; второй – антишамбр Бассано (*antichambre des Bassans*), украшенный картинами венецианского художника Якопо Бассано.

⁵⁰⁹ Луи-Александр де Бурбон (1678 – 1637), с 1681 г. граф Тулузский – внебрачный сын Людовика XIV и его фаворитки, маркизы де Монтеспан. Граф занимал покои на первом этаже в северной части Версаля с 1696 г.

⁵¹⁰ Breteuil, baron de. *Mémoires*. Paris, 1992. P. 166 – 167.

XVII в. рассматривали именно как восточную, азиатскую страну⁵¹¹) – были в то время новинкой, и, хотя их количество постепенно увеличивалось, они выделялись на фоне регулярных европейских дипломатических миссий. Поэтому приемы таких посольств превращали в настоящие театрализованные действия. Все служило тому, чтобы произвести максимальное впечатление на необычных иностранных гостей. Людовик XIV, не любивший восседать на троне и как правило принимавший послов в своей спальне или кабинете, сидя в кресле, в случае с восточными посольствами устраивал аудиенцию в тронном зале. Так как в спальне, где находилась кровать, было невозможно установить трон, в Версале имелась специальная тронная комната, в качестве которой использовался салон Аполлона в Больших апартаментах короля (*Grand Appartement*)⁵¹². Чтобы произвести пущее впечатление на послов, путь их следования по королевскому дворцу до тронного зала специально удлинялся, а момент встречи с королем оттягивался. От лестницы послов иностранные гости должны были пройти через всю анфиладу Больших апартаментов – самых престижных комнат дворца, названных по именам античных богов (см. *прилож. 17, схема 2С*). Эти комнаты, богато меблированные и декорированные, отделанные разноцветным мрамором, были украшены гобеленами и росписями, прославлявшими правление самого могущественного короля в Европе. Для этого использовали и дипломатические сюжеты: например, среди потолочных росписей в салоне Меркурия были изображения Александра Македонского, принимающего посольство из Эфиопии, и Октавиана Августа – из Индии⁵¹³. Образами великого греческого полководца и первого римского императора не исчерпываются метафорические

⁵¹¹ Как отмечает О.Г. Агеева, русский посольский обряд допетровского времени по своей форме был церемониалом восточным и в глазах европейцев не отличался от называемых ими «варварскими» традиционной русской одежды, пищи, застолий, представлений о чести и прочих составляющих культуры страны. Вопрос об унификации русского церемониала и «приобщении» его к европейскому встанет на повестку дня лишь в самом конце XVII – начале XVIII в. См.: Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 118 – 120.

⁵¹² До 1678 г. салон Аполлона служил королевской спальней (*chambre de parade* или *chambre du lit*) (однако с 1673 г. Людовик XIV не спал непосредственно в этой комнате, которая стала исключительно парадной; спальня, в которой спал король, называлась *chambre à coucher* или *chambre du roi*). После создания Зеркальной галереи, соединившей Большие апартаменты короля с покоями королевы, расположенными в противоположной части дворца, салон Аполлона был преобразован в тронный зал, а королевская парадная спальня (*chambre du lit*) переместилась в салон Меркурия. Сам Людовик XIV, когда после смерти королевы Марии Терезии Большие апартаменты и Зеркальная галерея были открыты для посещения публики, в 1684 г. обосновался в комнатах старого замка своего отца, окнами выходящих на Мраморный двор. См. также: Baillie H.M. Etiquette and the Planning of State Apartments in Baroque Palaces // *Archeologia* (Second Series). Vol. 101. 1967. P. 169 – 199 или фр. перевод: Baillie H.M. L'étiquette et la distribution des appartements officiels dans les palais baroques // *Bulletin du centre de recherche du château de Versailles* [en ligne], Articles et études, mis en ligne le 22 décembre 2014. URL: <http://crcv.revues.org/12137>

⁵¹³ Milovanovic N. Les Grands Appartements de Versailles sous Louis XIV. Paris, 2005. P. 129 – 130.

аналогии Версаля. Тронный зал располагался в салоне Аполлона – бога, олицетворяющего дневное светило, которое служило эмблемой Короля-Солнца.

Вот какой путь проделали русские послы, во главе с Петром Ивановичем Потемкиным прибывшие в Версаль на аудиенцию у короля 5 мая 1681 г. Поднявшись по лестнице послов, они последовательно прошли через салоны Венеры, Дианы и Марса. Далее, в парадной спальне короля – салоне Меркурия, – они сняли свои головные уборы и затем вошли в салон Аполлона, где их ожидал Людовик XIV, восседающий на троне⁵¹⁴. Трон устанавливали на высоком помосте, тем самым подчеркивалось доминирующее положение монарха, предстающего во всем величии.

Самым торжественным был прием посольств в Зеркальной галерее Версаля. За все многолетнее царствование Людовика XIV таких приемов было всего три⁵¹⁵. Это говорит о том, что аудиенции, проходившие в Зеркальной галерее (генуэзскому дожу в 1685 г., сиамским послам в 1685 г. и персидскому послу в 1715 г.), были делом исключительным. В каждом из случаев эта исключительность объяснялась различными причинами, но объединяло их то, что каждый раз послы проходили по одному и тому же маршруту в Версале⁵¹⁶. От лестницы послов через Большие апартаменты и салон Войны послы прошли в Зеркальную галерею, на противоположном конце которой на высоком помосте был установлен королевский трон. Единственным европейцем, получившим аудиенцию в Зеркальной галерее, был генуэзский дож, которого Людовик XIV принял 15 мая 1685 г. Это была «покаянная» аудиенция наподобие тех, которые в 1662 и 1664 г. получили маркиз де ла Фуэнте и кардинал Фиджи соответственно. За строительство четырех галер для Испании Людовик XIV, угрожая военной расправой, заставил дожа лично приехать во Францию, несмотря на то что это противоречило генуэзским законам. Этот прием служит ярким примером использования Людовиком XIV пространства дворца для достижения своих целей. Принимая извинения от главы государства-союзника Испании в самом роскошном зале Версаля (строительство галереи было завершено менее чем за год до аудиенции), король хотел превратить покаяние дожа в выражение покорности перед силой и могуществом Франции, которую олицетворяли интерьеры вновь выстроенной галереи, как впрочем и всего дворца в целом. На полотне, написанном по приказу короля художником Клодом-Ги Алле спустя четверть века после события, запечатлены утраченные на сегодня предметы

⁵¹⁴ BnF. Fonds Français, vol. 7831, f°s 258 – 271.

⁵¹⁵ *Castelluccio S.* Les réceptions d'ambassadeurs dans la galerie des glaces // *Versalia*. 2006/9. P. 24 – 52.

⁵¹⁶ *Sabatier G.* Op. cit. P. 201.

внутреннего убранства, украшавшие галерею во время аудиенции: серебряный трон высотой 2 м 60 см, спинку которого завершала необычная конструкция в виде раковины с короной наверху⁵¹⁷; огромные серебряные вазы и жирандоли (см. *прилож. 4, рис. 2*).

1 сентября 1686 г. Людовик XIV принял в Зеркальной галерее послов из Сиам, правитель которого в то время считался самым сильным азиатским государем. Поэтому задача французского короля состояла в том, чтобы показать послам, что блеск его двора сильнее великолепия их господина⁵¹⁸. В то же время спектакль столь экзотической аудиенции мог служить еще одной цели – восхитить и развлечь собственных придворных. Аудиенция стала настоящим театрализованным представлением, какое собрало столько зрителей, сколько не собирал ни один парижский театр. Сиамики послы проследовали, как полагалось, через все комнаты Больших апартаментов. В первых двух залах по обе стороны стояли в два ряда королевские гвардейцы, а остальные комнаты, в том числе Зеркальная галерея, были наполнены придворными и прочими любопытными, число которых достигало полутора тысяч человек. Все тот же серебряный трон был установлен в конце галереи, примыкавшем к салону Мира. Располагался он на высоком помосте из восьми ступеней, по краям которых были расставлены серебряные столики, вазы, кувшины и подсвечники⁵¹⁹. Публика была в восторге от необычного зрелища. Наибольшее удивление вызвали костюмы послов (*подробнее см. главу 1 и прилож. 7*), а также подарки, подаренные ими королю: золото, панцири черепах, ткани, ковры, более 1500 фарфоровых изделий, лакированная мебель, а также сиамики серебряные пушки. Сами послы не меньше были поражены роскошью Версаля. В числе прочих приобретений, сделанных во Франции, сиамики послы заказали в королевской мануфактуре стекол и зеркал более 4200 зеркал, похожих на те, которые они увидели в Зеркальной галерее, для того чтобы так же украсить ими дворец своего короля⁵²⁰.

В третий раз прием посольства в Зеркальной галерее состоялся уже на самом закате царствования Людовика XIV. В 1715 г. здесь была дана аудиенция персидскому послу. Мусульманские посольства выглядели менее экзотическими в глазах французского двора, чем посольство из Сиам: Франция имела регулярные

⁵¹⁷ Трон был сделан мастером Кафieri для салона Аполлона – тронного зала. *Монкло Ж.-М.П.* Версаль. М., 2001. С. 238.

⁵¹⁸ *Sabatier G.* Op. cit. P. 202.

⁵¹⁹ *Sources. Mémoires.* T.1. Paris, 1882. P. 436.

⁵²⁰ *McCabe I.B.* Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime. Oxford-New York, 2008. P. 257 – 258.

дипломатические контакты с Османской империей. Однако посланцев Персии здесь не видели со времен Карла Великого. Кроме того, Франция только что закончила истощительную Войну за испанское наследство, а двор вышел из глубокого траура, обусловленного целой чередой смертей, которые лишили короля потомства и оставили наследником его малолетнего правнука, герцога Анжуйского⁵²¹. В этих условиях Людовику XIV было важно показать, что он по-прежнему имеет право зваться Королем-Солнцем, а персидское посольство было, по его мнению, удобным поводом для этого. Посла Персии приняли с такими же церемониями, что и сиамских послов⁵²². Однако вся pompa мероприятия была направлена не столько на то, чтобы удивить именно персидского гостя (который, по-видимому, даже не имел никаких бумаг, подтверждающих его посольский статус⁵²³), сколько на демонстрацию того, что, несмотря на возраст и неудачи, Людовик XIV остается первым королем христианского мира и что его двор не утратил былого богатства и блеска. Не случайно, Людовик XIV позволил присутствовать на церемонии всем желающим, которых только могли вместить галерея и залы Больших апартаментов: главное условие – наличие хорошего костюма. Но, как замечает Сен-Симон, король был единственным, кто полагал, что прием этого посольства сможет вернуть прежнюю славу французскому двору⁵²⁴.

По крайней мере случай был выбран неудачно. Мало того, что имелось много оснований, заставлявших сомневаться в официальном статусе посланца из Персии, так еще и его поведение во время церемонии оставляло желать лучшего. Посол, претендуя на некоторое знание французского языка, неоднократно вступал в пререкания с переводчиком, якобы неверно переводившим его речь. Относительно свиты посла Сен-Симон пишет, что она была более чем посредственной, а подарки, преподнесенные послом от лица своего правителя, столь же мало соответствовали достоинству шаха, сколь и французского короля. Они состояли из 400 довольно заурядных жемчужин, 200 бирюзовых камней, а также двух золотых ларей, наполненных неким редким застывшим бальзамом, исцеляющим раны⁵²⁵. Все это, начиная от капризов посла и заканчивая его скупостью, мало отвечало заблуждению Людовика XIV о восстановлении посредством организации роскошной церемонии

⁵²¹ После смерти Людовика XIV 1 сентября 1715 г. он займет престол под именем Людовика XV.

⁵²² *Sabatier G.* Op. cit. P. 203.

⁵²³ *Saint-Simon.* T. 12. Paris, 1829. P. 95.

⁵²⁴ *Ibid.* P. 98.

⁵²⁵ *Ibidem.*

утраченных позиций, заблуждению, которое было понятно всем, за исключением одного лишь короля⁵²⁶.

После аудиенций у короля и других членов королевской семьи послам зачастую устраивали прогулку по садам и парку Версаля, которые являлись продолжением пространства дворца, выходящим за границы его стен. В этих случаях послов сопровождал помощник интродуктора. Вилльрас, занимавший эту должность с 1699 по 1719 г., в своем «Журнале» посвятил описанию таких прогулок целый раздел, озаглавленный «Фонтаны и сады». В заметке о венецианском посольстве 1703 г. Вилльрас пишет, что 25 апреля после аудиенций у короля и дофина он отправился показывать послам сады. Осмотрев Оранжерею и часть боскетов, они на фазтонах спустились к Большому каналу, где их ожидали 4 гондолы и несколько лодок. На них послы со своим провожатым и свитой доплыли сначала до Королевского зверинца, а затем до Трианона. После этого они вновь пересели на фазтоны и поехали смотреть остальные боскеты и фонтаны. Через несколько дней, 6 мая, послы в сопровождении все того же Вилльраса побывали в Марли. Сначала делегацию провели по апартаментам и садам, а затем пригласили в небольшой кабачок, где послов угощали кофе, чаем, шоколадом, пивом, бургундским и шампанским вином, пышками, сливками, фруктами и вареньем⁵²⁷.

Сиамские послы, прибывшие в 1686 г. и остававшиеся во Франции не меньше четырех месяцев, имели еще более обширную программу⁵²⁸. После аудиенции, состоявшейся в Версале 1 сентября, они почти целый месяц провели в Париже, где посетили Комеди Франсез и итальянский театр, Оперу, Академию живописи и скульптуры, а также Мануфактуру гобеленов, где их принял ее глава художник Шарль Лебрен. На осмотр версальского парка у сиамцев ушло целых четыре дня, с 30 сентября по 3 октября. Г-н Лефевр, интендант зданий (*intendant des bâtiments*), сопровождавший послов, ежедневно получал приказания о маршруте следования от морского государственного секретаря и одновременно государственного секретаря королевского дома маркиза де Сеньеле⁵²⁹. 4 октября послы побывали также в Марли и Сен-Жермене, а 5 октября вновь прибыли в Версаль, чтобы в сопровождении Лебрена осмотреть дворец.

⁵²⁶ Dangeau. Journal. T.15. Paris, 1858. P. 367.

⁵²⁷ BnF. Fonds Français, vol. 3125, f°s 340 – 342.

⁵²⁸ Подробнее об этом посольстве см.: *Van der Cruysse D. Louis XIV et le Siam*. Paris, 1991.

⁵²⁹ *Mercure galant*. Novembre 1686, II. P. 92.

В 1689 г. в свет вышла первая версия продиктованной Людовиком XIV брошюры «О способе показывать сады Версаля»⁵³⁰. Изначально она содержала маршрут, разработанный для посещения садов английской королевой Марией Моденской, супругой свергнутого в ходе Славной революции Якова II. Впоследствии, в 1691 и 1695 г. были составлены более подробные маршруты, а между 1702 и 1704 г. появилась еще одна версия инструкций, написанная самим королем. Основная задача заключалась в том, чтобы продемонстрировать пространство, подчиненное законам перспективы, природу, укрощенную человеком⁵³¹. И это еще одна из вариаций все той же идеи о том, что блеск Короля-Солнца не имеет себе равных, а все, к чему он прикасается, приобретает упорядоченность и достоинство.

Еще один аспект дипломатического церемониала связан с пространственно-визуальной репрезентацией королевской власти за рубежом. Если рассматривать дома послов в столицах иностранных государств как некую проекцию французского двора, то можно предположить, что организация жизни послов за границей и использование ими внутреннего и внешнего пространства своих резиденций подчинялись по сути тем же целям, которые преследовали организаторы церемоний в королевских резиденциях во Франции. Приемы и празднества, устраивавшиеся послами, соблюдение протокола, исполнение всех требований, связанных с оказанием и получением почестей, – все было направлено на поддержание престижного статуса, который имела французская монархия в иерархической системе европейских дворов. Отсюда такая болезненная реакция Людовика XIV на попытку лишения его послов в Испании и Риме вольности квартала, которая в глазах короля была не просто древним правом, но особой привилегией, предоставленной ему в знак уважения к его статусу. Не случайны пространственные отсылки в королевских инструкциях к отдаленным историческим событиям, подчеркивающим заслуги французских монархов перед папами, а также отказ короля равняться на примеры других государей, спокойно расставшихся с этой привилегией. В итоге Людовик XIV должен был уступить, но это решение далось ему не просто.

Резиденции послов были островками французского влияния в иностранных государствах. Если этого влияния было недостаточно, прибегали к помощи оружия. Однако прежде чем вставать на опасный путь войны, необходимо было использовать

⁵³⁰ *Louis XIV. Manière de montrer les jardins de Versailles*. Paris, 1982. Русский перевод: Как следует показывать сады Версаля, сочинение Людовика XIV (перев. Е. Дмитриевой) // *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008. С. 437 – 451.

⁵³¹ *Sabatier G.* Op. cit. P. 209.

все дипломатические ресурсы, в том числе и символические. Использование пространства резиденции, а также примыкающих к ней территорий города, формирующих французский анклав, как места для проведения приемов или организации праздничных мероприятий было весьма эффективным средством внушения и одним из главных способов репрезентации.

Для послов в Риме, где церемониям придавалось особое значение⁵³², использование посольской резиденции в этом качестве было характерно вдвойне. За время пребывания посла на посту его резиденция часто становилась местом проведения различных празднеств, которые были удобным случаем показать себя.

С 1662 по 1689 г. французские послы занимали в Риме палаццо Фарнезе (см. *прилож. 13, рис. 2*). Впервые этот дворец стал резиденцией французского посла еще в царствование Людовика XIII, когда в 1635 г. в нем разместился Альфонс де Ришельё, брат знаменитого кардинала, прибывший в Рим в качестве чрезвычайного посла и остававшийся там до октября 1636 г. Уже в 1662 г. владелец палаццо пармский герцог Рануччо Фарнезе любезно предоставил его герцогу де Креки, послу своего союзника – Людовика XIV. Конечно, посол устраивал приемы, к которым его обязывал протокол, однако, отвлеченный громким делом с корсиканской гвардией, герцог не устраивал каких-либо специфических торжеств.

Совсем иначе обстояло дело во время пребывания в Риме герцога де Шона, посла в 1666 – 1668 гг. Уже через полтора месяца после торжественного въезда, который состоялся 10 июля 1666 г., герцог де Шон 25 августа в день памяти Людовика Святого устроил пышные празднества. На средства посла Церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, где состоялась торжественная месса, была богато украшена: на фасаде висели гобелены с изображениями герцогского герба, главный неф и приделы храма до самых сводов были обтянуты красным дамастом с золотыми нашивками (см. *прилож. 13, рис. 6*). Утром в сопровождении огромной свиты герцог де Шон приехал в церковь, где принял римских кардиналов. Прослушав мессу, они все вместе отправились в резиденцию посла, где был организован пышный прием. После прогулки по городу в посольской карете гости вернулись во дворец, чтобы отужинать. Вечером кардинал Антонио Барберини в качестве праздничного подарка

⁵³² «Самое главное в Риме – это церемонии <...>. Нет другого двора, где были бы более пунктуальными на этот счет» (*Wicquefort A. de. Mémoires touchant les ambassadeurs et les ministres publics. La Haye, 1677. P. 229.*)

послу устроил на площади перед палаццо концерт, во время которого присутствовавшим раздавали щедрые угощения⁵³³.

Зимой де Шон принимал активное участие в карнавальных мероприятиях. Герцог писал ко двору, что у него на примете есть одна римская труппа актеров, которые согласны играть только в его дворце (до этого они играли перед шведской королевой Кристиной), и что он надеется на благосклонность публики и на то, что это поспособствует его службе королю⁵³⁴. Герцог приказал обустроить верхнюю галерею палаццо Фарнезе для театральных представлений. Показ первой комедии состоялся в конце января 1667 г. Доступ был открыт всем желающим, которых набралось пять или шесть сотен⁵³⁵. Впоследствии комедии, чередуясь с музыкальными представлениями, давались почти каждый день. Между актами гостям предлагали закуски и напитки. Одно из представлений в конце января – начале февраля было дано в честь рождения дочери Людовика XIV. Оно собрало 1200 человек.

Другим видом увеселений, в которых французское посольство также приняло участие, были карнавальные шествия. 21 февраля штат посольства прошел по виа дель Корсо в маскарадных костюмах. Сюжет шествия был тщательно продуман. 12 сивилл предсказывают Афине Палладе разрушение Османской империи. Предшествуемая Молвой, Афина в сопровождении 40 оруженосцев, переодетых маврами, восседает на троне в триумфальной колеснице, олицетворяя Францию. Впереди на конях ехали четверо трубачей, а за ними – четыре кареты в форме колесниц, заполненных масками. Сивиллы во время движения бросали в разные стороны конфетти (*см. прилож. 13, рис. 7*). Это символическое шествие, как писал де Шон королю, имело большой успех в Риме⁵³⁶. Таким образом посол выражал свою поддержку папе в его действиях против турок, пусть даже эта поддержка ограничивалась исключительно иносказательными формами⁵³⁷.

Еще одно яркое празднество было устроено в палаццо Фарнезе в 1668 г. по случаю заключения 2 мая Ахенского мира между Францией и Испанией. Весть о

⁵³³ Gazette, correspondance de Rome du 5 septembre 1666 // Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1667. P. 1013 – 1014; ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 177, f° 404.

⁵³⁴ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 181, f° 91.

⁵³⁵ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 181, f° 130. Lettre de Chaulnes à Lionne, 25.01.1667.

⁵³⁶ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 181, f° 258. Lettre de Chaulnes, 22.02.1667; описание шествия: f°s 284 – 287.

⁵³⁷ Boiteux M. Le palais Farnèse: la représentation et l'identité // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 122-2 (2010). P. 311-338 [en ligne] mis en ligne le 18 septembre 2013. URL: <http://mefrim.revues.org/575>

мире достигла Рима в начале июня, и тогда же началась подготовка к проведению торжества, которое состоялось 27 июня. Утром в церкви Людовика Святого в присутствии французских и испанских кардиналов герцог де Шон прослушал мессу, на которой исполнялся *Te Deum*. Затем в резиденции посла гостям был оказан прием⁵³⁸, а на площади возле палаццо Фарнезе устроены публичные увеселения, фейерверк и иллюминация. Фасад дворца освещали восковые факелы. Остальные дома, формирующие площадь, также подсвечивались. Из одних фонтанов били снопы воды, из других, выстроенных специально для праздника, лилось вино. В центре площади необычная светящаяся конструкция работы Бернини поражала взоры зрителей. Она представляла собой земной шар, словно парящий в воздухе над горящим огнем. На шаре была установлена величественная тронная статуя, у ног которой располагались меньшие по размерам коленапреклоненные фигуры (см. *прилож. 13, рис. 8*). Центральная статуя, увенчанная папской тиарой и держащая в левой руке апостольские ключи, а в правой – оливковую ветвь, по замыслу создателей, символизировала Церковь, принесшую мир⁵³⁹. Две другие фигуры означали Войну, вкладывающую меч в ножны, и Победу, возлагающую пальмовую ветвь к ногам Церкви⁵⁴⁰. Этим жестом подчеркивалось восстановление добрых отношений Франции с папским престолом, нарушенных инцидентом с корсиканской гвардией. Немного ранее, 1 июня по приказу короля была также демонтирована искупительная пирамида, в течение четырех лет напоминавшая папе об унижении для него Пизанском договоре (см. *прилож. 13, рис. 5*). Интересно, что на посвященной заключению Ахенского мира картине, которая немногим менее чем через два десятилетия украсит потолок Зеркальной галереи Версаля, на посредничество церкви нет и намека (см. *прилож. 19, рис. 1*). Не кто иной, как Людовик XIV помещен в центр композиции. На другой картине, сюжетом для которой послужило дело корсиканской гвардии, Франция – женщина в шлеме и накидке с королевскими лилиями – вновь держит в руке рисунок с изображением искупительной пирамиды (см. *прилож. 19, рис. 2*). Примирение с Римом было недолгим.

В конце августа 1668 г. герцог де Шон должен был вернуться во Францию. Он откладывал свой отъезд для того, чтобы вновь возглавить празднества, посвященные Людовику Святому. Это последнее торжество имело еще большее значение, потому

⁵³⁸ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 192, f° 13, Bourlemont à Lionne, 3.07.1668.

⁵³⁹ Папа римский Климент IX был посредником во время заключения Ахенского мира.

⁵⁴⁰ ААЕ. Correspondance politique (origines – 1896), Rome, vol. 192, Relation du divertissement donné par le duc de Chaulnes pour la paix, 5.07.1668.

что из Сен-Жермена только что прибыла весть о рождении у короля сына, герцога Анжуйского.

Во время посольства герцога д'Эстре (1672 – 1687) отношения между Францией и Римом вновь стали напряженными из-за споров о праве вольности квартала и регалиях. Это сказалось на возможности использования палаццо Фарнезе и в особенности пространства вокруг него в качестве места репрезентации. Когда 23 августа 1682 г. Рима достигла весть о рождении у дофина первенца, герцог д'Эстре сразу же устроил иллюминацию на площади перед своей резиденцией, пригласил музыкантов и организовал прием на террасе дворца. Это было лишь, так сказать, предварительное торжество, после которого началась подготовка к проведению более масштабного празднества в честь рождения внука Людовика XIV. Однако Иннокентий XI долго тянул и в течение года не давал разрешения на организацию праздничного мероприятия на площади Фарнезе, а потом, сославшись на то, что христианский мир находится перед лицом турецкой угрозы, и поэтому сейчас не время для увеселений, вовсе отказал послу. Герцог д'Эстре смирился с этим решением понтифика, но в свою очередь принял минимальное участие в торжествах, посвященных победе христиан в Венской битве в 1683 г. Все чаще французскому послу приходится искать другие места в Риме для празднеств по торжественным поводам. После отмены Нантского эдикта в 1685 г. папа опять заставил герцога почти полгода ждать своего согласия на проведение торжества. И хотя в апреле 1686 г. на площади Фарнезе и были устроены увеселения (вновь играли музыканты, из фонтанов лилось вино, а дворец был иллюминирован), основные мероприятия все же проходили другом месте – на площади возле церкви Тринита-деи-Монти, где по проекту архитектора Антонио Герарди была сооружена конструкция, символизировавшая искоренение ереси, дан концерт и устроен фейерверк.

Церковь Тринита-деи-Монти, построенная в XVI в. на средства французских королей, долгое время была одним из основных центров французской общины в Риме. Благодаря своему выгодному расположению на высоком холме она хорошо отвечала задачам французской пропаганды. По иронии судьбы именно здесь, на площади перед церковью⁵⁴¹ в начале XVII в. расположилось испанское посольство. Не случайно в 1660 г. после заключения Пиренейского мира кардинал Мазарини задумал перестроить храм в честь победы короля над Испанией. Архитектором Франсуа д'Орбэ был разработан грандиозный проект: новая церковь должна была

⁵⁴¹ Современная площадь Испании.

стать памятником славы Людовика XIV (см. *прилож. 13, рис. 9*). Этот проект в итоге так и не был реализован, а площадь перед храмом еще долгое время оставалась местом франко-испанской конкуренции. На этой же площади уже после смерти герцога д'Эстре его брат кардинал д'Эстре, отвечавший за ведение французских дел в Риме до прибытия нового посла, 20 апреля 1687 г. устроил празднества по случаю выздоровления Людовика XIV.

В «Альманахе» 1688 г. на официальной гравюре, посвященной торжествам в зарубежных странах, изображена именно площадь перед дворцом Фарнезе (см. *прилож. 13, рис. 10*). В контексте обострившейся борьбы за право вольности посольского квартала этим символическим жестом подчеркивалось, что дворец по-прежнему принадлежит Франции. Однако после безрезультатного посольства маркиза де Лавардена, 30 апреля 1689 г. покинувшего Рим с такой же помпой, с какой он в него въезжал, послы Франции на долгое время будут вынуждены покинуть палаццо Фарнезе.

Демонстрация себя (как представителя короля), своей щедрости, достоинства, выставление напоказ богатства – все это отвечало репрезентативной функции посла. Если выражаться современным языком, создание шоу, направленного на то, чтобы произвести впечатление, поразить, составляло часть политической стратегии. Дворец Фарнезе, построенный папой Павлом III в середине XVI в. и располагавшийся в оживленном квартале Рима между площадью Кампо деи Фиори и виа Джулия, на границе народного и аристократического районов города, изначально задумывался скорее как место репрезентации, нежели проживания⁵⁴². Французские послы, обосновавшиеся там во второй половине XVII столетия, прекрасно понимали выгодное положение своей резиденции и в течение по меньшей мере 20 лет успешно использовали ее не только по прямому назначению, но и в качестве пространства для произведения максимального эффекта, отвечавшего целям их службы.

Символический язык дипломатии имел различные формы. Стилистические особенности составления официальных документов, устные обращения дипломатов разного ранга, оказание или лишение почестей, обустройство внутреннего и внешнего пространства дворцов – весь этот набор символических средств использовался в качестве мощного средства репрезентации и укрепления

⁵⁴² Boiteux M. Les fêtes publiques dans l'environnement du palais // Le palais Farnèse. Rome, 1981. Vol. I. P. 613 – 646.

престижного статуса. В условиях, когда вопросы старшинства европейских государей и их дипломатических представителей играли важнейшую роль, а споры, регулярно возникавшие по этому поводу, сказывались на отношениях между государствами, значение репрезентативной функции дипломатического церемониала сложно переоценить. Во второй половине XVII – начале XVIII в. так и не сложилось четкой системы иерархии дипломатов. Ранги чрезвычайных и ординарных послов и посланников не гарантировали им права старшинства. Это право по-прежнему зависело от места, которое занимал на иерархической лестнице европейских правителей государь, отправивший дипломата за границу. Но крайне неустойчивой была и система старшинства между самими государями, которые вели постоянную борьбу друг с другом за статус. Позиция Людовика XIV в этом вопросе была однозначной: французский монарх – первый король христианского мира. Для того чтобы подтвердить свое право называться таковым, он использовал все возможные средства. Одним из таких средств было создание в глазах мирового сообщества образа, который соответствовал бы декларируемому им статусу, ведь именно от образа короля зависел престиж не только французских дипломатов, но и всей Франции.

Заключение

Франция второй половины XVII – начала XVIII в. переживала период расцвета абсолютной монархии. Потребность в существовании мощного централизованного государства объяснялась разными причинами: непрекращающимися военными конфликтами за преобладание в Европе, требовавшими систематизации налогообложения; развитием торговли, нуждавшейся в активной государственной поддержке; необходимостью наведения порядка внутри страны после длительного периода смут. В это время работа всех механизмов государственного управления была направлена на укрепление монархических институтов и усиление королевской власти. Наряду с политическими и социально-экономическими методами большое значение для достижения этой цели имели и символические средства, направленные на создание «образа» власти. Одним из таких средств был дипломатический церемониал.

Дипломатический церемониал Франции начал формироваться уже в период Средневековья под влиянием придворных торжественных и пышных ритуалов. Позднее, когда вопросы иерархии стали играть при дворе важнейшую роль, возникла необходимость четко определить место и статус каждого дипломата. Черты более или менее упорядоченной системы дипломатический церемониал начал приобретать в конце XVI в., когда в царствование Генриха III были предприняты первые попытки регламентации придворного церемониала в целом. Это нашло выражение в появлении специальной церемониальной службы и должности обер-церемониймейстера. Участвовавшие международные контакты и развитие в связи с этим в Европе сети постоянных посольств требовали также наведения порядка в организации приемов послов. Для этого при дворе была создана еще одна важная должность посольского кондуктора (позднее – интродуктора), отвечавшего за проведение всех дипломатических церемоний. Регламентация церемониала продолжалась и в первой половине XVII в., хотя была не такой интенсивной. Генрих IV и Людовик XIII придавали придворной жизни гораздо меньшее значение, нежели их предшественник. В этот период (особенно в годы министерства кардинала Ришелье) внимание больше уделялось совершенствованию государственных институтов: происходит более четкое разделение функций государственных секретарей, окончательно формируется дипломатический аппарат. Но уже в середине столетия, когда французский престол займет Людовик XIV, церемониал вновь станет

важнейшим инструментом в руках короля, который он будет использовать по максимуму.

К началу правления Людовика XIV дипломатические церемонии приобрели определенную устойчивую форму, хотя нормы проведения этих церемоний не были закреплены никакими официальными документами, и образцами для их организации служили имевшие место в прошлом прецеденты. Главными знатоками всех тонкостей дипломатического церемониала были посольские интродукторы и их помощники, которые по долгу службы вели записи того, как все происходило. Для того чтобы организовать очередную церемонию, специалисты неизменно обращались к предыдущему опыту. В этом смысле Людовик XIV не был новатором. Он не изобрел никаких новых форм, но лишь умело использовал уже существовавшие. Важным достижением короля было то, что ему удалось придать старым формам новое звучание.

Самые первые акции Людовика XIV, начавшего в 1661 г. править самостоятельно, без помощи первого министра, показали, какое значение молодой король намеревался придавать дипломатическому церемониалу. Воспользовавшись удобным моментом, Людовик XIV в 1662 г. дал публичную аудиенцию испанскому послу, на которой были озвучены извинения короля Испании за нанесенные чести французского монарха оскорбления и состоялось признание его старшинства. Спустя еще два года Людовик XIV примет подобные извинения от папского легата. Из этих аудиенций «покаяния» король сделал настоящий спектакль, проходивший в присутствии всего двора и иностранных гостей. В этих публичных церемониях проявилась новая функция церемониала как средства символического выражения (внушения) идеи превосходства короля Франции, они становятся удобным способом демонстрации успехов французской дипломатии и местом совершения своего рода дипломатического триумфа.

Необходимо подчеркнуть двойной характер публичных аудиенций послам. С одной стороны, будучи инкорпорированными в систему придворной жизни, они входят в число прочих придворных церемоний и становятся неотъемлемой частью крайне ритуализированной повседневной жизни двора. Конечно, аудиенции, подобные тем, что были даны испанскому послу и папскому легату, оставались исключительным явлением, но в целом публичные аудиенции неукоснительно в течение всего царствования Людовика XIV давались иностранным послам, регулярно прибывавшим во Францию. С другой стороны, эти аудиенции имели свою специфику, выделявшую их из ряда остальных придворных мероприятий. Функции

собственно придворного церемониала и церемониала дипломатического пересекались только до определенной степени, но в целом значительно различались. Если на обычных придворных церемониях происходило утверждение королевской власти по отношению к придворным, т.е. имела место связь «суверен – подданные», то во время публичной аудиенции послам на первый план выходила связь иного порядка «суверен – представитель другого суверена», осуществлялась символическая коммуникация монарха (и его двора) с иностранным дипломатом (а через его посредство – с иностранным двором).

Всевозможные привилегии, которыми обладали послы (право находиться в головном уборе в присутствии короля, заходить за балюстраду в его спальне и др.), подчеркивают уважительное, «партнерское» отношение короля к ним как носителям политической воли своих государей. На особый престижный статус иностранных послов указывает, например, сохранение традиции предоставлять им право торжественного въезда во французскую столицу.

В отличие от обычного придворного, стремившегося показать *самого себя* наиболее выгодно при дворе, дипломат являл собой что-то лишь до тех пор, пока выступал в качестве *представителя другого*⁵⁴³ – того, кто был выше его самого, а поэтому и воздававшиеся ему почести были обращены к тому, представителем кого он являлся⁵⁴⁴. Оказание почестей было главным способом ведения символического диалога во время дипломатических церемоний. Суть этих церемоний фактически заключалась в оказании или требовании почестей. Король (двор) как принимающая сторона оказывал почести послам; послы оказывали почести королю. Этот процесс, несомненно, был двусторонним. Вопрос в том – какую роль при возникновении каких бы то ни было протокольных разногласий играла каждая из сторон в разрешении спора. По условиям до конца честной игры стороны должны были бы совместно вырабатывать консенсус. Однако при своем дворе Людовик XIV привык быть верховным арбитром. Такой принцип он взял за правило как в общении со своими подданными, так и с дипломатами, прибывавшими к его двору. У себя дома король был полновластным хозяином. Изменение любой детали церемониала зависело исключительно от воли монарха. В этом смысле пожалование определенного набора почестей в той или иной конфигурации или же отказ их даровать становились важным элементом символического языка королевской власти,

⁵⁴³ Hampton T. Fictions of Embassy. New York, 2009. P. 9.

⁵⁴⁴ Камбон Ж. Дипломат. М., 1946. С. 53.

средством, при помощи которого король мог выражать благосклонность или, наоборот, отчуждённость по отношению к послам.

Нужно также иметь в виду, что Людовик XIV, считавший себя первым христианским королем, строил диалог с послами «коронованных особ» по принципу беседы «главного с равным». Для него было важно показать свое превосходство, блеск двора и достоинство французской короны. На церемонии публичной аудиенции придворные появлялись в самых лучших нарядах. Эффект спектакля, устраивавшегося королем, был направлен на дипломата, который, как предполагалось, расскажет об увиденном в своей стране. Слава об изобилии, царящем при французском дворе, и о величии монарха должна была разлететься не только по Европе, но и по всему свету. Этим объясняется особое внимание, уделявшееся приемам восточных посольств.

Традиция устраивать пышные публичные аудиенции, во время которых послы официально вступали в должность, сохранялась до самого конца царствования Людовика XIV. Но к концу XVII – началу XVIII в. заметна тенденция к их превращению скорее в протокольное мероприятие, организуемое по инерции (потому что «так было принято»). Такая важная функция публичных церемоний, как демонстрация дипломатического триумфа, о которой было сказано выше, в последний раз была использована в 1685 г., когда король принял публичные покаяния лично от генуэзского дожа. В связи с усложнившейся внешнеполитической обстановкой (формирование крупных коалиций против Франции и ведение с ними войн) в последние десятилетия своего правления Людовик XIV отдавал все большее предпочтение реальной дипломатии, которая вершилась в его кабинете, во время частных и секретных аудиенций. Торжественные публичные аудиенции отходят, таким образом, на второй план и перестают быть местом совершения нарочитых символично-политических жестов в той степени, как это было раньше.

Главная задача «внешнего» дипломатического церемониала Франции заключалась в репрезентации королевской власти за границей. Отправляемые в иностранные государства французские дипломаты брали с собой многочисленную челядь, предметы роскоши, устраивали во время своей службы шумные празднества, проводили приемы, давали званые обеды. Такая жизнь на широкую ногу отнюдь не была их прихотью. Наоборот, послы зачастую сами жаловались на сложное финансовое положение, в котором они оказывались, будучи вынужденными нести непомерные расходы, достойным образом представляя своего монарха. В социологии подобные траты, совершаемые для поддержания престижного статуса, получили

название демонстративного потребления. Уже первая церемония, которую должен был осуществить только что прибывший в зарубежную столицу посол – торжественный въезд, – была связана с такими тратами. Тем не менее Людовик XIV придавал традиции посольских въездов большое значение. Ввиду серьезных издержек многие послы просили избавить их от этой обременительной обязанности. Но король до самого конца своего правления настойчиво требовал проведения церемонии въезда, являвшейся одним из важнейших способов репрезентации. Цель въезда, во время которого посол и его огромная свита во всем их великолепии проходили по главным улицам иностранной столицы, заключалась в том, чтобы произвести наиболее яркое впечатление на принимающую сторону (как на лиц, назначенных сопровождать посла, так и на уличную толпу, состоявшую из разных слоев населения и охочую до такого рода зрелищ). Церемония въезда была своего рода актом пропаганды образа французского короля, которого представлял въезжавший в город посол, демонстрацией его богатства и процветания перед иностранцами. Этой же цели отвечало создание «атмосферы Версаля» в посольской резиденции, которая была одновременно домашним хозяйством и официальным учреждением и являлась центром распространения французского влияния за границей. Одной из главных прерогатив послов было право экстерриториальности, а также вольности посольского квартала, на который не распространялась юрисдикция местных властей. За это право король был готов сражаться далеко не только символическими средствами.

Исследование обеих составляющих дипломатического церемониала – «внутреннего» и «внешнего» – в их совокупности позволило проследить тенденцию к снижению на рубеже XVII – XVIII вв. роли церемониала как символической формы выражения политических притязаний короля Франции. Тогда как во «внутреннем» дипломатическом церемониале публичные аудиенции европейским послам теряют свою прежнюю значимость, во «внешнем» церемониале происходит подобный же процесс. Если в первые десятилетия своего царствования Людовик XIV использовал гибкость и многофункциональность церемониала в конкретных обстоятельствах в качестве способа политической провокации или заявки о своих политических претензиях, то с 1690-х гг. практика символических манифестаций при помощи арсенала церемониальных средств уже не применяется в той мере, как это было до того. Вооруженное посольство маркиза де Лавардена в Рим (1687 – 1689) стало последним, хотя и самым ярким предприятием подобного рода. Такую тенденцию можно объяснить ограниченными возможностями самого церемониала как орудия

политики. До тех пор пока дипломатия Людовика XIV была на высоте и, что немаловажно, подкреплялась военной мощью, церемониал служил удобным средством укрепления и демонстрации ее достижений. Но в контексте затруднительного международного положения Франции в конце XVII – начале XVIII в. потенциал дипломатического церемониала был не достаточен для того, чтобы он мог служить сколько-нибудь эффективным инструментом для решения политических задач. Притом что все существовавшие ранее «обязательные» (т.е. предусмотренные протоколом) церемонии продолжали исполняться в полном объеме, необходимость в проведении исключительных акций отпала. В то же время проявилась компенсаторная функция дипломатического церемониала, когда с помощью символического действия предпринимается попытка восполнить утрату реального политического могущества и создать иллюзию благополучия. Так было в случае с приемом персидского посла в 1715 г., который, не имея, по сути, никакой практической значимости, стал прекрасным поводом для короля еще раз на склоне лет напомнить о славе своего двора.

Особенность любой политической репрезентации состоит в ее публичной природе. Создание «образа» подразумевает наличие зрителя, на которого направлен его эффект. Репрезентативная функция дипломатического церемониала также проявляется в его публичности. Во время официальных церемоний в качестве зрителя выступает массовая публика – уличная толпа, придворное общество. Во время «внецеремониальных» (частных или служебных) дипломатических контактов исполнение протокольных нюансов становится обязательным лишь в присутствии третьего лица. Здесь можно вспомнить подробно рассмотренный в работе казус с посольским интродуктором и венецианским послом, который в присутствии *«постороннего»* (в данном случае папского нунция) привел к скандалу, а при отсутствии оного воспринимался спокойно.

Для дипломатии Людовика XIV, как и в целом для дипломатии раннего Нового времени, было характерно регулярное обращение к прецедентам прошлого, которые зачастую служили нормами поведения в настоящем либо использовались для обоснования выдвигаемых требований. Церемониалу такое апеллирование к традиции было свойственно более, чем какому-либо другому элементу дипломатической практики. Это опять же характерно как для «внутреннего» дипломатического церемониала (использование старых, выработанных в предыдущую эпоху форм), так и для церемониала французской дипломатии за рубежом.

Людовик XIV, постоянно подчеркивавший свое старшинство по отношению к остальным европейским суверенам, целенаправленно отстаивал привилегированное положение послов Франции, которое выражалось в оказании целого ряда почестей, традиционно воздаваемых послам французского монарха. Стремление Людовика XIV подчеркнуть легитимность своих требований соотносилось с развивавшейся в то время идеей о праве отношений между государствами (или «праве народов»), согласно которому государи должны руководствоваться принципом уважения закона. В этом смысле нормы международного права реализуются и в дипломатическом церемониале. Однако для обоснования законности своих действий и притязаний в вопросах церемониала монархи по-прежнему обращались к традиции как некоему «источнику права». На этой почве между европейскими правителями регулярно возникали конфликты, ведь то, что казалось законным и традиционным королю Франции, могло не быть таким (или быть не совсем таким) с точки зрения других государей. Тем не менее для решения подобных противоречий (в частности, споров по поводу дипломатической иерархии) отсылки к традиции зачастую было уже не достаточно. Необходимо было учитывать реальную расстановку сил. Хотя риторика по поводу традиционного права на обладание теми или иными привилегиями или на признание определенного статуса являлась неотъемлемым элементом дипломатического убеждения и подтверждения легитимности требований, практическое удовлетворение претензий зависело от реальных сил (военная мощь, политическое влияние, экономический потенциал) спорящих сторон. Так, в спорах по поводу старшинства с испанскими послами дипломаты Людовика XIV сумели одержать победу именно благодаря политическому и военному превосходству Франции над Испанией во второй половине XVII в.

И все же дипломатическая иерархия этого времени по-прежнему отражает статусы послов как представителей лично государей, а не государств, и поэтому в целом сохраняет черты прошлой эпохи. Этим, например, можно объяснить крайне низкое престижное положение послов Республики Соединенных провинций, крупнейшего игрока на политической арене второй половины XVII столетия, в системе европейской иерархии. Соревноваться за высшие места в этой системе могли между собой послы только тех государей, которые исторически составляли ее костяк. Другие претенденты (например, послы шведского короля – главы монархии, приобретшей статус великой державы только к середине XVII в.) к этому состязанию пока практически не допускались.

Сложное переплетение символического и реального статуса государей и государств нашло также своеобразное выражение в использовании при отборе дипломатов для отправки за границу такого критерия, как социальное происхождение, а также в присвоении им того или иного дипломатического ранга. Так, представителей старой знати в ранге посла французский король мог отправить преимущественно лишь к тем правителям, которые обладали наиболее престижным именно с точки зрения традиционной, сложившейся исторически иерархии статусом. Такими правителями были римский папа и испанский король. Послов же, высших по рангу представителей короны, но уже более низкого социального происхождения (как правило, из среды дворянства мантии, а иногда и из числа неаноблированных членов судейского сословия) Людовик XIV посылал в страны, символический статус которых был ниже, но которые при этом имели реальный военно-политический и экономический вес, такие как Англия, Швеция, Голландия. Это вовсе не означало, что дипломат более знатного происхождения был более компетентным. Самые искусные дипломаты того времени наоборот происходили именно из судейской среды, и критерий знатности свидетельствует лишь об определенной консервативности тогдашних представлений об иерархии. Присвоение дипломатических рангов в несколько большей степени (хотя тоже не до конца) отражало реальную расстановку сил. Если послов направляли, как правило, в крупные и мощные страны, то в небольших государствах (например, немецких и итальянских княжествах) присутствовали лишь дипломаты в ранге посланников. Исключение составлял венский двор Габсбургов, которые признавали право старшинства за испанским, а не французским послом. Поэтому почти до самого конца своего правления Людовик XIV отправлял в Вену лишь посланников.

Дипломатический церемониал, представлявший собой соблюдение целого комплекса норм символического характера, являлся важным инструментом в руках Людовика XIV, инструментом, при помощи которого он выстраивал и регулировал дипломатическую иерархию в соответствии со своими представлениями о ней. На протяжении всего своего многолетнего царствования Людовик XIV конструировал образ правителя, находящегося на верхней ступени иерархической лестницы государей, первого христианского короля, равного которому нет во всем мире. Требование неукоснительного исполнения предписанных правил было вовсе не занудством педанта, но скорее естественным стремлением абсолютного монарха, Короля-Солнца, купавшегося в лучах своей славы, установить такой порядок, при котором все подчеркивало бы величие и блеск его королевской власти.

Приложение №1. Семья короля и королевская семья (до 1700 г.)⁵⁴⁵

Семья короля		
I. Король с 1643 г. Людовик XIV (1638 – 1715) II. Королева с 1660 г. Мария Терезия (1638 – 1683)		
III. Дофин, сын короля Людовик Великий Дофин (1661 – 1711) IV (II). Супруга дофина с 1680 г.⁵⁴⁶ Мария Анна Баварская (1660 – 1690)		
V (IV). 1-й сын дофина, Людовик герцог Бургундский (1682 – 1712) (II). Его супруга с 1697 г. Мария Аделаида Савойская герцогиня Бургундская (1685 – 1712)	(V). 2-й сын дофина Филипп герцог Анжуйский до 1700 г.⁵⁴⁷ (1683 – 1746)	(VI). 3-й сын дофина Карл герцог Беррийский (1686 – 1714)

Королевская семья	
VIII (VII). Месье, брат короля Филипп герцог Орлеанский с 1661 г. (1640 – 1701) IX (VIII). Мадам, супруга Месье 1-я супруга с 1660 г.: Генриетта Английская (1644 – 1670) 2-я супруга с 1671 г.: Елизавета Шарлотта Пфальцская (1652 – 1722)	
X (IX). Принц Шартрский, сын Месье Филипп⁵⁴⁸ (1674 – 1723)	(X). Принцесса Шартрская с 1692 г. Франсуаза-Мария де Бурбон (1677 – 1749)

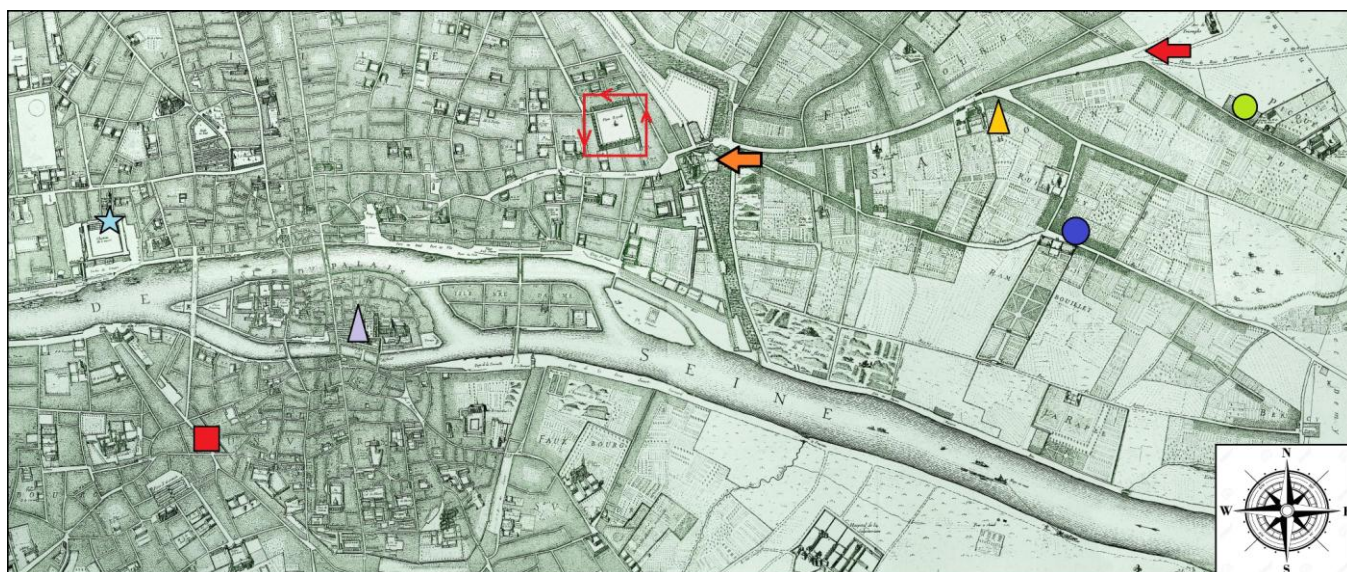
⁵⁴⁵ Римскими цифрами в таблице обозначена последовательность, в которой члены семьи короля и королевской семьи давали аудиенции послам до 1683 г., т.е. до смерти королевы. Римскими цифрами в скобках – после 1683 г. Арабскими цифрами в скобках указаны даты жизни.

⁵⁴⁶ С 1683 г., когда умерла Мария Терезия, после аудиенции у короля послов вместо королевы принимала супруга дофина (до своей смерти в 1690 г.), а с 1696 г. – Мария Аделаида Савойская, герцогиня Бургундская.

⁵⁴⁷ С 1700 г. король Испании под именем Филиппа V.

⁵⁴⁸ В 1701 г. после смерти отца получил титул герцога Орлеанского.

Приложение №2. Въезд послов в Париж

Карта 1. План Парижа 1672 г. А. Жувена де Рошфора (фрагмент)

Места размещения послов до церемонии торжественного въезда в Париж:

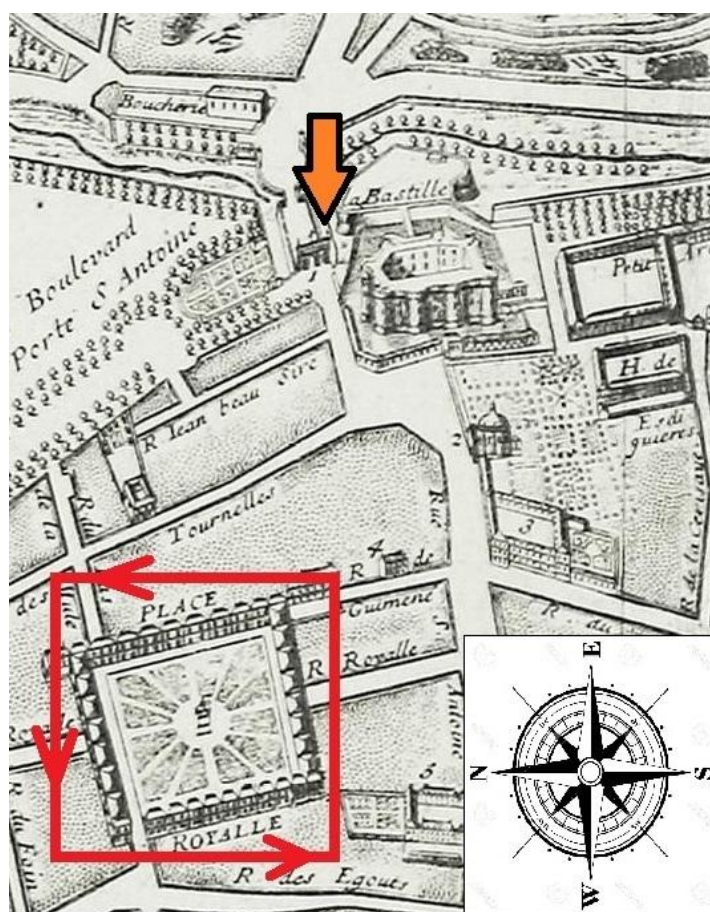
- Монастырь Пикпюс (для послов католических государей)
- Отель Рамбуйе (для послов не католических государей)

Путь послов:

- ➡ Тронная площадь
- ➡ Ворота Сент-Антуан / Бастилия
- ➡ Королевская площадь
- ➡ Резиденция чрезвычайных послов на улице Турнон

Иные объекты:

- ▲ Аббатство Сент-Антуан
- ▲ Собор Парижской Богоматери
- ★ Лувр

Карта 2. Ворота Сент-Антуан, Бастилия и Королевская площадь (фрагмент плана Парижа 1713 г. Б. Жайо)

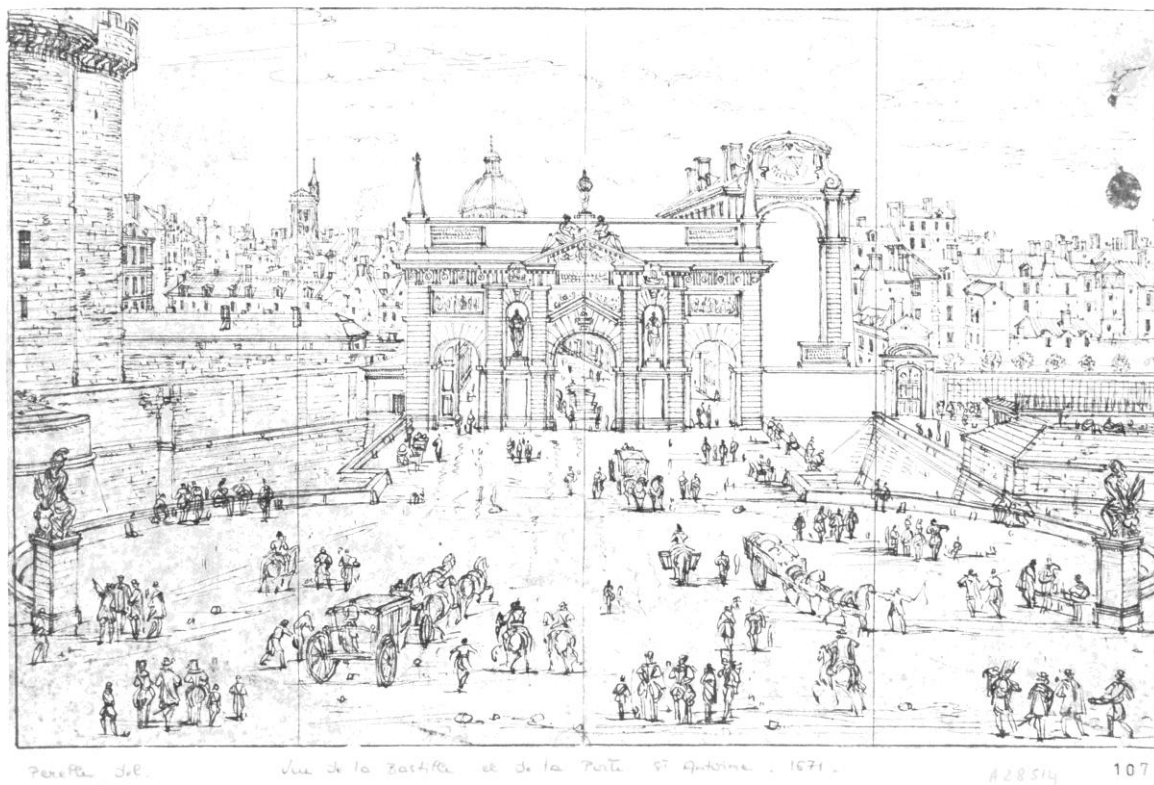

Рис. 1. Вид на ворота Сент-Антуан, 1671 г., рисунок Г. Перелля

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

Рис. 2. Проект перестройки ворот Сент-Антуан, гравюра С. Леклерка, 1679 г.

Рис. 3. Въезд швейцарских послов в Париж, 1663 г., гравюра, фрагмент альманаха от 1 января 1664 г.

Рис. 4. Въезд кардинала Киджи в Париж 9 августа 1664 г., гравюра, неизвестный автор

Рис. 5. Въезд посла Савойи в Париж 7 июля 1697 г., фрагмент альманаха за 1698 г.

Приложение №3. Церемонии приема папского легата кардинала Киджи

Рис. 1. Гобелен из серии «История короля», публичная аудиенция кардинала Киджи, папского легата, у короля в Фонтенбло 29 июля 1664 г., мастерская Ж. Лефевра (по рисунку Ш. Лебрена), 1667 – 1672 гг. (граф д'Аркур, изображенный в шляпе, стоит за легатом)

Рис. 2. Аудиенция кардинала Киджи 29 июля 1664 г., рисунок Ш. Лебрена.

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

Рис. 3. Альманах за 1665 г.: королевская аудиенция легату

Рис. 4. Въезд папского легата кардинала Киджи в Париж 9 августа 1664 г., неизв. автор

Приложение №4. Прием генуэзского дожа

BnF - IMP - RESERVE QB-201 (62)-FOL, Almanach pour l'an de grace MDCLXXXVI / BnF-DRE-Utilisation réglementée

Рис. 1. Альманах за 1686 г.: «Людовик Великий, страх и восхищение мира», гравюра Н. Ланглуа, 1686 г. (в верхней части гравюры изображена аудиенция повиновения генуэзского дожа 15 мая 1685 г.)

Рис. 2. Алле К.Г. Прием Людовиком XIV генуэзского дожа 15 мая 1685 г., музей Версаля

Приложение №5. Людовик XIV и Яков II

Альманах за 1689 г.: прием, оказанный Людовиком XIV английскому королю Якову II в Сен-Жермен-ан-Ле 7 января 1689 г., гравюра Н. Ланглуа

Приложение №6. Прием турецкого посольства

Людовик XIV принимает делегацию турецких посланников во главе с Солиманом-агой, 1669 г., гравюра, неизвестный автор

Приложение №7. Сямские послы

Рис. 1. Альманах за 1687 г.: «Официальное посольство короля Сиам к королю [Людовику XIV]»

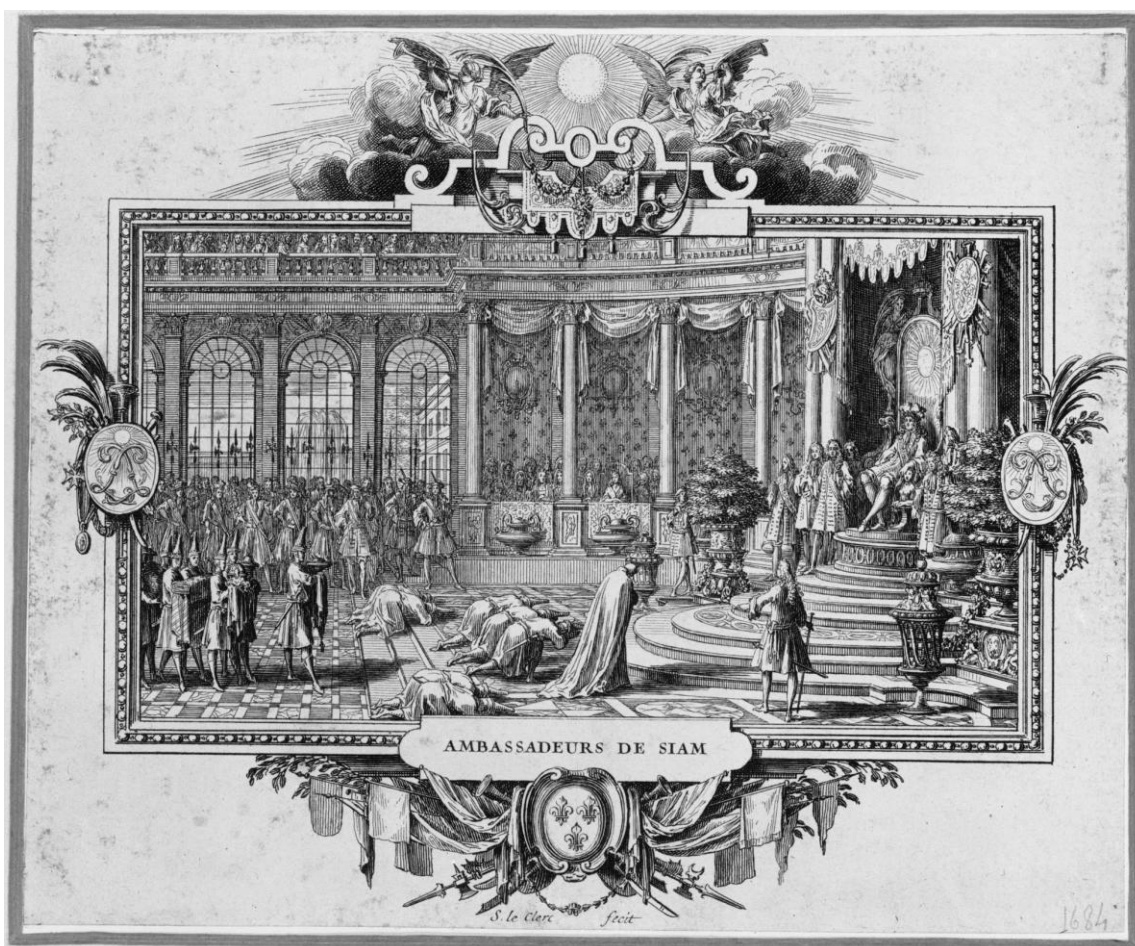

Рис. 2. Королевская аудиенция послам Сиам 1 сентября 1686 г., гравюра С. Леклерка

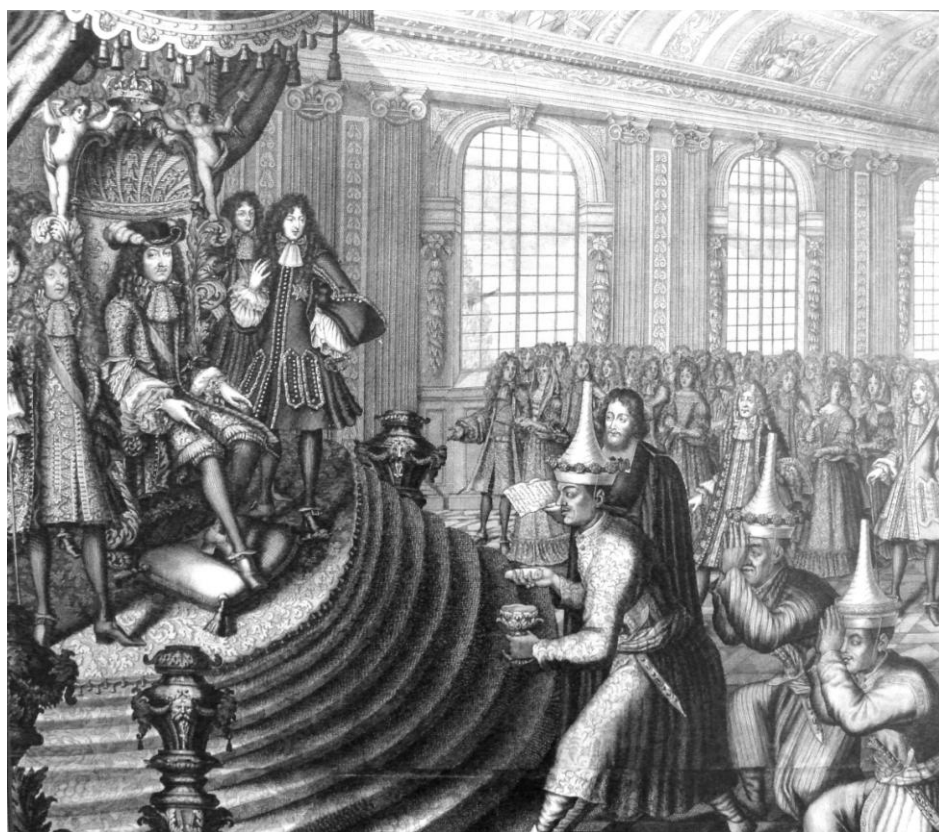

Рис. 3. Прием сиамского посольства Людовиком XIV в 1686 г., гравюра Н. де Лармессена (справа от послов – переводчик, аббат де Лионн)

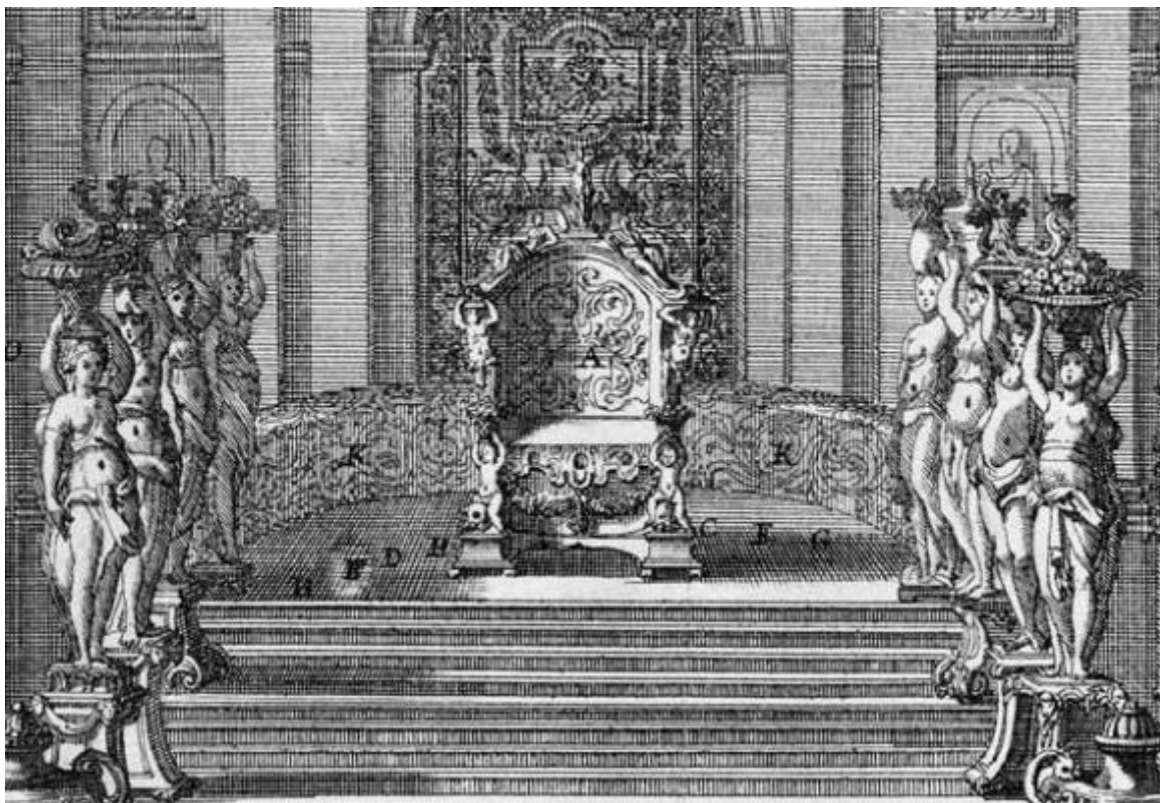

Рис. 4. Зеркальная галерея с установленным на пьедестале серебряным трон по случаю приема послов Сиам, 1686 г., фрагмент гравюры Ж. Доливара, музей Версаля

Рис. 5 – 6. Коза Пан, глава сиа́мского посольства 1686 г., французские рисунки, неизвестный автор

Рис. 7. Сиамский посол вручает Людовику XIV письмо от своего короля в Зеркальной галерее Версаля 1 сентября 1686 г., гравюра, неизвестный автор

Рис. 8. Сиамские послы вручают Людовику XIV дары. Альманах за 1687 г.

Приложение №8. Персидское посольство

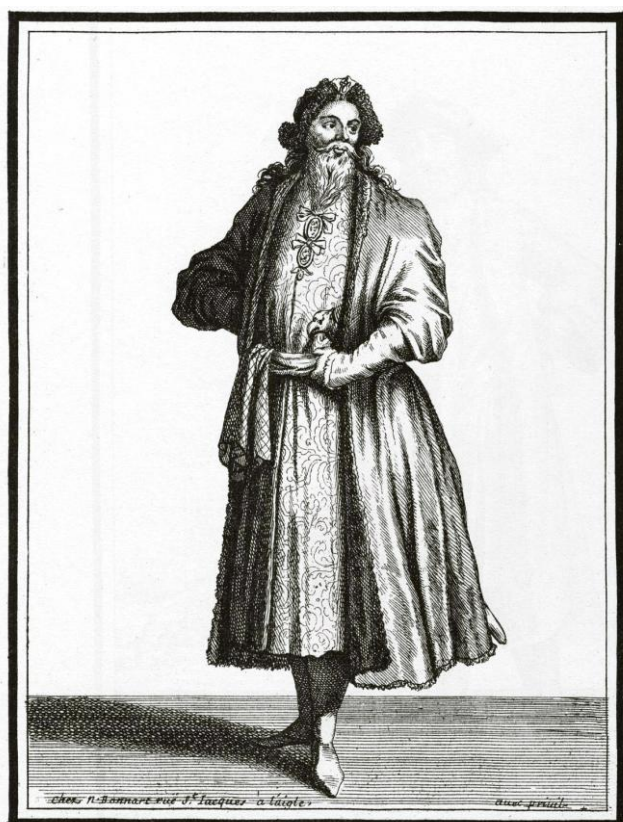

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

Рис. 1. Въезд персидского посла в Париж, 7 февраля 1715 г., вид на Королевскую площадь

Рис. 2. Н. де Ларжильер. Людовик XIV принимает персидское посольство 19 февраля 1715 г., музей Версаля

*Knez, Iacob Feodorowicz Dolgoruki Gouvern^r. de Simbirck,
Ambassadeur du Grand Duc de Moscovie.
Outre sa Barbe, et sa prestance, L'envoyant au plus grand des Roix;
Le CZAR, fait bien voir par son choix, Que c'est un sujet d'importance.*

Рис. 1. Князь Яков Федорович Долгоруков,
глава посольской миссии в 1687 г., неизв. автор

Рис. 3. Яков Ефимович Мышецкий,
участник посольства 1687 г.,
гравюра XVII в., неизв. автор

*Kirila Warfolamiemitz, Chancelier de Czars,
Ambassadeur du Grand Duc de Moscovie.
Ce Moscovite, Ambassadeur, De bien soutenir la grandeur,
A tout l'air, et le caractere; D'un vi glorieux ministere.*

Рис. 2. Кирила Варфоломеевич Алексеев,
дьяк, участник посольства 1687 г., неизв. автор

Рис. 4. Ш. Лебрен. Портрет Якова Федоровича Долгорукова, 1687 г., Санкт-Петербург, Эрмитаж

Рис. 5. Портрет Андрея Артамоновича Матвеева, 1706 г., мастерская Г. Риго, Санкт-Петербург, Эрмитаж

Приложение №10. Списки послов и посланников Людовика XIV

I. Рим

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. кардинал д'Эсте	протектор французских дел (на конклаве по выбору нового папы)	1654
2. Юг де Лионн	посол ⁵⁴⁹	1654
3. герцог Шарль де Креки	чрезвычайный посол	1662 – 1665
4. Шарль-Альбер д'Айи, герцог де Шон	чрезвычайный посол	1666 – 1668, 1669 – ?
5. Цезарь д'Эстре, епископ Лана	чрезвычайный посланник	1671
6. Франсуа-Аннибаль, герцог д'Эстре	посол	1672 – 1687
7. Шарль-Анри, маркиз де Лаварден	чрезвычайный посол	1687 – 1689
8. Шарль-Альбер д'Айи, герцог де Шон	посол / посланник (?)	1689 – 1690
9. кардинал де Форбен	поверенный в делах	1690 – 1697
10. кардинал де Буйон	поверенный в делах	1697 – 1699
11. принц Монако	чрезвычайный посол	1699 – 1700
12. кардинал де Форбен	поверенный в делах	1701 – 1706
13. кардинал де Тремой	поверенный в делах	1706 – 1721

⁵⁴⁹ Де Лионн имел титул чрезвычайного посла к итальянским принцам и уполномоченного по делам Его Величества короля Франции при римском дворе.

II. Вена

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. Жак Бретель, шевалье де Гремонвиль	посланник-резидент	1664
2. маркиз де Витри	чрезвычайный посланник	1679 – 1680
3. маркиз де Себвиль	чрезвычайный посланник	1680 – 1683/1684 (?)
4. граф де Шеверни	чрезвычайный посланник	1684 – 1685
5. граф де Ла Вогийон	чрезвычайный посланник	1685 – 1687
6. маркиз де Виллар	чрезвычайный посланник	1687
7. граф де Люзиньян	чрезвычайный посланник	1687 – 1688
8. Клод-Луи Эктор, маркиз де Виллар	чрезвычайный посланник	1698
9. граф Дюлюк	чрезвычайный посол	1715

III. Испания

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. маршал Антуан де Грамон	чрезвычайный посол	1659
2. Жорж д'Обюссон де Ла Фейяд, архиепископ д'Эмбрен	ординарный посол	1661 – 1667
3. маркиз Пьер де Виллар	чрезвычайный посланник	1668 – 1669
4. Пьер де Бонси, архиепископ Тулузский	чрезвычайный посол	1670 – 1671
5. шевалье де Бетюн	чрезвычайный посланник	январь – февраль 1670
6. Франсуа-Аннибаль, герцог д'Эстре	чрезвычайный посланник	август 1670
7. маркиз Пьер де Виллар	1. чрезвычайный посол	1671 – 1673
	2. чрезвычайный посол	1679 – 1681
8. принц д'Аркур	чрезвычайный посол	1679
9. Андре де Бетула де ла Петитьер, граф де Ла Вогийон	ординарный посол	1681 – 1683
10. Исаак де Па, маркиз де Фекьер	чрезвычайный посол	1685 – 1688
11. Франсуа де Па-Фекьер, граф де Ребенак	чрезвычайный посол	1688 – 1689
12. Анри д'Аркур, маркиз де Беврон	чрезвычайный посол	1698 – 1700
13. граф Фердинанд де Марсен	чрезвычайный посол	1701 – 1702
14. кардинал Цезарь д'Эстре	посол	1702 – 1703
15. аббат Жан д'Эстре	посол	1703 – 1704
16. герцог Антуан-Шарль де Грамон	чрезвычайный посол	1704 – 1705
17. Мишель-Жан Амело, маркиз де Гурнэ	чрезвычайный посол	1705 – 1709
18. маркиз де Блекур	чрезвычайный посланник	1709 – 1711
19. Жан-Луи Дюссон, маркиз де Боннак	чрезвычайный посланник	1711 – 1713
20. маркиз Луи де Бранкас	посол	1713 – 1714
21. Поль-Ипполит де Бовилье, герцог де Сент-Эньян	посол	1714 – 1718

IV. Португалия

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. Луи де Гот, маркиз де Руйак	чрезвычайный посол	1644 – ?
2. граф де Комменж	чрезвычайный посол	1657 – ?
5. Мельхиор де Аро де Сенева, маркиз де Сен-Ромен	посол	1665 – 1671
6. г-н д'Обвилль	чрезвычайный посланник	1671 – 1675
7. г-н де Генего	чрезвычайный посланник	1675 – 1681
8. маркиз д'Оппед	ординарный посол	1681 – 1682
9. Мельхиор де Аро де Сенева, маркиз де Сен-Ромен	чрезвычайный посол	1683 – 1685
10. Жан-Батист Кольбер, маркиз де Торси	чрезвычайный посол	1684
11. Мишель-Жан Амело, маркиз де Гурнэ	ординарный посол	1685 – 1688
12. видам д' Эсневаль	ординарный посол	1688 – 1691
13. аббат д' Эстре	ординарный посол	1692 – 1697
14. Пьер де Руйе	ординарный посол	1697 – 1703
15. маркиз де Шатонёф	посол	1703
16. аббат де Мурнэ	посол	1713 – 1720

V. Англия

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. Помпонн де Бельевр	ординарный посол	1646 – 1647
2. Пьер де Бельевр	ординарный посол	1647 – 1649
3. Антуан де Бордо	посланник, затем посол	1652 – 1660
4. маркиз де Рювињи	посланник	1660
5. Морис-Эжен Савойский, граф Суассонский	чрезвычайный посол	1660
6. граф Годафруа д'Эстрад	ординарный посол	1661
7. Анри де Шатё	посланник	1661
8. граф Годафруа д'Эстрад	ординарный посол	1662
9. Гастон Жан-Батист, граф де Комменж	ординарный посол	1663 – 1665
10. герцог де Верней, граф де Комменж и Оноре Куртен	чрезвычайные послы	1665
11. маркиз де Рювињи	чрезвычайный посланник	1667 – 1668
12. Шарль Кольбер де Круасси	ординарный посол	1668 – 1674
13. маркиз де Рювињи	чрезвычайный посланник	1674 – 1676
14. Оноре Куртен	чрезвычайный посол	1676 – 1677
15. Поль де Барийон	чрезвычайный посол	1677 – 1688
16. Жан-Антуан де Мем, граф д'Аво	чрезвычайный посол	1689 – 1690

VI. Швеция

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. Пьер Шаню	полномочный посол	1652
2. барон д'Авогур	ординарный посол	1654 – 1656
3. шевалье де Терлон	посланник (одновременно в Данию)	1662
	посол к королям Севера (одновременно в Данию)	1664 – 1665
4. Арно де Помпонн	1. чрезвычайный посол	1665 – 1668
	2. чрезвычайный посол	1671
5. Оноре Куртен ⁵⁵⁰	чрезвычайный посол	1671
6. Исаак де Па, маркиз де Фекьер	чрезвычайный посол	1672 – 1682
7. Базен де Бодвиль	ординарный посол	1682 – ?
8. маркиз де Бетюн	чрезвычайный посланник	1691 – 1692
9. Жан-Антуан де Мем, граф д'Аво	чрезвычайный посол	1692 – 1698
10. граф де Гискар	чрезвычайный посол	1699 – 1701
11. Жан-Луи Дюссон, маркиз де Боннак	чрезвычайный посланник	1701 – ?
12. де Рику и де Безенваль	чрезвычайные посланники	1707 – ?
13. Луи-Франсуа-Анри, граф де Круасси	чрезвычайный посол	1715 – 1716

⁵⁵⁰ Оноре Куртен завершил в 1671 г. чрезвычайную миссию Арно де Помпонна, который был вынужден вернуться в Париж в связи с назначением на пост государственного секретаря иностранных дел.

VII. Дания

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. шевалье де Терлон	посол	1664 – 1668; 1670 – 1676
2. Франсуа де Па-Фекьер, граф де Ребенак	посланник	1679
3. Гиацинт де Мартанжи	Ординарный посол	1679 – 1683
4. маркиз Пьер де Виллар	Ординарный посол	1683 – 1685
5. граф де Шеверни	Чрезвычайный посол	1685 – 1688
6. Гиацинт де Мартанжи	Чрезвычайный посол	1688 – 1692
7. Д'Юссон де Бонрепо	Чрезвычайный посол	1692 – 1697
8. граф де Шамийи	Чрезвычайный посол	1698 – 1702

VIII. Голландия

Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. Помпонн де Бельевр	чрезвычайный посол	1651
2. Пьер Шаню	посол	1653 – 1655
3. Жак Огюст де Ту	посол	1657 – 1662
4. граф Годафруа д'Эстрад	чрезвычайный посол	1662 – 1668
5. Арно де Помпонн	посол	1669 – 1671
6. герцог де Шон, Оноре Куртен, Поль де Барийон	чрезвычайные полномочные послы ⁵⁵¹	апрель 1673 – март 1674
7. граф д'Эстрад, Кольбер де Круасси, граф д'Аво		декабрь 1675 – август 1678
8. граф д'Аво	чрезвычайный посол	1678 – 1688

⁵⁵¹ В ходе Голландской войны 1672 – 1678 гг. Людовик XIV дважды отправлял чрезвычайные посольства в Республику Соединенных провинций для обсуждения условий мирного договора. В итоге мир между Францией и Голландией был подписан в августе 1678 г.

IX. Россия

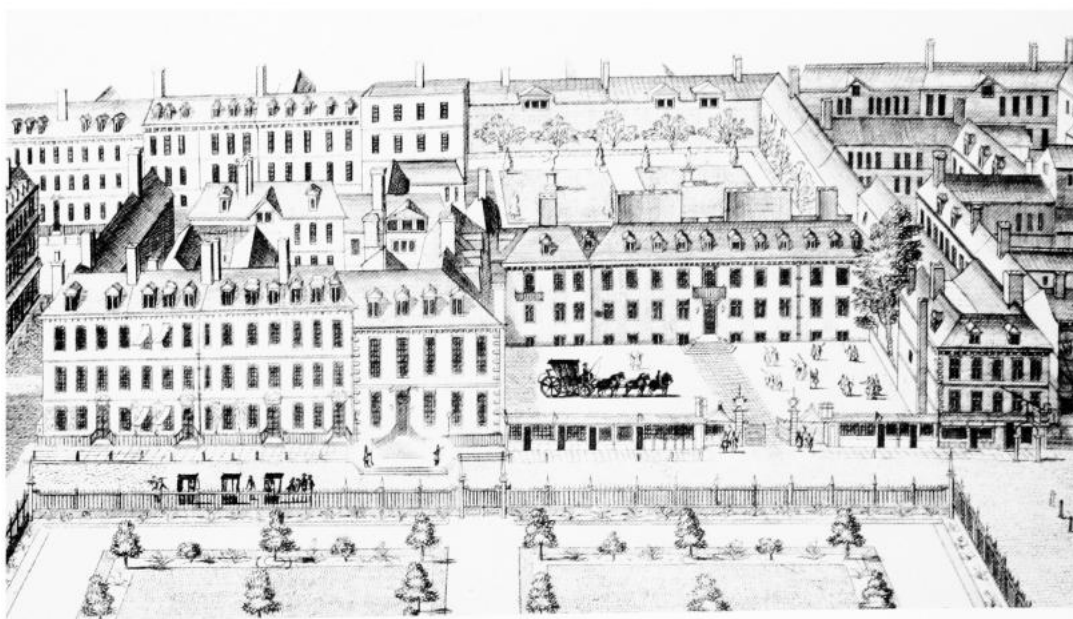
Имя	Ранг	Даты пребывания на посту
1. г-н де Миньер	посланник	1657 – 1658
2. маркиз де Бетюн	чрезвычайный посланник	1680
3. г-н Балюз	1. чрезвычайный посланник	1703 – 1704
	2. чрезвычайный посланник	1710 – 1711
4. г-н Лави	уполномоченный, затем консул	1715 – 1725

Приложение №11. Французские послы в Лондоне

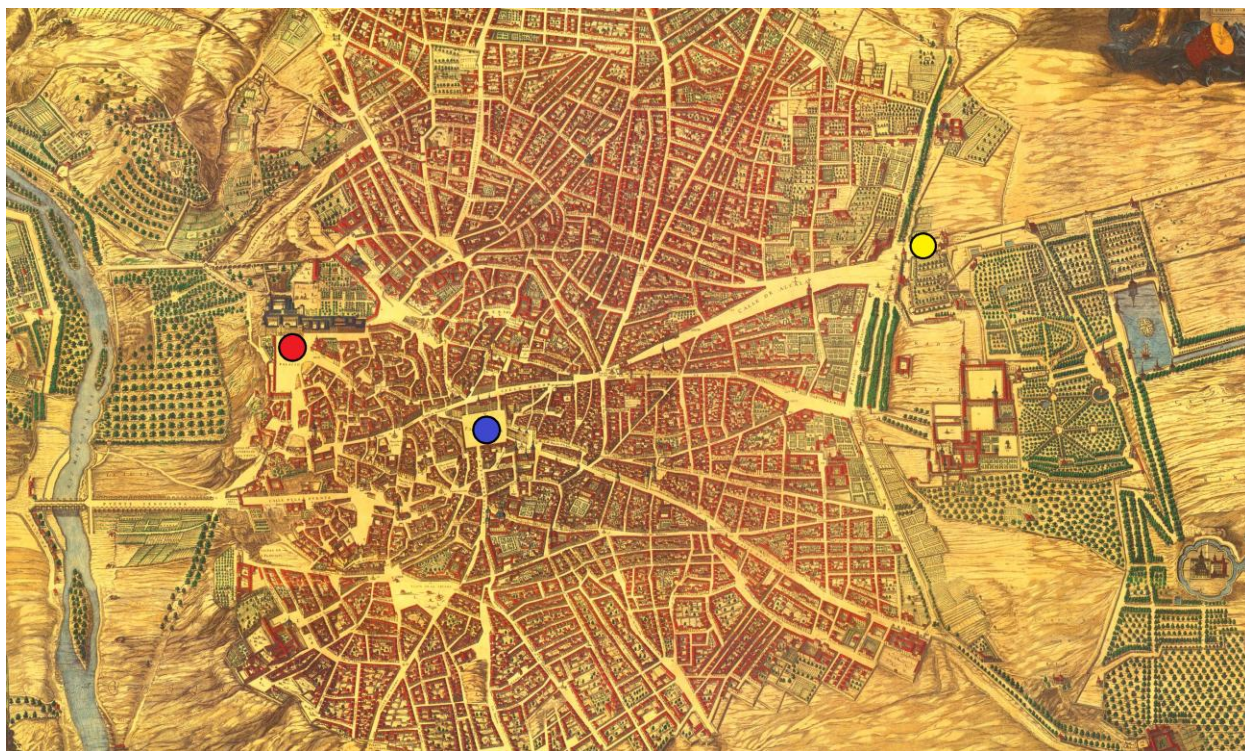
Карта Лондона, вторая половина XVII в. Автор – В. Голлар

- лондонский Тауэр (*Tower of London*), где происходила смена водного транспорта на сухопутный во время публичного въезда посла
- район Вестминстер (*Wesminster*), где останавливались чрезвычайные послы, и королевский дворец Уайтхолл (*Palace of Whitehall*)
- Лестер-хаус (*Leicester House*) – резиденция французского ординарного посла в Лондоне Кольбера де Круасси в 1668 – 1674 гг.

Вид площади Лестер-сквер и Лестер-хаус в Лондоне, 1727 г., гравюра, неизвестный автор

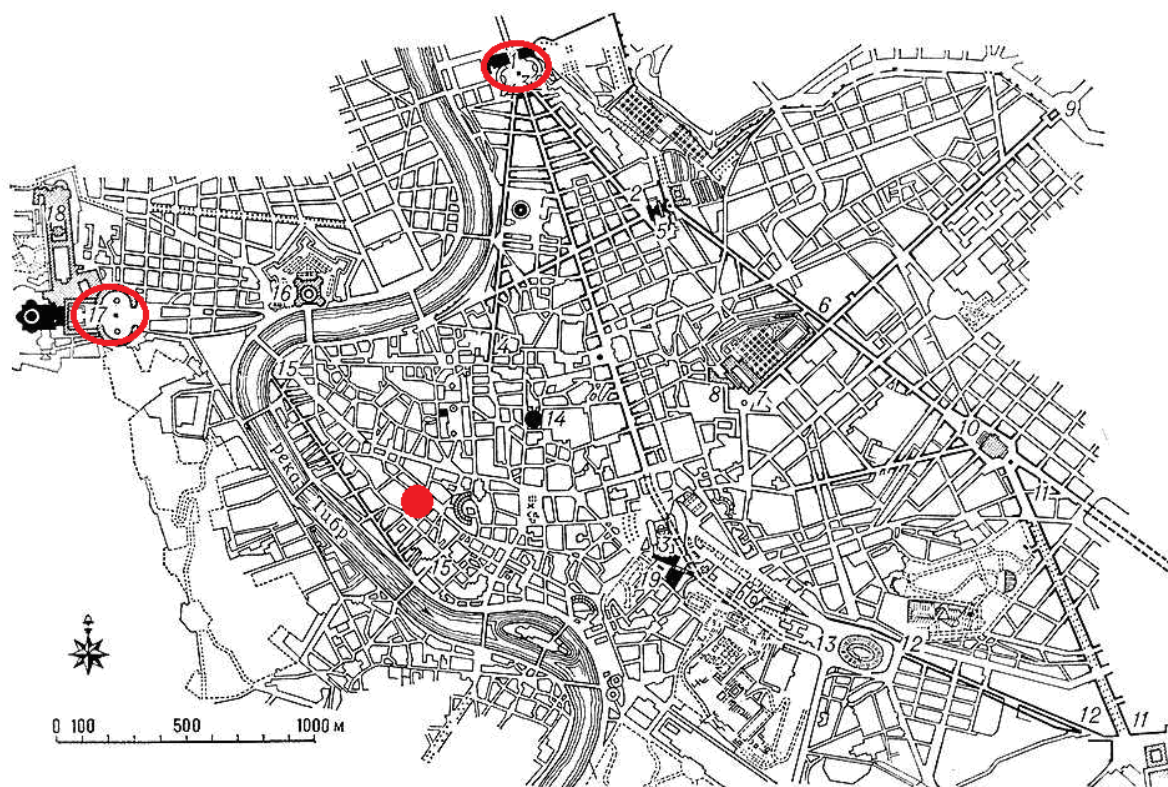
Приложение №12. Французские послы в Мадриде

Карта Мадрида 1656 г. П. Тейшейры (фрагмент)

- Ворота Алькала (*Puerta de Alcalá*)
- Главная площадь (*Plaza Mayor*)
- Королевский дворец (*Alcázar*)

Приложение №13. Французские послы в Риме

Карта Рима XVI – XVII вв.⁵⁵²

- 1 Народные ворота (*Porta del Popolo*) и Народная площадь (*Piazza del Popolo*)
- 17 Площадь Святого Петра (*Piazza San Pietro*)
- Палаццо Фарнезе (*Palazzo Farnese*) – резиденция французских послов в Риме

⁵⁵² Карта приводится по: Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 5. Архитектура Западной Европы XV – XVI вв. Эпоха Возрождения / под ред. В.Ф. Маркузона. М., 1967. С. 163.

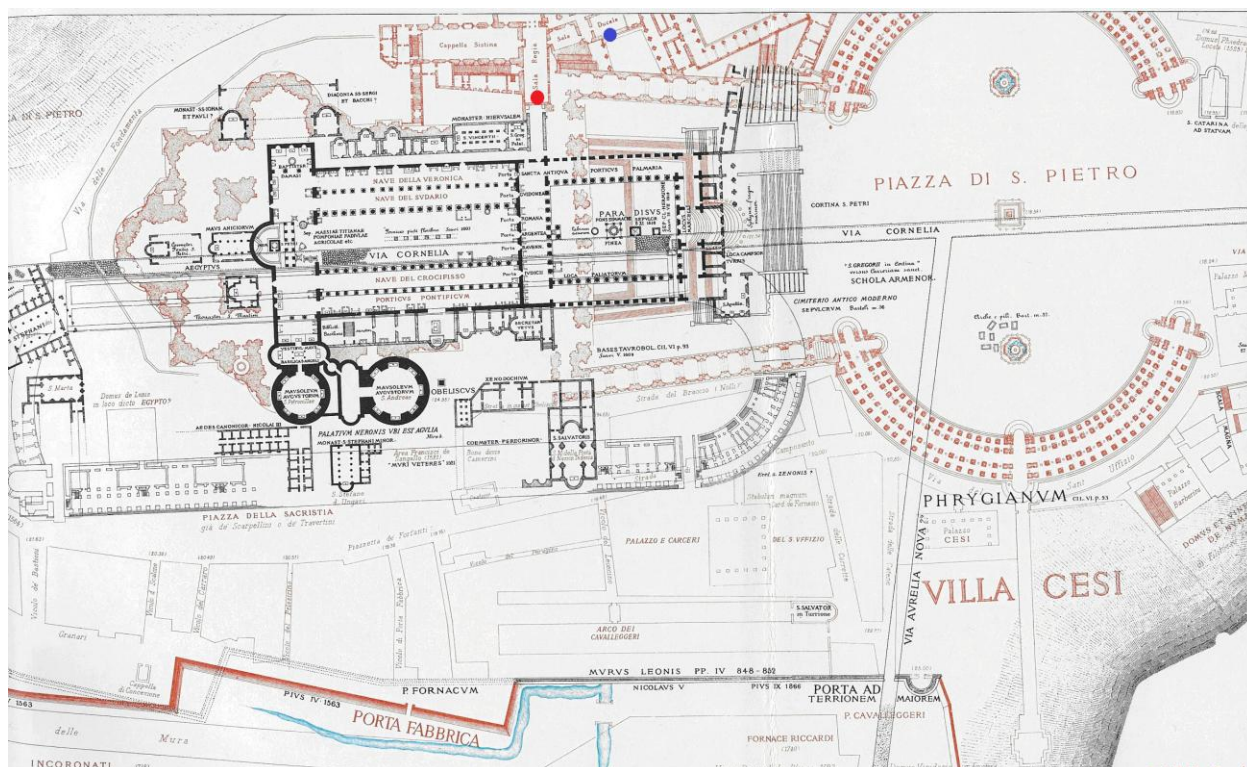

Рис. 1. План южной части Апостольского дворца в Риме (фрагмент карты Р. Ланчани 1893 – 1901 гг.⁵⁵³)

Царская зала (Sala Regia)

Герцогская зала (Sala Ducale)

Рис. 2. Дворец Фарнезе, рисунок Л. Крюйля, 1664 г.

⁵⁵³ В течение XVIII – XIX вв. старейшая южная часть Апостольского дворца, в которой располагаются Царская и Герцогская залы, не перестраивалась.

Рис. 3. Пирамида, возведенная в Риме в 1664 г., Королевская типография, 1723

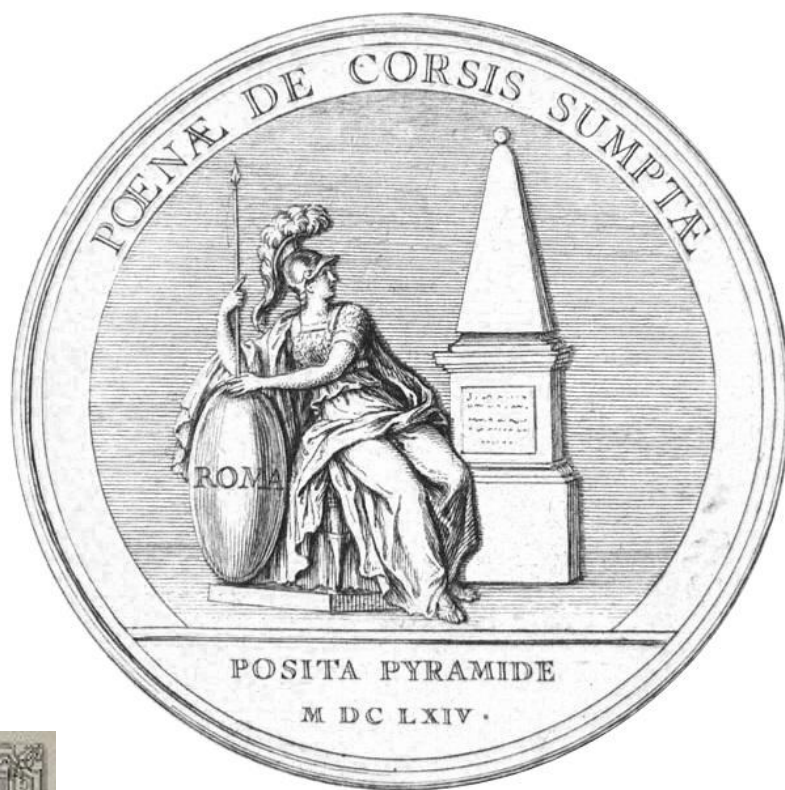

Рис. 4. Медаль с изображением Людовика XIV рядом с искупительной пирамидой в Риме

Рис. 5. Разрушение искупительной пирамиды в 1668 г., Королевская типография, 1723

Рис. 6. Церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, украшенная по случаю праздника в честь Людовика Святого, 25 августа 1666 г., неизв. художник

Рис. 7. Французское посольство принимает участие в карнавальном шествии, 1667 г., неизв. автор

Рис. 8. Праздник в честь подписания Ахенского мира, украшение площади Фарнезе 27 июня 1668 г., рисунок П.-П. Севена

Рис. 9. Проект церкви Тринита-деи-Монти, 1660-е гг., архитектор Ф. д'Орбэ

Рис. 10. Праздники в зарубежных странах (вверху слева – Рим, площадь перед палаццо Фарнезе; справа – Константинополь; внизу слева – Мадрид, справа – Гаага), деталь гравюры Альманаха за 1688 г.

Приложение №14. Приемы испанского посла в Лувре

Аудиенция Людовика XIV послу короля Испании маркизу де ла Фуэнте в Лувре 24 марта 1662 г.
Мастерская Ж. Делакруа, гобелен 3,76 × 5,73 м.

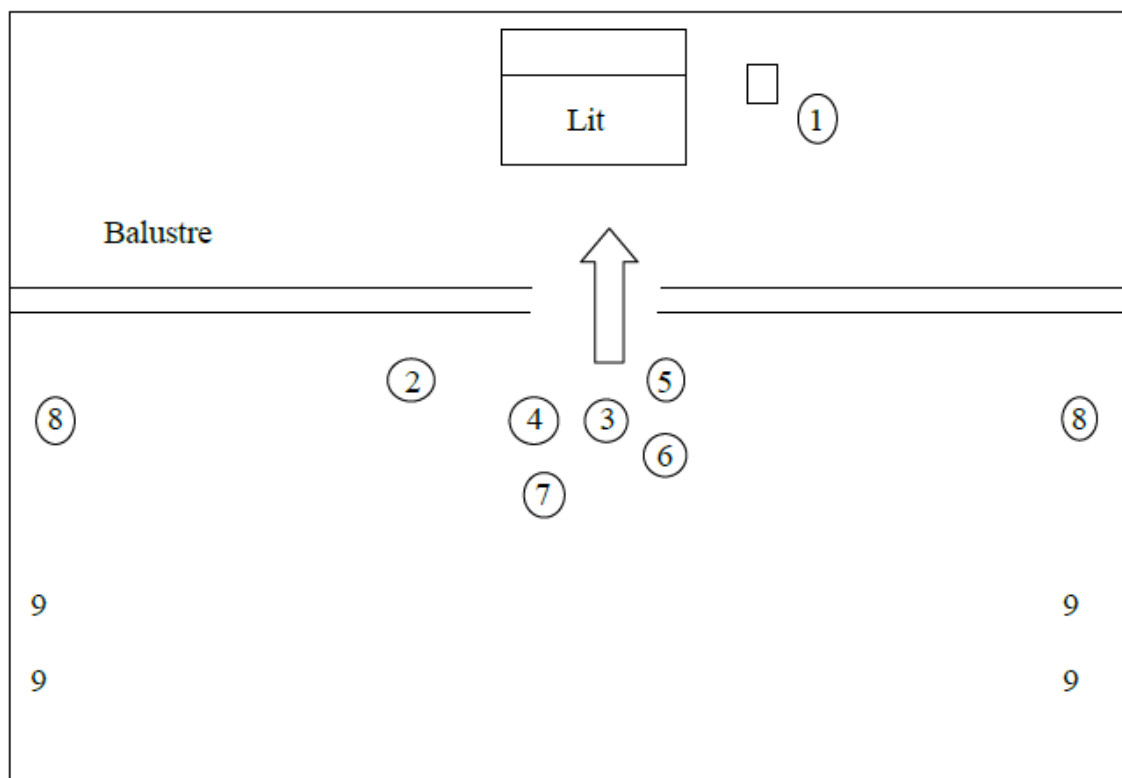
Приложение №15. Прием в Фонтенбло

Босс А. Зачитывание брачного контракта, заключенного между королем Польши Владиславом IV и Луизой-Марией де Гонзага-Невер 25 сентября 1645 г., гравюра, 1645 г., Лондон, Британский музей

Приложение №16. Схема расположения участников первой публичной аудиенции послам⁵⁵⁴

Спальня короля

Lit – кровать короля.

Balustre – балюстрада, отделяющая кровать от остального пространства комнаты.

1. Король, сидящий в кресле, в окружении принцев крови, обер-камергера, одного или нескольких первых камер-юнкеров и гардеробмейстеров.
2. Государственный секретарь иностранных дел.
3. Посол (ему одному было позволено заходить за балюстраду; секретарь посла оставался перед ней).
4. Посольский интродуктор.
5. Капитан гвардейцев.
6. Принц, назначенный сопровождать посла во время аудиенции.
7. Секретарь посла (он нес верительную грамоту).
8. Справа – обер-церемониймейстер; слева – церемониймейстер.
9. Знатные лица из свиты посла.

⁵⁵⁴ Схема дана по: Vasseur S. La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les *Mémoires* du baron de Breteuil (1699–1715) : Mémoire de Master 2 en Histoire. Paris, 2011–2012. P. 226.

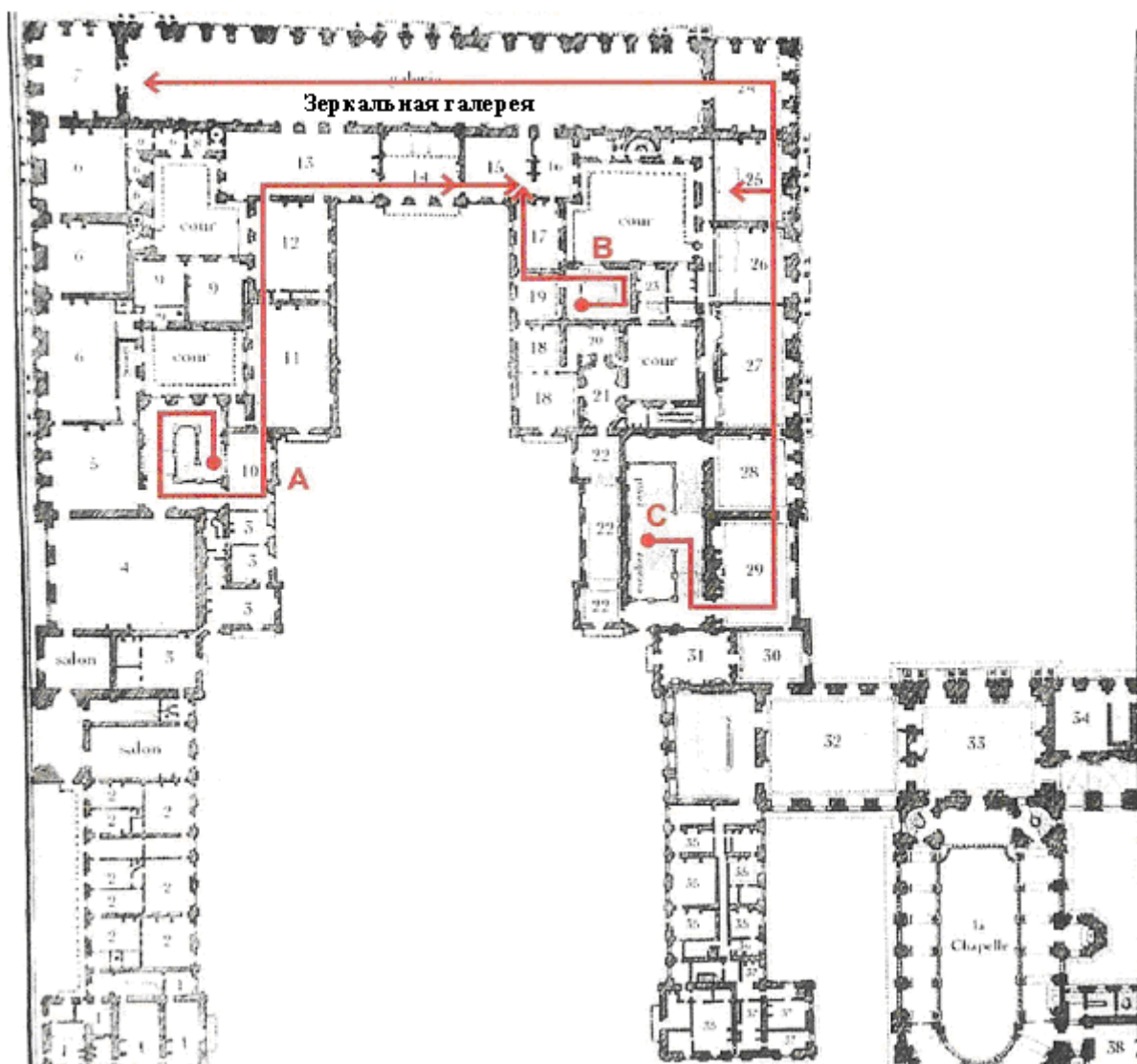

Схема 2. План прохода послов на королевские аудиенции, гравюра Мортена «План второго этажа и апартаментов королевского дворца Версаля» (к 1709 г.)

А – путь в королевскую спальню или кабинет Совета

В – секретный путь в кабинет Совета

С – путь в тронный зал или Зеркальную галерею (от лестницы послов)

Апартаменты короля:

- 10 – лестница королевы (мраморная) и лоджия
- 11 – зал гвардейцев
- 12 – первый антишамбр (салон Большого столового прибора)
- 13 – второй антишамбр («Бычий глаз»)
- 14 – королевская спальня (бывший салон короля)
- 15 – кабинет Совета

Малые апартаменты короля:

- 16 – кабинет париков
- 17 – передняя для собак
- 19 – салон малой (потайной) лестницы короля

6 – апартаменты королевы

7 – салон Мира

Большие апартаменты короля:

- 24 – салон Войны
- 25 – тронный зал (салон Аполлона)
- 26 – королевская парадная спальня (салон Меркурия)
- 27 – салон Марса
- 28 – салон Дианы
- 29 – салон Венеры

Приложение №18. Лестница послов в Версале

Приложение №19. Картины из Зеркальной галереи Версаля

Рис. 1. Мир, заключенный в Ахене, 1668 г.

Рис. 2. Удовлетворение по делу корсиканцев 1664 г.

Приложение №20. Свадебный костюм французских принцев конца XVII – начала XVIII в.

А. Дьё. Свадьба герцога Бургундского и Марии-Аделаиды Савойской 7 декабря 1697 г. (фрагмент), музей Версаля

Библиография

Источники

Неопубликованные источники

I. Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères (Франция – Ла-Курнёв):

1. Mémoires et documents, fonds France : Cérémonial : vol. 1817, 1824, 1827 – 1848, 1851; fonds Angleterre : vol. 62; fonds Hollande : vol. 62 – 64; fonds Rome : vol. 70, 91; fonds Suède : vol. 5; fonds Venise, vol. 35.
2. Correspondance politique (origines – 1896) : Angleterre, vol. 92 – 95; Rome, vol. 149 – 153, 181, 192, 314 – 325.

II. Archives nationales (Франция – Пьерфит-сюр-Сен):

Série O³ (Maison du roi / Restauration) : 518 (Mémoires sur la charge de Grand Gaître des Cérémonies, par marquis de Dreux).

III. Bibliothèque nationale de France (BnF – Париж):

1. Ms, Fonds Français, vol. 14117 – 14120 : «Mémoires de M. de Saintot, introducteur des ambassadeurs»; vol. 15870 : «Instructions à divers ambassadeurs français à l'étranger, et autres pièces diplomatiques, manuscrites et imprimées (1491 – 1675)».
2. Ms, Nouvelles acquisitions françaises, vol. 3123 – 3133 : «Journal de M. de Villeras, secrétaire ordinaire du Roy à la conduite des ambassadeurs».
3. Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859 – 3865 : «Mémoires du baron de Breteuil».

IV. Bibliothèque de l'Institut de France (Париж):

Ms 725 : «Journal des réceptions, audiences, visites des princes et ambassadeurs étrangers à la cour de France et du cérémonial qui y fut observé».

V. Российский государственный архив древних актов (РГАДА – Москва):

Посольские книги: Ф. 93 (сношения России с Францией).

1. *Arvieux, chevalier de*. Mémoires. Paris, 1735. T. 4.
2. *Bignon J.* De l'Excellence des Roi et du Royaume de France, traitant de la préséance et des prérogatives des Rois de France par dessus tous les autres, et des causes d'icelles. Paris, 1610.
3. *Breteuil, baron de*. Mémoires. Paris, 1992.
4. *Bulteau Ch.* De la préséance des rois de France sur les rois d'Espagne. Paris, 1674.
5. *Callières, François de*. L'art de négocier sous Louis XIV. Paris, 2006.
6. *Cherubini L.* Magnum bullarium romanum: ab. Leone Magno usque ad S.D.N. Innocentium X. Lugduni, 1655. T. 1.
7. *Coulanges, Philippe-Emmanuel, marquis de*. Mémoires. Paris, 1820.
8. *Dangeau, Philippe de Courcillon, marquis de..* Journal de la Cour de Louis XIV. Paris, 1854 – 1860, 19 vol.
9. *Dumont J., Rousset de Missy J.* Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam – La Haye, 1739.
10. *Godefroy, Théodore et Denis.* Le ceremonial français. Paris, 1649.
11. *Gramont, A. de*. Mémoires du maréchal de Gramont, duc et pair de France. Amsterdam, 1717.
12. *La Fayette, Madame de*. Mémoires sur le règne de Louis XIV / texte établi par C. Muller. Paris, 2003.
13. *Leibniz G.W.* Remarques sur un manifeste français, lettres et avertissements // Œuvres de Leibniz. T. 3. Paris, 1861. P. 75 – 203.
14. Le Recueil des insructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française (1648 – 1789). Paris, 1884 – 1983, 31 vol.
15. *Louis XIV.* Mémoires pour l'instruction du dauphin. Paris, 1992.
16. Mémoires complets et autentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et le Régence. Paris, 1829 – 1830, 21 vol.
17. Œuvres de Louis XIV. Paris, 1806. TT. 1 – 2.
18. *Rousset de Missy J.* Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans suivant leurs différens Caractères. Pour servir de supplement à *l'Ambassadeur et ses fonctions* de Mr. de Wicquefort. Amsterdam, 1746.
19. *Sourches, Louis-François, marquis de*. Mémoires sur le règne de Louis XIV. Paris, 1882 – 1893, 13 vol.
20. *Spanheim E.* Relation de la cour de France en 1690. Paris, 1900.
21. *Wicquefort A.* L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1682.
22. *Wicquefort A.* Mémoire touchant les ambassadeurs et les ministres publics. La Haye, 1677.
23. Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1972.

Периодическая печать

1. *Gazette*, 1666, №119 // Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1667. P. 1013 – 1020; 1687, №№ 11, 13, 39, 40 // Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1688. P. 125 – 136, 149 – 160, 657 – 680; 1688, №3 // Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1688. P. 157 – 168.
2. Letter of news, 18.08.1668 // Calendar of State Papers Domestic: Charles II: August 1668. London, 1893. P. 516 – 565.
3. *Mercure galant*. Novembre 1686, II; Mars 1701.

Иконографические источники

1. Arc de Triomphe de Louis XIV à la porte de Saint-Antoine : estampe / Sébastien Leclerc, 1679, BnF, département Estampes et photographie, <http://gallica.bnf.fr/>
2. Audience accordée au cardinal Chigi par Louis XIV à Fontainebleau le 29 juillet 1664 : étude pour la tapisserie / Charles Le Brun, vers 1665, Musée du Louvre, département des Arts graphiques, <http://ag.louvre.fr/recherche/oeuvres>
3. Audience accordée par Louis XIV au comte de Fuente, ambassadeur du roi d'Espagne, au Louvre le 24 mars 1662 : tapisserie / atelier de Jean de La Croix, d'après Pierre Ballin, 1732 – 1735, Versailles.
4. Entrée de l'Ambassade Suisse à Paris, d'après un almanach du 1er Janvier 1664 // Borel T. Une ambassade suisse à Paris, 1663. Ses aventures et ses expériences. Paris, 1910. P. 106.
5. Entrée du cardinal Chigi à Paris le 9 août 1664 : estampe / anonyme, Château de Versailles et de Trianon, <http://www.banqueimages.crcv.fr/>
6. Fête pour la paix d'Aix-la-Chapelle le 27 juin 1668, décor de la piazza Farnese : dessin / Pierre Paul Sevin, Nationalmuseum, Stockholm.
7. L'ambassade siamoise à la cour de Versailles de Louis XIV, en 1686 : gravure / Nicolas de Larmessin, musée Ernest-Cognacq, Saint-Martin-de-Ré.
8. La galerie des Glaces avec le trône et le mobilier d'argent, aménagement pour l'ambassadeur du Siam en 1686 (détail) : gravure / Jean Dolivar, Versailles, musée national des château de Versailles et de Trianon, inv. Grav. 111 <https://crcv.revues.org/docannexe/image/132/img-3.jpg>
9. La Reception faite au roy d'Angleterre par le Roy à s^t. Germain en laye le VIIe. Janvier 1689 : estampe / Nicolas Langlois, Almanach de 1690, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
10. La royalle [sic] reception des ambassadeurs du roy de Siam par Sa Majesté à Versailles le 1^r septembre 1686 : Les Présens [sic] du Roy de Siam Faits au Roy en 1686 : gravure / non identifié, Almanach pour l'an de grâce 1687.
11. La solennelle ambassade du roy de Siam au roy, pour l'établissement du commerce avec ces peuples d'Orient, les cérémonies de la lettre et des audiences : estampe / non identifié, Almanach pour l'année 1687, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
12. L'audience donnée le 5 décembre 1669 à Saint-Germain-en-Laye par Louis XIV à Soliman Aga Musta Ferraga : estampe / Jean Lepautre, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
13. Lecture du contrat de mariage du roi de Pologne avec Louise-Marie de Gonzague-Nevers dans la chambre de parade du roi à Fontainebleau, le 25 septembre 1645 : engraving / Abraham Bosse, 1645, British Museum, London.
14. Le lago de piazza Farnese : dessin / Lieven Cruyl, 1664, Museum of Art, Cleveland.
15. L'entrée de l'ambassadeur de Perse à Paris vue dans la place roiale [sic] le 7 février 1715 : estampe / non identifié, ed. 1715, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
16. Les fêtes dans les pays étrangers (Rome, Constantinople, Madrid, La Haye) : gravure / non identifié, détail de l'Almanach pour 1688, Musée Carnavalet, Paris.

17. Louis XIV reçoit les envoyés de la Perse dans la Galerie des Glaces : tableau / attribué à *N. de Largillière* ou *A. Coypel*, Versailles, <http://ressources.chateauversailles.fr/>
18. Louis le Grand la terreur et l'admiration de l'univers : la soumission de la République de Gennes [sic] fait à sa maiesté [sic]... : estampe / non identifié, Almanach pour l'an de grâce 1686, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
19. Mariage de Louis de France, duc de Bourgogne, et de Marie-Adélaïde de Savoie, 7 décembre 1697 : tableau / *Antoine Dieu*, 1715, Versailles, musée national des châteaux de Versailles et de Trianon.
20. Médailles sur les principaux événements du règne entier de Louis le Grand avec des explications historiques, Paris, Imprimerie Royale, 1723, f°s 78, 108, Bibliothèque municipale de Versailles.
21. Réparation faite à Louis XIV par le dōge de Gênes, 15 mai 1685 : tableau / *Claude-Guy Hallé*, 1715, Versailles, <http://collections.chateauversailles.fr/>
22. Siamese ambassador Kosa Pan presents King Narai's letter to Louis XIV's court at Versailles, 1 September 1686 : engraving / not identified // *Smithies M.* Siam and the Vatican in the Seventeenth Century. Bangkok, 2001. P. 67 (original credited to National Archives of Thailand, Bangkok).
23. Tenture de l'Histoire du roi : L'Audience du légat : tapisserie de haute lisse à fils d'or / atelier de *Jean Lefebvre*, 1667 – 1672, Versailles.
24. Versailles, la galerie des Glaces. Catalogue iconographique / par *N. Milovanovic*, conservateur du patrimoine, <http://www.galeriedesglaces-versailles.fr/>
25. Vue de la Bastille et de la porte Saint-Antoine : dessin / *Gabriel Perelle*, 1671, BnF, département Estapes et photographie, <http://gallica.bnf.fr/>

Карты, схемы

1. *De Mortin*. Plan du premier étage et des appartements du château royal de Versailles, vers 1709 (planche 3) // *R.Kauz, G.Rota et J.P.Nieder Korn* (dir.) *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Vienne, 2009. P. 402.
2. *De Mortin*. Plan du rez-de-chaussée du château royal de Versailles, vers 1709 (planche 2) // *R.Kauz, G.Rota et J.P.Nieder Korn* (dir.) *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Vienne, 2009. P. 401.
3. *Hollar W.* 17th century map of London // *Atlas Van der Hagen*, Koninklijke Bibliotheek, Den Haag, <https://www.kb.nl/>
4. *Jaillot B.* Nouveau plan de la ville et fauxbourgs de Paris, 1713 / *Atlas historique de Paris* [source électronique], <http://paris-atlas-historique.fr/6.html>
5. *Jouvin de Rochefort A.* Paris et ses environs en 1672 : document cartographique, BnF, <http://gallica.bnf.fr/>
6. *Teixeira Albernaz P.* Mantua Carpetorum sive Matritum Urbs Regia (Madrid Ciudad Regia) // *Topographia de la villa de Madrid descrita por Don Pedro Texeira Año 1656* [Material cartográfico]. Madrid, 1943.

Литература

1. *Adair E.R.* The Exterritoriality of Ambassadors in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. London, 1929.
2. *Althoff G., Witthöft Ch.* Les services symboliques entre dignité et contrainte // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 58e année, 2003 (6). P. 1293 - 1318.
3. *Anderson M.S.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450 – 1919. London, New York, 1993.
4. *Antoine M.* La chancellerie de France au XVIe siècle // *Journal des savants*. 1969. Vol. 3. №3. P. 145 – 157.
5. *Apostolidès J.-M.* Le Roi-machine, spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 1981.
6. *Archimbaud A.* Les fêtes de cour sous Louis XIV de 1682 à 1715, mémoire de maîtrise, dir. *J. Meyer*. Paris – Sorbonne, 1983.
7. *Ashley M.P.* Louis XIV and the Greatness of France. New York, 1965.
8. *Autrand F., Bély L.* Histoire de la diplomatie française. T.1. Du Moyen Age à l'Empire. Paris, 2007.
9. *Ayda A.* Molière et l'envoyé de la Sublime Porte // *Cahiers de l'Association internationales des études françaises*, 1957, n° 9. P. 103 – 116.
10. *Baguenault de Puchess G.* Les introducteurs des ambassadeurs (1585 – 1900) // *Revue d'histoire diplomatique*, 1901. P. 252 – 261.
11. *Baillie H.M.* Etiquette and the Planning of State Apartments in Baroque Palaces // *Archeologia*. Vol. 101. 1967. P. 169 – 199.
12. *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. Paris, 2001.
13. *Batiffol L.* La charge d'ambassadeur au XVIIe siècle // *Revue d'histoire diplomatique*, 25, 1911. P. 339 – 355.
14. *Baudez B., Maisonnier E.* Les Hôtels de la guerre et Affaires étrangères à Versailles. P., 2010.
15. *Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990.
16. *Bély L.* L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIe siècle. Paris, 2007.
17. *Bély L.* La société des princes. Paris, 1999.
18. *Bély L.* Les relations internationales en Europe, XVIIe – XVIIIe siècles. Paris, 1992.
19. *Bély L.* Souveraineté et souverains: la question du cérémonial dans les relations internationales à l'époque moderne // *Annuaire – Bulletin de la Société de l'histoire de France*, année 1993. Paris, 1994. P. 27 – 43.
20. *Bielfeld, baron de.* Institutions politiques. Vol. 1 – 2. La Haye, 1760.
21. *Blaga C.-G.* L'évolution de la technique diplomatique au XVIIIe siècle: idéologie, mœurs et procédés. Paris, 1937.
22. *Blet P.* Histoire de la représentation diplomatique du Saint-Siège, des origines à l'aube du XIXe siècle. Cité du Vatican, 1982.
23. *Blet P.* Le nonce en France au XVIIe siècle, ambassadeurs et délégué apostolique // *Revue d'histoire diplomatique*, 1974. P. 223 – 258.
24. *Blet P.* Les nonces du pape à la cour de Louis XIV. Paris, 2002.
25. *Bluche F.* La vie quotidienne au temps de Louis XIV. Paris, 1984.
26. *Bluche F.* Le grand règne. Paris, 2006.
27. *Bluche F.* Les honneurs de la Cour. Paris, 1958, 2 vol.
28. *Bluche F.* Louis XIV. Paris, 1986.
29. *Boiteux M.* Le palais Farnèse: la représentation et l'identité // *Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*. 122-2 (2010). P. 311-338.

30. *Boiteux M.* Les fêtes publiques dans l'environnement du palais // Le palais Farnèse. Rome, 1981. Vol. I. P. 613 – 646.
31. *Boppe A.* Les Introduteurs des Ambassadeurs. Paris, 1901.
32. *Borel T.* Une ambassade suisse à Paris, 1663. Ses aventures et ses expériences. Paris, 1910.
33. *Bottineau Y.* La cour de Louis XIV à Fontainebleau // XVIIe siècle, n° 24, 1954. P. 697 – 734.
34. *Boureau A.* Les cérémonies royales françaises entre performance juridique et compétence liturgique // Annales. Économies, sociétés, civilisations. 1991. №6. P. 1253 – 1264.
35. *Brandli F.* Le personnel diplomatique de la résidence de France à Genève: profil social et culture politique (1679-1798) // Études de lettres, 2010 (3). P. 217 – 244.
36. *Brocher H.* A la cour de Louis XIV. Le rang et l'étiquette sous l'ancien regime. Paris, 1934.
37. *Brouillet S.* De Versailles à Paris: Nicolas de Saintot, choréographe de la monarchie en représentation, 1711 – 1716 // *Auzépy M.-Fr., Cornette J.* (dir.) Palais et pouvoir: de Constantinople à Versailles... Saint-Denis, 2003. P. 269 – 292.
38. *Boureau A.* Les cérémonies royales françaises entre performance juridique et compétence liturgique // Annales. Économies, sociétés, civilisations. 1991. n° 6. P. 1253 – 1264.
39. *Bryant L.M.* Ritual, Ceremony and the Changing Monarchy in France, 1350 – 1789. Burlington, 2010.
40. *Bryant L.M.* The king and the city in the Parisian royal entry ceremony. Politics, ritual and art in the Renaissance. Geneva, 1986.
41. *Burke P.* Louis XIV: les stratégies de la gloire. Paris, 1995.
42. *Campbell P.R.* Louis XIV, 1661 – 1715. London, 1993.
43. *Camus A.* Être reçu en audience chez le roi // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles [en ligne], Articles et études mis en ligne le 10 juillet 2013. URL: <http://crcv.revues.org/12206>
44. *Camus A.* S'entretenir avec le roi: les audiences de Louis XIV, mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2011 – 2012.
45. *Capefigue J.-B.* Louis XIV, son gouvernement et ses relations diplomatiques avec l'Europe. Paris, 1837 – 1838.
46. *Castelluccio S.* Les fastes de la galeries des Glaces. Paris, 2007.
47. *Castelluccio S.* Les réceptions d'ambassadeurs dans la galerie des glaces // *Versalia*. 2006/9. P. 24 – 52.
48. *Chatenet M.* Henri III et "l'ordre de la cour". Évolution de l'étiquette à travers les règlements généraux de 1578 et 1575 // *Henri III et son temps: actes du colloque international du Centre de la Renaissance de Tours*. Paris, 1992. P. 133 – 139.
49. *Corvisier A.* La France de Louis XIV. Paris, 1979.
50. *Cosandey F., Descimon R.* L'absolutisme en France: histoire et historiographie. Paris, 2002.
51. *Cosandey F.* Instituer la toute-puissance? Les rapports d'autorité dans la France d'Ancien Régime // *Tracés. Revue de Siences humaines*, 17, 2009 (2). P. 39 – 54.
52. *Courcel R. de.* L'hôtel des ambassadeurs extraordinaires à Paris // *Bulletin de la société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France*. 66e année – 1939. Paris, 1940.
53. *Cuer G.* Pomponne, Feuquières et la Suède // *Revue d'histoire diplomatique*, 98, 1984. P. 193 – 219.
54. *Daguenet P.* L'Aurore du Roi-Soleil: 1661, Le grand séjour de Louis XIV à Fontainebleau. Fontainebleau, 2016.
55. *Dainville S. de.* Maison, dépenses et ressources d'un nonce en France sous Louis XIV // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire*, LXXXII, 1979. P. 919 – 970.

56. De l'ambassadeur: les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle / *Andretta S., Péquignot S., Waquet J.-C.* (dir.) Roma, 2015.
57. *Del Pesco D.* La légation de Flavio Chigi à Paris en 1664 : mémoire et documents nouveaux (avec quelques observations sur le Journal de voyage du Cavalier Bernin en France de Paul de Chantelou) // *Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*, 123-2, 2011. P. 475 – 512.
58. *Del Pesco D., Chantelou F.* Mémoire du traitement fait par la maison du roi à Monsieur le cardinal Chigi légat *a Latere* en France // *Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*, 123-2, 2011. P. 513 – 547.
59. *Diakité T.* Louis XIV et l'Afrique noire. Paris, 2013.
60. *Diplomacy and Early Modern Culture* / *R. Adams, R. Cox* (ed.) New York, 2011.
61. *Doinel J.* Passages d'ambassadeurs et de princes à Orléans du XVIe au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire diplomatique*, 4, 1890. P. 591 – 606.
62. *Doinel J.* Réception d'ambassadeurs à Orléans au Moyen Age // *Revue d'histoire diplomatique*, 5, 1892. P. 98 – 102.
63. *Dubost J.-F., Sahlins P.* Et si on faisait payer les étrangers? Louis XIV, les immigrés et quelques autres. Paris, 1999.
64. *Dubu J.* Un Persan à Versailles, ou Saint-Simon de l'ambassade à l'enbauchement // *Cahiers Saint-Simon*, n° 16, 1988. P. 30 – 37.
65. *Duffo F.-A.* Le cérémonial de France à la cour de Louis XIV. Paris, 1936.
66. *Duindam J.* *Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court.* Amsterdam, 1995.
67. *Duindam J.* *Vienna and Versailles : the courts of Europe's dynastic rivals, 1550 – 1780.* Cambridge, 2003.
68. *Duroselle J.-B.* Tout empire périra: théorie des relations internationales. Paris, 1992.
69. *Fedele D.* Naissance de la diplomatie moderne. L'ambassadeur au croisement du droit, de l'étique et de la politique : Thèse en vue de l'obtention du grade de docteur de l'Université de Lyon, délivré par l'École Normale Supérieure de Lyon, présentée et soutenue publiquement le 5 décembre 2014.
70. *Filon Ch. A.* De la Diplomatie française sous Louis XIV. Paris, 1843.
71. *Flassan G.* Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. Paris, 1811.
72. *Formel – Le Vasseur F.* Du cérémonial à la cour de France. "Léger crayon" de M. de Saintot et d'un cérémonial impromptu: le duc de de Saint-Simon // *Cahiers Saint-Simon*, n° 39, 2011. P. 11 – 44.
73. *Fournier Ch.* Etude sur Nicolas-Louis Le Dran (1687 – 1774): témoin et historien des affaires étrangères aux temps de la régence et du règne de Louis XV (1715 – 1762). La Celle-Saint-Cloud, 2015.
74. *Franklin A.* La civilité, l'étiquette, le bon ton, la mode, du XIIIe au XIXe siècle. Paris, 1908.
75. *Freedberg D.* Le pouvoir des images. Paris, 1998.
76. *Frigo D.* Prudence and Experience: Ambassadors and Political Culture in Early Modern Italy // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 2008, 38 (1). P. 15 – 34.
77. *Gallois E.* L'ambassade de Siam au XVIIe siècle. Paris, 1862.
78. *Gérin Ch.* L'ambassade de Créquy à Rome et le traité de Pise, 1662 – 1664 // *Revue des questions historiques*, juillet 1880. P. 79 – 151.
79. *Gérin Ch.* L'ambassade de Lavardin et la séquestration du nonce Ranuzzi (1687 – 1689) // *Revue des questions historiques*. T. 16. Paris, 1874. P. 382 – 432.
80. *Gérin Ch.* Louis XIV et Saint-Siège. Paris, 1894, 2 t.

81. *Gérin Ch.* Recherches historiques sur l'Assemblée du clergé de France de 1682. Paris, 1870.
82. *Giesey R.E.* Cérémonial et puissance souveraine: France, XVe – XVIIe siècles. Paris, 1987.
83. *Giesey R.E.* Le roi ne meurt jamais. Les obsèques royales dans la France de la Renaissance. Paris, 1987.
84. *Gillot H.* Le règne de Louis XIV et l'opinion publique en Allemagne. Paris, 1914.
85. *Gómez del Campillo M.* El espía mayor y el conductor de embajadores // Boletín de la Real Academia de la Historia, 119, 1946. P. 317–340.
86. *Goubert P.* Le siècle de Louis XIV. Paris, 1996.
87. *Grell Ch.* Histoire intellectuelle et culturelle de la France du Grand Siècle (1654 – 1715). Paris, 2000.
88. *Grubert A.C.* Les grandes fêtes et leur décor à l'époque de Louis XIV. Paris, 1972.
89. *Guarino G.* Representing the king's splendor: communication and reception of symbolic forms of power in Viceregal Naples. Manchester, 2011.
90. *Guenée B. et Lehoux F.* Les entrées royales françaises, 1328 – 1515. Paris, 1968.
91. *Guennou J.* Missions étrangères de Paris. Paris, 1986.
92. *Haehl M.* Les affaires étrangères au temps de Richelieu: Le secrétariat d'Etat, les agents diplomatiques (1624 – 1642). Paris, 2006.
93. *Hampton T.* Fictions of Embassy. New York, 2009.
94. *Hanley S.* Le lit de justice des rois de France: l'idéologie constitutionnelle dans la légende, le rituel et le discours. Paris, 1991.
95. *Hartmann C.H.* Charles II and Madame. London, 1934.
96. *Hatton R.M.* L'époque de Louis XIV. Paris, 1970.
97. *Hatton R.M.* Louis XIV: at the court of the Sun King // The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty. 1400 - 1800 / Ed. A.G. Dickens. New York, 1977. P. 121 – 146.
98. *Hatton R.M.* Louis XIV: recent gains in historical knowledge // Journal of Modern History. XLV. 1973.
99. *Hautecoeur L.* Louis XIV. Roi-Soleil. Paris, 1953.
100. *Herbette M.* Une Ambassade persane sous Louis XIV. Paris, 1907.
101. Histoire de la France depuis les origines jusqu'à la Révolution / dir. *E. Lavisse*. Paris, 1901 – 1911. TT. 7 – 8.
102. Histoire des relations internationales / *P. Renouvin* (dir.) Paris, 1953 – 1958, 8 vol.
103. *Hugon A.* Au service du roi catholique, “honorables ambassadeurs” et “divins espions”: représentation diplomatique et service secret dans les relations hispano-françaises de 1598 à 1635. Madrid, 2004.
104. *Hugon A.* L'étranger à la cour de France selon l'ambassade espagnole auprès du Roi très chrétien (1re moitié du XVIIe siècle) // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles [En ligne], 2016, mis en ligne le 28 juillet 2016, consulté le 14 août 2016. URL : <http://crcv.revues.org/13824>
105. *Hugon A.* L'information dans la politique étrangère de la Couronne d'Espagne, XVIe – XVIIe siècles // L'information à l'époque moderne: Actes de colloque de 1999. Paris, 2001. P. 23 – 53.
106. *Hutchinson E.W.* Four French State Manuscripts, relating to Embassies between France and Siam in the XVIIth Century // Journal of the Siam Society, XXVII, 1934. P. 183 – 244.
107. *Jackson R.A.* Vivat rex. Histoire des sacres et couronnements en France, 1364 – 1825. Strasbourg, 1984.

108. *Jacq-Hergoulch M.* Les ambassadeurs siamois à Versailles le 1er septembre 1686, dans un bas-relief en bronze d'Antoine Coysevox // *Journal of the Siam Society*, LXXII, 1984. P. 19 – 36.
109. *Joubert A.* Passage d'ambassadeurs et de princes étrangers à Anger du XV au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire diplomatique*, 6, 1892. P. 192 – 214.
110. *Jusserand J.J.* L'École des ambassadeurs. Paris, 1934.
111. *Kugeler H.R.* "Le parfait Ambassadeur". The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia. Oxford, 2006 (неизданная диссертация)
URL: <http://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:be69b6b3-d886-4cc0-8ae3884da096e267/datastreams/THESIS01> Дата обращения: 15.04.2014
112. *Labatut J.-P.* Louis XIV. Roi de gloire. Paris, 1984.
113. La gloire à l'époque moderne // *O. Chaline* (dir.) Paris, 2001.
114. *Latreille A.* Les nonces apostoliques en France et l'Eglise gallicane sous Innocent XI // *Revue d'histoire de l'Eglise de France*. Paris, Turnhout, 1955. Vol. 41. P. 211 – 234.
115. Le cérémonial de la Cour d'Espagne au XVIIe siècle / trad. et ed. critique de *H. Coniez*. Paris, 2009.
116. *Leferme-Falguières F.* Les courtisans: une société de spectacle sous l'Ancien Régime, Paris, 2007.
117. *Legrelle A.* La diplomatie française et la succession d'Espagne. Gand, 1890.
118. *Le Roux N.* La cour dans l'espace du palais. L'exemple de Henri III // *Auzepy M.-F., Cornette J.* (dir.). Palais et Pouvoir, de Constantinople à Versailles. Saint-Denis, 2003. P. 229 – 267.
119. *Le Roux N.* Le roi, la cour, l'État: de la Renaissance à l'absolutisme. Seyssel, 2013.
120. *Le Roy Ladurie E.* Auprès du roi, la cour // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 38e année, 1983 (1). P. 21 – 41.
121. *Le Roy Ladurie E.* Saint-Simon ou le système de la Cour. Paris, 1997.
122. Les Affaires étrangères et le corps diplomatique français. T.1: De l'ancien régime au second empire / ed. *J. Baillou*. Paris, 1984.
123. Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / *Grell Ch., Pellistrandi B.* (dir.) Madrid, 2007.
124. Les entrées: gloire et déclin d'un cérémonial // Actes du colloque tenu au château de Pau les 10 et 11 mai 1996 / *Guénée B., Desplat Ch., Mironneau P.* Biarritz, 1997.
125. Les lieux de mémoire, II, La nation / *Nora P.* (dir.) Paris, 1986.
126. *Lesourd P.* Ambassade de France près de Saint-Siège sous l'ancien régime. Paris, 1924.
127. *Lesourd P.* Les ambassadeurs près le Saint-Siège membres de l'Académie française // *Revue d'histoire diplomatique*, 1924. P. 329 – 364.
128. *Lesourd P.* Les entrées des ambassadeurs de France près de Saint Siège // *Revue d'Histoire diplomatique*, 38, 1924. P. 75 – 97.
129. *Levron J.* La vie quotidienne à la cour de Versailles aux XVIIe – XVIIIe siècles. Paris, 1965.
130. L'incident diplomatique (XVIe – XVIIIe siècle) / *Bély L., Poumarède G.* (dir.) Paris, 2010.
131. L'invention de la diplomatie. Moyen-Âge – Temps Modernes / dir. *L. Bély*. Paris, 1998.
132. *Lomenech Cl.-M.* Les ambassadeurs suisses à Paris en 1663. Usages protocolaires: entre tradition et politique // *Études de lettres*, 2010 (3). P. 155 – 162.

133. *Loomie A.J.* The Conducteur des Ambassadeurs of Seventeenth Century France and Spain // *Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 53. Fasc. 2. 1975. P. 333–356.
134. *Lossky A.* Louis XIV and the French Monarchy. New Jersey, 1994.
135. Louis XIV and Europe / *Hatton R.M.* (ed.) London; Columbus, 1976.
136. Louis XIV espagnol? Madrid et Versailles, images et modèles / Ed. de la Maison des sciences de l'homme (collection "Aulica"), septembre, 2009.
137. *Luçay H. de.* Les origines du pouvoir ministériel en France : les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. Paris, 1881.
138. *Marchand J.* La vie du marquis de Torcy // *Revue d'histoire diplomatique*, 1932. P. 310 – 343; 1933. P. 51 – 76, 189 – 214.
139. *Marichal C.* La piastre ou le real de huit en Espagne et en Amérique : une monnaie universelle (XVIe – XVIIe siècles) // *Revue européenne des sciences sociales*. XLV-137 (2007). P. 107 – 121.
140. *Marin L.* Le portrait du roi. Paris, 1981.
141. *Marsy, comte de.* Réception d'ambassadeurs à Compiègne (XVe – XVIIIe siècle) // *Revue d'histoire diplomatique*, 13, 1899 (1). P. 512 – 520.
142. *Masson F.* Le département des Affaires étrangères pendant la Révolution, 1787 – 1804. Paris, 1877.
143. *Mathorez J.* Les Étrangers en France sous l'Ancien Régime. Paris, 1919 – 1921.
144. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. Baltimore, 1964.
145. *May N.F.* Les querelles de titres: une vanité? L'attribution du titre d'Altesse au duc de Longueville lors des négociations de Münster. Rang juridique et social // *Revue d'histoire diplomatique*, 2009 (3). P. 241 – 253.
146. *Mayhew N.* Sterling : The history of a Currency. London, 1999.
147. *McCabe I.B.* Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime, Oxford, New York, 2008.
148. *Michaud E.* Louis XIV et Innocent XI d'après les correspondances diplomatiques inédites du ministère des affaires étrangères de France. Paris, 1882 – 1883, 4 vol.
149. *Michaud H.* La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle (1513 – 1589). Paris, 1967.
150. *Milovanovic N.* Les Grands Appartements de Versailles sous Louis XIV. Paris, 2005.
151. *Mitford N.* The Sun King. London, 1995.
152. *Moine M.-Ch.* Les fêtes à la cour du Roi Soleil, 1653 – 1715. Paris, 1984.
153. *Moser F.* L'ambassadrice et ses droits. Berlin, 1754.
154. *Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598 – 1789. Paris, 1974.
155. *Murphy N.* Ceremonial Entries, Municipal Liberties and the Negotiation of Power in Valois France, 1328 – 1589. Leiden; Boston, 2016.
156. *Néraudau J.-P.* L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. Paris, 1986.
157. *Neveu B.* Histoire des relations diplomatiques en Europe au XVII et XVIII siècles // *Annuaire de l'École pratique des hautes études*, 1976 – 77. P. 813 – 824.
158. *Neveu B.* Jacques II, médiateur entre Louis XIV et Innocent XI // *Mélanges d'archéologie et d'histoire publiés par l'École française de Rome*, LXXIX. Paris, 1967. P. 699 – 764.
159. *Neveu B.* Louis XIV et la Papauté: Versailles, Rome et Saint-Syr, 1686 – 1693 // *Essays... in honour of R. Hatton / Schweizer K.W.* (ed.) P. 55 – 68.
160. *Neveu B.* Statut diplomatique et rôle d'un nonce apostolique en France de 1683 à 1689 // *Mélanges offerts à Pierre Andrieu-Guittancourt, L'Année canonique*, XVII, 1973.

161. *Newton W.R.* L'espace du roi. Paris, 2000.
162. *Nguyen M.-L.* Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque moderne. 1585 – 1792. Paris, 1999.
163. *Nguyen M.-L.* Les officiers de la Maison du Roi et le cérémonial public de Henri III à Louis XVI, mémoire de D.E.A., dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 1999 – 2000.
164. *Nys E.* Les origines de la diplomatie et le droit d'ambassade jusqu'à Grotius. Bruxelles, 1884.
165. *Outrey A.* Histoire et principes de l'administration française des Affaires Étrangères // *Revue française de science politique*, vol. 3, 1953, n° 2. P. 298 – 318; n° 3. P. 491 – 510; n° 4. P. 714 – 738.
166. *Outrey A.* L'Administration française des Affaires étrangères: histoire et principes. Paris, 1954.
167. *Pagès G.* L'histoire diplomatique de règne de Louis XIV // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 7, 1905 – 1906. P. 653 – 680.
168. *Pagès G.* Louis XIV et l'Allemagne (1661 – 1715). Paris, 1937.
169. Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Âge à la fin du XIXe siècle / *Andretta S., Péquignot S., Schaub M.-K., Windler Ch.* (dir.) Roma, 2010.
170. *Penz Ch.* Une ambassade marocaine à la cour de Louis XIV – 1682. Paris, 2013.
171. *Picavet C.-G.* La carrière diplomatique en France au temps de Louis XIV (1661 – 1715) // *Revue d'histoire économique et sociale*, 1923. P. 389 – 396.
172. *Picavet C.-G.* La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661 – 1715). Institutions, mœurs et coutumes. Paris, 1930.
173. *Petitfils J.-C.* Louis XIV. Paris, 1995.
174. *Piccioni C.* Les premiers commis des Affaires étrangères aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1928.
175. *Pissot N.-L.* Le cérémonial de la cour de France. Paris, 1816.
176. *Plaisant A.* Place et importance du cérémonial dans la diplomatie européenne au temps de Saint-Simon // *Cahiers Saint-Simon*, n° 39, 2011.
177. *Poisson G.* Le rôle des secrétaires-interprètes de l'ambassadeur de France à Soleure dans la seconde moitié du XVIIe siècle // *Études de lettres*, 2010 (3). P. 137 – 154.
178. *Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450 – 1800* / ed. *D. Frigo*. Cambridge, 2000.
179. *Poumadère G.* La querelle du sofa. Étude sur les rapports entre gloire et diplomatie // *Histoire, économie et société*, 2, 2001. P. 185 – 197.
180. *Queller D.E.* The Office of the Ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967.
181. *Rabin E.* Les entrées publiques des ambassadeurs de France à l'étranger sous les règnes de Louis XIV et Louis XV: éléments symboliques de la représentation diplomatique, mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2010 – 2011.
182. *Reynald H.* Louis XIV et Guillaume III. Paris, 1883.
183. *Rituale, cerimoniale, etichetta* / *Bertelli S., Crifò G.* (dir.) Milan, 1985.
184. *Roosen W.J.* How good were Louis XIV's diplomats? // *Studies in History and Politics*, 1985. P. 89 – 102.
185. *Roosen W.J.* La diplomatie du XVIIe siècle fut-elle française ou européenne? // *Revue d'histoire diplomatique*, 93, 1979. P. 5 – 15.
186. *Roosen W.J.* The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge, 1976.
187. *Roosen W.J.* The Functioning of Ambassadors under Louis XIV // *French historical Studies*, vol. 6, 1970. P. 311 – 332.

188. *Roosen W.J.* The true ambassador: occupational and personal characteristics of French ambassadors under Louis XIV // *European Studies Review*, 3, 1973. P. 121 – 139.
189. *Rott E.* Histoire de la représentation diplomatique de la France auprès des cantons suisses. Berne, 1926.
190. *Rouchon O.* Rituels publics, souveraineté et identité citadine. Les cérémonies d'entrée en Avignon (XVI – XVII siècles) // *Cahiers de la Méditerranée*, 77, 2008. P. 39 – 59.
191. *Rowen H.* The ambassador prepares for War: the Dutch embassy of Arnauld de Pomponne, 1669 – 1671. The Hague, 1957.
192. *Sabatier G.* Le prince et les art: stratégies figuratives de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Lonrai, 2010.
193. *Sabatier G.* Les itinéraires des ambassadeurs pour les audiences à Versailles au temps de Louis XIV // *Kauz R., Rota G. et Niederkorn J.P. (dir.) Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit.* Vienne, 2009. P. 187 – 211.
194. *Sabatier G.* Versailles ou la figure du roi. Paris, 1999.
195. *Samoyault J.-P.* Les bureaux du secrétariat d'État des affaires étrangères sous Louis XV: administration, personnel. Paris, 1971.
196. *Sarmant T.* Louis XIV: l'homme et le roi. Paris, 2012.
197. *Sarmant T., Stoll M.* Régner et gouverner: Louis XIV et ses ministres. Paris, 2010.
198. *Satow E.M.* A guide to diplomatic practice. Vol. 1. London, 1922.
199. *Saule B.* Insignes du pouvoir et usages de cour à Versailles sous Louis XIV // *Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles* [Online], 2005, Online since 18 July 2007, connection on 07 July 2016. URL : <http://crcv.revues.org/132>
200. *Schweizer K.W.* François de Callières (1645 – 1717): Diplomat and man of Letters. Lewiston, 1995.
201. *Seignobos Ch.* Histoire sincère de la Nation française. Paris, 1933.
202. *Seydoux M.* Les ambassades russes à la Cour de Louis XIV [d'après les documents des archives du ministère des Affaires étrangères] // *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 9, n° 2, Avril – Juin 1968. P. 235 – 244.
203. *Shefer Ch.* Histoire de l'ambassade de France près de la Porte ottomane. Paris, 1879.
204. *Solnon J.-F.* La cour de France. Paris, 1987.
205. *Sonnino P.* Louis XIV and the origins of the Dutch War. Cambridge, 1988.
206. *Sonnino P.* Louis XIV's view of the Papacy (1661 – 1667). Berkeley, Los Angeles, 1966.
207. *Stollberg-Rilinger B.* La communication symbolique à l'époque pré-moderne. Concepts, thèses, perspectives de recherche // *Trivium* [En ligne], 2008 (2), mis en ligne le 23 octobre 2008, consulté le 26 mai 2016. URL : <http://trivium.revues.org/1152>
208. *Strong R.C.* Splendor at Court: Renaissance Spectacle and the Theater of Power. Boston, 1973.
209. *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500 – 1750 / Adamson J. (dir.)* London, New York, 1999.
210. *The Royal Garden: Identity, Power and Pleasure / K. Almqvist, S. Hakelius Popova (dir.)* Stockholm, 2016.
211. *Thomson J.W., Padover S.K.* Le diplomatie secrète. L'espionnage politique en Europe de 1500 à 1815. Paris, 1938.
212. *Thuillier G.* La première école d'administration: l'académie politique de Louis XIV. Genève, 1996.

213. *Troupeau G.* Deux cents ans d'enseignement de l'arabe à l'école des langues orientales // *Chroniques yéménites* [En ligne], 1997 (4 – 5), mis en ligne le 30 août 2007, consulté le 31 août 2016. URL : <http://cy.revues.org/116>
214. *Vandal A.* Les voyages du marquis de Nointel (1670 – 1680). Paris, 1900.
215. *Van der Cruysse D.* Louis XIV et le Siam. Paris, 1991.
216. *Van der Essen L.* La diplomatie. Ses origines et son organisation jusqu'à la fin de l'Ancien Régime. Bruxelles, 1953.
217. *Vasseur S.* La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les *Mémoires* du baron de Breteuil (1699–1715), mémoire de Master 2, dir. *L. Bély*. Paris – Sorbonne, 2011–2012.
218. *Viallon M.* La salle des gardes dans les résidences royales françaises // *Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles* [En ligne], mis en ligne le 15 janvier 2013, consulté le 13 août 2016. URL : <http://crcv.revues.org/12083>
219. *Vindry F.* Les Ambassadeurs français permanents au XVIe siècle. Paris, 1903.
220. *Visceglia M.A.* Introduction. Cérémonial et politique pendant le période moderne // *Cérémonial et rituel à Rome (XVIe – XIXe siècle)* / *Visceglia M.A., Brice C.* (dir.) Roma, 1997.
221. *Voltaire.* Le Siècle de Louis XIV. T. 1. Francfort, 1753.
222. Voyageurs étrangers à la cour de France, 1589 – 1789: regards croisés / *C. Zum Kolk, J. Boutier, B. Klesmann, F. Moureau* (dir.) Rennes-Versailles, 2014.
223. *Wijffels A.* Le statut juridique des ambassadeurs d'après la doctrine du XVIe siècle // *Publications du Centre européen d'Études bourguignonnes (XIVe – XVIe siècles)*, 32, 1992. P. 127 – 142.
224. *Wolf J.B.* Louis XIV. New York, 1968.
225. *Wolf J.B.* The Reign of Louis XIV: a Selected Bibliography of Writing since the War of 1914 – 1918 // *Journal of Modern History*. XXXVI. 1964.
226. *Ziegler H.* Louis XIV et ses ennemis: images, propagande et contestation. Presses universitaires de Vincennes, 2013.
227. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012.
228. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. М., 2009.
229. *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
230. *Борисов Ю.В.* Ф. Кальер. Каким образом договариваться с государями // *Новая и новейшая история*. 2002. №5. С. 240 – 243.
231. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. *М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский*. СПб., 2010.
232. *Гуревич Я.Г.* Значение царствования Людовика XIV и его личности. СПб., 1886.
233. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. *Н.А. Хачатурян*. М.; СПб., 2001.
234. *Десимон Р.* Политический брак короля с республикой во Франции XV – XVIII вв.: функции метафоры // *Анналы на рубеже веков: антология*. М., 2002.
235. История дипломатии / под ред. *В.П. Потёмкина*. М., 1941. Т.1.
236. *Камбон Ж.* Дипломат. М., 1946.
237. *Канторович Э.Х.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М., 2005.
238. *Карев А.А.* Классицизм в русской живописи. М., 2003.
239. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
240. *Ковалев В.А.* Королевский церемониал ранних Стюартов: диссертация на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2006.

241. *Ковин В.С.* Королевский двор Якова I Стюарта: королевская спальня, ее слуги и все остальные // Королевский двор в Англии XV – XVII вв. / ред. *С.Е. Федоров*. СПб, 2011.
242. *Козандей Ф.* Церемониальная политика во Франции XVI – XVII вв. // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 239 – 251.
243. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / отв. ред. *Н.А. Хачатурян*. М., 2004.
244. *Лысяков В.Б.* Социально-политические воззрения Людовика XIV: дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 2003.
245. *Малов В.Н.* Герцог Сен-Симон. Человек и писатель // Новая и новейшая история. 2004. №4.
246. *Малов В.Н.* Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. №6.
247. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. *П.А. Гринцер*. М., 1994. С. 326 – 391.
248. *Монкло Ж.-М. П.* Версаль. М., 2001.
249. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 85 – 222.
250. *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. М., 2008.
251. *Никольсон Г.* Дипломатическое искусство. М., 1962.
252. *Никольсон Г.* Дипломатия. М., 1941.
253. *Савин А.Н.* Век Людовика XIV. М., 1930.
254. Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / отв. ред. *Н.А. Хачатурян*. М., 2006.
255. *Сидоренко М.А.* Опала Николя Фуке как акт репрезентативной политики Людовика XIV // Вестник Томского государственного университета. 2013. №336. С. 87 – 90.
256. *Сидоренко М.А.* Репрезентативный образ Людовика XIV в творчестве Мольера // Идеи и идеалы. 2013. №2 (16). Т. 2. С. 86 – 94.
257. *Сидоренко М.А.* Эволюция форм репрезентации королевской власти во Франции: на материале придворного балета Людовика XIV: дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Томск, 2013.
258. *Соколов А.Б.* Культура придворного общества при Людовике XIV: точка зрения А.Н. Савина // Ярославский педагогический вестник, 2015, №3. С. 284 – 290.
259. *Трачевский А.С.* Международная политика в эпоху Людовика XIV // Журнал министерства народного просвещения. 1888. №№ 1 – 2.
260. Франция и Россия: век XVII / отв. ред. *К.Ю. Кашлявик*. Нижний Новгород, 2016.
261. *Хачатурян Н.А.* Тема королевского двора в российской медиевистике // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 8 – 26.
262. *Цатурова С.К.* Долгий путь к Версалью. Трансформации французского двора в XIII - XV веках // Французский ежегодник (2014). Т. 1. М., 2014. С. 62 – 91.
263. *Шишкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI – XVII вв. СПб., 2004.
264. *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002.
265. *Эрланже Ф.* Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558 – 1715 гг. Смоленск, 2005.

Справочная литература

1. *Chevalier J., Gheerbrant A.* Dictionnaire des symboles. Paris, 1982.
2. Dictionnaire de l'Ancien Régime / *Bély L.* (dir.) Paris, 2002.
3. Dictionnaire des ministres des Affaires étrangères. Paris, 2005.
4. Dictionnaire du Grand Siècle / *Bluche F.* (dir.) Paris, 2005.
5. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
6. *Вуд Дж., Серре Ж.* Дипломатический церемониал и протокол. М., 1976.
7. Дипломатический словарь / ред. *А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский.* М, 1948.
8. *Квасов О.Е.* Протокол и этикет: дипломатический, деловой, общегражданский. Учебное пособие. М., 2011.
9. *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. Учебник для вузов. М., 2007.
10. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М., 2008.
11. *Почетцов Г.Г.* Семиотика. М., 2002.
12. Энциклопедический словарь *Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А.* СПб., 1890 – 1907.